

БАКИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЦЕНТР МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
BAKU INTERNATIONAL MULTICULTURALISM CENTRE

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

№ 3

БАКИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЦЕНТР МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
BAKU INTERNATIONAL MULTICULTURALISM CENTRE

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

№ 3

БАКУ 2022

Этнокультурное наследие Кавказской Албании (сборник статей), № 3.
Баку, 2022, 180 стр.

Главный редактор: **Камал Абдуллаев,**
*председатель Попечительного Совета Бакинского
Международного Центра Мультикультурализма,
ректор Азербайджанского университета языков,
Народный писатель, академик*

Научные редакторы: **Керим Шукуров,**
*Генеральный директор Института истории
им. А.А.Бакиханова НАНА, доктор исторических наук, профессор*

Наджаф Мусеибли,
*заведующий отделом «Этноархеология»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор исторических наук, профессор*

Ульвия Гаджиева,
*ведущий научный сотрудник отдела «Этноархеология»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории*

Ответственный за проект: **Раван Гасанов,**
*исполнительный директор Бакинского Международного
Центра Мультикультурализма*

Представленный вниманию читателей третий номер журнала «Этнокультурное наследие Кавказской Албании» посвящён памяти выдающегося азербайджанского учёного, кавказоведа-албаниста, историка, источниковеда, член-корреспондента Национальной Академии Наук Азербайджана Фариды Джафар Ага гызы Мамедовой. В сборник включены статьи, в которых исследованы некоторые проблемные вопросы албановедения в области археологии, антропологии, истории, источниковедения, этнологии, эпиграфики, лингвистики, нумизматики, архитектуры. Издание предназначено для представителей научной общественности и всех, интересующихся Кавказской Албанией (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.) и албанским этнокультурным наследием в прошлом и настоящем.

ISBN 978-9952-8461-2-6

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
ФАРИДЫ ДЖАФАР АГА ГЫЗЫ МАМЕДОВОЙ**

выдающегося азербайджанского учёного, кавказоведа-албаниста, историка, источниковеда, член-корреспондента Национальной Академии Наук Азербайджана, академика Азербайджанской Национальной Академии Творчества, заслуженного деятеля науки Азербайджана, лауреата Государственной премии Азербайджанской Республики, кавалера ордена "Славы", обладателя "Золотого пера" и медалей имени Ю.Мамедалиева, Низами, Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, заведующего отделом «Историческая география и демография Азербайджана» Института истории имени А.А.Бакиханова НАНА, доктора исторических наук, профессора

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
--------------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

ГАДЖИЕВА У., НАСИРОВА Л. Путь истины и чести	9
---	---

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

МУСЕИБЛИ Н., АХУНДОВА Г. К вопросу о предыстории Албанского государства	22
--	----

ДЖАБИЕВ Г., КВОН ОЮНГ, КИМ ДЖОНГИЛ, НАДЖАФОВА И.М., АББАСОВА Э., СОН ДЖАЕХЬЮН. Некоторые итоги исследований Азербайджано–Корейской Габалинской международной археологической экспедиции	30
--	----

АЛИЕВ Т. Крест – символ христианства в албанском культовом наследии	40
--	----

АЛИЕВ Т. Памятники Кавказской Албании в селе Зарна	49
---	----

АСАДОВ В., АГАЛАРЗАДЕ А. Об одной группе кувшинных погребений античного периода	54
--	----

ГУЛИЕВ А. Имишлинский клад: денежное обращение в Азербайджане в древний период.....	60
--	----

КИРИЧЕНКО Д. История физической антропологии Азербайджана	66
--	----

САФАРОВА У. Овальные сооружения античной Габалы	73
--	----

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭПИГРАФИКА, ЛИНГВИСТИКА

ШУКУРОВ К. К истории албанистики (Кавказ)	81
АСАДОВ Ф. Новая книга о Кавказской Албании: Никоноров, Игумен Алексей. История Церкви Кавказской Албании по Моисею Каланкатуйскому	91
ГОШГАРЛЫ Г. Ещё раз о каспиях	104
ДАНАКАРИ Р., МОБИЛИ Р. Постсоветские общества и мир повседневности удин: особенности формирования национального самосознания	107
ЛОЛУА Р. Кавказско-албанская эпиграфика и знаки албанского письма на оборонительных стенах г.Дербента	115
МЕЛИКОВ Р. Страна маскутов	124
НИКОНОВ, Архимандрит Алексей. Христианизация Кавказской Албании в контексте религиозных реформ Сасанидского Ирана	131
ОТЬЕ ЖИЛЬ. Различия и сходства между удино-албанским и родственными языками	137
ПАШАЕВА М. Следы древнетюркских традиций в труде «Истории албан» Моисея Каланкатуйского	142
САФАРОВ Р. Интерпретация новых дополнительных данных в свете исторической географии Сюнии	150

АРХИТЕКТУРА

ГАДЖИЕВА С. Христианская архитектура Карабаха – к вопросу о фальсификации албанского наследия	162
ГАРАБАГЛЫ Р., ГАСАНЗАДЕ Л. Проблемы функционирования, перспективы и градостроительства Шуши	169
ЗАММАТТЕО П. Художественная и культурная перспектива монастыря Дадиданка /Худавенка (Кельбаджара)	173
МАМЕДОВА З. Монастырские комплексы Карабахского региона	176

ПРЕДИСЛОВИЕ

Азербайджанская Республика является правопреемником всего мусульманского и христианского этнокультурного наследия на своей территории. Мультикультурализм лежит в основе всех этнополитических и этноконфессиональных взаимоотношений в нашей поликонфессиональной и многоэтнической Стране.

Именно мультикультурализм позволил в 2020 г. с чувством высочайшего патриотизма сплотиться всем этносам и конфессиям Азербайджана, поддерживаемых азербайджанской диаспорой в Европе и США, в единый железный кулак вокруг Президента Азербайджана и Доблестного Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Ильхама Алиева, который во главе победоносной Азербайджанской армии в течение 44 дней (27 сентября – 10 ноября) освободил районы: Джебраильский с г.Джебраил (04.10.2020), Физулинский с г.Физули (17.10.2020), Зангиланский с г.Зангилан (20.10.2020), Губадлинский с г.Губадлы (25.10.2020), ряд сёл Ходжалинского и Ходжавендского районов, г.Гадрут (09.10.2020) и жемчужину Гарабаха – город Шушу (08.11.2020).

В результате этих побед было подписано трёхстороннее заявление между Азербайджаном, Россией и Арменией от 10 ноября 2020 года, согласно которому Азербайджану были возвращены районы: Агдамский с г.Агдам (20.11.2020), Кельбаджарский с г.Кельбаджар (25.11.2020), Лачинский с г.Лачин (01.12.2020), а также де-юре часть Ходжавендского и Ходжалинского (10.11.2020). Этой Победой Азербайджан положил конец 30-летней оккупации и восстановил государственные границы.

В 2022 году в ответ на военные провокации, совершенные армянами в Карабахе, в результате операции возмездия «Мечь», проведенной подразделениями Азербайджанской армии были освобождены высота Гырхгыз, расположенная в горном массиве, охватывающем территорию Кельбаджарского и Лачинского районов, а также высота Сарыбаба Карабахского хребта Малого Кавказа и гора Бухдуз с высотами в её окрестности. Призывники из Армении, а также армяне из Сирии и Ливии были выселены из города Лачина, сёл Забух и Сус, перешедших под контроль Азербайджана.

Вечная память всем нашим Шехидам, павшим в борьбе за освобождение Азербайджана.

Эта Великая Победа дала возможность Азербайджану для восстановления экономического, экологического, научного и культурного потенциала Карабаха, Восточного Зангезура и региона в целом.

Целая плеяда выдающихся азербайджанских учёных на протяжении второй половины XX – начала XXI вв. стояла у истоков формирования и развития албановедения, в частности такие, как академик Зия Буниятов, академик Играр Алиев, член-корр. НАНА, проф. Фарид Мамедова, член-корр. НАНА Ильяс Бабаев, доктор истор. наук, проф. Зелик Ямпольский,

доктор архитектуры, проф. Давуд Ахундов, доктор архитектуры, проф. Гольчохра Мамедова, доктор филол. наук Г.Ворошил, доктор истор. наук, проф. Джаббар Халилов, доктор философии Фазил Османов, доктор философии, доцент Фарда Асадов, доктор философии, доцент Гошгар Гошкарлы, доктор философии, доцент Таваккюль Алиев и другие.

Проблемы, поставленные в монографии З.Буниятова «Азербайджан в VII–IX вв.», послужили в дальнейшем темами исследований в научных трудах С.Ашурбейли, Ф.Мамедовой, М.Шарифли, В.Бейлис, А.Новосельцева, Н.Велиханлы.

Они все своими бесценными трудами доказали неправомочность и антинаучность армянских концепций относительно исторических земель Азербайджана.

Немало проблемных вопросов в албанистике ещё требует своего тщательного изучения. Их исследования возможны благодаря дальнейшим изысканиям в области археологии, антропологии, истории, источниковедения, этнологии, эпиграфики, лингвистики, нумизматики, архитектуры, искусства.

Освобождение Карабаха от армянских оккупантов даёт новые перспективные возможности учёным как отечественным, так и зарубежным посетить этот край и провести археологические изыскания, обследовать сохранившиеся памятники мусульманского зодчества и албанские христианские храмы. Появилось широкое поле для научной деятельности археологов, историков, архитекторов, искусствоведов и других учёных.

После объявления жемчужины Карабаха – города Шуши культурной столицей Азербайджана за период 2021–2022 гг. здесь был проведён ряд важных мероприятий, который продемонстрировал всему миру, что Азербайджан идёт по пути научной просвещённости, мультикультурализма и великого созидания. Некоторые из этих мероприятий следует особо отметить.

12–13 мая 2021 года Фондом Гейдара Алиева был организован международный музыкальный фестиваль «Хары-бюльбюль», посвященный памяти шехидов, на котором участвовали Президент Азербайджана и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Ильхам Алиев, Первый Вице-президент и Первая леди Мехрибан Алиева.

15 июня 2021 года Президент Азербайджана Ильхам Алиев и Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган в рамках официального двухдневного визита главы Турции в Азербайджан подписали Шушинскую декларацию (*Müttəfiqlik Haqqında Şuşa Bəyannaməsi / İttifaklık Hakkında Şuşa Beyannamesi*) по широкому спектру двустороннего сотрудничества. 1 февраля 2022 года Шушинская декларация была утверждена парламентом Азербайджана, а через два дня декларацию ратифицировал парламент Турции.

30–31 августа 2021 года впервые после освобождения города Шуша от оккупации Фонд Гейдара Алиева организовал Дни поэзии Вагифа, имеющие 39-летнюю историю. Президент Ильхам Алиев и Первая леди Мехрибан Алиева приняли участие в официальном открытии Дней поэзии Вагифа, в рамках которого были организованы выставки «Карабах – жемчужина азербайджанской культуры», «Вновь в родной стране: жемчужины искусства Карабаха», «Память. Фотографическая история». На выставках экспонировались картины Боюкаги Мирзазаде, Тогрула Нариманбекова, Марал Рахманзаде, Надира Абдуррахманова, Микаила Абдуллаева, Уджала Хагвердиева, Мусеиба Амирова, а также Алтая Гаджиева «Меджлиси-унс», Саттара Бахлулзаде «Юхары Дашалты», Инны Костиной «Богатство Карабаха», Лейлы Алиевой «Хары-бюльбюль», скульптурные произведения Фаига Гаджиева «Карабахский скакун», Орхана Набизаде «Карабахская красавица» и другие произведения.

На выставке «Снова в родном краю. Жемчужины искусства Карабаха» в Галерее ковроткачества в Шуше были показаны образцы ковров из коллекции Национального музея истории Азербайджана, среди которых относящиеся к различным регионам карабахские ковры, высоко ценившиеся на протяжении веков и входящие в число уникальных экспонатов зарубежных музеев и личных коллекций. Здесь также экспонировались ковровые изделия, национальная вышивка и костюмы, художественные образцы работы по металлу.

Фотовыставка «Память. Фотографическая история» включала в себя информацию о древней истории, богатой культуре, живописной природе, традициях Азербайджана; а также фотографии, запечатлевшие зверства и разрушения, совершенные армянами в освобожденных от оккупации районах и городах, отражающие преступления, совершенные Арменией против мирного населения во время Отечественной войны 2020 года.

31 августа в рамках Дней поэзии Вагифа был проведён симпозиум, состоялись выступления народных поэтов, мастеров слова среднего и младшего поколения, исполнителей мугама, была представлена поэтическая композиция «От Низами до Вагифа».

В связи с объявлением 2022 года «Годом города Шуша» Кабинет министров Азербайджана утвердил план мероприятий, который включает 35 пунктов, касающихся культурной и спортивной сфер.

12–14 мая 2022 года в Шуше был проведён пятый по счёту международный фольклорный фестиваль «Хары-бюльбюль», организованный Министерством культуры, Фондом Гейдара Алиева и Управлением государственного заповедника города Шуши.

1 июня 2022 г. состоялся итоговый концерт республиканского конкурса-фестиваля искусств среди школьников «Könlüm keçir Qarabağdan», посвященного «Году Шуши», который совпал с Международным днём защиты детей. Это первое республиканское дет-

ское мероприятие, организованное Министерством образования при партнерстве Министерства культуры и Управления государственного заповедника Шуши, проведенное после освобождения Шуши от оккупации.

Большое значение имеет проведение таких мероприятий, как «Дни поэзии Бюльбюля» (в июле), финальный этап и гала-концерт победителей «Телевизионного конкурса мугама-2022» (в июле-августе), ряд мероприятий, посвященных 190-летию Хуршудбану Натаван (в августе); турнир по човгану (в апреле-августе), Шушинский международный велосипедный турнир (в мае-октябре), международный скаутский лагерь Wonderland-Azerbaijan 2022 (в августе), в июле-ноябре 2022 года – «Шушинская ассамблея» городов стран-членов Движения неприсоединения. Для участия во всех этих мероприятиях приглашены азербайджанские и зарубежные музыканты, художники, писатели и спортсмены. В течение 2022 года реализуется проект «Шушинская творческая мастерская». Будут введены в оборот три почтовые марки и почтовых конверта на тему «270 лет Шуше» и «Хуршудбану Натаван – 190 лет».

Город Шуша объявлен культурной столицей тюркского мира 2023 года на заседании Постоянного совета Международной организации тюркской культуры – ТЮРКСОЙ в городе Бурса.

Политика толерантности, высокого уважения всех этносов и субэтносов, проживающих в Азербайджане, к вековым обычаям, традициям и обрядам, к культурному достоянию каждого из них и ко всем этносам мира, создают благоприятную этнополитическую среду в Азербайджане и могут служить образцом подражания для многих стран мира.

Бакинским Международным Центром Мультикультурализма со дня его основания осуществляется большая всесторонняя культурно-просветительская и научная деятельность, общественная значимость которой заключается в высокой гражданственности, направленной на развитие и охрану мультикультуральных ценностей между всеми этносами и субэтносами Азербайджанской Республики. Одним из научных направлений Бакинского Международного Центра Мультикультурализма является развитие албанистики, для реализации которого были проведены международные конференции, семинары, опубликованы ценные монографии, осуществлён перевод на английский язык монографии Ф.Мамедовой «Кавказская Албания и албаны» (2021). На трёх языках издаётся журнал «Этнокультурное наследие Кавказской Албании» (№1, 2019; №2, 2021; №3, 2022), позволяющий объединить научные исследования отечественных и зарубежных учёных (из Грузии, России, США, Норвегии, Японии, Кореи, Англии, Франции, Италии) в области археологии, антропологии, истории, источниковедения, этнологии, эпиграфики, лингвистики, архитектуры, искусства, нумизматики.

Академик Камал Абдуллаев

ВВЕДЕНИЕ

Гаджиева Ульвия

*Научный редактор журнала «Этнокультурное наследие Кавказской Албании»,
ведущий научный сотрудник отдела «Этноархеология» Института археологии,
этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории*

Насирова Лала

*Научный сотрудник отдела «Свод археологических памятников Азербайджана»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА*

**«Господь мой, Ты введи меня вратами истины и чести,
И выведи меня вратами истины и чести».**

**«Явилась Истина, и Ложь исчезла,
Ведь ложь обречена на исчезанье»**

Коран, сура 17, аят 80-81

ПУТЬ ИСТИНЫ И ЧЕСТИ

Мамедова Фарида Джафар Ага гызы, член-корреспондент Национальной Академии Наук Азербайджана (2001), Академик Азербайджанской Национальной Академии Творчества (1991), заслуженный деятель науки Азербайджана (1990), лауреат Государственной премии Азербайджанской Республики (1991), кавалер ордена “Славы” (2004), обладатель “Золотого пера” и медалей имени Ю.Мамедалиева, Низами, Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, заведующий отделом «Историческая география и демография Азербайджана» Института истории имени А.А.Бакиханова НАНА, доктор исторических наук (1993), профессор является ярким представителем эпохи выдающихся личностей Азербайджана XX – начала XXI веков, в которой во главе с Общенациональным Лидером Гейдаром Алиевым интеллектуальная элита страны – видные учёные, архитекторы, скульпторы, композиторы, музыканты, художники, поэты, певцы создала крае-

угольный камень богатейшего научно-технического, общественно-гуманитарного и культурного наследия в мощном фундаменте Азербайджанской государственности. Внутренним духовным и интеллектуальным стержнем этого поколения были честь и достоинство, принципиальность, созидательность, вера в светлые идеалы, высокий патриотизм и гражданский долг.

Мамедова Фарида Джафар Ага гызы родилась в 1936 г. в Али-Байрамлах в интеллигентной семье: её отец Джафар Ага был из известного сеидского рода ахунда Аги Гусейна из Сальян, а мать Сара Гасым-бек гызы из карабахского бекского рода Ширинбековых. Закончив Бакинскую женскую школу №189 и исторический факультет Бакинского Государственного Университета, Ф.Мамедова в 1960 г. поступила на работу в Институт истории имени А.А.Бакиханова АН Азербайджана.

*отец Джафар Ага Мамедов,
мать Сара Гасым-бек гызы Ширинбекова*

Ленинград 1968 (из архива Ф.Мамедовой)

Ленинград. Всесоюзная конференция востоковедов. 60-е гг.: 1 ряд снизу – И.М.Дьяконов; 2 ряд – слева направо – Тофиг Мамедов (5), Абдулла Фазили (6), Юсиф Юсифов (9), Солмаз Кашкай (11), Фарида Мамедова (12), Играр Алиев (13); 3 ряд – справа налево – М.А.Дамдамаев (5), Кямал Алиев (6)

Здесь она познакомилась с видными азербайджанскими учёными, вставшими у истоков формирования отечественной науки такими, как историк Алиовсат Гулиев (1922–1969: директор Института истории АН Аз.ССР в 1952–1958, 1967–1969 гг., член-корр. АН Аз.ССР с 1968 г.), востоковед Зия Буниятов (1921–1997: академик АН Аз.ССР с 1978 г., член-корр. АН СССР с 1987 г., директор Института востоковедения АН Аз.ССР в 1988–1997 гг., вице-президент АН с 1990 г., депутат Милли Меджиса с 1995 г.), историк Играр Алиев (1924–2004: директор Института истории АН Аз.ССР в 1978–2004 гг., академик АН Аз.ССР с 2001 г.), эпиграфист Мешедиханум Нейматова (1924–2016: член-корр. НАНА с

2001 г.), археолог Идеал Нариманов (1927–2006: член-корр. НАНА с 2001 г.), д.и.н. Сара Ашурбейли (1906–2001), д.и.н., проф. Мамедали Шарифли (1909–1969), д.и.н., проф. Зелик Ямпольский (1911–1981), доктор архитектуры, проф. Давуд Ахундов (1918–2003), доктор филол. наук Г.Ворошил (1932–1986), археолог, д.и.н., проф. Джаббар Халилов (1928–1994), этнограф, д.и.н., проф. Ариф Мустафаев (1938) и др.

Алиовсат Гулиев, Зия Буниятов и Зелик Ямпольский направили Ф.Мамедову в Ленинград в Институт востоковедения на учебу в аспирантуру в 1964–1969 гг. для изучения древних языков. Именно З.И.Ямпольский вписал в документы грабар наряду с пехвели, фарси, древнегрузинским, объяснив, что грабар будет главным в её будущих исследованиях, и это напутствие оказалось пророческим.

Аспирантские годы в Ленинграде под руководством таких известных российских учёных, как И.М.Дьяконов, М.Дандамаев, К.В.Тревер и других стали подлинной научной школой в формировании Ф.Мамедовой как учёного-кавказоведа, албаниста, источникововеда. Суровый климат Ленинграда, строгий академизм научной атмосферы и дух просвещенности корифеев советской науки стали школой профессионализма и научной закалки Ф.Мамедовой. Здесь она познакомилась с арменоведами акад. С.Т.Еремянном, А.Периханяном, К.Н.Юзбашьяном (преподававшего ей грабар), благодаря которым Ф.Мамедова осознала, как была создана армянская псевдонаучная концепция относительно земель правобережья Куры и множество карт Армении, а также стала лучшим специалистом в области изучения истории армянского народа.

В трудные советские годы 60–80 гг. XX в. в советской кавказоведческой историографии главные позиции занимала арменистика. Любые исследования по Кавказской Албании не должны были противоречить армянским концепциям принадлежности албанского наследия истории армян. Албановедение имело очень сложную судьбу потому, что находилось в полном плену советского армяноведения. Все проблемы и сложные дискуссии решались в научных кулуарах Москвы и Ленинграда, во главе которых стояли крупные известные своим большим авторитетом за рубежом арменисты Советского Союза. Научные диссертации азербайджанских учёных должны были получать подтверждения только в Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) в Москве.

Темой своего исследования Ф.Мамедова взяла Кавказскую Албанию, о которой в те годы было мало изучено в исторической науке Азербайджана. Для её пытливого ума было непонятно, почему одно из древних государств Азербайджана находилось под пристальным надзором армянских историков, считавших

её частью истории Армении. Изучение грабара, пехлеви, фарси, древнегрузинского языков дало мощную базу научной эрудиции для работы с письменными источниками на этих языках.

В 1965 г. вышла монументальная книга Зии Буниятова «Азербайджан в VII–IX вв.», за которую в 1967 г. он был избран член-корр. Академии наук Азербайджана. Еще в 1964 г. З.Буниятов опубликовал собранный обзор арабских источников IX–XVIII вв. (более 100 наименований) по истории Азербайджана, которые стали доступны учёным. Скрупулезно проанализировав массу источников на персидском, древнеармянском, грузинском и арабском языках, З.Буниятов в своем труде «Азербайджан в VII–IX вв.» объективно показал доарабский, познесасанидский период страны, ее социально-экономическое и политическое положение накануне, в период и после арабского завоевания. Как отмечал немецкий востоковед Б.Шпулер, «собранный в данной книге с большой тщательностью материал на долгое время останется образцом квалифицированного отображения важного периода раннеисламской истории страны» [Der Islam, Bd43, Heft, 3, 1967, p.321-322].

В этом труде впервые в историографии была дана правильная оценка: 1) политического значения Албании, занимавшей особое место в составе Сасанидской империи в силу своего стратегического положения; 2) нашествий хазар на Албанию; 3) персидско-византийским войнам, в которые была вовлечена Албания; 4) конфессиональной позиции Албанской Апостольской церкви; деятельности албанских правителей Ваче и Вачагана III; политической и конфессиональной деятельности албанского католика Виро, созвавшего Агуэнский собор, антисасанидского восстания 603–604 гг.; исторической значимости деятельности великого князя Джеваншира; 5) значимости албанской культуры и албанской литературной традиции; албанского языка, который судя по сведениям арабских источников X в., сохранялся и в послерабский период; в труде также даны попытки раскрыть причины исчезновения албанского языка; 6) процессам исламизации и григорианизации населения Албании с приходом арабов. В указанной работе нашли отражения сведения об административно-налоговой политике арабов на завоеванных землях, поземельные отношения, система управления, города, торговля и торговые пути, дана информация о феодальных владениях, возникших на ее территории во второй половине IX в., о движении хуррамитов во главе с Бабеком.

*Ленинград. Институт Востоковедения. 60-е гг.:
слева направо – нижний ряд – Абдулла Фазили,
Фарида Мамедова, академик Иггар Алиев,
Солмаз Кашкай, Юсиф Юсифов;
– верхний ряд – Тофиг Мамедов, Кямал Алиев*

*Защита кандидатской диссертации:
справа налево – Фарида Мамедова,
д.и.н., проф. Зелик Ямпольский, Солмаз Кашкай*

На конференциях

Как отмечала Ф.Мамедова, З.Буниятов в монографии «Азербайджан в VII–IX вв.» впервые в науке верно осветил историю албанской идеологии – хри-

стианства, Албанской церкви, ее структуры, албанской литературы, показал ту роль, которую сыграла Армянская григорианская церковь в ущемлении прав и ликвидации самостоятельности Албанской церкви, что положило начало длительной борьбе между католикосатами этих двух Церквей. Здесь показаны объективные и субъективные причины исчезновения албанского языка, культуры, албанского этноса [Мамедова, 1986, с.65-67].

Юбилей Г.Ворошила. с.Нидж. 1992

Проблемы, поставленные в этой монографии З.Буниятова, послужили в дальнейшем темами исследований в научных трудах С.Ашурбейли, М.Шарифли, В.Бейлис, А.Новосельцева, Ф.Мамедовой, Н.Велиханлы и др.

Будучи в аспирантуре, Ф.Мамедова была свидетелем того, как сразу после издания «Азербайджан в VII–IX вв.» армянские учёные уговаривали всю ленинградскую профессуру не допускать З.Буниятова в рукописные фонды Ленинграда и Москвы и опровергнуть все его исследования. Однако в ответ они слышали лишь одно – З.М.Буниятов безупречен в арабистике и опровергнуть его аргументы невозможно. Спустя некоторое время её педагог грабара К.Н.Юзбашьян вернулся из Еревана и радостно сообщил Ф.Мамедовой, что в Ереване в высшем руководстве в ответ на эту книгу принято решение об отторжении Карабаха. Тогда в далёкие 60-е гг. годы это было настолько непонятно никому, однако стало очевидно в конце 80-х гг., когда в Карабахе начались митинги и кровавые события первой Карабахской войны.

Возвращаясь к творческому пути Ф.Мамедовой, следует отметить, что одной из её главных заслуг

историографии является то, что она наравне с академиком З.М.Буниятовым (автора 450 научных трудов), которого она считала своим учителем, и д.и.н. З.Ямпольским, издавшем первые исследования об Албании (в 1949, 1952, 1954–1955, 1958, 1961–1962 гг.), встала у истоков развития албановедения, как составной части азербайджанской исторической науки.

С 60-х гг. XX в. албановедение получило своё развитие в лице национальной плеяды таких ученых, как Зелик Ямпольский, Г.Ворошил, Салех Казиев, Давуд Агаев, Гюльчохра Мамедова, Ильяс Бабаев, Кямал Алиев, Тофиг Мамедов, Джаббар Халилов, Гошгар Гошкарлы, Таваккюль Алиев, Фарда Асадов, Рауф Меликов, Юнис Насибов, Вагиф Пириев и др. Они все своими трудами доказали неправомерность и антинаучность армянских концепций относительно исторических земель Азербайджана.

Всю свою жизнь Ф.Мамедова исследовала Кавказскую Албанию, которая интерпретировалась, как часть истории Армении и претерпела армянскую редакцию в переводах источников.

Её кандидатская диссертация «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании», изданная монографией, была посвящена исследованию социально-экономической и политической структуре Албании V–VIII вв., выявлению генеалогии рукописей «Истории албан», их редакций, установлению рукописной основы всех изданий; а также изучению значений социальных терминов, форм землевладения и землепользования, социального и правового положения знати, албанского духовенства; института местничества, вассалитета, иерархии и албанского канонического права [Мамедова, 1977].

Одним из оппонентов был академик С.Т.Еремян, долго не дававший положительную рецензию, из-за которой Ф.Мамедова не раз ездила в Ереван. Наконец отдав рецензию с множеством замечаний, С.Т.Еремян сказал, что делает это при одном условии, что она никогда не будет заниматься вопросами политической истории, исторической географии Албании и истории Албанской церкви.

Запрет на эти исследования свидетельствовал о значимости данных вопросов в историографии, и по возвращении из Еревана Ф.Мамедова занялась изучением именно этих проблем. Она поставила цель – доказать принадлежность албанской культуры к истории Азербайджана и вырвать из плена арменистики, что представлялось недостижимой целью. Обладавшая мощной научной эрудицией, колоссальной энергией духа, она годами скрупулезно изучала письменные источники и делала их сравнительный сопоставительный анализ. Ею была создана научная концепция, которая исторически верно отражала Кавказскую Алба-

нию, в корне уничтожающая все существующие тогда армянские модели и псевдонаучные теории.

В 1986 г. была опубликована монография «Политическая история и историческая география Кавказской Албании», ставшая её докторской диссертацией. На основе античных и средневековых источников были освещены вопросы общественно-политической, социально-экономической жизни, идеологии и культуры Азербайджана периода античности и раннего средневековья; политико-административная структура, этнические и политические границы (III в. до н.э. – VIII в. н.э.), преемственность правителей страны (I – начало VIII вв.), становление Албанской Апостольской церкви, албанской историко-литературной традиции, причины деэтнизации албан [Мамедова, 1986].

Для утверждения диплома Ф.Мамедова вместе с учёным секретарем Института истории к.и.н. Вагифом Пириевым и к.и.н. Гошгаром Гошгарлы поехала в Москву в ВАК. После многочасового опроса по всем поставленным в диссертации вопросам, ей было отказано в утверждении с ссылкой, что диссертация будет отправлена на дополнительную рецензию в связи с тем, что эта работа разжигает межнациональные столкновения между армянами и азербайджанцами. Далее последовала длительная переписка Института истории АН Азербайджана с Москвой, т.к. ВАК категорически не желал утверждать диплом, научно не обосновывая ничем.

В 1992 г. делегация азербайджанских учёных во главе с академиком З.М.Буниятовым в с.Нидж провела научный симпозиум, посвященный 60-летию Г.Ворошила (1932–1986). Следует отметить, что 9 января 2022 г. исполнился 90-летний юбилей со дня рождения учёного.

Приобретение Азербайджаном независимости позволило созданию Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики, председатель которой академик А.Х.Мирзаджанзаде 19 февраля 1993 г. вручил Ф.Мамедовой диплом доктора исторических наук под № 0101.

Это означало, что албановедение обрело своё юридическое право на утверждение исследований этнокультурного наследия Кавказской Албании, став самостоятельной областью исторической науки. Албановедение во главе с Ф.Мамедовой разделило научный мир на противников и сторонников продвигаемой ею научной концепцией.

Шесть международных конференций по различным проблемам албанистики, которые проф. Ф.Мамедова организовала и провела в Азербайджане и за рубежом за годы обретения независимости Республики, высоко поднимали престиж Страны и азербайджанской исторической науки.

На конференциях

Тур Хейердал с участниками археологической экспедиции

Кишский храм до и после реставрации

Церковь Св.Елисея (Джотари) (1723–1726)

Тур Хейердал, Георги/Жора Кечаари. с.Нидж. 2000

Освящение церкви Св.Елисея (Джотари) в с.Нидж епископом Бакинским и Прикаспийским Александром

В 1998 г. в Баку в «Западном Университете» проф. Ф.Мамедова провела международную конференцию на тему «Азербайджанское национальное самосознание и этапы его проявления» и участвовала в 2002 г. в издании гендерной программы с темой «Женщины в истории Азербайджана» (с древности до XX в.).

В 2000–2003 гг. она была директором «Центра Исследования Кавказской Албании» и организовала в Баку 2 Международные конференции и один семинар, материалы которых были изданы в двух журналах (The History of the Caucasus. The scientific-public almanac.

The Caucasus Albanian research center. Issue №1, 2001; №2, 2002).

Проф. Ф.Мамедова участвовала в реализации проектов по реставрации албанской церкви I в. св.Елисея в селе Киш (Гис) в Шекинском районе и удинской церкви XVIII в. Св.Елисея (Джотари) в селе Нидж.

В 2000–2003 гг. Общенациональный Лидер Гейдар Алиев оказал поддержку в реализации азербайджанско-норвежского проекта «Киш».

В нём участвовали архитекторы Азербайджанского Университета архитектуры и строительства под руководством доктора архит., проф. Гюльчохры Мамедовой (С.Гаджиева и др.), археологи Института Археологии и Этнографии НАНА (В.Керимов, А.Карахмедова и др.), норвежские учёные Б.Стурфиел, С.Стурфиел, Тур Хейердал, поддерживаемые Норвежским Королевством и Обществом «Норвежская гуманитарная помощь». В связи с проектом следует отметить деятельность композитора Галиба Мамедова в качестве консультанта с азербайджанской стороны по вопросам культуры и реставрации с Норвежским Гуманитарным обществом, создание им прекрасной музыки «Албанская оратория», а также художника Намика Мамедова, написавшего картины к «Албанской оратории», которые имели большой успех в Европе.

Были проведены археологические и реставрационные работы Кишской церкви. В ходе раскопок на территории храма и внутри него было выявлено, что здесь осуществляли культовые обряды, начиная с III тыс. до н.э., и посему св.Елисей посетил его и заложил основу всех албанских христианских церквей. Тщательное изучение раскопочного материала позволило выявить неоднократные перестройки Кишского храма: лучше всего сохранилась часть древнего фундамента (II–I вв. до н.э.), на котором был построено небольшое культовое сооружение. Датировка подтверждается бытовой керамикой II в. до н.э. – II в. н.э. На нижнем древнем фундаменте стоит существующая часть Кишского храма I–III вв. н.э. [Мамедова Г., 2001, с.33-36; Мамедова Г., 2002, с.41-49; Гошкарлы, 2002, с.54-56; Керимов, 2002, с.101-107; Керимов, Стурфиел, 2003].

В 2000 г. Тур Хейердал посетил с.Нидж и ознакомился с церковью Св.Елисея (Джотари) (1723–1726) до его реставрации. В 2006 г. при участии правительственных чиновников, научных деятелей, азербайджанской и удинской общественности было осуществлено торжественное мероприятие открытия и освящение церкви Св.Елисея (Джотари) в с.Нидж епископом Бакинским и Прикаспийским Александром.

На протяжении лет Ф.Мамедова поддерживала связь с удиными Азербайджана, возглавляемыми Георги/Жорой Кечаари, была научным руководителем Зураба Кананчева, который был и остается её верным

учеником. Будучи одним из учредителей Центра Исследования Кавказской Албании, как представитель удинской общины З.Кананчев в 2002 г. вручил албанский крест Папе Римскому Иоанну Павлу II, приехавшему в Баку по приглашению Общенационального Лидера Гейдара Алиева. В период 2003–2005 гг. он был вице-президентом Албано-удинской христианской общины.

Докторант Института византистики Университета Вены, соискатель в Институте Востоковедения РАН с 2012 г. З.Кананчев является директором Научно-Исследовательского Центра «Южный Кавказ» и редактором журнала «Транскавказика: Южный Кавказ», издаваемого в Москве.

Особо следует отметить совместную азербайджано-грузинскую научную командировку на Синай, в монастырь Св.Екатерины в 2003 г., возглавляемую всемирно известным кавказоведом, лингвистом, историком, член-корр. АН Грузии, проф. Зазой Николаевичем Алексидзе. Главной целью исследовательской группы учёных, в которую входили член-корр. НАНА Фарида Мамедова, Зураб Кананчев и сын З.Н.Алексидзе, было ознакомление с хранящимся там албано-грузинским палимпсестом.

В 2005 г. был издан монументальный труд «Кавказская Албания и албаны», включивший в себя материалы двух предыдущих монографий, а также исследование таких вопросов, как этногенез азербайджанского народа, албанские истоки Карабахской проблемы, расположение епархий Армянской церкви в Малой Азии, в районе озера Ван, далеко за пределами Кавказа и реальная история армян, проживающих на протяжении веков на территории своих епархий, далеко от Кавказа. Эта монография является самым мощным научным аргументом по многим проблемам албанистики в борьбе с армянской и иной псевдонаучной агрессией и доказывает, что армяне не имеют никакого исторического права на албанское этнокультурное наследие Азербайджана [Мамедова, 2005].

Проф. Ф.Мамедова была безгранично благодарна ректору Национальной Академии авиации Азербайджанской Республики, академику Арифу Мирджалал оглы Пашаеву, который в сложный период гонений на албанистику в отечественной исторической научной среде со стороны лжепатриотов после выхода книги «Кавказская Албания и албаны» пригласил её в Академию авиации возглавить кафедру «Общественных дисциплин» и поддержал в организации двух международных конференций по албанистике в Баку (2011) и в Лондоне (2014). В этот сложный период Ф.Мамедову в отечественной науке поддержал ряд видных учёных и патриотов, среди которых особо следует отметить академика НАНА Джалала Алиева, член-корр. НАНА,

проф. Шахбаза Мурадова, член-корр. НАНА Мешедиханум Нейматову, член-корр. НАНА Ильяс Бабаева, доктора архитектуры, проф. Гюльчохру Мамедову, д.и.н., доцента Вяфу Кулиеву, д.ф., доцента Гошгара Гошгарлы, д.и.н., проф. Наджафа Мусеибли, д.ф., доцента Фарду Асадова, д.и.н. Вагифа Пириева.

Проф. Ф.Мамедова является автором 6 монографий, 120 статей, научным редактором коллективных монографий «Историческая география Азербайджана» (1987), «Azərbaycan tarixi» (1998, II том), «Карабах» (2004), «Gəncə şəhərinin tarixi» (2004), «Гарабаг: Кюречайский договор–200» (2005), а также журналов «The History of the Caucasus. The scientific-public almanac» (№1, 2001; №2, 2002) и «Ethnocultural heritage of Caucasian Albania (collection of articles)», изданного на трёх языках Бакинским Международным Центром Мультикультурализма (№1, 2019; №2, 2021).

Будучи источниковедом, текстологом проф. Ф.Мамедова по данным письменных источников:

1) очертила границы Албанского государства 1000-летнего периода (создала 6 карт);

2) исследовала социально-экономический строй, общественную структуру Кавказской Албании, генезис феодализма, доказала самостоятельность политической власти;

Вручение албанского креста Папе Римскому Иоанну Павлу II. Баку, 2002

Научная командировка на Синай, в монастырь Св. Екатерины. 2003: член-корр. АН Грузии Заза Алексидзе, член-корр. НАНА Фарида Мамедова, Зураб Кананчев

Международная конференция в связи с открытием кафедры «История Азербайджана» во главе с проф. Евой-Марией Аух в Университете имени Гумбольда. Берлин, 2010

*член-корр. АН Грузии Заза Алексидзе,
член-корр НАНА Фариды Мамедова.
Баку, 2011*

*член-корр НАНА Фариды Мамедова,
д.и.н., проф. Муртузали Гаджиев,
Йоко Хиросе, Зураб Кананчев, Ульвия Гаджиева.
Баку, 2011*

*член-корр НАНА Ф.Мамедова,
Йоко Хиросе, Маурицио де Вита. Баку, 2011*

3) показала путь распространения христианства в Албании; генетическую связь с Иерусалимским патриархатом, что было, в первую очередь, связано с проживанием в Албании с древнейших времён иу-

деев, часть из которых создала общину назареев на Апшероне; исследовала историю конфессиональной деятельности одной из древнейших христианских церквей Кавказа – Автокефальной Албанской Апостольской церкви (IV – начало XIX вв.), раскрыла значимость Агуэнского собора V в. и значение принятых на нём канонов;

4) исследовала процесс формирования албанского этноса и его деэтнизации, участие албанского этнического пласта в формировании азербайджанского народа;

5) продолжила тему исследования об албанской историко-литературной традиции и факта использования албанской письменности до XIV в.; выявила албанскую принадлежность многих историографов, известных науке, как армянских: Моисей Каланкатуйский («Истории албан»), Давид Алавик («Каноническое предостережение» XII в.), Мхитар Гош («Албанская хроника», «Судебник», «Житие-мученичество Хосрова Гандзакского» XII–XIII вв.), Вардан Великий Арвелци/Агванец (Восточный «Всеобщая история» XIII в.), Григор Патмич – Магакия («История монгол»), Смбат Спарпет («Судебник» XIII в.), Степаннос Сюнийский («История рода Сисакан» XIII в.), Хетум Патмич «Ветроград историй стран востока» (“La Flor des estoires de la Terre d’Orient”, 1307, на старофранцузском яз.), Есаи Хасан-Джалал(ян) «Краткая история страны Албанской (1702–1722)»; указала на наличие в указанных источниках албанского самосознания;

6) показала роль албанской знати в создании Киликийского государства;

7) доказала, что согласно сведениям Канонагирка, епархии Армянской церкви находились далеко от Кавказа в Малой Азии, в районе озера Ван, и показала, что исторически территория проживания армян находилась именно там, где и находились их епархии;

8) доказала, что армянские столицы располагались в районе р.Ефрат, в которой согласно сведениям Агафангела («История») впервые армяне в IV в. получили крещение от св.Григория Просветителя;

9) впервые указала, что всё наследие Албанской Апостольской церкви (епархии, архивы, библиотеки) были отданы Армянской Эчмиадзинской церкви указом Николая I в 1836 г., вследствие чего до конца XIX в. многие албанские храмы были разрушены, архивы и библиотеки исчезли; албанское этнокультурное наследие присвоено армянами и объявлено армянским;

10) указала на причинно-следственные связи Карабахской проблемы с албанским этнокультурным наследием – присвоение этого наследия армянами в XIX в., позволившее в конце 80-х гг. XX в. претендовать на земли Карабаха, как часть античной Армении; навязать Азербайджану Карабахскую войну и оккупацию Карабаха протяженностью почти на 30 лет.

Фундаментальные труды Ф.Мамедовой доказывали, что территория Кавказской Албании включала в себя территорию Азербайджанской Республики, современной Армении, часть Дагестана, включая Дербент (Чола), в то время, как реальная Армения располагалась в районе озера Ван, где и находились её епархии. Албанские племена имели кавказское этническое происхождение, в то время, как армяне относятся к индоевропейской языковой семье и проживали в Малой Азии. Монастырь Эчмиадзин был построен в XV в. на азербайджанских землях, после чего в его окрестностях стали селиться армяне.

Вся научная деятельность Ф.Мамедовой являлась долгим хождением по трудной тропе албанистики с мечом истины и пером учёного. Её перо было беспощадным, ибо армяне, кравшие историю Нашей Страны, были жестоки в своей лжи и территориальных притязаниях. Она обличала и срывала маски лицемерия с лжеучёных и лжепатриотов. Любовь к Азербайджану, служение исторической науке своей страны, защита границ одного из древних государств Азербайджана – Кавказской Албании давали импульс и силу духа учёному, вдохновляли и вели к высоким научным пьедесталам. Ф.Мамедова до конца осталась верна своим принципам и гражданскому долгу. Она всегда отмечала, что Кавказская Албания – это стратегия страны.

Наряду с научной деятельностью проф. Ф.Мамедова преподавала дисциплину «История Азербайджана» в Азербайджанском Государственном Университете (1978) и в Университете «Хэзэг» (1997–1998), занимала должность профессора и заведующего кафедры «Политология» (1998) и «Гуманитарные дисциплины» (1998–2001) в «Западном Университете».

Она была научным руководителем и консультантом 20 диссертантов, среди которых, помимо Зураба Кананчева, можно назвать:

архимандрита Алексия (Никонорова), секретаря Бакинской и Азербайджанской епархии, доктора Церковной Истории (РЮ), кандидата Богословия (МДА);

доктора философии Кямалю Имранлы-Лоу (Центр российских, европейских и евразийских исследований Бирмингемского университета, Соединённое Королевство/ Англия);

Йоко Хиросе (специального научного сотрудника Центра славянских исследований Университета Хоккайдо, научного сотрудника Института Гарримана Колумбийского университета (2013–2014), Александровского института Хельсинкского университета в Финляндии (2017–2018), Центра стратегических и международных исследований (2018), профессора кафедры политического управления и международных отношений Токийского Университета Кейо/ Япония).

Лондон. 2014

Рим, 2015

Находясь на международных научных конференциях на протяжении 1970–2015 гг. неоднократно в Баку, России (Москва, С-Петербург), Грузии (Тбилиси), Финляндии (1989), США (1989), Франции (1989, 2004: Париж, Страсбург, Нормандия), Германии (1991, 1993, 1994, 2010: Берлин, Кёльн), Турции (1989, 1990, 1991: Анкара, Кейсария), Швейцарии (1994: Цюрих), Австрии (1998: Вена), США (1990), Англии (2012, 2014: 2 раза в Лондоне, Кембридж), Италии (2015: Рим), виртуозно владея научной доказательной базой, Ф.Мамедова легко и быстро превращалась из участника конференций в её арбитра. Она продемонстрировала мастер-класс древней истории Кавказа и рубила тугие узлы множества армянских концепций, целью которых было присвоение себе албанского христианского наследия истории Азербайджана. Ученые, присутствующие с ней на этих конференциях, навсегда запомнили её выступления, в которых сметались антинаучные

доводы армянских учёных и то, как европейская научная аудитория признавала её аргументацию и доводы.

Такие видные учёные мира, как член-корр. АН Грузии Заза Алексидзе, Лиана Меликишвили (Грузия), Владимир Лившиц, Мухаммед Дандамаев, Юрий Кобищанов, Рауф Мунчаев, Мария Погребова, Алекпер Алекперов, Муртузали Гаджиев, О.Давудов, Сергей Мокроусов, Ричард Данакари (Россия), Яшар Калафат (Турция), Григорий Халимоненко, Владимир Сергейчук (Украина), Кейт Хитченс (США), Ева-Мария Аух, Джост Гипперт, Майкл Рейнхард Гесс, Аннегрет Плонке-Люнинг (Германия), Бьерн Вегге (Норвегия), Бернард Утье, Ирен Меликова, Франсуа Телямон (Франция), Тамара Драгадзе (Англия), Франческо Маццола, Маурицио де Вита, Паоло Замматтео (Италия), Мартин Рзепка, Ядвига Пиструшинская, Марек Ян Олбрахт (Польша), Йоко Хиросе (Япония), Ксавьер Люффин (Бельгия), Владимир Бесолов (Осетия) высоко почитали и прислушивались к научному авторитету Ф.Мамедовой, а научные недруги-псевдоучёные её боялись, ненавидели, угрожали.

В 2011 г. была проведена международная конференция по албанистике на тему «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа» под руководством Администрации Президента Азербайджанской Республики, при поддержке Национальной Академии Авиации, Фонда Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики и Азербайджанского Университета Архитектуры и Строительства с участием учёных из Грузии, США, Японии, Италии, России, Германии.

Проф. Ф.Мамедова была очень благодарна Обществу «Авропа-Азербайджан» (Avropa Azərbaycan Səmiyyəti / TEAS) и Национальной Академии Авиации Азербайджанской Республики, которые организовали под её руководством первую международную конференцию по албанистике в Лондоне в 2014 г. на тему «Конфессии на Кавказе». В 2016 г. TEAS была осуществлена публикация материалов этой конференции [Religions in the Caucasus. A collection of essays and articles. The European Azerbaijan society. Baku: TEAS Press publishing House, 2016].

Проф. Ф.Мамедова была признательна генеральному директору Института истории им.Бакиханова НАНА, д.и.н., проф. Кериму Шукюрову, который, высоко почитая её научные заслуги, предложил возглавить албанистику в Институте.

Ф.Мамедова называла Азербайджан – Богом избранной землей, объясняя это наличием и переплетением здесь с древнейших времен этнического и конфессионального многообразия, культурных традиций кавказоязычных, тюркоязычных и ираноязычных этнических пластов, что послужило основой возникновения вековых традиций толерантности, которые

легли в основу современной политики мультикультурализма в Азербайджанской Республике. Она поддержала академика Камала Абдуллаева, председателя Попечительного Совета Бакинского Международного Центра Мультикультурализма, под руководством которого с 2016 г. осуществляется огромная работа по изучению этнокультурного наследия Азербайджана и признательна за привлечение её к реализации проекта «Изучаем Кавказскую Албанию». Под руководством д.и.н. Хаджар Вердиевой были проведены различные круглые столы [Alban Apostol kilsəsi: Tarixi baxış, 2017], семинары, научные туры с участием учёных и студентов. В рамках указанного проекта Бакинским Международным Центром Мультикультурализма совместно с Папским Салезианским университетом (*The Salesian Pontifical University*) была организована вторая международная конференция по албанистике под руководством проф. Ф.Мамедовой в Риме в 2015 г. под названием «Азербайджанский мультикультурализм и Кавказская Албания (удины)».

После назначения Равана Гасанова в 2017–2019 гг. исполняющим обязанности директора, а с 2019 г. исполнительным директором Бакинского Международного Центра Мультикультурализма научные исследования по албанистике приобрели новый импульс и большую научную значимость. Были проведены международные конференции, семинары, осуществлён перевод на английский язык монографии Ф.Мамедовой «Кавказская Албания и албаны» (2021), изданы на трёх языках журнал «Этнокультурное наследие Кавказской Албании» (№1, 2019; №2, 2021; №3, 2022) и ряд монографий. В два последних номера указанного журнала включены совместные статьи азербайджано-корейских учёных, которые в рамках научного сотрудничества с Азербайджано–Корейской ассоциацией культурного обмена (SEBA) проводили археологические раскопки в античной Габале. Бакинский Международный Центр Мультикультурализма осуществляет большую общественную и научную деятельность.

Вся научная деятельность проф. Ф.Мамедовой служила одной цели – защите богатейшего исторического наследия Азербайджана от научной агрессии, и наконец осенью 2020 г. она увидела освобождение Карабаха от армянских оккупантов.

Свою глубочайшую признательность Президенту Азербайджана и Верховному Главнокомандующему Вооружёнными Силами, Великому правителю, Полководцу-Освободителю Ильхаму Алиеву, под мудрым руководством которого Азербайджанская армия победила во второй Карабахской войне, Ф.Мамедова, будучи научным редактором журнала «Этнокультурное наследие Кавказской Албании», выразила во 2-и номере издания, посвященного Великой Победе.

Как и вся Страна она глубоко оплакивала всех шехидов, восхищаясь героизмом и патриотизмом жителей Нашей многонациональной и поликонфессиональной Родины и азербайджанцами всего мира, и увидела позорный уход своих научных и общественно-политических недругов.

Её жизненный путь протяженностью в 85 лет являл собой тернистый путь борьбы за свет научной истины, был доказательством любви к своей Родине и защите её границ в исторической науке. Она была патриархом албановедения, историком с мировым именем. Эта маленькая хрупкая женщина с непоколебимой силой воли, бескомпромиссным характером и мужеством положила свою жизнь на алтарь служения исторической науке Азербайджана, став в определенном смысле её шехидом.

Хотелось выразить глубочайшую признательность ректору Азербайджанского Архитектурно-Строительного Университета, профессору Гюльчоуре ханум Мамедовой, которая 25 февраля 2022 г. провела международный научный симпозиум, посвященный памяти член-корр. АН Азербайджана, проф. Ф.Мамедовой.

Научная деятельность Ф.Мамедовой полностью опровергла армянскую концепцию, согласно которой Кавказская Албания и албаны объявлялись армянскими территориально, политически, этнически и культурно. Тем самым было доказано, что Азербайджанская

Республика является единственным наследником, правопреемником и защитником на своей территории всего албанского наследия, являющегося составной частью азербайджанского этнокультурного достояния. Труды Ф.Мамедовой являются настольными хрестоматиями в консульствах и посольствах Азербайджана за рубежом, и всегда будут защищать Страну от научной агрессии. Она яркой кометой пронеслась по небосклону исторической науки и вписала своё имя в золотые скрижали ученых-просветителей и общественных деятелей Азербайджана XX–XXI веков.

Албанское этнокультурное наследие истории Азербайджана изучается и находится в центре внимания и защиты государства, а это означает, что проф. Ф.Мамедова достигла своей главной цели и победила всех своих недругов.

Она часто цитировала слова турецкого поэта Назима Хикмета:

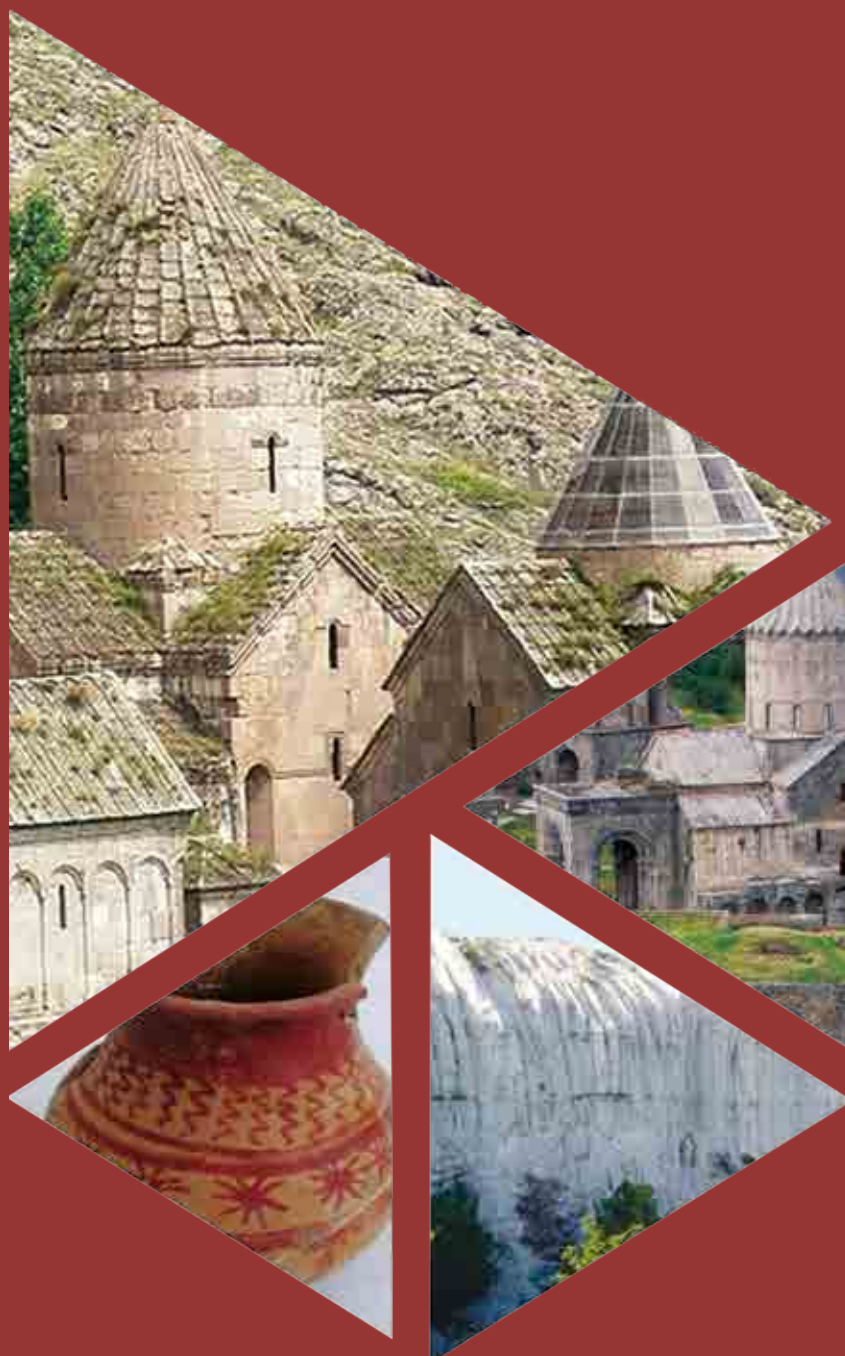
«Ведь если я гореть не буду,
и если ты гореть не будешь,
ведь если мы гореть не будем,
то, кто же здесь рассеет тьму!»

Азербайджан – страна огней, и в ней всегда будут герои и патриоты, идущие по пути Истины и чести.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Alban Apostol kilsəsi: Tarixi baxış. VI Dəyirmi masa. Bakı, 10 oktyabr 2015-ci il. Bakı: Bakı Multikulturalizm Mərkəzi, 2017, 180 s.
2. Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası-60. Bakı: Elm, 2005, с.311.
3. Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası simalarda. 75-il. 1945–2020. Bakı: Elm, s.806-807.
4. Məmmədova F. Azərbaycanın siyasi tarixi və tarixi coğrafiyası. Bakı, 1993, 264 s.
5. PiriyeV. Azərbaycanın tarixi-siyasi coğrafiyası. Bakı, 2006, 148 s.
6. Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Аз.Гос.издат., 1986, 311 с., с илл.
7. Ахундов Д.А., Ахундов М.Д. К вопросу о «спорных» моментах в истории культуры Кавказской Албании // Изв. АН Аз.ССР, Серия литературы, языка и искусства, №2, Баку: Элм, 1986, с.104-113.
8. Ахундов Д.А., Мамедова Г.Г. Христианская культурная архитектура Азербайджана (IV–VII вв.) // Журнал «Маскан» №1, Ташкент, 1992, с.6.
9. Алиев К.Г. Античные источники по истории Азербайджана. Баку: Элм, 1987, 130 с.
10. Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992, 238 с.
11. Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н.э.– I в. н.э.). Баку: Элм, 1974, 363 с.
12. Бабаев И. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
13. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку: АН Аз.ССР, 1965, 384 с.
14. Буниятов З.М. Избранные сочинения в трех томах. Баку: Элм, 1999, т.I, 468 с.; т.II, 368 с.; т.III, 375 с.
15. Гошгарлы Г. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985, 170 с.
16. Гошкарлы Г. Кишский могильник (Традиция и инновация) // The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. The Caucasus Albanian research center. Issue №2, June 2002. Vaku, 2002, с.54-56.
17. Гошгарлы Г. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 248 с.
18. Гукасян В. Взаимоотношения азербайджанского и

- удинского языка: Автореф. дисс. доктора филол. наук. Баку, 1968.
19. Гукасян В. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку: Элм, 1974, 260 с.
 20. Гукасян В. Фразеологические калькирования в удинском языке // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. Баку, 1968, с.167-170.
 21. Историческая география Азербайджана. Баку, 1987, 148 с.
 22. Керимов В. Предварительные археологические исследования Кишского комплекса // The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. The Caucasus Albanian research center. Issue №2, June 2002, с.101-107.
 23. Керимов В., Стурфиел Б. Киш. Баку: Изд-во «Чашьюглу», 2003, 183 с., 73 илл.
 24. Коран / Перевод смыслов и комментарии. Третье издание дополненное и переработанное Валерии Пороховой. Главный редактор д-р Мухаммед Саид Аль Рошд. Каир, 1997, 800 с.
 25. Мамедов Т.М. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам (IV–VII вв.). Баку: Элм, 1977, 147 с.
 26. Мамедов Т.М. Кавказская Албания в IV–VII вв. Баку: Маариф, 1993, 214 с.
 27. Мамедова Г.Г. Зодчество Кавказской Албании. Баку: Чашьюглу, 2004, 222 с.
 28. Мамедова Г.Г. Культурное зодчество Кавказской Албании. Баку: Элм, 1997, 248 с.
 29. Мамедова Г. Церковь в селе Киш—«мать албанских церквей» // The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. The Caucasus Albanian research center. Issue №1, august 2001. Baku, 2001, с.33-36.
 30. Мамедова Г. Отчет о ходе азербайджано-норвежского проекта «Киш» // The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. The Caucasus Albanian research center. Issue №2, June 2002. Baku, 2002, с.41-49.
 31. Мамедова Ф. Албанские выдающиеся личности в истории Азербайджана // Этнокультурное наследие Кавказской Албании (сборник статей), №2, Баку, 2021, с.11-25.
 32. Мамедова Ф. «История албан» Моисея Каланкаутуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку: Элм, 1977, 302 с.
 33. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 800 с.
 34. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку: Элм, 1986, 284 с.
 35. Мамедова Ф. Об исторической географии Кавказской Албании, Армении и албанском этносе // The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. The Caucasus Albanian research center. Issue №1, august 2001. Baku, 2001, с.9.
 36. Мамедова Ф. Причинно-следственная связь Карабахской проблемы // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, №2, 1995, с.215-229.
 37. Мамедова Ф. Христианство в Кавказской Албании / Qafqaz Albaniyasında xristianlıq / Christianity in Caucasus Albania. Баку, 2003, 72 с.
 38. Мирный С.М. “La Flor des estoires de la Terre d’Orient” Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов // “Советское востоковедение”, 1956, №5, с.72-82.
 39. Назим Хикмет. Избранное в двух томах. Т.1, М., 1987, с.75.
 40. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985, 276 с.
 41. Ямпольский З. Из истории древней Кавказской Албании. М., 1949.
 42. Ямпольский З. Атропатена и Кавказская Албания в I в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 1952.
 43. Ямпольский З. Древние религии Азербайджана. Баку, 1958.
 44. Ямпольский З. Кавказская Албания. Баку, 1961.
 45. Ямпольский З. Древняя Албания III–I вв. до н.э. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, 393 с.
 46. Ямпольский З. Роль Атропатены в истории Азербайджана. Баку, 1971.
 47. Mamedova F. Caucasian Albania and Albanians / Baku International Multiculturalism Centre. Second edition. Baku, 2021, 512 p., with colored inserts.
 48. Mamedova F. Interacaction of history with the Albanians’ Literary Ttradition // International Journal of Multiculturalism. Volume 2, Number 1, 2021, p.75-83.
 49. Marcigliano A., Messa A., Visintainer E., Zammattéo P. La Chiesa Apostolica Albana. Le radici di un simbolo dell’ Azerbaigian. Stampa: Publistampa Arti Grafiche – Pergine Valsugana. 2014, 126 s.

**АРХЕОЛОГИЯ,
АНТРОПОЛОГИЯ**

Мусебли Наджаф

*Научный редактор журнала «Этнокультурное наследие Кавказской Албании»,
Заведующий отделом «Этноархеология» Института археологии, этнографии
и антропологии НАНА, доктор исторических наук, профессор*

Ахундова Гюльнара

*Ведущий научный сотрудник отделения «Полевые исследования»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории, доцент*

К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ АЛБАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Кавказская Албания (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.) является важным этапом в многовековой истории государственности Азербайджана. В разные периоды своего существования эта страна, наряду с территорией современной Азербайджанской Республики, включала в себя такие азербайджанские исторические земли, как Зангезур, бассейн озера Гейча, а также бассейны рек Ганых (Алазань) и Габырры (Иори), часть Южного Дагестана с городом Дербент. Будучи государством древнего Азербайджана, Албания еще в XIX в. вошла в историографию под названием «Кавказская Албания».

На протяжении XX – начало XXI вв. были осуществлены обширные исследования по изучению политической истории, исторической географии, материальной культуры, вопросов, связанных с этническим составом населения и религиозными верованиями Кавказской Албании. Несомненно, основные исследования в этом направлении принадлежат видному албановеду, член-корр. НАНА Фариде Мамедовой.

Материальная культура Албании изучалась главным образом посредством археологических раскопок, и в этой области значительные археологические исследования провели известные археологи С.Казиев, О.Исмизаде, Дж.Халилов, И.Бабаев, Ф.Османов, Г.Гошгарлы и др.

Все эти исследования непосредственно охватывали хронологию истории самой Албании. Согласно мнениям, утвержденным в историографии, Албанское

государство появилось в конце IV в. до н.э. Однако можно сказать, что предыдущий этап, процессы, приведшие к появлению этого государства, не привлекались к детальному исследованию. Относительно подробно данную тему затрагивали И.Бабаев и Г.Гошгарлы, ссылаясь на письменные источники, не имеющие прямого отношения к албанцам, и отчасти на данные археологических памятников. По их мнению, территории, на которых позднее возникло Албанское государство, в VII–IV вв. до н.э. входили сначала в состав Мидийского государства, а затем в состав империи Ахеменидов. В ахеменидский период завершилась консолидация албанских племён, и после падения империи Ахеменидов в 330 г. до н.э. возникло независимое централизованное Албанское государство [Бабаев, 1990; Гошгарлы, 2012].

Из-за отсутствия прямых письменных источников по данной проблеме изучение вопроса происхождения Албанской государственности возможно лишь при неизбежном анализе исследований археологических памятников.

Основными источниками в данном вопросе являются поселения, погребальные памятники и археологические материалы первой половины I тыс. до н.э. Исследования в этой области очень важны для изучения политической истории, исторического наследия материальной и духовной культуры Кавказской Албании.

Поселения

Очень интересную информацию по рассматриваемой теме дали археологические раскопки албанских поселений. Эти типы памятников изучались в основном на базе городских поселений. Раскопки на некоторых албанских городских памятниках показали, что эти города сформировались вследствие развития поселений, относящихся к более древним историческим периодам. Особое внимание в связи с рассматриваемой темой привлекают результаты исследований нескольких таких памятников.

1. В первую очередь из этих городов следует упомянуть Габалу, которая была столицей Албании на протяжении 800 лет. Систематические археологические раскопки античного города Габала начались в 1959 г. и с определенной периодичностью продолжаются по сей день. Античный город Габала, расположенный между реками Гарачай и Гочаланчай, был окружен земляным валом, длина которого в 1 км сохранилась до недавнего времени [Бабаев, 1990, с.19].

Археологические раскопки, проводимые в последние годы под руководством И.А.Бабаева, имеют большое научное значение для изучения проблемы преемственности связей античного города Габала с предшествующим историческим этапом. При этих раскопках под остатками античного города был обнаружен культурный слой, относящийся к раннему железному веку – первой половине I тыс. до н.э. Остатки артефактов обоих периодов часто находили смешанными, и они представлены керамикой, хозяйственными кувшинами для хранения продуктов, вертикально закопанными в землю; каменными мотыгами, орудиями из обсидиана. Самое интересное в этом слое – обнаружение на IV раскопе около 200 хозяйственных ям, системно ранжированных, близких к стандартным размерам. Нет сомнений, что количество этих ям увеличится, если раскопки будут расширены. Некоторые из этих ям относятся к середине I тыс. до н.э.: подавляющее большинство из них датируется более ранним периодом, эпохой поздней бронзы–раннего железа, в целом до середины I тыс. до н.э. Эти ряды хозяйственных ям ведут к участкам, где археологические изыскания ещё не проводились. Основываясь на результатах раскопок И.А.Бабаев справедливо отмечал, что здесь в конце II – начале I тыс. до н.э. существовало крупное поселение, которое непрерывно развиваясь и превратившись в крупный город в середине I тыс. до н.э., стало столицей первого независимого государства на территории северного Азербайджана в IV в. до н.э., известное как Кавказская Албания [Babayev *et al.*, 2017, с.194-196]. Продовольственный склад поздних этапов античности, состоящий из аккуратно расставленных больших хозяйственных кувшинов, известен также в Грузии по памятнику Мцхета [Кипиани, 2006, с.219].

К сказанному можно добавить, что проведённые археологические исследования показывают, что город Габала был основан не в IV в. до н.э., а в более ранний период, по крайней мере в VIII–VII вв. до н.э. Раскопки показали, что на этой территории античный и ранний железный века были тесно связаны, и между ними не было хронологического разрыва. Процесс закладки системно ранжированных хозяйственных ям в раннем железном веке последовательно продолжался и в античный период. Большой амбар для хранения продуктов, около 200 хозяйственных ям (число которых, как было отмечено выше, несомненно увеличится при дальнейших раскопках) на локальной территории в тот период, т.е. в VIII–VII вв. до н.э. были характерны исключительно для крупного городского поселения. Поэтому можно считать, что в VIII–VII вв. до н.э., в период раннего железного века Габала уже была крупным городом, существование которого свидетельствует о наличии в этой местности государственного образования в данную эпоху. Следовательно, превращение Габалы в столицу Албании в более поздний период, в IV в. до н.э., стало закономерным следствием исторических процессов.

2. Остатки одного из албанских городов были обнаружены при раскопках в Мингячевире. Здесь, на правом берегу реки Куры, было раскопано многослойное поселение № 1. Древнейший первый нижний слой памятника относится к эпохе ранней бронзы, второй слой – к эпохе поздней бронзы–раннего железа, третий – к VII–I вв. до н.э. Третий слой памятника представлял собой смешение артефактов железного века и античности [Асланов и др., 1959, с.15-16]. Возможно, это состояние показывает то, что здесь в указанный исторический период продолжалась интенсивная жизнь, т.е. проживание, существовавшее в период железа, последовательно продолжалось в античности – в албанском периоде.

Этот город ещё больше расширился на поздних этапах античности и охватил левобережье Куры. По мнению исследователей, исследуемый в Мингячевире город является остатками упоминаемого в древних письменных источниках города Самунис [Гошгарлы, 2012].

3. Одним из древнейших и красивейших городов Албании является Дербент. Благодаря благоприятным природно-географическим условиям территория этого города привлекала к себе людей во все периоды древней истории. Дербент возник в узком проходе между оконечностью гор Большого Кавказа и Каспийским морем. Начиная с древности через Дербентский проход реализовывалась большая часть связей между Южным и Северным Кавказом, Передней Азией и Юго-Восточной Европой. Известный в античности как город Кавказской Албании, Дербент был тесно связан с предшествующим историческим периодом и возник вследствие развития поселения, существовавшего здесь в более ранние периоды.

Первое поселение, возникшее в конце IV–начале III тыс. до н.э. на холме, на котором расположен Дербент, относится к эпохе ранней бронзы. Здесь были зафиксированы остатки поселения того периода. Далее следует хронологический разрыв, длившийся более двух тысяч лет, поэтому связывать появление Дербента непосредственно с этим поселением неверно. Возникновение Дербента именно в районе, являющимся главным стратегически важным проходом Кавказа, связано со строительством оборонительных укреплений на вершине вышеуказанного холма ещё в VIII–VII вв. до н.э. На этих укреплениях были установлены системы усиленной обороны, а сами переправы взяты под контроль. Эти оборонительные сооружения были построены здесь на базе поселения доскифского периода, относящегося к IX–VIII вв. до н.э. [Кудрявцев, 1982, с.30-31].

В результате археологических раскопок на холме, на котором возник город Дербент, выяснилось, что указанное доскифское поселение занимало площадь 4-5 га. В скифский период – в VII в. до н.э. жизнь здесь стала более интенсивной, а площадь поселения увеличилась до 14-15 га. Раскопки выявили богатый,

многослойный культурный слой древнего периода Дербента, который хронологически делится на два слоя: VII–VI вв. до н.э. и V–IV вв. до н.э. В целом культурные слои Дербента до Сасанидов делятся на два этапа: предскифо-скифский период (IX–IV вв. до н.э.) и албанско-сарматский период (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) [Кудрявцев, 1982, с.32-33].

Следовательно, албанский период города Дербента неразрывно связан с наследием исторического этапа, начавшегося в первой половине I тыс. до н.э.

4. Одним из памятников, имеющих большое научное значение в связи с изучаемой темой, является поселение Гаратепе, расположенное в Мильской равнине, на территории Бейлаганского района. Археологические раскопки, проведённые в Гаратепе в 50-х гг. XX в. под руководством О.Исмизаде привели к открытию интересных фактов для изучения истории I тыс. до н.э., раннего железного века и раннего албанского периода.

Верхний слой Гаратепе относится к средним векам, а II и III слои О.Исмизаде относит к VII–I вв. до н.э. В этих слоях обнаружены остатки последовательно сменявших друг друга сооружений, сложенных из кирпича-сырца, и многочисленные археологические материалы, в основном керамика. Суммарная толщина II и III слоёв составляла около 4 м., причём нижние прослойки II слоя являются непосредственным продолжением III слоя. В связи с этим О.Исмизаде считал отделение этих слоёв друг от друга условным. Хронологически он разделил самый древний III слой на два горизонта: древнейший нижний горизонт, датруемый VII–VI вв. до н.э., а верхний горизонт – VI–V вв. до н.э. Следующий II слой был отнесен к V–I вв. до н.э., т.е. к албанскому периоду [Исмизаде, 1965, с.197-198].

Однако, позже Дж.Халилов уточнил хронологию II слоя Гаратепе. Он отметил, что поскольку находки II–I вв. до н.э. не обнаружены во II слое, то этот слой можно отнести к V–III вв. до н.э. [Халилов, 1985, с.26].

Между керамическими изделиями, являющимися основными находками III и II слоёв Гаратепе, не наблюдаются резкие отличия. Помимо многочисленных фрагментов чёрнолощенной посуды, в обоих слоях обнаружены остатки полированных, грубо обработанных серых и красных керамических сосудов. Однако во II слое доля этих находок отличается, пре-

обладает серая и более светлая посуда. В этом слое также появляется новая форма посуды, украшенная разнообразным орнаментом [Исмизаде, 1965, с.213].

Все эти находки показывают, что в этом поселении наблюдается преемственность производственных традиций, которые с раннего железного века сохранялись и развивались и в албанский период тоже. Безусловно, в соответствии с особенностями развития этого периода появляются новые ремесленные изделия.

Археологические раскопки показывают, что раннее албанское наследие в Гаратепе напрямую связано с предшествующим историческим этапом, т.е. с последним этапом Ходжалы–Кедабекской культуры – ранним железным веком.

5. В связи с исследуемой нами темой, следует обратить внимание и на другое поселение Мильской равнины – памятник Гаракобар в Агджабединском районе. Археологические изыскания Гаракобарского комплекса, состоящего из поселения и некрополя, имеют большое значение для изучения раннеалбанской культуры.

На основе сравнительного анализа обнаруженных здесь образцов материальной культуры с материалами, найденными в близлежащем Гаратепе, исследователь этого памятника Ф.Османов определил, что поселение и некрополь Гаракобар относятся к VI–I вв. до н.э. Помимо этого, изучая раннеантичный слой поселения Узунбойлар на территории Исмаиллинского района, Ф.Османов обнаружил слой поздней бронзы–раннего железа [Османов, 2006, с.43; 90-108].

6. Исследования, проведённые в 2010 г. поселения Габактепе близ села Кол Халафлы Агстафинского района, дали некоторые сведения о связи раннего железного века с античностью. На площади памятника приблизительно около 4 га было заложено несколько разведочных шурфов общей площадью 75 м². Максимальная толщина культурного слоя составила 2,8 м. В верхних горизонтах (до 60 см) были обнаружены смешанные материалы раннего железного века и античности, нижние же слои в целом относились к раннему железному веку. Было установлено, что в указанный период здесь было крупное поселение, а последний этап непосредственно сменился албанским периодом [Eminli və b., 2011].

Погребальные памятники

В результате археологических раскопок установлено, что в античности на территории Кавказской Албании существовало 7 типов могил: 1) грунтовые погребения; 2) кувшинные погребения; 3) каменные ящики; 4) сырцовые гробницы; 5) деревянные срубы; 6) глиняные саркофаги; 7) катакомбы.

Грунтовые и кувшинные погребения древнее других типов могил, и можно сказать, что они были

основными типами захоронений, распространенными по всей Албании. Захоронения в каменных ящиках встречаются в горных и предгорных районах. Эти три типа могил принадлежат местному населению и на протяжении веков были основой погребальных обрядов албанского населения. Остальные типы могил немногочисленны и встречаются только на локальных участках. Такие могилы в основном принадлежали

пришлым племенам и постепенно стали частью местных погребальных обрядов [Гошгарлы, 2012].

Грунтовые захоронения – самый древний тип погребения, распространенный на всей территории Азербайджана. Еще в эпоху неолита древние жители Нахчывана и Карабаха хоронили умерших в обычных грунтовых могилах. На последующих этапах – в халколите и особенно в период бронзы–раннего железа погребения в грунтовых могилах были еще больше распространены. Помимо грунтовых погребений без наземных признаков, под каменными или земляными курганами также были обнаружены многочисленные грунтовые погребальные камеры.

Позднее на ареале возникновения Албанского государства – на основной территории Северного Азербайджана в эпоху поздней бронзы–раннего железа распространилась Ходжалы–Кедабекская археологическая культура.

Основным типом могил этой культуры на равнинах и в предгорьях были грунтовые погребения.

Албанские грунтовые погребения с их типологическими особенностями и обрядами захоронения в определенной степени являются продолжением традиций предшествующего периода Ходжалы–Кедабекской культуры (Рис. 1).

Самые древние грунтовые погребения, относящиеся к Албании, датируются V–III вв. до н.э. Исследователи по обряду захоронения погребённых разделили эти могилы на три группы: вытянутые на спине, слабо скорченные и сильно скорченные. Могилы с обрядом захоронения в вытянутом положении на спине, принадлежат скифским племенам. Эти могилы, за исключением некоторых, были изучены в основном в Мингячевире (24 могилы). Хронологические рамки таких захоронений – VII–V вв. до н.э. Это позволило в науке возникнуть представлениям о том, что погребальные обряды пришлых скифов постепенно интегрировались в албанскую культуру [Казиев, 1949; Гошгарлы, 2012].

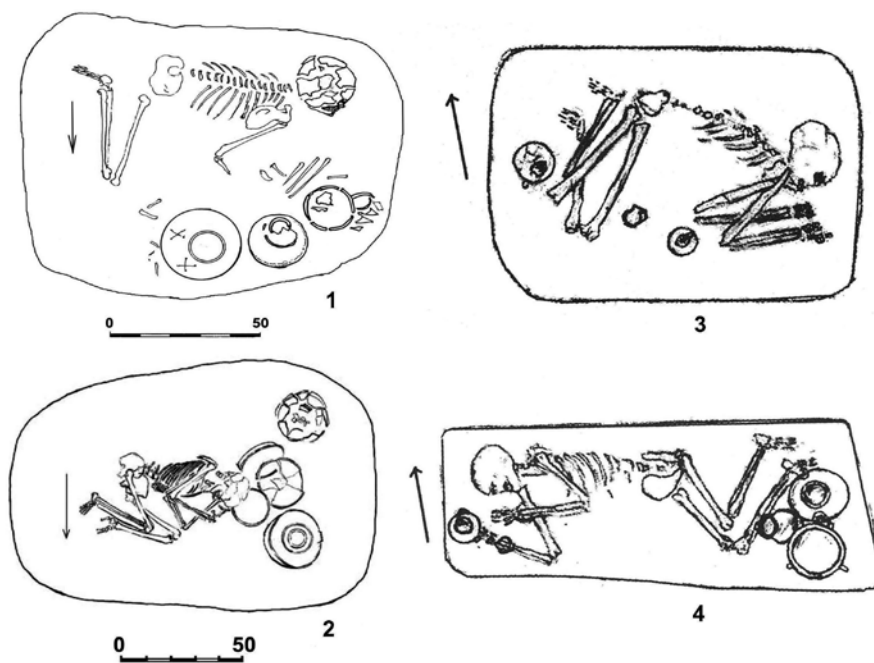

Рис. 1. Погребальные памятники периодов поздней бронзы – раннего железного века (1, 2) и античности (Албания) (3, 4). 1, 2 – Товузчайский некрополь; 3, 4 – некрополь Гыраг Кесемен

Во второй группе грунтовых могил погребённые были захоронены в слабо скорченном положении. Такие могилы компактно были изучены в Мингячевире. Подобные могилы были обнаружены и в других некрополях [Гошгарлы, 2012]. В то же время в некрополе Гыраг-Кесемен в Агстафинском районе были найдены погребения со слабо скорченными костяками. В этом памятнике также изучены могилы, в которых погребённый лежал в сильно скорченном положении [Müseyibli, Axundova, 2007]. Дж.Халилов отметил, что Мингячевирские погребения со слабо скорченным

костяком в культурно-историческом отношении являются продолжением предшествующих им грунтовых погребениям с вытянутыми и сильно скорченными костяками. Поэтому в погребениях со слабо скорченными костяками наблюдается много элементов предшествующих эпох [Халилов, 1985, с.54].

Третья группа могил – это грунтовые погребения с сильно скорченными костяками. Такие захоронения встречаются по всей Албании и на всех этапах. Они считаются более типичными для Ялойлутепинской культуры [Исмизаде, 1956; Гошгарлы, 2012].

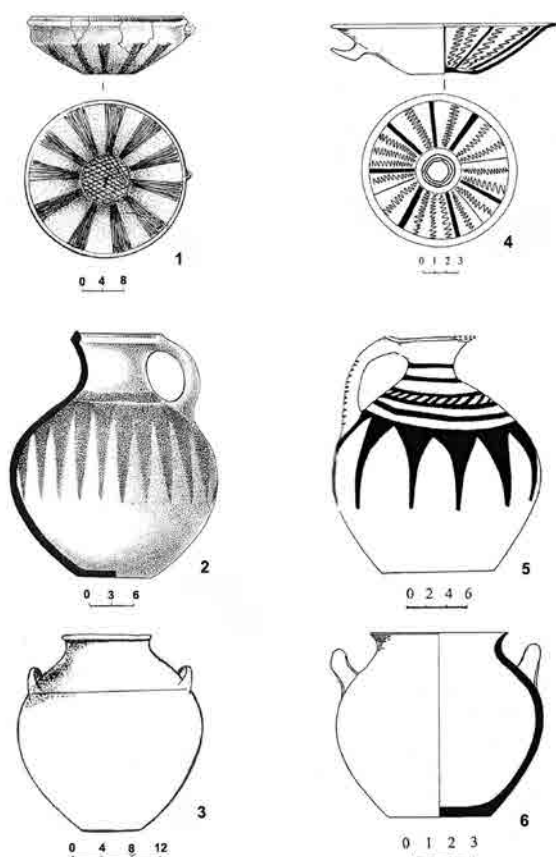

Рис. 2. Керамика периодов поздней бронзы – ранн го железа (1-3) и античности (Албания) (4-6).
1-3 – Заямчайский некрополь;
4-6 – некрополь Гыраг Кесемен

Погребения с сильно и слабо скорченными захоронениями являются массовыми как для Ходжалы-Кедабекской культуры в целом, так и для её последнего этапа – раннего железного века. В тот период такие захоронения совершались как в обычных грунтовых могилах, так и в могилах под курганами. За последние 20 лет в Азербайджане раскопаны и изучены многочисленные погребальные памятники Ходжалы-Кедабекской культуры. Заямчайский некрополь в Шамкирском районе и Товузчайский некрополь в Товузском районе относятся к числу наиболее широко изученных памятников этой культуры. В обоих некрополях основным видом захоронения являются могилы с сильно скорченными костяками. В то же время в этих

некрополях обнаружены могилы со слабо скорченными скелетами [Müseyibli, Nəcəfov, 2019; Müseyibli və b., 2021]. Другими словами, обряд захоронения в этих некрополях очень близок к обряду захоронения на албанских некрополях. Разница наблюдается лишь в археологических материалах и хронологических рамках.

Одним из наиболее распространенных типов могил в Кавказской Албании являются **кувшинные погребения**. Эти могилы, игравшие важную роль в албанских погребальных обрядах, были распространены на всех этапах существования Албанского государства. Исследования показали, что такие могилы существовали до возникновения Албанского государства, а затем получили широкое распространение. Большую ясность в этот вопрос внесли, проведенные Ф.Османовым, археологические раскопки в некрополе кувшинных погребений и поселении Гаракобер на территории Агджабединского района. В результате сравнительного анализа археологических материалов, обнаруженных в могилах, установлено, что некрополь Гаракобер относится к VI–V вв. до н.э. [Османов, 2006, с.128]. В то же время обнаружение более древних некрополей кувшинных погребений в Южном Азербайджане, Мильской и Муганской равнинах, Нахчыване и Талышских горах показывает, что этот обряд захоронения был распространен с юга на северный Азербайджан [Гошгарлы, 2012, с.42].

Одним из типов могил, принадлежащих древним албанцам, являются **каменные ящики**. В доалбанский период – эпоху поздней бронзы–раннего железа каменные ящики были одним из основных типов могил в погребальных обрядах Карабахского, Гянджа–Газахского, Нахчыванского и Талышского регионов. Эти типы могил, относящиеся к албанскому периоду, были впервые подробно изучены Г.Гошгарлы. С первого этапа античности – начиная с V–III вв. до н.э., в том числе и в последующие века, погребения в каменных ящиках были распространены в Нахчыванской, Талышской и Ширванской областях. Изучение этих могил, относящихся к албанскому периоду, даёт основание говорить о том, что они являются продолжением традиции захоронений в каменных ящиках, распространенных в эпоху бронзы–раннего железа [Гошгарлы, 2012, с.45-59].

Археологические материалы

Технические и типологические особенности определённой части археологических материалов, относящихся к культуре Кавказской Албании – кера-

мика, украшения, образцы оружия, могут быть охарактеризованы, как преемственность традиций аналогичной материальной культуры конца II тыс. – первой

половины I тыс. до н.э. В связи с этим особое значение имеют керамические сосуды, являющиеся продуктом массового производства. Хотя вопрос о связи керамических сосудов погребальных памятников типа Ялойлутепе с предшествующим периодом и затрагивался [Исмизаде, 1956], в целом происхождение албанской раннеантичной керамики и проблема преемственности с керамикой раннего железного века широко не исследовались.

Конечно, в Албании в античности применялись новые методы производства керамики, появлялись новые виды гончарных изделий. Однако, некоторые способы нанесения узоров, ряд типов посуды сохранили традиции предыдущего исторического периода. Среди них можно отметить группу сосудов типа мисок. Например, фактом является то, что характерные для Ходжалы–Кедабекской культуры миски орнаментированы методом лощения, встречаются и в албанской посуде раннего периода античности (Рис. 2. 1, 4).

Прототипы ряда кувшинов, сосудов с одной ручкой, кружек, ваз с тремя ножками и других типов посуды античного периода (Рис. 2; 3) известны из памятников Ходжалы–Кедабекской культуры [Müseyibli, Nəcəfov, 2019; Müseyibli və b., 2021; Наджафов, 2022; и т.д.]. В первой половине I тыс. до н.э. в гончарном производстве широко использовались художественные приёмы оформления. В албанский период эта традиция продолжилась новыми художественными стилями. Например, если в эпоху поздней бронзы – раннего железа поверхность одноручных кувшинов украшали способом лощения или врезными линиями (Рис. 2. 2), то в античной Албании поверхность однотипной керамики украшалась теми же мотивами, но с помощью росписи (Рис. 2. 5). В целом, фактов о генетических связях керамического производства раннего железного века и античной Албании достаточно.

Другой категорией археологических находок, отражающих наследование традиций эпохи поздней бронзы–раннего железа в албанской материальной культуре, являются украшения, изготовленные из металла и различных минералов.

Несомненно, именно украшения являются образцами материальной культуры, веками сохраняющими консервативные традиции. Непосредственные прототипы ряда украшений, относящихся к албанской культуре, такие, как браслеты с впадинами посередине, браслеты с зооморфным оформлением на концах, зооморфные бронзовые подвески, ожерелья, определенная группа серёг и др. известны по памятникам раннего железного века [Ахундова, 2020].

В связи с исследуемой темой следует отметить и образцы оружия. Хотя оружию албанцев посвящена отдельная научно-исследовательская работа [Əliyev, 2008], тем не менее, обширного сравнения этого оружия с вооружением предшествующего периода не проводилось, не исследовались вопросы преемственности. Следует напомнить, что близкие по аналогии оружия дальнего боя (копья и наконечники стрел) и оружия ближнего боя (кинжалы, мечи, вилы), использовавшиеся албанскими воинами, хорошо известны ещё в период раннего железного века. Конечно, это доказывает, что зарождение оружейного искусства Албании напрямую связано с последним этапом Ходжалы–Кедабекской культуры.

Рис. 3. Керамика периодов поздней бронзы–раннего железа (1-3) и античности (Албания) (4-6).
1, 3 – Заямчайский некрополь;
2 – некрополь Газыгулу;
4-6 – некрополь Гыраг Кесемен

Вывод

Таким образом, в результате многолетних археологических раскопок были обнаружены богатые памятники материальной культуры, относящиеся к историческому наследию древнего азербайджанского государства Кавказской Албании. Все артефакты показывают, что происхождение албанской материальной культуры, погребальных обычаев, традиций государственности имеет переимчивость с историей эпохи поздней бронзы—раннего железного века в Азербайджане. Безусловно, осветить такую широкую научную проблему в рамках одной статьи, невозможно. Это предмет отдельного исследования. Однако уже сейчас в этом вопросе можно сделать некоторые обобщения.

Археологические раскопки ряда поселений Албании, в том числе в ее столице, выявили стратиграфическую последовательность культурных слоёв раннего железного века и античности, а также генетические связи между этими историческими периодами. Археологические раскопки, проведённые в городе Габала, свидетельствуют о существовании здесь городского поселения в VIII—VII вв. до н.э. Не исключено, что во время будущих раскопок будут обнаружены городские оборонительные постройки и храмы этого города.

Истоки албанских грунтовых могил и каменных ящиков напрямую связаны с предшествующей эпохой поздней бронзы—раннего железного века. Для обоих периодов характерны захоронения костяков в слабо и сильно скорченном положении. Археологические раскопки показали, что традиция захоронения в кувшинных погребениях, характерных для античных культур, существовала на территории Азербайджана в VI—V вв. до н.э., в период, предшествующий возникновению Албанской государственности. Этот обряд продолжился, и на последующих этапах захоронения в кувшинах стали одним из основных погребальных обрядов Кавказской Албании.

Анализ керамики, украшений, а также образцов оружия, являющихся основными артефактами памятников античной Албании, показывает, что технология изготовления и типологические особенности определенной группы унаследованы от традиций Ходжалы-Кедабекской культуры.

Следует отметить, что археологические раскопки поселений, погребальных памятников, анализ обнаруженных артефактов, в особенности керамических изделий, показывают начало формирования основных признаков античного периода в Северном Азербайджане и в целом на Южном Кавказе в VI в. до н.э. Эти исследования дают основания предположить, что античный период и параллельно с ним албанская культура зародились в этом регионе в VI в. до н.э., и это даёт возможность признать VI—IV вв. до н.э. начальным

этапом античного периода и формирования албанской культуры. Безусловно, данный вопрос является темой будущих, более обширных исследований.

Поскольку территория Северного Азербайджана находилась на периферии древних цивилизаций Ближнего Востока, то она оказывалась под влиянием социокультурных и политических процессов в данном регионе. Социально-экономические и культурные процессы на Южном Кавказе, в том числе и в Азербайджане, развивались в тесной связи с общественно-политической ситуацией в Передней Азии. В результате этих влияний на территории Северного Азербайджана в эпоху халколита (первая половина IV тыс. до н.э.) сформировались первые зачатки особой системы контроля над производством, имущественного неравенства и иерархических отношений в обществе. Этот процесс усилился в более поздние периоды, и в эпоху средней бронзы—в первой половине II тыс. до н.э. появляются укрепленные протогородские поселения (II Кюльтепе в Нахчыване; Узерликтепе, Гаракопектепе в Карабахе). Возможно, эти поселения были первыми политическими центрами типа городов-государств Передней Азии.

В последующий период—во второй половине II тыс. до н.э. бурный демографический рост и экономическое развитие на территориях Северного Азербайджана достигли более высокого уровня. В результате усилились процессы имущественного неравенства, социальной дифференциации и расслоения в обществе. Появились политические общества с вооруженными формированиями и крупные племенные союзы, охватывающие более обширные территории. Ареалами таких союзов могли быть регионы распространения Ходжалы—Кедабекской, Нахчыванской и Талышско—муганской культур. В первой половине I тыс. до н.э. эти процессы усилились и, вероятно, возникло централизованное государство, как более совершенная форма политического устройства. Возникновение в этот период в соседних регионах таких крупных государств как Урарту в Восточной Анатолии, Манна в Южном Азербайджане в IX в. до н.э., а позже Мидия в VII в. до н.э. с политической точки зрения не могло не повлиять на процессы на территории Северного Азербайджана. Увеличение в этот период числа поселений с оборонительными укреплениями в Нахчыване, Карабахе, Кедабеке и Дашкесане было напрямую связано с политическими и военными процессами в регионе.

Общество, построившее города-крепости в IX—VIII вв. до н.э. для защиты от набегов Урарту и оборонительные укрепления в Дербентском проходе в VIII—VII вв. до н.э. для предотвращения нападений кочевников с севера, в том числе и скифов, несомненно, должно было иметь государственное устройство.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что Албанское государство в IV в. до н.э. с его много-тысячной пехотой и кавалерией не могло полностью возникнуть внезапно в том же веке. Возникновение и формирование древнего государства – длительный и сложный процесс. Кавказская Албания сформировалась на основе предшествующих древних традиций

государственности первой половины I тыс. до н.э. – раннего железного века. Археологические раскопки дают основания датировать образование Албанского государства более ранним периодом – до IV в. до н.э.

Обширное исследование вопроса предыстории возникновения Албанской государственности является одним из актуальных научных направлений в будущем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Babayev İ.A., Nəcəfova İ.M., Heydərova Ü.M., Mustafayev L.X. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası Antik Qəbələ dəstəsinin çöl tədqiqat işləri haqqında / Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar – 2015-2016. Bakı, 2017, s.194-203.
2. Eminli C., İsgəndərov E., Alışov N., İsmayılov R. Ağstafa rayonu Kol Xələfli və Pirli kəndləri ərazisində arxeoloji kəşfiyyat işləri / Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar – 2010. Bakı, 2011, s.285-294.
3. Əliyev Ə. Qədim albanların silahları. Bakı, 2008, 158 s.
4. Müseyibli N., Axundova G. II Qıraq Kəsəmən nekropolunda arxeoloji qazıntılar // Azərbaycan arxeologiyası, 2007, №3-4, s.53-65.
5. Müseyibli N., Nəcəfov Ş. Zəyəmçay nekropolu. Bakı, 2019, 424 s.
6. Müseyibli N., Nəcəfov Ş., Hüseynov M. Tovuzçay nekropolu. Bakı, 2021, 348 s.
7. Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1969, 238 с.
8. Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку, 2020, 280 с.
9. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
10. Бабаев И.А. Юго-Восточный Кавказ в мидийско-ахеменидское время / Труды Международной конференции «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа». Баку, 2012, с.76-84.
11. Гошгарлы Г. Албаны и Ахеменидский Иран / Труды Международной конференции «Место и роль Кавказской Албании в истории Азербайджана и Кавказа». Баку, 2012, с.225-230.
12. Гошгарлы Г. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку, 2021, 248 с.
13. Гошгарлы Г. Албанский город Самунис и его некрополи / Antik və Orta Əsr Azərbaycan şəhərləri: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. Beynəlxalq elmi konfransın materialları. Bakı, 2012, c.156-162.
14. Исмизаде О.Ш. Раскопки холма Кара-Тепе в Мильской степи / Материалы и исследования по археологии СССР. №125. Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т.II. М.-Л.: 1965, с.195-228.
15. Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, 132 с.
16. Казиев С.М. Археологические раскопки в Мингечауре / Материальная культура Азербайджана. Т.І. Баку, 1949, с.9-49.
17. Кипиани Г. Новые находки в древней столице Грузии Мцхета / Археология Кавказа. №1, 2006, с.211-234.
18. Кудрявцев А .А. Древний Дербент. М., 1982, 174 с.
19. Наджафов Ш. Некрополь Газыгулу – памятник Ходжалы–Гедабекской культуры поздней бронзы–раннего железного века бассейна реки Товуз // Поволжская археология, №1(39), 2022, с.118-129.
20. Османов Ф. История и культура Кавказской Албании. Баку, 2006, 288 с.
21. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985, 236 с.

Джабиев Гафар

*Руководитель Научного Центра албановедения
Института Археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор исторических наук, профессор*

Квон Оюнз

*Профессор кафедры истории Кореи
Сеульского Национального университета (Корея)*

Ким Джонгил

*Профессор кафедры археологии и истории искусств
Сеульского Национального университета (Корея)*

Наджафова Ирада М.

*Ведущий научный сотрудник Научного Центра албановедения
Института Археологии, этнографии и антропологии НАНА,
к.и.н., доцент / СЕБА*

Аббасова Эльмира

*Старший научный сотрудник Научного Центра албановедения
Института Археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории*

Сон Джаехьюн

*Генеральный секретарь
Корейской Ассоциации исследования Евразийской цивилизации (Корея)*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНО–КОРЕЙСКОЙ ГАБАЛИНСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Археологическое изучение столичных городов всегда вызывало особый интерес. В этой связи большое научное значение имеют археологические раскопки, проводимые на территории Габалы – города, бывшего столицей государства Кавказская Албания с IV в. до н.э. по V в. н.э. [Babayev, Əhmədov, 1981, s.64].

Известно, что археологические раскопки на территории города Габала с некоторыми перерывами продолжаются уже около 100 лет. Причем в то время, когда они начинались, не было известно даже точное местоположение этого города, поскольку некоторые исследователи локализовали его на разных территориях. Но именно в результате археологических исследований было подтверждено точное местоположение Габалы неопровержимыми с научной точки зрения доказательствами. В этой связи необходимо особо

отметить важность исследований, проводимых в Габале под руководством видных азербайджанских археологов С.М.Казиева, О.Ш.Исмизаде, Г.М.Ахмедова, И.А.Бабаева и Ф.В.Гадирова в 1959–1990-х гг. [Babayev, Əhmədov, 1981, s.3-55; Səbiyev, 2015, s.157].

С 2005 г. начался новый этап археологического изучения Габалы по инициативе и при всесторонней поддержке Азербайджано–Корейской ассоциации культурного обмена СЕБА (Сеул–Баку). В 2009 г. с приглашением к сотрудничеству специалистов из Республики Корея исследования Габалинской археологической экспедиции были расширены. Именно с этого периода экспедиция и начала свою деятельность как Азербайджано–Корейская Габалинская международная археологическая экспедиция [Квон Оюнз, Джабиев и др., 2021, с.37].

В 2009–2019 гг. исследования продолжились в основном на трёх территориях городского центра Габалы – Античной территории, именуемой Чаггаллы под руководством Ильяса Бабаева [Babayev, Ağamaliyeva və b., 2019, s.29-44], на территории Сельбир – под руководством Ким Джонгила и др. [Kim Jongil, Səbiyev Q. və b., 2019, s.81-112], Джейхуна Эминли [Eminli, 2019, s.63-80]; на территории Гала – под руководством Гафара Джабиева [Səbiyev, Abbasova və b., 2019, s.113-139]. Параллельно проводились исследования в Габалинском районе на территориях эпохи палеолита под руководством Мансура Мансурова [Mənsurov,

2014, s.38-45] и Азада Зейналова [Zeynalov, 2014, s.18-37], энеолита под руководством Насиба Мухтарова [Muxtarov, Vədəlova, 2014, s.46-87], на кургане бронзового века на территории села Дизахлы под руководством Йи Сеонбока, Квон Оюнга и др. [Yi Seonbok, Kwon Ohyoung və b., 2017, s.118-149], в некрополях сёл Солтаннуха и Гушлар под руководством Джейхуна Эминли [Eminli, İskəndərov, 2016, s.102-127; Eminli, İskəndərov, 2017, s.156-171], на месте храма на горе Кильселитепе под руководством Натика Алышова [Alişov, 2015, s.124-139].

Исследования на Античной территории

Античная территория города Габала расположена на возвышенности в междуречье рек Гарачай и Гочаланчай недалеко от сёл Чухур-Габала, Товла, Шамлы Габалинского района Азербайджанской Республики.

В период археологических раскопок, проводимых на этой территории в 1967–1990 гг., были выявлены строительные остатки, относящиеся к городской инфраструктуре на площади 50 га. К ним относилось и административное здание-комплекс, построенный из сырцового кирпича, покрытого черепицей. Это прямоугольное здание площадью 580 м² с просторными залами, в том числе с базами колонн, было построено в I в. до н.э. – I в. н.э. [Бабаев, 1990, с.88-91]. Отметим, что вокруг него наряду с различными строительными остатками, были обнаружены мастерские, множество черепиц, буллы, клады местных и зарубежных монет, местные и привозные ремесленные изделия и др. [Babayev, Əhmədov, 1981, s.8-21; Səbiyev, 2018, s.157-160].

С 2005 г. археологические исследования, продолженные на Античной территории, дали основание высказать мнение о том, что формирование здесь городской инфраструктуры началось намного ранее, чем предполагалось прежде. А именно тот факт, что город возник на месте поселения конца II тыс. до н.э., которое к середине I тыс. до н.э. уже превратилось в город [История Габалы, 2017, с.29; Babayev, Ağamaliyeva və b., 2019, s.30; Babayev, Nəcəfova və b., 2017, s.47].

В этой связи особенно большой интерес с научной точки зрения представляют особо крупные находки. В том числе остатки пяти внушительных овальных сооружений, обнаруженных здесь в ходе исследований последних лет в непосредственной близости друг от друга и предположительно, принадлежащих к единому строительному комплексу (Рис. 1-4).

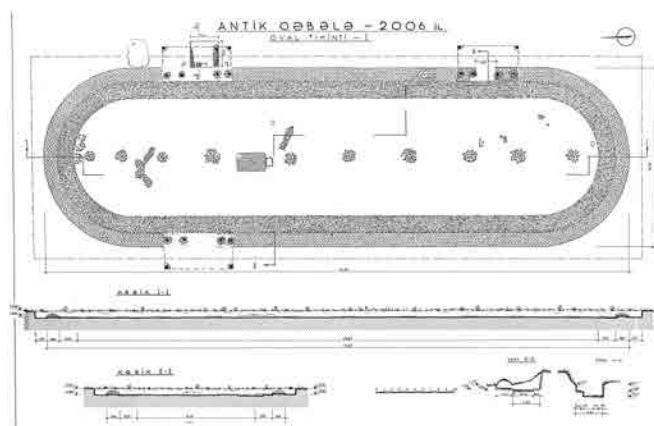

Рис. 1. План I овального здания (I в. до н.э. – I в. н.э.) / Античная территория

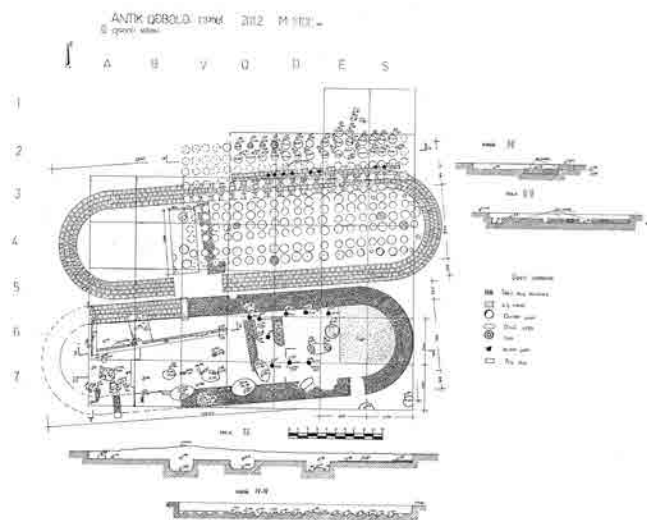

Рис. 2. Вверху: совместный план II овального здания (I в. до н.э.) и продовольственного амбара (IV–III вв. до н.э.) под ним.

Внизу: план III овального здания (III в. до н.э.) / Античная территория

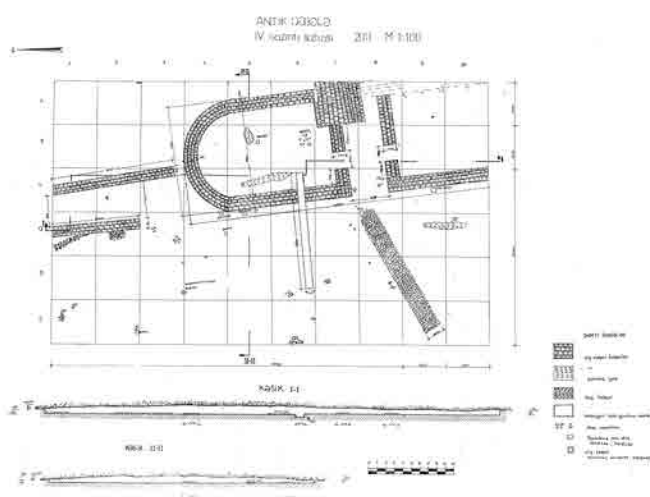

Рис. 3. План IV овального здания (I в. до н.э. – I в. н.э.) / Античная территория

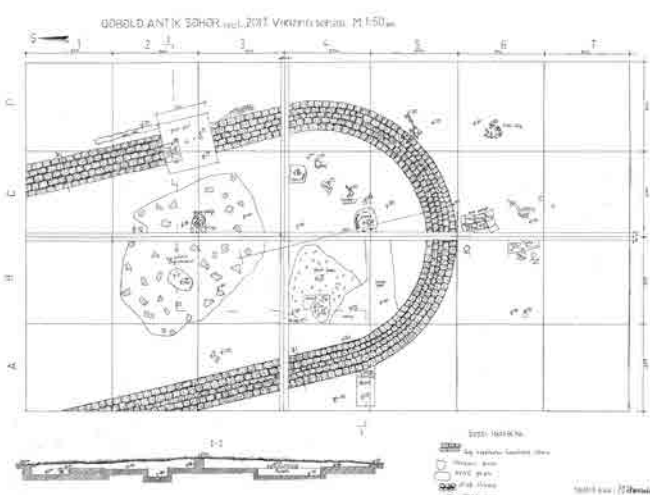

Рис. 4. План V овального здания (I в. н.э.) / Античная территория

- I овальное здание: размером 74м x 23м, датировано I в. до н.э. – I в. н.э. (Рис. 1) [Babayev, Nəcəfova və b., 2017, s.48];
- II овальное здание: размером 42м x 12м, датировано I в. до н.э. (Рис. 2) [Babayev, 2012, s.70];
- III овальное здание: размером 41м x 11м, датировано III в. до н.э. (Рис. 2) [Babayev, Mustafayev və b., 2014, s.118];
- IV овальное здание-комплекс: размерами 17мx12м, 20мx12м, между этими двумя частями ними проход – шириной 4,3 м, датировано I в. до н.э. – I в. н.э. (Рис. 3) [Babayev, Mustafayev və b., 2015, s.26-27];
- V овальное здание: размером 29м x 12м, датировано I в. н.э. (Рис. 4) [Babayev, Ağamaliyeva və b., 2019, s.37-38].

Фундаменты этих зданий (кроме IV) были возведены из речного камня, стены – из сырцового кирпича. Судя по указанным размерам этих сооружений, они, бесспорно, имели общественный характер и их могли использовать для проведения массовых мероприятий, зрелищ и др. [История Габалы, 2017, с.37; Сəbiyev, 2018, s.158-159].

Среди других крупных находок последних лет интересно обнаружение около 200 хозяйственных ям для хранения зерна середины I тыс. до н.э. (некоторые ямы и более раннего времени), диаметром 1,5-2 м и более, глубиной до 2 м. Предполагается, что в них могли хранить зерно объёмом, исчисляемым тоннами [Babayev, Nəcəfova və b., 2017, s.49].

Среди ценных находок также отметим открытие большого продовольственного хранилища IV–III в. до н.э., расположенного под основанием второго овального здания [Babayev, Mustafayev və b., 2014, s.116]. В этом амбаре, в закопанных больших хозяйственных кувшинах (пифосах), хранили сначала вино, а после того, как со временем нарушилась целостность некоторых кувшинов, то в этих последних хранили орехи, зерно и др. [Babayev, Mustafayev və b., 2014, s.118-119]. Пифосы имели высоту около 0,7-1м, диаметр тулова до 1 м. Площадь этого амбара, явно имеющего общественную значимость, ещё полностью не открыта (Рис. 2). На раскопанном участке оказались расположенные рядами обломки основания и места от более 240 пифосов [Babayev, Mustafayev və b., 2015, s.25].

В целом, выявленные на Античной территории самые крупные находки 2005–2017 гг. (величественные здания, продовольственные хранилища и др. находки) являются очень важным материальным доказательством, подтверждающим статус Габалы как одного из больших городов, начиная с V в. до н.э. [История Габалы, 2017, с.27; Babayev, Ağamaliyeva və b., 2019, s.30]. А это означает, что Габала может быть представлена, как древний город на территории Азербайджана как минимум за 500-600 лет [Сəbiyev, 2022, s.9] до её письменного упоминания в I в. н.э. в книге Плиния Старшего «Естественная история» и во II в. н.э. в книге Клавдия Птолемея «Географическое руководство» [История Габалы, 2017, с.29, 31].

Археологические исследования показали и то, что в конце I в. н.э. некоторые строения на Античной территории подверглись огню и разрушениям [Babayev, Əhmədov, 1981, s.21]. Возможно, что это произошло после нашествий аланов на Кавказскую Албанию. После этого центр города продолжил развитие на возвышенности в 2-х км северо-западнее от Античной территории, называемой Сельбир-Гала, в междуречье рек Гарачай и Джовурлучай.

Традиции погребений, изученные на Сельбире

Археологическая группа, состоящая из корейских специалистов, в 2009–2019 гг. проводила раскопки, в основном на территории Сельбир. Здесь были изучены северные и западные городские стены, а также городской квартал на обширной территории. Одними из проведённых исследований, вызывающих особый интерес, являются типы погребений.

Как известно, во время исследований прежних лет на территории Сельбир, были обнаружены различные виды захоронений античного и средневекового периода, в том числе грунтовые погребения, погребения на керамических плитах и кувшинные погребения. В период же исследований последних лет там были зафиксированы и погребения в деревянных срубах и катакомбные погребения [The Salbir site, 2017, pp.56-72].

Отметим, что в течение последних лет вблизи северных и западных стен Сельбира были обнаружены 9 грунтовых погребений. Возможно, что в этих погребениях люди были захоронены в деревянных срубах. По причине отсутствия артефактов, ясно подтверждающих захоронения в деревянных срубах, не легко различить захоронения в деревянных срубах от грунтовых погребений. Тем не менее, не следует делать вывод о том, что эти могилы, в которых не осталось следов дерева, являются именно грунтовыми могилами.

Во время исследований одно из таких захоронений (№ 6) со следами деревянной подпорки периода античности было обнаружено вблизи от северных крепостных стен (Рис. 5). Захоронение было проведено в скорченном виде, голова повернута на запад. Были обнаружены различные предметы, в том числе украшения (две бронзовые заколки для волос, различные бусины, в том числе многочисленные бусины из стекла и кости, пара бронзовых браслетов, два кольца и треугольная ажурная бронзовая пряжка), 9 керамических сосудов (6 расположены у головы скелета, 3 – у ног), один небольшой железный нож и один железный наконечник [The Salbir site, 2017, pp.57-59].

Продолжая исследования у западных крепостных стен Сельбира, были изучены два деревянно-грунтовых погребения. В этих захоронениях были найдены два керамических сосуда античного периода. Вблизи северных стен Сельбира были изучены 6 захоронений такого типа периода средневековья. Среди этих погребений людей разного возраста помимо костей скелетов не было найдено никаких образцов материальной культуры.

С научной точки зрения интересно захоронение № 5 на керамических плитах (Рис. 6). Основание этого захоронения состоит из двух керамических плит, соединённых друг с другом. Это является вторым типом захоронений, зафиксированных на территории Сельбир. Здесь были отмечены находки двух стеклянных бусин и трёх кувшинов с ручкой [The Salbir site, 2017, p.56].

Третьим типом захоронений, отмеченных на территории Сельбир, являются катакомбы. Отметим, что в последние годы в западной части Сельбира было раскопано и изучено более 20 катакомбных захоронений

(Рис. 7a-b) [Kim Jongil, Cəbiyev və b., 2019, s.88-89; The Salbir site, 2017, pp.59-67]. Представим некоторые из них.

Рис. 5. Вид захоронения № 6 / Территория Сельбир

Рис. 6. Вид захоронения № 5 / Территория Сельбир

Рис. 7a. Вид площади расположения катакомб близ северных ворот / Территория Сельбир

Рис. 7b. Схема площади расположения катакомб (розовым цветом) близ северных ворот 1/150 / Территория Сельбир

Рис. 8a. Вид катакомбы № 1 / Территория Сельбир

Рис. 8b-d. Бусы и бронзовые пряжки, найденные в катакомбе № 1 / Территория Сельбир

Рис. 9a. Вид из катакомбы № 8 / Территория Сельбир

Рис. 9b. Железные наконечники стрел, найденные в катакомбе № 8, / Территория Сельбир

Основание погребальной камеры катакомбы № 1 круглое и относительно гладкое, а потолок в форме купола. Длина погребальной камеры 195 см, ширина 155 см, высота 127 см. При входе в камеру имеется дверной проём. Артефакты, обнаруженные в этой катакомбе, следующие: 12 различных видов керамических сосудов и чаш, 2 бронзовые пряжки, 1 бронзовое кольцо, 2 бронзовых браслета, 2 фибулы, 673 бусины (Рис. 8a-d). Интересно, что в этой катакомбе не были

найжены человеческие останки. Однако обнаружение в ней двух поясных пряжек в разных местах погребальной камеры даёт основания предположить, что в ней могли происходить дополнительные захоронения [Yi Seonbok, Kim Jongil vә b., 2016, s.87; The Salbir site, 2017, pp.59-60].

Катакомба № 8 оказалась частично разрушена. Длина погребальной камеры 307 см, ширина 217 см, высота 295 см. В ней были найдены множество керамических сосудов, железное оружие, парфянская монета (Артабан II(III)?), украшения, два стеклянных флакона римского производства (Рис. 9a) и др. В частности, особый интерес вызывает то, что в этой катакомбе были найдены более 50-и железных наконечников стрел (Рис. 9b), копий (Рис. 9c) и боевая вила (Рис. 9d), а кости скелета, подвергшиеся деформации, предположительно относятся к женщине [Yi Seonbok, Kim Jongil vә b., 2016, s.88; The Salbir site, 2017, pp.62-63]. Именно находки оружия указывают на то, что эта женщина явно имела отношение к воинству, а их количество свидетельствует об особом положении этой женщины в военной иерархии албанского общества. При изучении катакомбы № 9 выяснилось, что коридор её по форме прямоугольный и тянется вертикально вниз (Рис. 10). Основание коридора несколько наклонено к погребальной камере. Длина погребальной камеры 208 см, ширина 217 см, высота 288 см. Её пол относительно гладкий и имеет форму прямоугольника с закругленными углами. Куполообразный потолок был разрушен в процессе рытья средневековой ямы. Артефакты этой катакомбы включают два кувшина, фрагменты стеклянного римского сосуда, 106 бусин и многочисленных фрагментов античной керамики [Yi Seonbok, Kim Jongil vә b., 2016, s.88; The Salbir site, 2017, pp.63-64].

Катакомба № 13 была закрыта глиняными плитами. Её потолок также куполообразный. Длина погребальной камеры 200 см, ширина 130 см, высота 180 см. На полу погребальной камеры был обнаружен скелет человека. Захороненный человек был в скорченном положении, голова и тело находились в восточном направлении, руки прислонены к груди (Рис. 11). Рядом с позвоночником скелета был найден браслет, состоящий из бусин гагата, кости, сердолика и стеклянных бусин. Здесь были найдены и 4 керамических сосуда. Предполагается, что найденный здесь скелет принадлежит женщине возрастом около 40 лет, ростом примерно 155 см., заметны следы деформации скелета [Yi Seonbok, Kim Jongil vә b., 2016, s.88; The Salbir site, 2017, pp.64-65].

Пол погребальной камеры катакомбы № 16 имеет форму квадрата с закругленными углами. Ширина входа в погребальную камеру уже ширины коридора на 20-30 см и, таким образом, создается эффект, похожий на дверной проём. Между полом коридора и полом погребальной камеры есть ступенька. Длина погребальной камеры 215 см, ширина 165 см, высота 135 см. Из-за обрушения захоронения были обнаружены фрагменты человеческого скелета (плечевая кость, рёбра и позвоночник) и различные артефакты (Рис. 12). Эти артефакты состоят из 5 глиняных сосудов (из них 4 чёрных сосуда), 1 глиняной бусины, 1 бронзовой

бусины, 2 железных мечей, 6 железных ножей, 5 железных наконечников, 2 железных обручей, 8 стеклянных бусин и 1 бусины из гагата [Yi Seonbok, Kim Jongil vа b., 2016, s.88; The Salbir site, 2017, pp. 65-67].

На территории Сельбир было обнаружено два кувшинных погребения. В одном из таких погребений были обнаружены останки, принадлежащие женщине средних лет. Обнаруженные здесь ожерелья, состоящие из кости, стекла, гагата и сердолика, 7 бронзовых колец, серьги из тонких бронзовых прутьев и кувшин с ручкой позволяют датировать захоронение концом периода античности – началом средневековья [The Salbir site, 2017, pp.67-68].

На основе итогов, выявленных после исследования различных захоронений на территории Сельбир, можно обобщить традиции погребений Кавказской Албании как нижеследующие:

1. Имелось как минимум 4 типа погребений таких, как деревянно-грунтовые погребения, погребения на керамических плитах, погребения в катакомбах, кувшинные погребения. Пока не ясна связь их с полом, иерархией, этнической принадлежностью и возрастом. Несмотря на это, можно сказать, что с точки зрения средств, энергии и внимания, затраченных на строительство катакомб и подготовку погребального инвентаря, катакомбные захоронения могут считаться погребальной традицией самого высокого уровня.

2. Грунтовые погребения, в основном, обнаружены вблизи от северных ворот (Рис. 13), катакомбные погребения – в западной части Сельбира.

3. Найденные в погребениях римские артефакты указывают на участие Габалы в культурном обмене между Востоком и Западом. Отметим, что сосуды, похожие на найденные на Сельбике римские стеклянные сосуды, часто встречаются в Восточной Азии (точнее на Корейском п-ве и на Японском архипелаге) и на территории Римской империи. Это является показателем расположения Кавказской Албании на пересечении торговой сети между Востоком и Западом этого периода.

4. Различное оружие и другие погребальные предметы, изготовленные под влиянием Сарматии и Парфии, на примере Габалы показывают тесные культурные связи Кавказской Албании с соседними странами.

5. Обнаруженные в катакомбах № 8 и № 13 женские останки могут стать важной информацией для изучения образа жизни женщин в Кавказской Албании. Например, найденные в этих двух захоронениях деформации скелета женщин и предметы, относящиеся к аланам, позволяют высказать мнение о принадлежности этих женщин к аланам или же находящимися под влиянием традиций аланов.

Наконец, традиции погребений, изученные на территории Сельбира, также могут послужить основой для получения важной информации о социальной структуре, культурном обмене, идентичности личности и процесса её формирования в Кавказской Албании.

Рис. 9с. Железные наконечники копий, найденные в катакомбе № 8 / Территория Сельбир

Рис. 9д. Железная боевая вила, найденная в катакомбе № 8 / Территория Сельбир

Рис. 10. Вид катакомбы № 9 / Территория Сельбир

Рис. 11. Вид катакомбы № 13 / Территория Сельбир

Рис. 12. Вид катакомбы № 16 / Территория Сельбир

Важнейшие итоги исследований на территории Гала

Рис. 13. Захоронения близ северных ворот / Территория Сельбир

Рис. 14. Вид раскопок 2010–2013 -х гг. на территории Гала

15

16

Рис. 15-16. Гончарные печи / Территория Гала

Гала по сравнению с Античной территорией и территорией Сельбир является территорией Габалы,

где городская жизнь продолжалась более интенсивно и дольше. Здесь в советское время, точнее, начиная с 1926 г. до середины 80-х годов, по итогам широких археологических исследований на пяти площадях раскопок, проведенных под руководством Д.Б.Шарифова, С.М.Казиева, О.Ш.Исмизаде, Г.М.Ахмедова и Ф.В.Гадирова, был уточнен ряд вопросов истории Габалы [Babayev, Əhmədov, 1981, s.41-54; Səbiyev, 2015, s.116-122].

Начиная с 2008 г. при поддержке СЕБА под руководством проф. Г.Дж.Джабиева, исследования, проведенные на VI–IX площадях раскопок, также были отмечены рядом важных научных результатов с точки зрения изучения отдельных проблем истории Габалы. В этой связи особо могут быть отмечены исследования, проводимые на VI раскопе в 2008–2013 гг. в юго-западной части Гала (Рис. 14). Напомним, что на этой площади более 1500 м² в плане террасы был изучен культурный слой города, относящийся к X–XVIII вв.: т.е. определенная часть раскопок была изучена до слоя XVI–XVIII вв., другая часть – XIV–XV вв., а остальная часть – X–XIII вв. Это очень важно с точки зрения отслеживания динамики развития городской инфраструктуры с хронологической точки зрения. Важнейшие научные итоги, полученные на VI раскопе, следующие:

- именно там впервые был изучен один из густонаселенных городских кварталов X–XVIII вв., признаки, характеризующие жилой квартал, следующие:

- многочисленные жилые дома с каменным фундаментом и построенные из обожженного кирпича, вокруг них многочисленные вспомогательные сооружения производственного назначения [Səbiyev, Abbasova, 2015, s.109-123; Səbiyev, Xəlilli və b., 2014, s.260];

- одна из главных улиц города XVI–XVII вв. – улица, расположенная в северо-южном направлении, аккуратно вымощенная речным камнем. По обе стороны улицы расположены как жилые дома, так и производственные объекты: например, на западной её стороне были зафиксированы две гончарные печи, а на восточной – остатки лавки мясника [Səbiyev, Xəlilli və b., 2014, s.259-261];

- на VI раскопке было зафиксировано в общей сложности 11 гончарных печей, относящихся к различным периодам (Рис. 15-17). Именно здесь впервые на территории Азербайджана была обнаружена мастерская гончара и рядом с ней грязевой колодец [Səbiyev, Abbasova, 2015, s.109-123];

- на VI раскопе в двух местах были обнаружены остатки бани XII в., пол которой был покрыт керамической плиткой больших размеров. Поверхность некоторых банных плиток украшена мозаикой: в средней

части одной из них проделаны специальные отверстия (Рис. 18) [Сәби́ев, Abbasova, 2015, s.119]. Это свидетельствует о том, что эта плитка использовалась в качестве трапа бани. Всё это, безусловно, находки, свидетельствующие о санитарном состоянии Габалы [Сәби́ев, Abbasova, 2015, s.109-110];

– в юго-восточной части раскопа найдено значительное количество фрагментов керамики, относящихся к античности, а также крупные хозяйственные кувшины и многочисленные фрагменты посуды этого типа [Сәби́ев, Хәлилли вә б., 2014, s.268-290];

– из слоя, относящегося к XIII–XIV вв., были обнаружены две грунтовые могилы, относящиеся к средневековью, а из нижнего слоя – одно погребение катакомбного типа, относящееся к периоду античности. Напомним, что во время исследований прежних лет на территории Гала было обнаружено множество грунтовых могил и кувшинных погребений. Единственная находка погребения катакомбного типа была отмечена именно на VI раскопе.

В 2009 г., продолжая исследования на VII раскопе северо-западной окраины Гала, были обнаружены и исследованы остатки многосторонней сети водоснабжения Габалы XV–XVI вв., одно из пешеходных въездных ворот города, а рядом с ним – сторожевой пункт. Там также были найдены ключ от ворот крепости (Рис. 19), глазурованная чаша с изображением стража-воина (Рис. 20) и большое количество неглазурованных ламп, которые стражи использовали в качестве средства освещения в ночное время.

В 2013 г. на юго-восточной стороне Гала, продолжая исследования на VIII раскопе, были обнаружены остатки первоначальных крепостных стен I в. до н.э. (Рис. 21), что может считаться одним из важнейших научных результатов последних лет. Напомним, что задолго до этого археологом Ф.В.Гади́ровым, а позднее и корейскими специалистами были обнаружены и исследованы остатки ранних крепостных стен Габалы на территории Сельбир. Обнаружение на VIII раскопе остатков ранних крепостных стен даёт основание говорить о том, что Габала еще задолго до нашей эры была укрепленным городом и была окружена едиными крепостными стенами, охватывающими территории Сельбир и Гала [Сәби́ев, 2015, s.118-119].

Целью исследований, начавшихся в 2018 г. на IX раскопе северной части Гала, было уточнение вопросов соответствия городских остатков на современном рельефном ландшафте с культурными слоями Габалы разных периодов, а также вопроса о том, в какой степени были укреплены городские стены северной части Гала (Рис. 22) после угасания жизни на Сельбуре [Сәби́ев, Abbasova вә б., 2019, s.114-119].

Предварительные научные результаты таковы:

1. За более чем 2000-летний период существования города не наблюдается каких-либо существен-

ных изменений в рельефно-ландшафтных показателях территории, т.е. культурные слои, соответствующие отдельным историческим этапам, в целом сформировались в соответствии с современными рельефно-ландшафтными показателями остатков города.

2. В конце X – начале XI вв. вдоль северной окраины территории Гала были возведены величественные крепостные стены шириной 2,2 м. Фундамент крепостных стен был построен из неотёсанных речных камней, а верхняя часть – с использованием обожженных кирпичей разных размеров. Вновь построенные северные крепостные стены, соединяясь с ранними крепостными стенами вдоль северо-восточной и северо-западной окраин Гала, создали единую систему обороны. Интересно, что при строительстве северных стен Гала, подвергшиеся к тому времени очень серьезным разрушениям и пришедшие в негодность восточные, западные и южные крепостные стены были заново построены на первоначальном фундаменте.

Рис. 17. Кувшин с четырьмя ручками / Территория Гала

Рис. 18. Трап для стока воды на полу бани / Территория Гала

Рис. 19. Ключ крепостной двери / Территория Гала

Рис. 21. Остатки крепостной стены I в. до н.э. у северо-восточной окраины / Территории Гала

Рис. 20. Фрагменты глазурованной чаши с изображением стражника-воина / Территория Гала

Рис. 22. Северные крепостные стены территории Гала

Словом, археологические исследования, начатые в Габале 100 лет назад, и сегодня продолжают более комплексно и интенсивно, потому что до сих пор необходимо исследовать очень много вопросов, связанных с историей, военно-экономической, религиозно-политической и социально-культурной жизнью, связями с ближними и дальними странами города Габалы, бывшего первой столицей Кавказской Албании – государства древнего Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Alişov N. 2013-cü ildə Qəbələdə Kilsəli Tərəpə xristian abidəsində aparılmış arxeoloji tədqiqatların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2013. Bakı: CBS, 2015, s.124-139.
2. Babayev İ.A. 2005-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları 2005-2010. Bakı: CBS, 2012, s.67-82.
3. Babayev İ., Ağamaliyeva S., Nəcəfova İ., Heydərova Ü., Hüseynova S., Mustafayev L. 2017-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların qısa hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2017-2018. Bakı: CBS, 2019, s.29-44.
4. Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. Qəbələ (tarixi-arxeoloji oçerk). Bakı: Elm, 1981, 66 s.
5. Babayev İ., Mustafayev L., Alişov N., Hüseynov S. 2013-cü ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2013. Bakı: CBS, 2015, s.22-57.
6. Babayev İ., Mustafayev L., İsmayılov R., Alişov N. 2012-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların hesabatı / Qəbələ arxeoloji

- ekspedisiyasının hesabatları 2011-2012. Bakı: CBS, 2014, s.114-149.
7. Babayev İ., Nəcəfova İ., Məmmədova B., Heydərova Ü., Mustafayev L. 2015-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların qısa hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2015-2016. Bakı: CBS, 2017, s.46-63.
 8. Cəbiyev Q.C. Azərbaycan arxeologiyasının əsasları. Bakı: Elm və təhsil, 2018, 595 s.
 9. Cəbiyev Q.C. Girdiman. Tarixi və tarixi coğrafiyası. Bakı: Elm-təhsil, 2015, 450 s.
 10. Cəbiyev Q.C. Qafqaz Albaniyasının ilk paytaxt şəhəri / Xalq qəzeti, 20 mart 2022, s.9.
 11. Cəbiyev Q., Abbasova E. 2013-cü ildə Qəbələnin Qala ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların qısa hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2013. Bakı: CBS, 2015, s.108-123.
 12. Cəbiyev Q., Abbasova E., Mustafayev L., Qasımlı Ə. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının 2018-ci ildə Qala ərazisində apardığı arxeoloji tədqiqatların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2017-2018. Bakı: CBS, 2019, s.113-139.
 13. Cəbiyev Q., Xəlilli F., Abbasova E. 2011-ci ildə Qəbələnin Qala ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları 2011-2012. Bakı: CBS, 2014, s.258-313.
 14. Eminli C. 2018-ci ildə Qəbələdə aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatı. Səlbir ərazisinin V qazıntı sahəsi // Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2017-2018. Bakı: CBS, 2019, s.63-80.
 15. Eminli C., İskəndərov E. 2014-cü ildə Qəbələnin Səlbir ərazisinin V qazıntı sahəsində və Soltannuxa kəndində aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2014. Bakı: CBS, 2016, s.102-127.
 16. Eminli C., İskəndərov E. 2016-cı ildə Qəbələdə aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatı (Səlbir ərazisinin III qazıntı sahəsi, Quşlar kəndi ərazisində Antik dövr qəbirlərinin tədqiqi) // Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2015-2016. Bakı: CBS, 2017, s.156-171.
 17. Kim Jongil, Cəbiyev Q., Son Jaehyun, Jo Mirae, Kim Geonyoung, Boo Seunga, Bae Sanghyun, Nəcəfova İ. 2018-ci ildə Qəbələnin Səlbir ərazisində aparılmış arxeoloji qazıntıların qısa hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2017-2018. Bakı: CBS, 2019, s.81-112.
 18. Mənsurov M. 2012-ci ildə Qəbələ rayonunda Paleolit dövrünə aid kəşfiyyat işləri zamanı əldə olunmuş materiallar haqqında qısa məlumat // Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları 2011-2012. Bakı: CBS, 2014, s.38-45.
 19. Muxtarov N., Bədəlova İ. 2011-ci ildə Qəbələ Beynəlxalq Hava Limanı ərazisində aşkar olunmuş abidədə aparılan xilasedici arxeoloji tədqiqatların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları 2011-2012. Bakı: CBS, 2014, s.46-87.
 20. Yi Seonbok, Kim Jongil, Kwon Ohyoung, Seong Jeongyong. 2014-cü ildə Qəbələnin Səlbir ərazisində və Dizaxlı kəndində aparılmış arxeoloji tədqiqatların qısa hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2014. Bakı: CBS, 2016, s.86-101.
 21. Yi Seonbok, Kwon Ohyoung, Seong Jeongyong, Kim Jongil, Oh Jaejin, Yu Byungrok, Kim Euijung, Sim Hyonchol, Choi Youngjun, Son Jaehyun, Park Junyoung. 2014-2016-cı illərdə Qəbələdə Dizaxlı kurqanında aparılmış arxeoloji qazıntılar barədə ümumi hesabat / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, Tapıntılar 2015-2016. Bakı: CBS, 2017, s.118-149.
 22. Zeynalov A. 2011-2012-ci illərdə Qəbələ rayonunda Paleolit dövrünə aid arxeoloji kəşfiyyat işləri haqqında hesabat / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları 2011-2012. Bakı: CBS, 2014, s.18-37.
 23. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
 24. История Габалы / Главный редактор: Теймур Бунятов. Баку: CBS РР, 2017, 328с.
 25. Квон Оюнг, Джабиев Г.Дж., Ким Джонгил, Наджафова И.М., Сон Джаехьюн. Элементы градостроительства Кавказской Албании в контексте археологического изучения Габалы // Этнокультурное наследие Кавказской Албании, №2, Баку, 2021, с.37-45.
 26. The Salbir site 2017. Vol.I. Seoul: Zininzin, 2017, 275 pp.

Алиев Таваккюль

Заведующий отделением «Полевые исследования» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент

КРЕСТ – СИМВОЛ ХРИСТИАНСТВА В АЛБАНСКОМ КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ

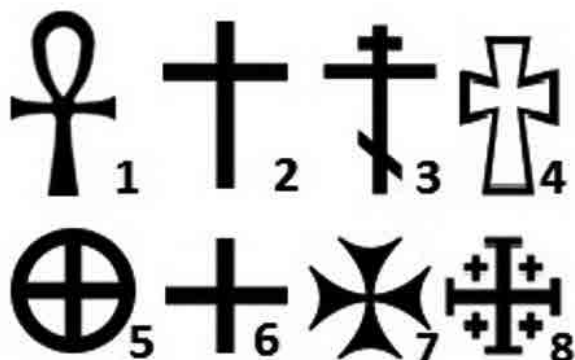

Рис. 1. Примеры крестов: 1. Анх, древнеегипетский крест, символ жизни; 2. Латинский крест; 3. Русский православный крест; 4. Византийский крест; 5. Солнечный крест эпохи неолита и бронзы; 6. Греческий крест; 7. Болнисский крест, распространенный в Грузии с V века; 8. Иерусалимский крест

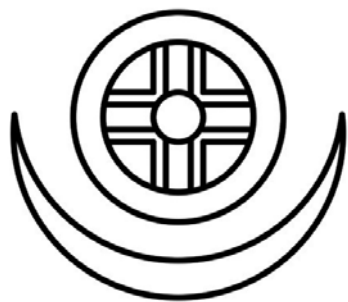

Рис. 2. В Месопотамии символ бога Солнца Ашшура и бога Луны Сина

Рис. 3. Изображение свастики на минойской керамике (о.Крит)

Крест – один из самых священных символов христианства. Неслучайно во всех странах мира, где исповедуется эта религия, над куполами церквей возвышается крест, и верующие с большой любовью крестик, полученный после крещения, носят на груди на протяжении всей жизни. Христиане уподобляют Иисуса Христа Солнцу, поэтому крест представляет собой символ Солнца и Иисуса Христа. Отсюда и изображение креста на куполе христианского храма [Успенский, 2006, с.239]. В то же время известно, что история символа креста намного древнее христианства. Крест, символизирующий Солнце, распространён как универсальный символ на обширных территориях, например, в буддийских храмах, почти во всех странах древнего Востока (Китай, Япония, Индия, Непал, Тибет и др.).

Кратко остановимся на истории знаков креста. В Центральной Азии, в памятниках эпохи энеолита Туркмении, например, на керамике Гаратепе и Геоксюр, можно проследить всё развитие – эволюцию знаков креста [Энеолит СССР, 1982, табл. XXI, 35, 38; XXII, 41, 44, 45; XXIV, 5, 6, 11, 12]. Были также найдены изображения креста на расписных сосудах древнего Элама, Крита и Триполи, которым около 5 тысяч лет. В связи с широко распространенной верой в знак креста в Древней Индии многие исследователи предполагали, что родиной креста, как сакрального символа является Индия [Нейхардт, 1975, с.10-13].

Первым цивилизованным этносом, широко использовавшими знак креста, были древние египтяне (Рис. 1, 1). Согласно египетской традиции, верхняя часть креста, символа жизни и богов, имела форму кольца. Главные боги Египта изображались с крестом в руках. Знак креста также был символом вечности и бессмертия. На стенах древнеегипетских гробниц рисовали гигантские кресты, а также крест изображался в руках фигур умерших людей. В Вавилоне крест был символом Ану, бога неба. Интересно, что многие вавилонские документы времён правления Хаммурапи (II тыс. до н.э.) завершаются крестообразным знаком. Тем самым, как бы благословлялись работы, предусмотренные в документе [Нейхардт, 1975, с.13-15].

В древней Ассирии в кресте, атрибуте бога Солнца Ашшура, наряду с изображением кольца, символи-

зирующим Солнце, имелся знак полумесяца (Рис. 2). Мinoйской керамике со знаком свастики на острове Крит около 4 тысяч лет (Рис. 3).

Во время археологических раскопок на руинах древнего ассирийского города Калху на берегу реки Тигр была обнаружена большая каменная стела с величественным барельефом могущественного правителя Ассирии Шамши-Адада V (824–811 гг. до н.э.). На стеле изображен большой равносторонний крест на груди правителя (Рис. 4). В настоящее время стела выставлена в Британском музее. Изображение агнца с крестом на голове в Древнем Риме (Рис. 5) и крест в форме полумесяца на стене храма Св.Екатерины на Синае (Рис. 6) представляют интерес своей формой.

Южный Кавказ, включая Азербайджан, является одной из первых территорий распространения знака креста. Древнейшие образцы таких знаков с простой структурой встречаются в древних наскальных рисунках Азербайджана (Гобустан, Гямигая). Среди них имеются круги, разделенные на четыре части крестом или свастикой, что символизирует распространение солнечных лучей на четыре стороны света (Рис. 7). На скале в Геямских (Гегамских) горах, являющихся историческими землями Азербайджана, был изображен круг, разделенный на четыре части, в каждой из которой нарисован человек. Люди на этом изображении символизируют богов, оберегающих четыре стороны света.

Мысли о поклонении Солнцу, Луне и звездам в Гямигая отображены в виде знаков, которые считаются символами тех небесных и галактических объектов – круга, полумесяца, свастики. На группе пиктографических наскальных рисунков также изображена свастика [Əliyev, 2005, s.57-58].

Н.А.Мусеибли, давший классификацию знаков и клейм, обнаруженных в памятниках Гобустана и Гямигая, отнёс крестообразные знаки к XV группам. По его словам, на петроглифах Гобустана зафиксировано 5 таких знаков. Два из них имеют простую структуру. Концы всех четырех частей двух других крестов разрезаны короткими линиями. В пятом знаке верхний и нижний концы креста завершаются кругом. Крестообразные знаки Гямигая более разнообразны по своей структуре. Здесь зарегистрировано 9 таких знаков. Некоторые из них имеют простую структуру. Два креста по своей структуре напоминают схематическое изображение человека. Три знака символизируют «древо жизни». Н.А.Мусеибли отмечает, что, хотя простые крестообразные знаки встречаются в ряде памятников мира, сходство некоторых знаков оригинальной структуры, особенно параллели сложным крестообразным знакам Гямигая редко встречаются в других памятниках [Müseyibli, 1998, s.15].

Рис. 4. Ассирийский царь Шамши-Адад (824–811 гг. до н.э.) с изображением креста на груди

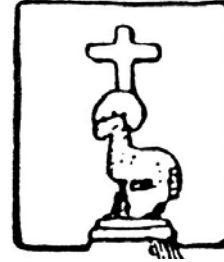

Рис. 5. Изображение ягненка с крестом на голове в Древнем Риме

Рис. 6. Крест в форме полумесяца на стене храма Святой Екатерины на Синае (VI век)

Рис. 7. Изображения кругов и крестов в Гямигая

Рис. 8. Лодка с изображениями Солнца и человека в форме креста в Гобустане

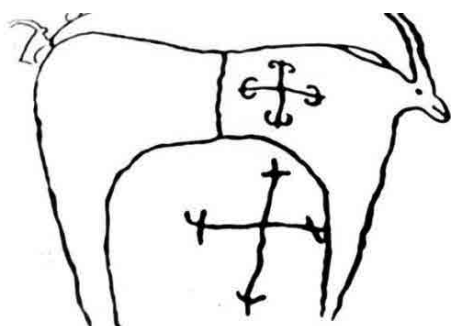

Рис. 9. Изображение оленя с крестом (Гобустан, Язылытепе, камень № 59)

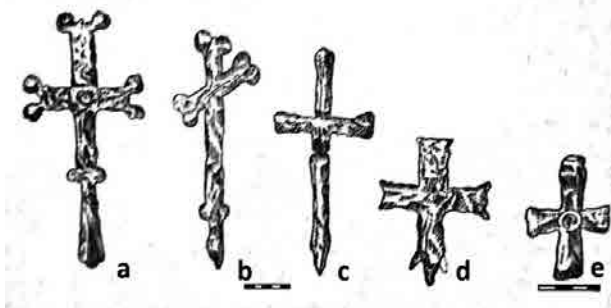

Рис. 10. Железные кресты. Мингячевир, IV храм

Рис. 11. Бронзовый крест. Мингячевир, IV храм

Рис. 12. Камень с выгравированным изображением креста (Мингячевир)

Рис. 13. Изображение креста, выбитое на стене храма (Агдамский район, Говургала)

В Гямигая были зафиксированы знаки, обозначающие поклонение Солнцу, такие, как простой круг, круг с точкой посередине, круг с крестом внутри, свастика и другие [Müseyibli, 2004, s.75-76]. Особого внимания на этом памятнике заслуживают знаки свастики. В Кюльтепе в Нахчыване была обнаружена глиняная табличка со свастикой из слоя эпохи бронзы, относящегося к II тыс. до н.э. Этот знак был нанесён и на расписные сосуды бронзового века. Знак свастики часто встречается на керамических изделиях и глиняных пинтадерах Ходжалы–Кедабекской культуры (XIV–VII вв. до н.э.) в Азербайджане [Əliyev, 2005, s.61].

В целом, среди знаков, символизирующих Солнце, больше всего споров у исследователей вызывает круг с крестом внутри. По мнению одной группы исследователей, люди, изображавшие крест, символ огня, внутри круга, символизирующего Солнце, воспринимали его как небесный огонь. По мнению Б.А.Рыбакова, крест, нарисованный внутри солнечного диска, представляет собой «четыре стороны света» [Рыбаков, 1965, с.36]. О.Х.Хабибуллаев пытался связать происхождение этого знака с хозяйственной деятельностью древних людей. Он пишет: «Четыре сезона года были важнее четырёх сторон света для древнего земледельца. Поэтому нам кажется, что изображение круга, разделенного крестом на четыре части, это символ времён года» [Абибуллаев, 1982, с.248].

В своих исследованиях Н.А.Мусейбли обращал внимание и на хронологические рамки наскальных рисунков. По его мнению, знаки на петроглифах Гобустана, состоящие из схематического изображения человека, были нарисованы в относительно древние периоды (V–IV тыс. до н.э.). Он считает, что знаки свастики, широко используемые в наскальных рисунках Гобустана и Гямигая, относятся к IV–II тыс. до н.э. Знаки же креста в Гобустане, относящиеся к III–IV вв. н.э. – к периоду возникновения христианства в Албании, занимают последнее место в хронологическом порядке (Рис. 9). Их структура идентична различным типам христианских символов, широко использовавшихся в этот период в Албании [Müseyibli, 1998, s.21].

На скалах Гобустана обнаружены многочисленные изображения лодок, представляющие большой интерес для исследователей (И.Джафарзаде, Дж.Рустамов, А.Формозов, Т.Хейердал, Н.Мусейбли, М.Фараджова и др.). На передней части лодок, как отмечал И.М.Джафарзаде, изображено «яркое Солнце», на корпусе – внутри лодок имеется изображения человека в форме креста (Рис. 8). И.М.Джафарзаде относит древнейшие изображения этих лодок к периоду неолита – к VII–VI тыс. до н.э. [Джафарзаде, 1973, с.15, 148].

Кресты обнаружены не только на наскальных рисунках, но и на других дохристианских памятниках

материальной культуры в Азербайджане.

Поверхность керамики, найденной в кургане Борсунлу в Карабахе XIII–XII вв. до н.э., украшена разнообразными изображениями крестов. Могила в кургане Сарычобан (XII–XI вв. до н.э.) была выкопана в виде креста [Сәфərov, 2020, tablo, 74, 3; 95, 1-2].

Узлы в виде креста являются одними из самых распространенных узоров на коврах, вышивке и других образцах материальной культуры Азербайджана. Такие узоры связаны с верованиями древних тюркских народов. Крестообразные знаки, существовавшие за 5–6 тысяч лет до христианства, отражали религиозно-мифологические воззрения древних людей. На некоторых коврах изображения в виде креста представляют собой символы, напоминающие людей и животных. По-видимому, эти знаки, встречающиеся в народном творчестве, имели защитную функцию.

Таким образом, знак креста был широко распространен у различных народов мира до христианства, в том числе и у населения древнего Азербайджана, что подтверждается археологическими материалами.

В III–V вв. начался новый этап в культурно-хозяйственной жизни Кавказской Албании, охватившей территорию современной Азербайджанской Республики, юг Дагестана, восточную часть Грузии и современной Армении. Этот период характеризуется развитием новых общественных отношений в Албании, превращением христианства в государственную религию, созданием местного алфавита, возникновением ряда средневековых городов. Начиная с этого периода, территория страны подвергалась постоянным нападениям и оккупациям со стороны могущественных государств того времени таких, как Сасанидов, Византии и Арабского Халифата. С этим процессом, по-видимому, связано отсутствие разнообразия в раннесредневековом слое ряда исследованных археологических памятников.

Христианство не так глубоко укоренилось в Албании, как в Армении и Грузии. Главными причинами этого была ожесточенная борьба между тремя основными течениями внутри христианства (монофизитами, диофизитами и несторианами), сильное влияние сасанидской государственной религии зороастризма в Албании и, наконец, сохранения множества языческих верований в стране. Таким образом, религиозная неразбериха и политическая ситуация того времени привели к массовому обращению в ислам после арабской оккупации.

Христианство было очень важным этапом в этнокультурном наследии Албании и оставило глубокий след в материальной и духовной жизни Азербайджана в целом. Ярким примером этого являются христианские храмы, находящиеся по всей стране и охраняе-

мые Азербайджанским государством как ценное культурное наследие. Некоторые из этих памятников были изучены во II половине прошлого века, а некоторые отреставрированы и законсервированы. К сожалению, почти 30-летняя оккупация Карабаха привела к разрушению и целенаправленному уничтожению значительной части памятников региона.

Албанский историк Моисей Каланкатуйский неоднократно упоминал в своём труде об отношении албанского общества к священному кресту. Например, он пишет: «Священник Иаков, правитель города Цри Хочкорик и двое юношей перекрестились и пошли в церковь. Они подошли к дверям, на которых был крест, и начали молиться. Они встали на колени и поклонились кресту. Когда они встали, то увидели внутри церкви удивительно яркий свет». Или: «Царь с женой шли к месту, где были мощи святых, за ними шли церковные служители, и всех их сопровождал Крест Иисуса, бесчисленное количество людей с ладаном и цветами..., куда бы ни шёл царь, он всегда носил с собой мощи святых. Он сделал для них прекрасный балдахин, обернул его разноцветной тканью и повесил на него крест, украшенный драгоценными камнями. На этом кресте было выгравировано имя царя Вачагана [Kalankatuklu, 2006, I, 26].

В Албании, как и во многих других странах, до христианства крест был священным символом огня, Солнца и вечной жизни. Следует также отметить, что на заре христианства крест не был символом этой религии, и вначале христиане не поклонялись кресту, а ненавидели его как орудие пытки. В их глазах крест был знаком язычников, не веривших в Иисуса Христа. Только после IV в. христиане стали поклоняться кресту как символу Небесного спасителя.

Раннеалбанские христианские кресты по форме отличались от древних дохристианских крестов. Они имели прямоугольную форму с равными частями. Однако части крестов, выгравированных на камне, расширялись ближе к верхней части. Найдены также раннехристианские кресты из металла, выгравированные на каменных плитах, стенах катакомбных гробниц, нарисованные на различных предметах быта. Известные из албанских памятников кресты Р.Гёюшев делит на три основные группы, отличающиеся друг от друга: 1) кресты, чьи части одинакового размера; 2) удлиненные кресты с загнутыми концами; 3) кресты с тремя лепестками на концах частей. Хотя были предприняты попытки хронологически разделить кресты, принадлежащие к этим группам, никаких результатов достигнуто не было. Иными словами, в одно и то же время делались разные виды крестов [Göyüşov, 1986, s.101-102].

Рис. 14. Изображение на хачдаше
(Тертерский район, поселение Сыхнаг)

Рис. 15. Монастырский комплекс Худавенг

Рис. 16. Двойной хачдаш крестового типа.
Монастырь Худавенг

Рис. 17. Албанский хачдаш с извилистым узором.
XVII век (Кедабекский район, село Беюк Гарамурад)

Рис. 18. Албанский хачдаш в Гянджасарском
монастыре. XIII в. (в честь князя Хасана I Великого)

Начиная с VI–VII вв., наряду с простыми крестами появились новые их виды. Это кресты с двойными кольцами на концах частей. Иногда на одном и том же камне встречаются и другие типы крестов, наряду с наиболее распространенными после IX в. трехлепестковыми крестами. Р.Геюшев подчеркивает, что на раннехристианских стелах в Албании нет никакого другого изображения, кроме креста, нет на них узоров и надписей [Göyüşov, 1986, s.102].

При раскопках в Мингячевире в середине XX в. здесь были исследованы христианские храмы ранне-го средневековья, найдены различные каменные и металлические предметы. Некоторые из них кресты. Кресты обнаружены только в IV храме (в напольной и алтарной части). Крестов в I–III храмах не было обнаружено. Р.М.Вахидов, изучавший памятник, объясняет это тем, что IV храм был внезапно уничтожен пожаром, поэтому все принадлежности храма остались на месте [Vahidov, 1961, s.105]. Из более чем 30 крестов, полученных из этого храма, только один сделан из бронзы (Рис. 11). Его длина 13 см с заостренным кончиком для крепления на дереве внизу, длина боковых частей 4 см, верхней части 5 см, нижней части 7 см. Каждая из частей заканчивается шарообразным двойным выступом. На каждый из выступов прикреплены выпуклые бронзовые пуговицы. На пересечении частей имеется стеклянный камень с круглой бронзовой каймой. Найденные в храме железные кресты (Рис. 10), различаются по размеру и форме: самый маленький крест имеет длину 7 см, а самый большой крест – 35 см. Р.М.Вахидов делит эти кресты на три группы по их применению: а) кресты, которые держат в руках; б) кресты, которые вешали на другие предметы; в) маленькие крестики, которые вешают на шею. Затем исследователь разделил эти кресты на 5 групп по их строению: а) широкие кресты с двойными круглыми плоскими окружностями на боковых частях и стеклянными камнями с бронзовой каймой в месте пересечения частей (Рис. 10, а); б) кресты с наискось прикрепленными боковыми частями и двойными плоскими окружностями на концах (Рис. 10, б); в) простые кресты со слегка расширенными концами частей и длинными ручками (Рис. 10, с); г) широкие кресты с заостренными выступами на концах частей и у ручки (Рис. 10, д); д) крестики со стеклянными камнями с бронзовой каймой в месте пересечения частей и отверстием для подвешивания на верхней части и ношения на шеи (Рис. 10, е) [Vahidov, 1961, s.105-106].

Помимо описанных крестов, в Мингячевире при раскопках был найден кусок серого круглого камня с выгравированным изображением креста (Рис. 12). Его расширяющиеся части одинакового размера и

заканчиваются двумя треугольными концами. Между частями креста были выгравированы различные неизвестные знаки [Vahidov, 1961, s.106-107]. Основную часть крестов Мингячевира составляют кресты с двойными окружностями на концах частей. Позже эти округлые пуговицы постепенно были заменены формой листа. Мингячевирские кресты, найденные в одном и том же храме, невозможно различить по времени создания. Однако по периоду и стратиграфии исследуемого храма можно сказать, что как кресты с двойными круглыми выступами на концах частей, так и простые кресты без выступов на частях существовали до IX в. Следует также отметить, что в отличие от первых крестов, чьи части имели одинаковую длину, с XII–XIII вв. нижняя часть стала значительно удлиняться.

Р.М.Вахидов, изучавший кресты Мингячевира, пришел к выводу, что все виды этих крестов существовали в Мингячевире до IX в., независимо от наличия или отсутствия окружностей на крыльях и соотношения крыльев друг к другу [Vahidov, 1961, s.108].

Исследование храма Говургала сыграло очень важную роль в изучении албанских христианских памятников. Говургала, расположенная на территории села Бойахмедли Агдамского района, является одним из самых величественных городских поселений раннего средневековья. В результате раскопок здесь был обнаружен культурный слой толщиной 4 м, отражающий жизнь с III–IV вв. до X–XI вв. Христианский храм, построенный из белого камня, является лучшим примером, характеризующим архитектуру Говургалы. Исследователи определили, что в храме было четыре двери; пол покрыт гладкими камнями. В храме была найдена могила в форме каменного ящика. Из надписи на крышке ящика видно, что здесь похоронен брат албанского правителя Хамамы [Göyüşov, 1986, s.118].

С 1958 г. в Говургале велись археологические раскопки под руководством Р.М.Вахидова. В это время на западном склоне холма, где находится памятник, были обнаружены остатки великолепного христианского албанского храма, датируемого VIII–X вв. Установлено, что храм имел неф, а восточная часть состояла из большого молельного зала в конце которого был алтарь и вспомогательного помещения. На одном из камней, составлявших наружную поверхность западной стены небольшого помещения, выгравировано изображение креста (Рис. 13). Этот крест с четырьмя равными треугольными частями помещен внутри медальона диаметром 60 см. Внутри каждой из частей находятся маленькие кружочки, которые, в свою очередь, соединены прямыми линиями с окружностью в центре креста. Медальон, окружающий крест, состоит из двух концентрических кругов, украшенных диаго-

нальными линиями. Крест выполнен с большим мастерством, в каждой детали есть симметрия [Vahidov, 1965, s.173-174].

Кресты занимают главное место среди каменных находок Говургалы. Некоторые из них сделаны из цельных камней, а некоторые сделаны путем гравировки каменных плит. Последние, как правило (как говорил еще Р.Б.Геюшев), имеют четыре равные части, расширяющиеся к концам. У крупных крестов нижняя часть была относительно длинной и служила опорой.

М.Дж.Халилов, учитывая все классификации других исследователей (Р.М.Вахидов, Р.Б.Геюшев и др.) и известные формы крестов, выдвинул свою классификацию албанских крестов, разделив их на следующие группы: 1) кресты, с равными по размеру сторонами; 2) кресты с двойными окружностями на концах; 3) кресты, верхние и боковые части которых имеют круглые двойные окружности на конце; 4) кресты с изогнутыми боковыми частями; 5) кресты с удлиненной нижней частью и прямыми концами; 6) кресты с поперечной перекладиной внизу; 7) кресты с лепестками, т.е. кресты с тремя и более лепестками растений на концах частей. Приведя краткие сведения о каждом из этих типов крестов, исследователь приходит к выводу, что схожесть аналогов разных типов крестов, зафиксированных в христианских памятниках Албании и крестов в других регионах христианского мира, пока не позволяет определить форму креста, характерную только для албанской христианской культуры [Xəlilov, 2011, s.210-212].

Следует добавить, что изображения крестов часто встречаются на кадилах, подсвечниках, особенно кольцах с печаткой V–VIII вв., которые входят в число основной церковной утвари христианских храмов и имеют религиозный характер.

Распространение крестов похожих на византийские в Албании в раннем средневековье не было безосновательным. В VII–VIII вв. шла ожесточенная борьба между Византийской церковью и Армяно-григорианской церковью (между монофизитами и диофизитами). Армянское духовенство, пользуясь враждебным отношением Халифата к Византийской империи, стремилось поработить Албанскую церковь, которая поддерживала и пропагандировала учение Византийской церкви, и распространить григорианские верования среди албанского населения. С этой целью в письме армянского католикоса Ильи халифу Абдуль-Малику говорилось, что албанский католикос Нерсес Бакур ведёт пропаганду в пользу Византийской церкви и империи. Абдуль-Малика возмутило это провокационное письмо, и он в 704 г. приказал подчинить Албанскую церковь Армянской церкви, проводить богослужения в церквях на армянском языке, казнить

католикоса Нерсеса Бакура и т.д. Таким образом, религиозные книги, написанные албанским алфавитом и переведённые с других языков, были уничтожены, начали распространяться армянский язык и алфавит [Vahidov, 1965, s.178]. После ослабления Арабского халифата Албанский католикосат с середины IX – до начала XIX вв. вновь стал проводить свою независимую конфессиональную деятельность теперь уже только на территории Карабаха и Зангезура (Сюника). Албанский язык и письменность использовались здесь до XIV в. [Мирный, 1956, с.72-82], армянский язык, вероятно, стал языком конфессионального диалога между албанским и армянским духовенством. Возможно, по этим причинам в эпиграфике на албанских христианских памятниках использовались армянский алфавит и язык.

С распространением христианства в Албании важную группу новых памятников составили хачдаши. На этих камнях, как правило, выгравировывали крест, религиозные и бытовые изображения. На наш взгляд, и слова «хачдаш», и «хачкар» означают одно и то же – «камень с крестом». Скрещивание двух досок (кольев) или камней в виде креста создает образ креста. Распятие Иисуса Христа также было в форме креста. З.И.Ямпольский, широко исследовавший пиры на территории древней Албании, отмечал, что хачдаши именовались святыней [Ямпольский, 1962, с.32].

Хотя в различных районах Азербайджана (Агдамский, Тертерский, Агстафинский и др.) было найдено множество средневековых хачдашов, изучению этих памятников не посвящено отдельного труда. Только на поселении Сыхнаг, находящегося на территории села Джанятаг Тертерского района, было найдено всего 14 хачдашей. Один из них – это камень из известняка и на нём были изображены религиозные и бытовые сюжеты. Края камня были украшены двойными извилистыми узорами, а в центральной части изображены двое мужчин, женщина, птица, крест и две геометрические фигуры (Рис. 14). Р.Б.Геюшев, изучавший памятник, относил этот хачдаш к концу раннего средневековья – VIII–IX вв. [Göyüşov, 1968, s.42-43].

Края хачдаша, найденного у албанского храма Бесикдаш VIII в., изученного З.И.Ямпольским в местечке Шахбулаг на территории Агдамского района, также были украшены извилистыми узорами. Кроме того, на камне были выгравированы четыре архаичных символа, предположительно являющиеся крестами и албанскими буквами [Ямпольский, 1960, с.246-250].

Изображение креста на албанских хачдашах обычно делится на несколько малых крестов – 2, 4, 6 – слитых в общей, многоуровневой художественной трактовке по глубине и высоте, как бы смешанной с орнаментом. По своей гравировке эти кресты близки

дохристианским изображениям «древа жизни». На хачдашах крест не главное, напротив, главное совершенно полный художественно решенный образ стелы. На армянских хачдашах, наоборот, символично-художественная интерпретация основана на образе креста, которому подчинена вся композиция и украшения [Ахундов, 1986, с.238]. Как отмечал далее Д.А.Ахундов, если принять во внимание, что крест обычно располагается в каменной нише, своего рода стилизованном мусульманском алтаре, а над ним и под ним изображения совершенно языческой тематики, то основное отличие хачдаша от хачкара становится ясно. Образ хачкара всегда однозначно подчинялся художественным канонам христианства [Ахундов, 1986, с.239].

Специалисты делят албанские хачдаши на 4 группы по их художественному оформлению и уникальным изобразительным признакам: хачинские, арцахские, джугские, енивангские хачдаши Хачина, Арцаха, Джуга, Ениванка. Работа Д.А.Ахундова, на которую мы ссылаемся в данной статье, содержит подробную информацию о каждой из этих групп.

Монастырь Худавенг или Дадивенг в Кельбаджарском районе считается одним из ценнейших памятников средневековой албанской архитектуры (Рис. 15). Построенный албанскими князьями в IV–V вв., этот монастырский комплекс, капитально перестроенный князем Хасаном Джалалом в XIII в., насчитывает около десятка религиозных и светских построек. Одной из самых ранних построек комплекса является древняя базилика, датируемая VIII–IX вв. Это здание было построено на могиле св.Дади, ученика апостола Фаддея, пришедшего по его указанию проповедовать христианство, но убитого местным судьей по имени Абгарь. Церковь Арзу-хатун, входящая в комплекс и имеющая статус собора, была построена в 1214 г. женой князя Вахтанга Хачинского.

Как было отмечено выше, храм Худавенг также называют «Дадивенг». Известный армянский ученый, автор труда «Этимологический словарь тюркских языков» Е.В.Севортян указывал, что слова «деде», «дада», «дади», «тата», «дадак» имеют тюркское происхождение и означают «отец», «дед», «великий», «священный» [Севортян, 1980, с.212-213]. Венг, ванк — название тюркского происхождения, данное албано-христианским храмам, означающее «село», «хутор», «дом». Мы считаем, что оба названия — Худа-венг и Дадивенг — имеют одинаковое значение: дом Божий или Святой Очаг.

Два двойных албанских хачдаша, поставленные рядом в колокольне монастырского комплекса Худа-венг, являются одним из самых красивых образцов хачинских хачдашей (Рис. 16). Первый хачдаш с двумя круглыми хончами, наложенными друг на друга, имеет

очень интересную структуру. Большая хонча внизу — символ подземного царства или входа в него. Выше есть четыре дополнительных небольших хончи. Возможно, это символ четырех особенностей неба, или же он олицетворяет бескрайнее пространство света с вечным движением планет. На них есть изображение креста в виде древа жизни.

Одним из наиболее интересных образцов арцахских хачдашей является хачдаш, изготовленный в XVII в. в селе Беюк Гарамурад Гедабекского района [Ахундов, 1986, с.345]. Этот хачдаш, выполненный в рамках канонов, принятых во всей Кавказской Албании, был похищен в 1960 г. и вывезен в Армению, где до сих пор хранится в Эчмиадзине. В середине хачдаша большая хонча, состоящая из трёх кругов. Средний круг разделён на восемь частей и имеет геометрически извилистые узоры. В центре хончи изображен крест с равными сторонами, типичными для ранних албанских крестов. На пересечении его частей есть небольшая круглая хонча (Рис. 17). Вся композиция решена как символ Солнца, света и плодородия.

Внутри Гандзасарского монастыря, являющегося резиденцией албанских католикосов, были два хачдаша. Один из них посвящен Вахтангу, правителю Албанского Хачинского княжества, и Хасану Джалалу, сыну Хориша-хатун [Ахундов, 1986, с.244-245]. Здесь над символическим входом в подземное царство изображена круглая хонча с символом Солнца — крестом в центре. Из этого символа вырастает «древо жизни» — крест, на вершине которого три, а рядом с ним несколько маленьких крестиков — древа мудрости и понимания. Стела обрамлена с трёх сторон декора-

тивным рисунком (Рис. 18). Гандзасарские хачдаши повторяют тему двойных хачдашей монастырского комплекса Худавенг.

На исторических землях Азербайджана, в одной из частей Западного Зангезура были распространены хачдаши енивангского типа. Древнейший хачдаш этого типа находится в селе Беюк Мазра близ города Басаркечар. Этот большой хачдаш был установлен в 881 г. на могиле албанского князя Григора Нери. Основой религиозно-символического и художественного решения его образа является ступенчатая гора, из которой возвышается «древо жизни» — крест: из него возвышаются два стилизованных смоковых листка, окаймляющие нижнюю часть креста. В середине креста находится символ Солнца — хонча, состоящая из двух кругов или священный центр [Ахундов, 1986, с.248-249].

Христианство играло определенную роль в системе верований азербайджанского народа не только в период, когда оно было государственной религией в Албании (IV— начало VIII вв.), но и во все последующие средние века. Это подтверждают и традиционные храмовые постройки, созданные и отреставрированные на протяжении средневековья. Знаки с символами креста и хачдаши являлись неотъемлемыми компонентами этих храмов. Приведенные выше примеры еще раз очевидно показывают, что развитие раннехристианского искусства в Албании имело свои особенности. Так, албанские кресты вобрали в себя знаки дохристианских верований и обрядов. Все композиции этих крестов являлись отражением символа связи неба и Земли, Солнца, света и плодородия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Cəfərov H. Qədim Qarabağ. Bakı: Elm, 2020, 528 s.
2. Əliyev V. Gəmiqaya. Bakı: "Əbilov, Zeynalov və oğulları", 2005, 148 s.
3. Göyüşov R. Azərbaycan arxeologiyası. Bakı: İşıq, 1986, 186 s.
4. Göyüşov R.B. Sığnaq yaşayış yerindən aşkar edilmiş məişət təsvirli xaç daş //Azərbaycan EA Xəbərləri (Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası), 1968, №4, s.38-43.
5. Xəlilov M.C. Albaniyanın xristian abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: "Xəzər Universiteti", 2011, 344 s.
6. Kalankatuklu Musa. Albaniya tarixi. Mxitar Qoş. Alban salnaməsi. Bakı: Elm, 1993, 269 s.
7. Müseyibli N.Ə. Azərbaycanın qayaüstü işarə və damğaları (Qobustan və Gəmiqaya materiallarının əsasında): Tarix elmləri namizədi diss. avtoferatı. Bakı, 1998, 31 s.
8. Müseyibli N.Ə. Gəmiqaya. Bakı: Çarşıoğlu, 2004, 320 s.
9. Vahidov R.M. Govurqalada arxeoloji qazıntılar / AMM, VI c., Bakı: Azərb. SSR EA-nın nəşriyyatı, 1965, s.167-182.
10. Vahidov R.M. Mingəçevir III–VIII əsrlərdə. Bakı: Azərbaycan SSR EA Nəşriyyatı, 1961, 180 s. illüst. ilə.
11. Абибуллаев О.А. Энеолит и бронзы на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982, 315 с.
12. Ахундов Д.А. Архитектура древнего и ранне-средневекового Азербайджана. Баку: Азернешр, 1986, 311 с.
13. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании (по данным археологии и письменных источников). Баку: Элм, 1984, 192 с.
14. Джафарзаде И.М. Гобустан: Наскальные изображения. Баку: Элм, 1973, 347 с.
15. Мирный С.М. "La Flor des estoires de la Terre d'Orient" Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов // "Советское востоковедение", 1956, №5, с.72-82.
16. Нейхардт А.А. Происхождение креста. М.: «Советская Россия», 1975, 56 с.
17. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // «Советская археология», 1965, №1, с.24-47.
18. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: «Наука», 1980, 390 с.
19. Успенский Б.А. Крест и круг: Из истории христианской символики. Москва: Языки славянских культур, 2006, 488 с.
20. Энеолит СССР. М.: «Наука», 1982, 359 с.
21. Ямпольский З.И. Древняя Албания. III–I вв. до н.э. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, 389 с.
22. Ямпольский З.И. Памятники Кавказской Албании на горе Бешидаг // «Советская археология», 1960, №2, с.246-250.

Алиев Талех

Заведующий сектором «Археологические исследования материально-культурного наследия Кавказской Албании» Научного Центра албановедения Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент

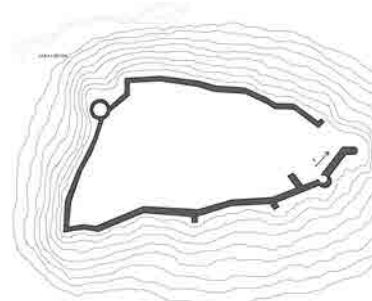
ПАМЯТНИКИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ В СЕЛЕ ЗАРНА

Первые средневековые укрепления, крепости и бастионы в северо-западном регионе Кавказской Албании, являющиеся исторической территорией Азербайджана, на протяжении веков были свидетелями различных исторических событий. Одно из таких оборонительных сооружений находится в местности под названием Лай-Ширин, к северу от села Зарна Гахского района. Расположенное в северной части провинции Камбисена Кавказской Албании, это поселение выделяется значимостью крепостного храмового комплекса. В 2012 г. Н.А.Алышов провёл в крепости археологические исследования и подготовил первоначальный план находящегося там албанского храма [Alışov, 2013, s.89]. В ходе археологических разведочных работ, проведенных нами в 2018 г., был подготовлен первоначальный план оборонительных стен крепости Зарна [Əliyev, 2018, s.27]. Огуз-Гахская археологическая экспедиция (руководитель Талех Алиев) в 2019 г. провела раскопки в крепостном храмовом комплексе (Рис. 1). Проведённые исследования позволили подготовить комплексный план раннесредневекового памятника [Əliyev, 2019, s.38].

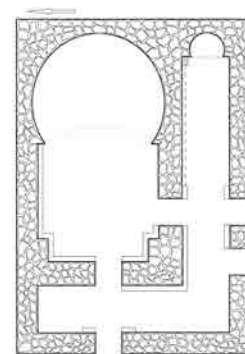
Археологические изыскания в селе Зарна Гахского района велись в основном в направлении верховьев Зарначая, в крепости **Зарна**, как было отмечено выше, расположенной в стратегическом месте под названием Лай-Ширин на самом северном участке села. К входу в крепость ведет единственная и очень узкая дорога с севера. Там может пройти только один всадник, что характерно для горных крепостей. Оборонительная башня, расположенная в северо-восточной части крепости, диаметром 6 м использовалась для защиты единственного входа в крепость и его окрестностей.

Во время нападения на крепость с башни можно было легко защищаться копьями, камнями и стрелами. Участки входа в крепость и в направлении на восток в некоторой степени высокие. В этой части крепостные стены были построены более прочно потому, что они находятся близко к входу. Неслучайно именно на этом участке находится уцелевшая часть крепостных стен. К югу и западу задняя часть крепости ведёт в сторону села Зарна и ущелья Зарначай. Там имеются стратегические точки, с которых можно увидеть опасность и проследить за происходящим на равнине и в ущелье Зарначай. Участок этой области от крепости до

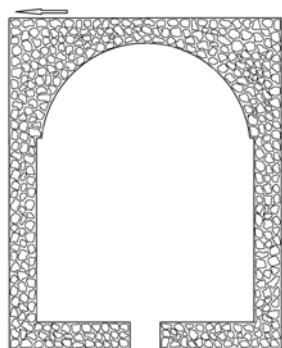
ущелья Зарначай представляет собой обрыв. Отсюда невозможно было атаковать крепость. С указанной территории, заметив опасность вдалеке от этой области, стражники у входа в крепость и на башнях могли легко сообщить об этом и подготовиться к нападению. Еще одним фактором, повышающим стратегическое значение крепости, является положение горы, на которой она расположена. Так, крепость Зарна была построена в центральной части гор по обеим сторонам Зарначая, на левом берегу реки, на вершине горы, расположенной в некоторой степени ниже этих гор. Это застраховывало от атаки с двух других гор, и атака из ущелья реки, можно сказать, становилась, практически, невозможной. Единственным местом для этого был вход в крепость, который, как уже отмечалось выше, был отлично защищен. Следовательно, жители крепости Зарна умели обороняться с большим мастерством [Əliyev, 2019, s.36; Əliyev, 2019a, s.41] (Рис. 1).

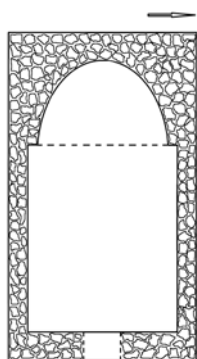
План 1. План крепости Зарна (1:20 м)
(Алиев Талех)

План 2. План албанского храма
в крепости Зарна (1:20 м) (Алиев Талех)

План 3. План албанского храма Тахталы в селе Зарна (1:2 м) (Алиев Талех)

План 4. План памятника типа гробницы в районе Гобуларарасы в селе Зарна (1:5 м) (Алиев Талех)

Поднимаясь к этой крепости, одному из значимых укреплений Кавказской Албании, поворот налево ведёт к единственному входу в крепость. Размеры стены при входе в крепость Зарна составляют 3х4 м, стена разрушена, ширина варьируется в пределах 2-3 м, она построена из речных и скалистых камней с помощью известкового раствора. С другой стороны, от входа имеется стена шириной 2 м. По словам местных жителей, от крепости Зарна до крепости Пери [Храм Арматай – Т.А.], расположенной у села Гюллюк, путь пешком по горной дороге составляет 1 час [Әliyev, 2019, s.35-36].

Проведенные исследования в крепости Зарна дают основания утверждать, что здесь имеются остатки различных построек, складов для воды и продовольствия на площади около 1 га. Внутри крепости прослеживаются части остатков длинной постройки между стенами с северо-востока на юго-запад в двух местах. Одной из важных построек крепости Зарна является албанский храм, расположенный на юго-западном краю крепости [Әliyev, 2018, s.27; Әliyev, 2019, s.38].

Высота сохранившейся части стен, расположенных у входа в крепость Зарна, составляет 2 м. Башня № 1, построенная для контроля входа в крепость и той части, откуда возможна основная опасность, видна по

мере подъема к крепости. Диаметр башни 6 м (Рис. 1), её окружает величественная стена шириной 1,5 м. В её центральной части предусмотрена секция диаметром 4,5 м, предназначенная для часового и наблюдения. От башни стена крепости тянется на 6 м в противоположную от входа в крепость сторону, а после 2 м на 90 градусов наружу. Стоявшие на башне защитники атаковали сверху врага стрелами и копьями, поэтому было очень трудно войти в единственный вход крепости. Узкий путь, по которому мог пройти только один всадник, облегчал задачу защитникам. Помочь часовым, стоящим на башне, можно было с упомянутого выше участка длиной 2 м. Таким образом, безопасность входа в крепость была полностью обеспечена. За башней внутрь крепости тянется 6-метровая стена. В этой части находилась комната для смены часовых, стоящих на башне [Әliyev, 2019, s.37; Әliyev, 2019a, s.42] (Рис. 3).

Албанский храм внутри крепости Зарна был построен из скалистых и речных камней на известковом растворе. Рядом имеются места для печей, остатки построек и бассейна. Обрушенные снаружи стены упали внутрь: там остались части трех больших стен. К нему примыкает стена длиной 5 м и шириной 1 м [Әliyev, 2019, s.37-38].

Албанский храм в крепости был построен на безопасном участке в южной части укрепления. Нижние стены были построены вглубь, а сверху уложен следующий слой. Северная стена обращенного на восток храма частично расчищена. Конструкция храма, построенного из известняка из близлежащих известковых колодцев, совершенна. В северо-западном углу храма при раскопках было обнаружено дно кувшина средних размеров. У северной стены обнаружены части глиняной черепицы, использовавшейся при строительстве кровли храма. Там же были найдены части керамических водопроводных труб, использовавшихся при строительстве водопровода, и части глиняной посуды. За храмом, в западной части, находятся остатки бассейна и стены, упомянутых выше. Рядом в северо-западной части зафиксированы остатки известковых колодцев [Әliyev, 2019, s.39].

В результате археологических раскопок, проведенных в албанском храме, выяснилось, что его общие размеры 13х9 м (12,95х8,85 м), толщина стен местами 90 см, местами 80 см. Пол был обнаружен после снятия слоя грунта на глубине 0,5-0,7 м. Входы в храм были открыты, стены помещений были очищены, алтарная часть расчищена. Сводчатая часть алтаря расположена высоко, арочное сооружение расчищено. Его изогнутая форма построена согласно симметрии алтарной апсиды. Оттуда был убран большой кусок стены, упавший в основную часть зала в результате землетрясения или других природных явлений. Снаружи, в части стены,

близкой к полу, аккуратно построено и оштукатурено известью сооружение в форме сиденья. Пол в зале сохранился лучше, чем в других местах. Выяснилось, что в нижнюю часть заливали известковый раствор и на него укладывали плоские камни. Таким образом, пол получился ровным и аккуратным. Разрушительное действие корней деревьев полностью деформировало верхнюю часть пола. Лишь небольшая его часть остается в виде обломков. Только в центральном зале и около входа между пастофорием и залом известь, являющаяся нижним слоем пола, остается нетронутой [Әліуев, 2019, s.39] (Рис. 2).

Общий вход в храм находится на западе. После входа внутрь храма есть вход в зал напротив. Южнее, после поворота на восток через проход в виде коридора, есть направление на пастофорий. На первый взгляд часть, напоминающая притвор, на самом деле служит коридором для удобного перемещения в зал и пастофорий. Интересно, что в указанную часть есть вход с южной стены храма.

В зал можно войти с юга. В южной части общей стены храма, напротив южного входа в зал, рядом с предыдущим входом находится еще один вход (Рис. 2). От пересечения этих входов можно подняться на пастофорий и войти в ризницу, завершающуюся малой алтарной апсидой. В отличие от главной алтарной апсиды, западная начальная часть апсиды ризницы имеет прямые линии. На востоке полукруглая апсида завершает алтарь. Южная стена ризницы также рухнула в результате землетрясения или другого стихийного бедствия. Эта часть также была очищена, и были обнаружены остатки стены. Пол пастофория, кроме алтаря, был разрушен воздействием корней деревьев. Однако входная часть пастофория и остатки извести в нижней части краев стен дают основание говорить о том, что здесь был пол. Пол малой алтарной апсиды, достроенный с востока, сохранился в известняковом слое. В юго-западной части в форме коридора местами пол был поврежден деревьями и кустарниками, местами сохранился известняковый слой.

В результате археологических раскопок внутри храма, возле алтаря, зала, пастофория и входа были обнаружены части дна, горловины и ручек глиняных сосудов. Также были найдены части глиняной черепицы, покрывающей крышу храма, и части керамических водопроводных труб, по которым вода поступала в храм (Табло 1). Исследования показывают, что водопровод в храме проходил из близлежащего района. Наше предположение подтверждает и расположенное в конце крепости с юго-западной стороны албанского храма сооружение, служащее глубоким бассейном диаметром 6 м. Это сооружение круглой формы также было построено из речного камня на известковом

растворе и оштукатурено внутри. Над ним остатки крепостной стены ведут на юг. Обнаруженная в результате археологических раскопок керамика относится к V–IX вв. (Табло 1).

Рис. 1. Остатки башни в крепости Зарна

Рис. 2. Южные входы албанского храма в крепости Зарна

Рис. 3. Вид интерьера в направлении алтаря албанского храма в крепости Зарна

Рис. 4. Остатки оборонительной стены в крепости Зарна

Проведенные исследования показывают, что крепость и албанский храм относятся к раннему средневековью. Храм, построенный в период расцвета кавказско-албанского зодчества (V–VII вв.), был реставрирован в VIII–IX вв. При реставрации в некоторых местах также использовался мелкий обожженный кирпич.

Таким образом, как особенности и план сооружения, так и найденные материалы дают основание утверждать, что крепость Зарна и албанский храм относятся к V–IX вв. [Əliyev, 2019, s.40-41; Əliyev, 2019a, s.42-43].

Рис. 5. Остатки албанского храма Тахталы в селе Зарна

Рис. 6. Остатки памятника типа гробницы в местности под названием Гобуларарасы в селе Зарна

Рис. 7. Вид с запада на албанский храм Мараллыг в селе Зарна

В результате археологических раскопок в ранне-средневековом албанском храме в крепости Зарна был составлен план памятника [Əliyev, 2019, s.41]. Размеры уточнялись при составлении плана албанского храма (План 2). Храм имеет длину 12,95 м и ширину 8,85 м; ширина стены варьируется в пределах 80-90 см, внутри стен имеются выступы.

Размеры зала в рассматриваемом албанском храме составляют 3,8x3,9 м или 3,8x4,5 м. На выходе из алтаря находится симметричная 10-ти см изогнутая арка по центру. Высота алтаря 40 см, ширина симметричной арки у входа в алтарь 60 см. Параллельно этому сооружению начинается внутренний выступ алтаря. Эта часть начинается 30 см изнутри. Внутри

алтаря высота между землей и входной аркой (стеной) составляет 20 см. В подготовленном генеральном плане крепости Зарна нами отражены конструктивные особенности укрепления, построенного в соответствии с рельефом [Əliyev, 2019, s.43] (План 1).

Одной из главных задач во время археологических исследований в крепости Зарна было определение размеров укрепления. В первую очередь после измерения размеров примитивным способом в целях проверки мы внесли уточнения путем определения точек с помощью GPS. В результате был сделан вывод, что поселение оборонительного типа, построенное на левом берегу реки Зарна, в центре высоких гор по обеим сторонам реки, на вершине горы на высоте 600 м над уровнем моря, было построено в соответствии с рельефом и являлось стратегически важным оборонительным укреплением [Əliyev, 2019, s.44; Əliyev, 2019a, s.44].

Стены крепости, вытянутые с северо-востока на юго-запад, имеют размеры 120x63 м., вход с севера. Слева от входа башня крепости, остатки стены рядом с башней, вспомогательная часть башни, затем остатки длинной стены, остатки стены тянутся до тех пор, пока не достигнут угла согласно рельефу (Рис. 4). Затем, по часовой стрелке, в сторону точки, где находится албанский храм, задняя часть крепости продолжается остатками стены, примыкающей к водохранилищу в районе храма. После водохранилища форма укрепления, соответствующая рельефу, продолжается через заднюю часть известковых колодцев по направлению к входу и заканчивается остатками стены, расположенной с правой стороны от входа [Əliyev, 2019, s.43-44; Əliyev, 2019a, s.44-45].

Таким образом, раннесредневековая крепость Зарна, расположенная в селе Зарна Гахского района, характеризуется особым архитектурным стилем и выделяется в значении крепостного храмового комплекса. Археологические исследования свидетельствуют о том, что это укрепление являлось одним из важнейших стратегических пунктов для в Кавказской Албании.

Албанский храм Тахталы. В местности под названием Тахталар в селе Зарна, где проводились исследования, был зарегистрирован новый памятник. На посевной площади, внутри каштанового леса на поляне находится албанский храм в разрушенном состоянии (Рис. 5), остались только внешние стены и фундамент. Размеры обращенного на восток христианского храма составляют 9x11 м. Внутри были обнаружены части глиняной черепицы, использовавшиеся при строительстве потолка, и керамические водопроводные трубы (Табло 1). Был подготовлен план албанского храма (План 3), построенного из речного камня на известковом растворе, относящегося к раннему средневековью [Əliyev, 2019, s.45].

Гробница Зарна находится в т.н. районе Гобуларарасы села Зарна и построена из речного камня на известковом растворе (Рис. 6). Она обращена на запад. Был подготовлен план этого памятника (План 4) [Əliyev, 2019, s.48].

Храм Мараллыг был построен в селе Зарна, по левую сторону от старой дороги, ведущей в село Лакит, в местности под названием Маралик [Мараллыг – Т.А.] из речного камня на известковом растворе (Рис. 7). Храм обращен на восток, вход с запада, пол разрушен, стены сохранились. Упомянутый христианский храм относится к раннему средневековью [Alışov, 2013, s.89;

Əliyev, 2019, s.48-49].

Таким образом, село Зарна являлось одним из важнейших пунктов провинции Камбисена в Кавказской Албании, и памятники на берегу реки Зарначай, как имеющие тесные связи между собой, занимают особое место в раннесредневековой архитектуре. Археологические исследования дают основания утверждать, что такие памятники характерны для северо-западного региона Азербайджана [Alışov, 2013, s.86-88; Əliyev, 2017, s.81-84].

Табло 1. Керамические изделия

(части водопроводных труб и глиняной черепицы под №1–3 и части дна, горловины и ручек глиняных сосудов под №5–8 получены из албанского храма в крепости Зарна, глиняная черепица под №4 получена из албанского храма Тахталы в селе Зарна)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Alışov N.Ə. Azərbaycanın Qax, Zaqatala və Balakən rayonları ərazisindəki xristian abidələri haqqında // Pedaqoji Universitetin xəbərləri, Bakı, 2013, №1, s.85-103.
2. Əliyev T.V. Oğuz və ətraf ərazilər orta əsrlərdə (tərxibi-archeoloji tədqiqat). Bakı, 2017, 350 s.
3. Əliyev T.V. Oğuz-Qax archeoloji ekspedisiyasının 2018-ci ildə apardığı archeoloji tədqiqat işlərinin hesabatı: AMEA AEİ Elmi Arxivi, Bakı, 2018, 300 s.
4. Əliyev T.V. Oğuz-Qax archeoloji ekspedisiyasının 2019-cu ildə apardığı archeoloji tədqiqat işlərinin hesabatı: AMEA AEİ Elmi Arxivi, Bakı, 2019, 320 s.
5. Əliyev T.V. Zərnə qalası haqqında / Gənc alim və tədqiqatçıların IV Respublika konfransı. Gəncə, 2019a, s.41-45.

Асадов Вагиф

*Ведущий научный сотрудник отдела «Археологическая служба и археологические исследования территорий новостроек»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории, доцент*

Агаларзаде Анар

*Ведущий научный сотрудник отдела «Этноархеология»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА,
доктор философии по истории, доцент*

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ КУВШИННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

Благодаря археологическим раскопкам было установлено, что в Кавказской Албании, одном из древних государств Азербайджана, одним из основных типов захоронений были кувшинные погребения. Эти захоронения занимали значительное место в погребальных обрядах албанского населения на протяжении длительного периода, насчитывающего более тысячи лет. В целом Азербайджан является регионом распространения кувшинных погребений на Южном Кавказе. Так, наибольшее количество такого типа могил, обнаруженных до сих пор на Южном Кавказе, было найдено на территории Азербайджана.

Данная статья посвящена кувшинным погребениям Беимсарова и Рамала, обнаруженных в коридоре Южно–Кавказского экспортного трубопровода (SCPX).

Беимсаровский некрополь кувшинных погребений был обнаружен на территории села Беимсаров Тертерского района, на 206 км газопровода SCPX (Южно–Кавказский экспортный трубопровод). Когда сняли верхний слой почвы, здесь нашли несколько хозяйственных кувшинов. К сожалению, эти кувшины были повреждены в результате земляных работ, а некоторые и вовсе разрушены. Параллельно с раскопками этих кувшинных погребений здесь был выровнен слой почвы и раскопан участок земли протяженностью 52 м и глубиной 50 см. Тогда и было обнаружено еще несколько кувшинных погребений.

Всего в некрополе Беимсаров раскопано и изучено 11 кувшинных погребений. Могилы обнаружены на глубине 30-50 см от уровня земли. Три из них были полностью разрушены (могилы №2, 4, 9), в остальных 7 могилах, хотя большая часть погребальных кувшинов и инвентаря, выстроенного вокруг кувшинов, сильно пострадала от тяжести, они все же относительно хорошо сохранились. Погребальные кувшины, найденные в некрополе Беимсаров, состояли в основном из хозяйственных кувшинов с шаровидным туловом и узким

дном. Края горловины кувшинов, согнутые в сторону, часто украшались рельефными узорами. Погребальный кувшин № 10, отличавшийся от других погребальных кувшинов своей формой, имел удлиненное тулово и две широкие ленточные ручки. За исключением 3-й могилы вокруг всех погребальных кувшинов традиционно располагались крупные и средние сосуды. В 8-ю могилу были помещены даже большие хозяйственные кувшины, что нехарактерно для кувшинных погребений и может считаться редкостью. Во всех уцелевших погребальных кувшинах были найдены человеческие скелеты и инвентарь. В могилах были обнаружены скелеты мужчин и женщин, а в могиле № 3 обнаружен детский скелет. Инвентарь состоял из мелкой глиняной посуды, бронзовых украшений и железных инструментов. К сожалению, из-за влажности некоторые кости скелета и инвентарь в могиле подверглись гниению и коррозии. Кроме человеческого скелета, на дне погребального кувшина в могиле № 10 был обнаружен скелет кабана.

Во многих случаях в некрополях кувшинных погребений наблюдается неправильность в направлении могил (т.е. погребальных кувшинов). Эту нестабильность мы наблюдаем и в некрополе Беимсаров. Погребальные кувшины, найденные в некрополе, располагались по направлениям северо-восток–юго-запад, запад-восток и северо-запад–юго-восток. Направление скелетов внутри погребального кувшина также соответствовало направлению кувшина (голова в направлении горлышка кувшина и ноги в направлении дна). Всех погребенных в кувшинах укладывали на правый бок в согнутом или полусогнутом положении. Вокруг погребальных кувшинов стояли большие сосуды. Внутри погребальных кувшинов также клали относительно небольшую глиняную посуду, украшения и так далее. Внутри большинства посуды, выложенной вокруг погребального кувшина, были обнаружены

остатки пищи. Горловина погребального кувшина № 6 была закрыта большой печной крышкой с двумя ручками. Аналогичная ситуация была в некрополе кувшинных могил Ялдили [Əsədov, 2006, s.120-125].

При раскопках на территории кувшинных могил Беимсаров, имеющих богатый инвентарь, были найдены многочисленные гончарные материалы. Они состояли из больших глиняных сосудов, расставленных вокруг большинства могил и образцов небольших сосудов, помещенных в погребальные кувшины. Керамика обычно светло-розовая и серая. Изредка попадались черные и бурые экземпляры. Некоторые из них имеют беловатое и желтоватое декоративное покрытие. Глина смешана с песком или очищена. Хотя большая часть посуды изготовлена вручную без применения гончарного круга, она отличается высоким качеством, выполнена с высоким художественным вкусом и хорошо обожжена. Следует отметить, что под влиянием контактов с античным миром в исследуемый период в городах Кавказской Албании стали использовать обожженный кирпич, изготавливать античную черепицу, чеканить монеты, имитирующие греческие монеты, изготавливать античную глиняную посуду [Кругликова, 1984]. Вполне вероятно, что посуда, использованная в погребальных обрядах некрополя Беимсаров, является ремесленным изделием крупного города (возможно, города Самунис), расположенного вблизи поселения, которому принадлежит некрополь. Например, наличие в Мингячевире многочисленных печей свидетельствует о том, что он является одним из центров гончарного производства Кавказской Албании [Ионе, 1951, с.32-33].

С технико-типологической точки зрения керамика, найденная на раскопе, мало отличается от материалов Самедабада и Ялдили, изученных в соседнем Евлахском районе. Исходя из типологических особенностей этих материалов, мы можем датировать их II–I вв. до н.э. Среди сотен образцов материальной культуры, обнаруженных при раскопках, важное место занимают гончарные изделия и их фрагменты. Артефакты, отличающиеся по назначению, такие, как горшок, пиала, чаша, лейка, медная миска, глиняный кувшин с узким горлышком, маленький шаровидный кувшин, кувшин с широким горлышком, ваза, маслобойка, баклага, крышка и другие глиняные сосуды являются показателем бытовой культуры жителей того периода, к которому они принадлежали. Среди этой посуды, сделанной в основном с большим мастерством и качеством, особо выделяются горшки, пиалы, чаши и маленькие шаровидные кувшины. Эти сосуды культуры Ялойлутепе, украшенные лепкой и гравированным узором, с круглым горлышком, лепестками и желобками, свидетельствуют о высоком художественном вкусе мастеров, изготавливавших их преимущественно вручную.

Рис. 1. Кувшинное погребение № 5 (Беимсаровский некрополь)

Рис. 2. Кувшинное погребение № 6 (Беимсаровский некрополь)

Рис. 3. Кувшинное погребение № 10 (Беимсаровский некрополь)

Во время археологических раскопок был выявлен ряд металлических изделий. Бронзовые украшения состоят из браслетов, ожерелья, колец, серег, пуговиц, ободков и различных изделий из железа. Изделия из железа представлены фрагментами лезвий и рукоятей кинжалов, лезвий ножей, спиц, шилом, гвоздями и серпом. При раскопках в могиле № 3 были обнаружены 2 агатовые бусы и несколько костяных украшений. В могиле № 6 была обнаружена половина камня для молотыбы из серого туфа.

Рис. 4. Кувшин с горлышком в виде лепестка
(Беимсаровский некрополь)

Рис. 5. Кувшин с носиком
(Беимсаровский некрополь)

Рис. 6. Баклага (Беимсаровский некрополь)

Рис. 7. Ваза на одной ножке
(Беимсаровский некрополь)

При археологических раскопках в некрополе Беимсаров были обнаружены остатки костей мелкого рогатого скота и в погребальных камерах и внутри посуды. В период античности и в более ранние периоды во время погребений было принято класть в могилы куски мяса или целые туши животных.

Изучение Беимсаровских кувшинных погребений показало, что во время захоронения в этом некрополе в кувшинных могилах полностью были соблюдены все традиции погребального обряда (размещение инвентаря вокруг и внутри погребального кувшина, размещение еды и напитков в посуде, разжигание костра и т.д.). Предполагается, что огонь, горящий при погребении, должен был служить для изгнания злых сил [Qaziyev, 1953, s.9].

Античная керамика, разбросанная вокруг памятника, наблюдалась и за пределами коридора трубопровода. Область, где наиболее распространены поверхностные материалы, находится на расстоянии более 100 м. Вероятно, недалеко от некрополя находится поселение захороненных здесь людей. Некоторые элементы топографии памятника, а также поверхностные материалы дают основание для определения особенностей поселения античного периода и территория, на которой проводились раскопки, охватывает кладбище этого поселения.

В сентябре 2016 г. на 169.630 км линии SCPX (Южно–Кавказского экспортного трубопровода) на окраине села Рамал Уджарского района был обнаружен некрополь кувшинных захоронений с остатками предметов материальной культуры в нём. Памятник находится примерно в 200 м к юго-западу от деревни Рамал Уджарского района, на левой стороне автомагистрали Баку–Газах. Памятник со всех сторон окружён солончаками [Aǧalarzadə, 2016, s.2].

Кувшинное погребение Рамала ориентирована с северо-востока на юго-запад и представляет собой большой погребальный кувшин (Рис. 11–12). Погребальный кувшин изготовлен из хорошо обожженной красной глины, смешанной с мелким песком. Его горловина воронкообразная, с отогнутым наружу ободком. Перед обжигом на изделие был нанесён простой вогнутый орнамент. При раскопках газопроводного коридора часть кувшина от горлышка до основной ёмкости была разбита. В связи с этим неизвестно, в каком направлении и каким образом был захоронен человеческий скелет внутри кувшина. Несмотря на это, кости таза и нога скелета были целыми. Высота кувшина составляла 170 см, диаметр 110 см, а диаметр основания – 30 см.

Позади скелета располагался сосуд типа «дуршлага», а у его ног – глиняный сосуд типа кувшина. Среди находок был один обломок прозрачного коричневого обсидиана.

Горловина сосуда типа «дуршлага» имеет отверстие для залива жидкости. Для фильтрации жидкости сделаны отверстия, за которыми для беспрепятственного залива следовали желобчатые каналы. Дугообразная ручка имеет зооморфную форму. Ручка соединяет основное тулово с её зооморфной частью. Тулово биконической формы и с трёх сторон имеет симметричные лепные пуговичные орнаменты. Тулово резко сужается к основанию, а нижняя часть имеет вогнутую форму. Сосуд хорошо отполирован. Размеры: высота 15 см, диаметр тулова 14 см, диаметр основания 5 см, ширина 13 см (Рис. 13).

Второй сосуд представляет собой небольшой горшок из слабо обожженной темно-коричневой глины, смешанной с песком. Из-за слабого обжига он рассыпается. У сосуда узкая горловина, а шаровидное тулово резко сужается к основанию. Плечики украшены слабо различимым волнистым узором. Эти узоры были нанесены до обжига. На сосуде отмечены следы огня. Размеры сосуда: диаметр горлышка 17 см, высота горлышка 5 см, общая высота кувшина 21 см, диаметр тулова 23 см, диаметр основания 12 см.

Кувшинные погребения считаются важным источником для изучения материальной и духовной культуры племён и этносов, населявших Кавказскую Албанию с IV в. до н.э. – до III в. н.э. Можно сказать, что кувшинные погребения были зарегистрированы почти во всех регионах Азербайджана. Этот тип погребений был обнаружен в 77 местах в Грузии [Нонешвили, 1992, с.11]. Сюда также можно отнести захоронения в Западной Грузии (Колхида) и Восточной Грузии (Иберия). Найденные кувшинные погребения в Восточной Грузии больше всего похожи на захоронения в Азербайджане. Хронологическими рамками распространения кувшинных погребений в Грузии принято считать вторую половину IV в. до н.э. – конец III в. н.э. [Нонешвили, 1992, с.55]. Такие погребения также были обнаружены на берегу озера Гейча и других местах [Халилов, 2007, с.183-186].

В V–III вв. до н.э. начал развиваться и распространяться на севере страны обычай погребения в кувшинных могилах, принятый, как тип погребения населением, проживающим в южных районах Азербайджана. Уже в эллинистический период этот обычай погребения распространился почти на всю территорию Кавказской Албании и, как отмечается, стал одним из ведущих погребальных обычаев среди населения. В то же время он не отменил полностью другие погребальные обычаи. В течение длительного периода существования кувшинных погребений параллельно с ними существовали и другие типы могил, даже в том же некрополе они располагались рядом с кувшинными погребениями. Следует отметить, что существенной разницы в религиозном мировоззрении носителей культуры кувшинных погребений и тех, кто хоронил

умерших в других типах могил, не было. Это видно по установке погребального инвентаря в могилах, ассортименту инвентаря, положению умерших в могилах и так далее. Дж.Халилов не соглашается с представлением о существовании в отдельности культуры Ялойлутепе и кувшинных погребений, ссылаясь на распространение культуры Ялойлутепе с севера на юг по всей Кавказской Албании, несмотря на некоторые местные особенности и является сторонником упоминания этих культур в научной литературе, как единой культуры – албанской культуры [Халилов, 1985, с.160].

Рис. 8. Кувшин с желобком на горлышке
(Беимсаровский некрополь)

Рис. 9. Пузатый кувшин
(Беимсаровский некрополь)

Рис. 10. Бронзовое ожерелье
(Беимсаровский некрополь)

Одним из научных фактов, подтверждающих это мнение, является широкое распространение кувшинных погребений параллельно с другими типами могильных памятников, их одновременное обнаружение на одном кладбище с другими типами могил, их сходство с памятниками Ялойлутепе как по периоду, так и по занимаемой территории.

Рис. 11. Общий вид захоронения
(Рамалский некрополь)

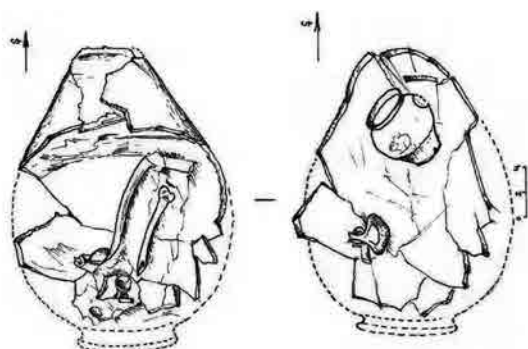

Рис. 12. Графический план захоронения
(Рамалский некрополь)

Рис. 13. Сосуд с фильтром (Рамалский некрополь)

И.А.Бабаев полностью согласен с этим мнением Дж.Халилова [Бабаев, 1990, с.138-139]. По его мнению, последний этап культуры Ялойлутепе продлился до III в. н.э., что очень хорошо прослеживается в археологических материалах Шамахи и Габалы. Таким образом, эта общеалбанская культура, именуемая в научной литературе Ялойлутепе, охватывает период с IV в. до н.э. по III в. н.э. Это совпадает с периодом распространения и развития кувшинных погребений на территории Кавказской Албании [Бабаев, 1990, с.141].

Понятно, что погребальные памятники Кавказской Албании изучены больше, чем места проживания, и типы могил этого периода отличаются от типов могил других исторических периодов разнообразием и богатством артефактов. На территории Азербайджана благодаря археологическим раскопкам были изучены сотни могильных памятников семи типов, относящихся к культуре Албании античного периода. Г.Гошгарлы провел типологический и сравнительный анализ этих могил, подробно проанализировал места погребальных памятников в археологии Кавказа и их значение в изучении истории этногенеза азербайджанского народа [Гошгарлы, 2012].

Особо подчеркивая роль кувшинных погребений, исследователь показал, что обнаружение большого количества и разнообразия изделий практически даже из обычных кувшинных погребений свидетельствует о принадлежности этих кувшинных погребений городским поселениям с развитым ремесленным производством, и этот факт сам доказывает, что Албания в античный период была крупным международным торговым центром [Гошгарлы, 2006, с. 202-203].

Анализ археологических материалов, обнаруженных в обоих некрополях (Беимсаров, Рамала), проведенные аналогии, наблюдения за погребальными обрядами дают возможность датировать их периодом II-I вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ağalarzadə A.M. SCPX boru dəhlizinin 169.500-cü km-dəki Ramal küp qəbirində aparılmış arxeoloji qazıntıların qısa hesabatı. Bakı, 2016, 14 s.
2. Qazıyev S.M. İki küp və iki katakombə qəbri / AMM, III cild, Bakı, 1953, s.9.
3. Əsədov V.A. Yəldili küp qəbirləri // Azərbaycan arxeologiyası, №1-4, Xəzər Universiteti nəşriyyatı, 2006, s.120-125.
4. Əsədov V., Ağalarzadə A., Əbdürrəhmanov Ə. Yəldili nekropolunun yeni qəbirləri // Dövlət və din. İctimai fikir toplusu, oktyabr 2015, №10 (39), Bakı, 2015, s.15-29.
5. Xəlilov M.C. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı, 2009, 180 s.
6. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 234 с.
7. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 248 с.
8. Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура / Материальная культура Азербайджана, том II. Баки, 1951, с.31-79.
9. Кругликова И.Т. Античная археология. М.: Высшая школа, 1984, 216 с.
10. Нонешвили А.И. Погребальные обряды народов Закавказья (кувшинные погребения VIII в. до н.э. – VIII в. н.э.). Тбилиси: Мецниереба, 1992, 173 с., илл.
11. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985, 204 с.
12. Халилов М.Дж. Раннесредневековые кувшинные погребения Азербайджана / Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Махачкала, 2007, с.183-186.

Гулиев Акиф

Ученый секретарь Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, заведующий отделом нумизматики и эпиграфики, доктор философии по истории

ИМИШЛИНСКИЙ КЛАД: ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ДРЕВНИЙ ПЕРИОД

Деньги возникли как естественное и закономерное явление в процессе исторического развития товарообмена человеческого общества. В первобытной общине люди в качестве денег использовали орудия труда и охоты, оружие, скот, рыбу, мех, продукты питания, украшения, металлические слитки. С эпохи неолита между племенами, населявшими бассейны рек Тигр и Евфрат, Нил, Амударья и Сырдарья, Инд и Ганг, Хуанхэ и Янцзы, Кура и Араз, озера Урмия, как средство обмена в торговле использовались необработанные и обработанные каменные орудия (обсидиан и кремнь), каури (ракушки), бусы из минеральных камней, а с эпохи бронзы использовались бронзовые браслеты, наконечники стрел, токены (глиняные жетоны) [Сейфеддини, Бабаев и др., 1998, с.13-14].

*Местность под названием Зилитепе
Имишлинского района*

Со временем люди стали заменять натуральные продукты обмена металлическими монетами. В начале VIII в. до н.э. первые металлические монеты появились в бассейне Эгейского моря – Лидии и Греции [Казаманова, 1969, с.7].

Знакомство древних азербайджанских племён с металлом ускорило развитие производительных сил. Международные связи и границы товарообмена значительно расширились и на рубеже II и I тыс. до н.э. и это привело к настоящей торговле, в которой отдельные товары или продукты стали играть роль всеобщего эквивалента – денег. После первого разделения труда основным средством обмена для скотоводческих племен, осевших в Азербайджане, был скот, а для земледельческих племен зерновые культуры. Мелкий рогатый скот – «давар», откормленный на продажу в древнетюркских племенах, имевших тесные

связи с древневосточными славянскими племенами, в конечном итоге закрепился в русском языке в виде слова «товар» – продукта продажи. В Древнем Риме скот называли «пекус», деньги – «пекунии», а на Руси животных – «скот», казну – «скотница» [Зограф, 1951, с.16-18].

Как уже отмечалось, начиная с эпохи неолита, до появления денег в качестве предметов обмена в Азербайджане использовались морские раковины с побережья Индийского и Тихого океана – «каури» (ракушки). Каури были широко распространены в Азии, Европе и Африке. При археологических раскопках в Азербайджане эти раковины находят по одной и по многу сразу в памятниках с VII тыс. до средневековья. Со временем каури перестали играть роль средства обмена и стали украшением и средством защиты от глаза, а точнее амулетом.

Со времени открытия меди роль денег в экономически развитых странах перешла к металлам, более физически пригодным для выполнения общей эквивалентной функции – бронзе, железу, золоту, серебру и т.д.

Начиная с железного века, такие металлы, как золото, серебро, медь и их сплавы – электр, бронза и другие начинают использоваться в качестве денег.

В VII в. до н.э. лидийский правитель Гигес (Гугу) чеканил монеты из электра (смеси золота и серебра). В период правления его преемника Креза (560–546 гг. до н.э.) в обращение были введены золотые монеты. Лидийская денежная система вскоре распространилась на греческие островные государства.

Безусловно, Азербайджан не остался в стороне от этих процессов, и денежная система на юге Нашей страны формировалась под влиянием месопотамской, лидийской, греческой и египетской цивилизаций. Греческий автор V в. до н.э. Геродот отмечал, что Мидия (охватывавшая почти всю территорию Южного Азербайджана), присоединившаяся к государству Ахеменидов, ежегодно давала в казну Ахеменидов в качестве дани 650 талантов (около 20 тонн) серебра.

При Дарии I в государстве Ахеменидов была проведена денежная реформа и в обращение были введены золотые дарики, серебряные сиклы и бронзовые монеты.

Однако широкое распространение монет в Азербайджане, а также в некоторых странах Востока связано с походами Александра Македонского на Восток и возникновением на оккупированных территориях греко-македонских, а позднее эллинистических государств. Присоединение Азербайджана к экономике эллинистического периода (III в. до н.э. – I в. н.э.) также произошло в это время, и таким образом в стране начался период чеканки и использования монет. После смерти Александра Македонского политическая независимость Атропатены и Албании привела к возрождению экономики. По этой причине расширились международные торговые связи, и, как следствие, растущий спрос на деньги заложил основу для чеканки денег в Азербайджане.

Античные монеты, найденные поодиночке и в виде кладов на территории Азербайджана, доказывают, что денежный поток начался во второй четверти III в. до н.э.

Первой зарегистрированной монетой Александра Македонского в Азербайджане была серебряная тетрадрахма из клада, найденного в 1897 г. близ села Гюлистан (Геранбойский район). В 1920 г. в Шемахе была обнаружена тетрадрахма Александра Македонского. В 1925 и 1929 гг. рядом с Бардой был найден еще один клад с монетами Александра Македонского (336–323 гг. до н.э.), Селевкидских царей Антиоха IV (175–164 гг. до н.э.), Антиоха V (164–162 гг. до н.э.) и Деметрия I (162–150 гг. до н.э.) [Сейфеддини, Бабаев и др., 1998, с.17].

Позднее в кладах, найденных в Ордубаде (1933 г.), Зангелане (1964 г.), Габале (1966 г.) [Бабаев, Казиев, 1971, с.16-31], и Имишли (2017) были обнаружены монеты Александра III.

В 1957 г. недалеко от села Хыныслы в Шемахе был обнаружен античный клад. Из клада удалось собрать более 200 монет. Клад исследовал проф. Ю.Пахомов, и зарегистрировал здесь тетрадрахмы царя Фракии Лисимаха (323–281 гг. до н.э.), города Афины (250 г. до н.э.), царей Вифнии Никомеда II (149–91 гг. до н.э.) и Никомеда III (91–74 гг. до н.э.), Селевкидских царей Антиоха IV (175–164 гг. до н.э.), и Деметрия I (162–150 гг. до н.э.), Александра I (150–145 гг. до н.э.), Антиоха VII (138–129 гг. до н.э.), Александра II (128–123 гг. до н.э.); Антиоха VIII (121–96 гг. до н.э.), Селевка VI (96–95 гг. до н.э.), Антиоха X (94–83 гг. до н.э.), Филиппа I (92–83 гг. до н.э.), царя Понта Митридата VI (121–63 гг. до н.э.), и драхмы правителей Парфии Фраата I (176–171 гг. до н.э.), Митридата II (123–88 гг. до н.э.), Артабана II (128–123 гг. до н.э.), Санатрука (11–10 гг. до н.э.), Фраата III (70–58 гг. до н.э.). Здесь также имеется денарий Римской республики 82 г. до н.э. и местная

монета, подобная монетам Александра Македонского, Селевкидов и Аршакидов [Пахомов, 1962, с.106-113; Пахомов, 1962а, с.74-76].

Еще один клад был найден в 1966 г. в селе Чухур-Габала Габалинского района. В результате усилий участников Габалинской археологической экспедиции удалось собрать 700 серебряных монет, бывших в обращении. В кладе найдены македонские, фракийские, селевкидские, аршакские, бактрийские и местные аналогичные монеты [Раджабли, 1997, с.7-17].

Аналогичные монеты обнаружены также в могилах у сёл Нуйди и Гегали (Наргизава) Ахсуйского района. Одна из них была найдена в глиняном кувшине, а другая в руке скелета (как «монета Харона»).

В 2017 г. в Институт археологии и этнографии (ныне Институт археологии, этнографии и антропологии) НАНА поступила информация об обнаружении клада на территории Гызылкенда Имишлинского района. По поручению директора института, доктор философии по истории А.А.Гулиев и доктор философии по истории М.М.Мустафаев были отправлены в район и встретились с жителем села Этирамом Гасановым, который нашёл клад. Э.Гасанов заявил, что нашел клад из 9 монет в небольшом глиняном горшке, когда пас овец в местности под названием Зилитепе. При осмотре местности под названием Зилитепе на распаханном участке были обнаружены остатки человеческих скелетов и фрагменты глиняной посуды различных форм и размеров, относящиеся к античному периоду.

Клад был передан Заведующему отделом нумизматики Института археологии и этнографии НАНА, доктору философии по истории А.А.Гулиеву. Осмотр монет показал, что это серебряные драхмы, принадлежавшие Александру Македонскому.

Следует отметить, что местности, где были найдены клады Александра Македонского, в античности образовывали своеобразный треугольник, расположенный вблизи международной водной транзитной торговой артерии между Черным морем и Каспийским морем. Об этом маршруте писали многие античные авторы, в том числе Страбон. Этот караванный путь начинался от города Фазис на восточном берегу Черного моря, вёл в Каспийское море по рекам Риони и Кура, а затем тянулся из Средней Азии в древнюю Бактрию через Амударью, впадавшую тогда в Каспийское море. На этом семидневном пути велась интенсивная международная транзитная торговля, в которой Албанское царство также занимало важное и выгодное положение. Об этом свидетельствует наличие бактрийских монет в Габалинском кладе. На этом пути располагались главные торгово-экономические и политические центры Албанского царства – столица Габала и

Шемаха. Вполне вероятно, что в этих городах драхмы Александра Македонского чеканились по местным аналогиям в албанском стиле.

Из найденного в Ленкорани клада удалось собрать последние 10 серебряных аналогов драхм, а оставшиеся монеты разлетелись по рукам. Тот факт, что клад был найден в южной части Албанского государства, знаменателен тем, что позволяет определить ареал распространения этих монет на всей территории Северного Азербайджана, южной границей которого является река Араз.

Аналоги монет Александра Македонского использовались в денежном обороте Атропатены и Албании наряду с монетами Селевкидов. Причиной этого, как и прежде, был растущий спрос на деньги.

В период ослабления государства Селевкидов в середине III в. до н.э. на территории современной Республики Туркменистан начало формироваться новое государство – Парфия (Аршакиды). В 247 г. до н.э. Аршак, вождь племени сак-парнов, провозгласил себя царем и основал Парфянское государство. В короткий срок враждующие сак-парнские племена оккупировали территорию Ирана, оттеснили греков к реке Евфрат и на большой территории основали империю Аршакидов. Митридат I, представитель династии Аршакидов, воспользовался ослаблением государства Селевкидов, чтобы вторгнуться в Мидию и Месопотамию. В результате напряженных войн с парфянами государство Селевкидов ослабло и в 190 г. до н.э. пало, потерпев поражение от римлян в битве при Магнезии. После падения государства Селевкидов Атропатена, Южный Кавказ, а также Албания перешли под власть Аршакидов.

Парфянская денежная система была основана на денежной системе Аттики. Основой денежного обращения была серебряная драхма. В особых случаях также чеканили мелкие золотые монеты в связи с крупными победами, церемониями коронации, рождением князя или религиозными праздниками. Медные и бронзовые монеты использовались во внутренней торговле.

Со II в. парфянские серебряные драхмы стали поступать в Атропатену, Албанию и на Южный Кавказ. С введением этих монет в обращение монеты Александра Македонского ушли из денежной системы.

Как уже упоминалось, Имишлинский клад, в отличие от других кладов, где были найдены монеты Александра Македонского, состоит только из драхм Александра. Серебряные драхмы в Имишлинском кладе следующие:

1. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.8 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне, держащий в правой руке сокола, а в левой – посох. Монограмма ГА выгравирована под изображением птицы. Под престолом греческая буква Σ (сигма).

драхма 1a

драхма 1b

2. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.84 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне, держащий в правой руке сокола, а в левой – посох. Справа от посоха, на краю монеты, выгравировано слово «Александр». Перед коленями Зевса стоит амфора с двумя ручками. Под тронем монограмма «А».

драхма 2a

драхма 2b

3. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.8 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне с соколом в правой руке и посохом в левой.

драхма 3а

драхма 3б

4. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.8 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне, держащий в правой руке сокола, а в левой – посох.

драхма 4а

драхма 4б

5. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.8 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне, держащий в правой руке сокола, а в левой – посох.

драхма 5а

драхма 5б

6. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.8 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне, держащий в правой руке сокола, а в левой – посох.

драхма 6а

драхма 6б

7. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.8 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне, держащий в правой руке сокола, а в левой – посох.

драхма 7a

драхма 7b

8. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.8 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне, держащий в правой руке сокола, а в левой – посох.

драхма 8a

драхма 8b

9. Серебряная драхма. Александр Македонский (336–323 гг. до н.э.)

В = 3.8 гр.

Д = 17-18 мм.

AV. В центре монеты изображение Александра Македонского (Геракл) в шлеме в форме головы немейского льва, обращенное влево.

RV. В центре монеты изображен Зевс, сидящий на троне, держащий в правой руке сокола, а в левой – посох.

драхма 9a

драхма 9b

На основании изучения монет, можно предположить, что эти монеты были отчеканены в первой половине III в. до н.э. после смерти великого завоевателя, в период правления его наследников. Текущее состояние монет, чрезмерная потертость, свидетельствует о том, что они долгое время находились в обращении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабаев И.А., Казиев С.М. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи / Нумизматика эпиграфика, Т.IX, М., 1971, с.16-31.
2. Зограф А.Н. Античные монеты / МИА, №16. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951, 201 с.
3. Казаманова Л.Н. Введение в античную нумизматику. М.: Изд-во МГУ, 1969, 302 с.
4. Пахомов Е.А. Античные монеты в Албании (в пределах Аз.ССР) / Вопросы истории Кавказской Албании. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, с.106-113.
5. Пахомов Е.А. Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским / Материалы по истории Азербайджана. Труды МИА, Т.I, Баку, 1962а, с.74-76.
6. Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. Баку: издательство «Элм ве Хаят», 1997, 232 с.
7. Сейфеддини М.А., Бабаев И.А., Расулова М.М., Алиев З.М., Дадашова С.Х. Нумизматика Азербайджана. Том I. Баку: Элм, 1998, 160 с.

Кириченко Дмитрий

Ведущий научный сотрудник «Центра антропологии» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент

ИСТОРИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Физическая антропология в настоящее время является одной из важных научных исторических дисциплин, связанных с этногенезом азербайджанского народа и коренных этносов, населяющих Нашу страну. Предметом изучения физической антропологии является многообразие биологических признаков человека (изменчивость) во времени и пространстве.

На данный момент следует выделить два направления физической антропологии Азербайджана: историческую антропологию, которая включает в себя антропогенез (происхождение человека) и палеоан-

тропологию (в широком смысле значения этого термина) – т.е. изучение древнего населения на основе костных останков и этническую антропологию, которая занимается исследованиями современного населения Нашей Республики и включает в себя расогенез и морфологию.

До конца XIX – начала XX века не существовало научных работ или исследований, относящихся к физической антропологии населения Азербайджана, имелись лишь отрывочные сведения в работах антропологов Р.Ф.Эркерта, Е.Шантра, И.И.Пантюхова и др.

Историческая антропология

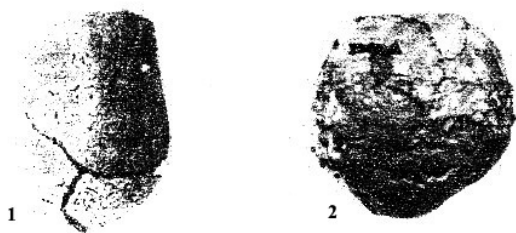

Рис. 1. Мужские черепа эпохи мезолита из Гобустана.

1. Долихокраний череп (№ 3);
2. Брахиокраний череп (№ 5)
(Касимова, 1974, с.159, рис.1-2)

Рис. 2. Брахиокраний мужской череп из «культового» кургана № 36.

Раскопки Я.И.Гуммеля. Гёйгёльский район, долина р.Гянджачай. Эпоха поздней бронзы–раннего железа. Музей анатомии человека. Азербайджанский Медицинский Университет (фото автора)

В конце XIX в. один из «первопроходцев» азербайджанской археологии Э.А.Реслер обратил внимание на формы черепных коробок из раскопанных им курганов эпохи поздней бронзы – раннего железа Карабаха и отмечал, что в кургане № 2 Довшанлы на левом берегу реки Хачинчай, в могиле «а» череп юноши относился к долихоцефальному типу [Кушнарера, 1957, с.142]. В кургане № 1 Ахмахи, расположенном на левом берегу реки Хачинчай череп скелета основного погребенного относился к долихоцефальному типу, а другие три черепа людей, сопровождавших главного покойника, относились к брахицефальному типу [Кушнарера, 1957, с.148], в кургане № 3 Ахмахи также череп основного погребенного относился к долихоцефальному типу, а черепа восьми сопровождавших лиц были брахицефального типа и на них были отмечены следы повреждений, свидетельствующие о их насильственной смерти [Кушнарера, 1957, с.152].

Вероятно, черепа долихоцефального типа относились к каспийскому антропологическому типу, а черепа брахицефального типа принадлежали представителям брахиокраний варианта южной ветви европеоидной расы.

Каспийский антропологический тип был распространен на территории Азербайджана еще с периода мезолита (Гобустан) и представлен на территории Нашей страны во всех исторических периодах вплоть до наших дней. Что касается относительно брахиокраний варианта, то череп такого типа впервые был обнаружен в Гобустане и также датируется периодом мезолита.

В дальнейшем черепа брахикранного типа были обнаружены в погребениях периода бронзы Гянджа–Газахской зоны Азербайджана.

Первым исследованием по исторической антропологии Азербайджана является работа А.А.Ивановского, в который приводятся первые краниометрические измерения черепов из каменных ящиков Кедабека, которые относились к периоду поздней бронзы – раннего железа [Ивановский, 1911].

Данные черепа относятся, в основном, к каспийскому антропологическому типу.

А.А.Ивановский также сообщает о долихоцефальной форме черепной коробки трех людей, захороненных в кургане № 5 (№ 91) к северу от села Карабулаг (ныне г.Физули, Физулинский район) [Ивановский, 1911, с.158]. Вероятно, погребенные в кургане люди относились к каспийскому антропологическому типу.

В 30-е годы XX в. сведения о черепах из погребений периода бронзы–железа Гянджа–Газахской зоны имелись в работах археолога Я.И.Гуммеля, который также отмечал долихокранные и брахикранные формы черепных коробок у погребенных [Гуммель, 1940].

В середине XX в. после широкомасштабных археологических раскопок в зоне строительства Мингячевирской ГЭС был собран многочисленный палеоантропологический материал от эпохи бронзы до средневековья.

В это время в Азербайджане антропологически исследованиями занималась первый антрополог Азербайджана д.и.н. Р.М.Касимова, прошедшая школу антрополога Г.Ф.Дебеца. Итогом работы Р.М.Касимовой стала монография «Антропологические исследования черепов из Мингечаура», увидевшая свет в 1960 г. [Касимова, 1960]. В книге палеоантропологический материал из раскопок в Мингячевире был впервые разбит по хронологическому принципу и по типам погребальных памятников Азербайджана. Из выводов Р.М.Касимовой следует, что на исследованной территории сохраняется антропологическая преемственность населения. Р.М.Касимовой же был выявлен и брахикранный антропологический тип, который несколько сближается с кавкасионским антропологическим типом, в котором отмечена также примесь каспийского антропологического типа.

В 1974 г. Р.М.Касимова изучила черепа из Гобустана со стоянки «Фируз» [Касимова, 1974], датируемые периодом мезолита. Гобустанские материалы подтвердили древность и автохтонность каспийского и того брахикранного типа (кавказионский + каспийский), который был впервые выявлен в Мингячевире, а в настоящее время широко распространенного в северо-западных, северо-восточных районах Азербайджанской Республики.

В 1977 г. была опубликована статья Д.В.Гаджиева и Г.П.Кесаманлы о черепе со следами символической трепанации из могилы № 2 разрушенного кургана в Хачбулаге с территории Дашкесанского района Азербайджана [Гаджиев, Кесаманлы, 1977].

Рис. 3. Женский череп со следами символической трепанации из Хачбулага (Гаджиев, Кесаманлы, 1977, с.59, рис.3)

Рис. 4. Фрагмент нижней челюсти женщины из пещеры Азых, Ходжавендский район, Азербайджанская Республика (Гусейнов, 2010, с.132 рис.65)

Рис. 5. Череп со следами трепанации из Чалагантепе (Кириченко, 2017, с.153, рис.1)

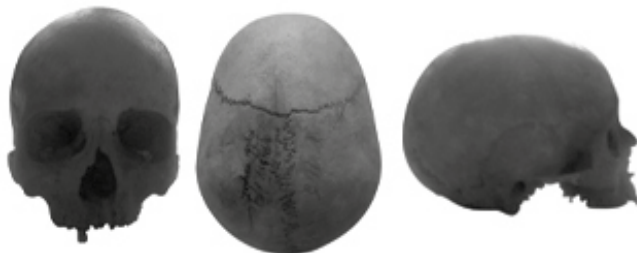

Рис. 6. Женский череп каспийского антропологического типа из кувшинного погребения в Мингячевире (Кириченко, 2020, с.109, рис.12)

Рис. 7. Искусственно деформированный мужской череп из некрополя Кухуроба, Гусарский район, Азербайджанская Республика. Музей анатомии человека. Азербайджанский Медицинский Университет (фото автора)

Рис. 8. Каспийский антропологический тип (Дебец, 1960, с.30, рис.2)

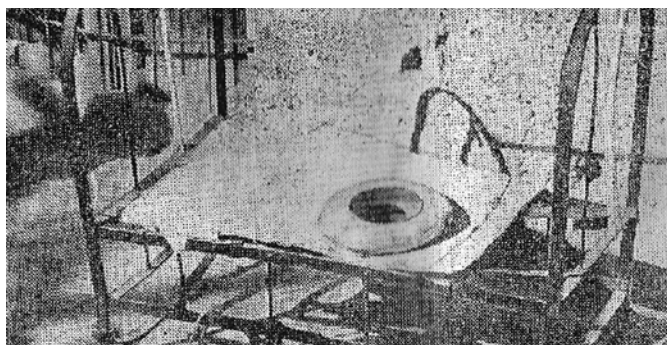

Рис. 9. Бешик. Ордубадский район, Нахчыванская АР, Азербайджанская Республика (Касимова, 1980, с.19, рис.13)

Рис. 10. Мужской череп кавкасионского антропологического типа, с.Газыгулу, Товузский район, Азербайджанская Республика (фото автора)

Антрополог Р.М.Касимова изучила костные останки из пещеры Азых – нижняя челюсть женщины (жившей, примерно, 350–400 тыс. лет тому назад) – т.н. «Палеоантропа азыхского» («Азыхантроп»). находка доказала, что территория Азербайджана входила в зону сапиентации и была одной из важнейших частей Ойкумены [Касимова, 1986].

В статье 1984 г. Р.М.Касимова вкратце подвела итог палеоантропологических исследований на территории Азербайджана и отметила, что они свидетельствуют о преемственности населения Азербайджана с эпохи мезолита до средних веков и современности [Касимова, 1984].

В 1988 г. Р.М.Касимова изучила женский череп со следами трепанации из погребения № 20 на поселении Чалагантепе [Qasimova, 1988] с территории Агдамского района Азербайджана.

В 1997 г. Р.М.Касимова защитила докторскую диссертацию на тему «Этногенез азербайджанского народа на основании палеоантропологических и антропологических (соматологических материалов)» и подвела итог своим многолетним исследованиям по антропологии Азербайджана [Qasimova, 1997].

В 1999 г. Р.М.Касимова в одной из своих работ упоминает черепа из могильника Пловдаг I с территории Нахчыванской АР, которые датировались периодом средней бронзы и принадлежали представителям каспийского антропологического типа [Qasimova, 1999].

После смерти Р.М.Касимовой антропологией в Азербайджане никто не занимался. К сожалению, Р.М.Касимова не оставила после себя учеников и не создала школы по изучению антропологии в Азербайджане.

С 2006 г. вопросами исторической антропологии Азербайджана занимается автор настоящей публикации. Итогом многолетних работ исследователя стала монография «Палеоантропология Азербайджана (VII в. до н.э. – V в. н.э.)», опубликованная в 2020 г.

В монографии освещены материалы из раскопок периода античности – раннего средневековья с территории Азербайджана. Краниологический материал был разделен по типам погребальных памятников Азербайджана указанного времени. Несмотря на разнообразие типов погребальных памятников, палеоантропологические материалы из них демонстрируют в основном преобладание долихо-мезокранного каспийского антропологического типа. Тем самым палеоантропологические материалы подтверждают выводы археологов о том, что, несмотря на различия в типах погребений, все они принадлежали автохтонному населению Азербайджана [Кириченко, 2020, с.135].

Автором были также исследованы палеоантропологические материалы с территории Азербайджана от эпохи неолита до средних веков. Основной вывод наших исследований – сохраняется антропологическая

преемственность населения Азербайджана от эпохи каменного века вплоть до современности.

В наших работах освещаются также вопросы бытовых искусственной деформации головы (черепа), трепанации и патологий у древнего населения Азербайджана.

В 2018 г. при Институте Археологии и Этнографии (ныне Институт археологии, этнографии и антропологии) НАНА был создан Центр антропологии, руководителем которого является д.а.н. проф. А.Э.Мамедли

Центр занимается не только проблемами физической, но и социальной антропологии. В Центре антропологии помимо автора настоящей статьи вопросами исторической антропологии занимаются также и молодые исследователи – магистры В.П.Гасанов и У.Аллахвердиева. В Центре антропологии была начата работа по составлению каталога палеоантропологических находок с территории Азербайджана от эпохи неолита до средневековья.

Этническая антропология

Этническая антропология Азербайджана долгое время оставалась вне поля зрения исследователей. В конце XIX в. А.А.Арутинов провёл антропологические исследования удин [Арутинов, 1905; Арутинов, 1905a], населявших современный г.Огуз (Огузский район) и селение Нидж (Габалинский район).

Первым инициатором и организатором антропологических исследований в Азербайджане стал врач Н.И.Ансеров, руководивший кафедрой анатомии Азербайджанского государственного университета. В 1927 г. под его руководством была создана комиссия при «Обществе исследования и изучения Азербайджана» [Ансеров, 1933], которая существовала до 1934 г. За небольшой отрезок своей деятельности комиссия организовала медико-антропологическую экспедицию для исследования азербайджанцев и тех этнических групп, с которыми они находятся в непосредственном соприкосновении. Антропологические исследования производились преимущественно по возрастному и физическому развитию населения. Причина, по-видимому, заключалась в составе комиссии: она состояла из анатомов, врачей и студентов медицинского факультета. Члены комиссии выпустили несколько работ: М.Эфендизаде «О физическом развитии новорожденных», «О физическом развитии тюрков-учащихся в техникумах НКП»; К.Балакишиев «О некоторых размерах таза тюрчанки»; Н.И.Ансеров «К морфологической характеристики туберкулезной конституции» и др. Наиболее обширный материал по изучению физического типа современных азербайджанцев содержится в трудах Н.И.Ансера. Следует отметить изданную в 1930 г. его работу «Тюрки Советского Азербайджана» [Ансеров, 1930], в котором наряду с данными о физическом развитии приводятся материалы об антропологическом типе учащихся железнодорожного техникума г.Баку, монографию «Талыши» [Ансеров, 1932] и статью об азербайджанцах Нахичеванской зоны, опубликованную в «Русском антропологическом журнале» [Ансеров, 1934]. Одним из ранних исследователей

современного населения Азербайджана был А.И.Ярхо, который, дал описание азербайджанцев с.Делимамедли Гянджинского уезда в 1932 г. [Ярхо, 1932].

Проф. В.В.Бунак опубликовал ряд работ по антропологии Кавказа. Особое внимание заслуживает его труд «Антропологический состав населения Кавказа» [Бунак, 1946]. В.В.Бунак, основываясь на наблюдениях, даёт классификацию антропологических типов современного Кавказа. Одним из них, который преобладает в составе азербайджанского народа, назван В.В.Бунаком «каспийской расой» [Бунак, 1946].

Большой вклад в этническую антропологию Азербайджана внес проф. Г.Ф.Дебец. В 1951–1952 гг. Академия Наук Азерб.ССР для организации антропологических экспедиций по изучению современного населения пригласила проф. Г.Ф.Дебеца, в качестве научного руководителя. В этот период, как указывалось выше, под его началом получила подготовку, известная в последующем антрополог Азербайджана – Р.М.Касимова.

В изучении современного населения Азербайджана следует отметить также и роль анатома Р.Д.Муганлинского [Касимова, 1971].

В 1958 г. Р.М.Касимовой были проведены исследования современного населения южных регионов Нашей Республики, в 1960 г. были изучены женщины Шеки–Закатальской зоны [Касимова, 1966], в 1964 г. народы шахдагской этнографической группы [Касимова, 1964], а также азербайджанцы – переселенцы из Южного Азербайджана (Иран). Было выявлено, что они также относятся к каспийскому антропологическому типу [Касимова, 1977].

Р.М.Касимова вслед за Ю.Г.Рычковым [Рычков, 1957] занималась вопросами влияния колыбели типа «бешик» в раннем детском возрасте на антропологический тип населения. Она пришла к выводам, что деформирующее воздействие бешика, влияет лишь на форму головы и не изменяет антропологический тип [Касимова, 1980].

В 1975 г. Р.М.Касимова обобщила материал по этнической антропологии современного населения Азербайджана в своей монографии, где помимо азербайджанцев была освещены и данные по талышам, татам, народам шахдагской этнографической группы и удинам [Касимова, 1975].

В ней она отмечает, что в формировании физического типа азербайджанцев участвовали главным образом два европеоидных антропологических типа:

1. Долихокефальный, относительно узколицый тип, с прямой спинкой носа, более сильным развитием волосяного покрова и темнопигментированный, характерен для азербайджанцев районов Малого Кавказского хребта, южных и центральных районов Республики, а также для татов-мусульман, курдов и будугцев. Кроме того, элементы данного типа входят в состав талышей. Характерные черты этого типа дают основание отнести его к каспийскому антропологическому типу.
2. Брахицефальный тип с тенденцией к широколицести, несколько более слабым развитием волосяного покрова и относительно светлопигментированный преобладает среди азербайджанцев северо-западных и северо-восточных районов Республики, у народностей «шахдагской группы» и удин.

Одонтологией населения Азербайджана занималась в своих исследованиях д.б.н. У.Ф.Гашимова [Гашимова, 1978; Гашимова, 1978а; Гашимова, 1979а; Гашимова, 1979b], которая в 1979 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Антрополого-одонтологическое исследование современного населения Азербайджана в связи с этногенезом» [Гашимова, 1979].

В Азербайджанском Медицинском Университете на кафедре «Анатомии и медицинской терминологии» вопросами антропологии занимаются заслуженный деятель науки, Академик РАМН, д.м.н., проф. В.Б.Шадлинский и д.ф. по медицине, доц.

А.С.Абдуллаев. В 2019 г. ими было опубликовано объемное учебное пособие «Антропология с основами морфологии» [Şadlinski, Abdullayev, 2019]. Благодаря В.Б.Шадлинскому была спасена богатая коллекция краниологических материалов с территории Азербайджана, которая датируется от эпохи бронзы до средних веков, которая представлена в экспозиции «Музея анатомии человека» Азербайджанского Медицинского Университета.

А.С.Абдуллаев в своих исследованиях широко применяет возможности компьютерной томографии и исследует влияние эпигенетических признаков на развитие человека, а также в круг его научных интересов по антропологии входят вопросы искусственной деформации головы и патологии [Abdullaev, Nadirli, 2022; Abdullaev, Allahverdiyeva, 2022].

В настоящее время, необходимо вновь провести антропологические исследования современного населения Азербайджана, так как с момента предыдущего прошло свыше полувека, так как наука не стоит на месте и ее методы развивают вместе с развитием техники и расширением процесса глобализации.

Краниология современного населения Азербайджана, в настоящее время освещена лишь черепами удин, исследованными в свое время антропологом акад. В.П.Алексеевым [Алексеев, 1973], а также материалами из азербайджанского кладбища конца XVIII–XIX вв. близ с.Газыгулу Товузского района Азербайджана (Кириченко, неопубл. данные).

Череп удин относились, как к кавкасионскому, так и каспийскому антропологическому типу, что же касается черепов из Газыгулу, то среди них были выявлены, как черепа каспийского, кавкасионского, так и метисными формами между каспийским и кавкасионским антропологическими типами.

Антропологические исследования на территории Нашей страны показывают, что современные антропологические типы населения Азербайджана соответствуют типам древнего населения Республики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Qasimova R.M. Azərbaycan xalqının etnogenezi paleoantropoloji və antropoloji (somatoloji) materialları əsasında. Bakı, 1997, 55 s.
2. Qasimova R.M. Qədim naхçıvanlılar (tarixi-antropoloji tədqiqat) // Elmi əsərlər (Humanitar seriya), №5. Xüsusi buraxılış. Naхçıvan Dövlət Universiteti. Naхçıvan: Qeyrət, 1999, s.124-126.
3. Qasimova R.M. Paleoantropoloji materiallarda ibtidai "cərrahiyyə" izləri // Elm və həyat, №4, 1988, s.26-27.
4. Şadlinski V.B., Abdullaev A.S. Antropologiya morfolojiyanın əsasları ilə. Bakı: Sahhafçı Çap&Poliqrafiya, 2019, 413 s.
5. Алексеев В.П. Материалы по краниологии народов Дагестана / Материалы по археологии Дагестана. Т.III. Махачкала, 1973, с.109-112.
6. Ансеров Н.И. Пять лет антропологической работы в Азербайджане // Антропологический журнал, №3, 1933, с.112-115.
7. Ансеров Н.И. Талыши. Медико-антропологическое исследование. Баку: Изд. АзГНИИ, 1932, 73 с.
8. Ансеров Н.И. Тюрки Нахичеванской Республики // Антропологический журнал, №1-2, 1934, с.109-115.
9. Ансеров Н.И. Тюрки Советского Азербайджана: К характеристике их физического типа. Баку: Изд. АзГНИИ, 1930, 75 с.
10. Арутинов А.А. Удины (Материалы для антропологии Кавказа). М.: Типография С.П.Семенова, 1905, 136 с.
11. Арутинов А.А. Удины // Русский антропологический журнал, №1-2, 1905а, с.73-96.
12. Бунак В.В. Антропологический состав населения Кавказа // Вестник Государственного Музея Грузии. Т.XIII А, 1946, с.89-108.
13. Гаджиев Д.В., Кесаманлы Г.П. Трепанация черепа в Азербайджане в древности // Азербайджанский медицинский журнал, №12, 1977, с.54-61.
14. Гашимова У.Ф. Антрополого-одонтологическое исследование современного населения Азербайджана в связи с этногенезом: Автореф. дисс. канд. биол. наук МГУ им. М.В.Ломоносова, НИИ и Музей антропологии им. Д.Н.Анучина. М.: 1979, 29 с.
15. Гашимова У.Ф. Некоторые итоги одонтологического исследования современного населения Азербайджана // Доклады АН Аз.ССР, №12, 1978, с.87-92.
16. Гашимова У.Ф. Одонтологическая характеристика населения восточных, юго-восточных районов Азербайджанской ССР и Нахичеванской ССР / Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М.: Наука, 1979а, с.204-209.
17. Гашимова У.Ф. Одонтологическая характеристика современного населения Азербайджана // Вопросы антропологии. Вып.60, 1979b, с.140-146.
18. Гашимова У.Ф. Опыт классификации одонтологических типов населения Азербайджана / Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых и антропологических исследований 1976-77 гг. М.: Наука, 1978а, с.25-26.
19. Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку: АзФан, 1940, 166 с.
20. Гусейнов М. Древний палеолит Азербайджана (по материалам пещерных стоянок). Баку: ТекНур, 2010, 220 с.
21. Дебец Г.Ф. Антропологические типы / Народы Кавказа. Под ред. М.О.Косвена. Т.I. М.: АН СССР, 1960, с.26-32.
22. Ивановский А.А. По Закавказью: археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. / Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып.6. М.: Товарищество Типографии А.И.Мамонтова, 1911, 194 с.
23. Касимова Р.М. Антропологические исследования женщин Нуха-Закатальской зоны // Азербайджанский этнографический сборник, №2, 1966, с.102-124.
24. Касимова Р.М. Антропологические исследования народностей так называемой «шахдагской группы» // Азербайджанский этнографический сборник, №1, 1964, с.107-125.
25. Касимова Р.М. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку: Элм, 1975, 99 с.
26. Касимова Р.М. Антропологические исследования черепов из Мингечаура. Баку: АН Аз.ССР, 1960, 134 с.
27. Касимова Р.М. Антропология Советского Азербайджана за 50 лет // Вопросы антропологии, №37, 1971, с.159-162.
28. Касимова Р.М. К изучению антропологии иранских азербайджанцев // Азербайджанский этно-

- графический сборник, №3, 1977, с.212-224.
29. Касимова Р.М. К этногенезу азербайджанского народа по данным антропологии / К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку: Элм, 1984, с.68-101.
30. Касимова Р.М. Находка самого древнего пещерного человека на территории СССР. Баку: Элм, 1986, 67 с.
31. Касимова Р.М. О влиянии различных типов колыбели на некоторые антропологические признаки в раннем детском возрасте. Баку: Элм, 1980, 84 с.
32. Касимова Р.М. Первые палеоантропологические находки в Кобыстане // Вопросы антропологии, №46, 1974, с.158-162.
33. Кириченко Д.А. Палеоантропология Азербайджана (неолит–эпоха бронзы) / Проблемы археологии Кавказа и Передней Азии. Неолит–поздняя бронза. Баку, 2017, с.140-157.
34. Кириченко Д.А. Палеоантропология Азербайджана (VII в. до н.э. – V в. н.э.). Баку: Apostrof-A, 2020, 208 с.
35. Кушнарева К.Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // Советская археология, Т.ХХVII, 1957, с.135-177.
36. Рычков Ю.Г. О деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми // КСИЭ, №ХХVII, 1957, с.64-82.
37. Ярхо А.И. Гянджинские тюрки (Азербайджанская АССР): Из работ экспедиции по изучению турецких народностей СССР // Антропологический журнал, №2, 1932, с.49-83.
38. Abdullaev A., Nadirli Z. Wormian bone of the sagittal suture on a metopic female skull of the Middle Ages with occipital deformation / International Aegean Conferences on Natural Medical Sciences V. Proceeding book. Bursa: ISPEC Publishing House, 2022, p.96.
39. Abdullaev A., Allahverdieva N. Relationship of the metopism with features of the frontal and sphenoid sinuses / International Aegean Conferences on Natural Medical Sciences V. Proceeding book. Bursa: ISPEC Publishing House, p.418. 2022.

Сафарова Ульвия

*Научный сотрудник отдела «Этноархеология»
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА*

ОВАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ АНТИЧНОЙ ГАБАЛЫ

*Посвящается светлой памяти
моего учителя, член-корреспондента НАНА И.А.Бабаева*

Археологические исследования античных городов Азербайджана, упомянутых в работах древнегреческих и римских авторов, сыграли огромную роль в деле изучения вопросов, связанных с материальной и духовной культурой Кавказской Албании, а также с историей возникновения и развития государственности [Бабаев, 1990]. Центральное место в данных исследованиях отводилось изучению столицы Кавказской Албании – городу Габале, развалины которого площадью более 50 га, были выявлены в междуречье Карачая и Гочаланчая (Габалинский район Азербайджана). Именно здесь, по мнению ученых, и располагался город, о котором писали Плиний и Птолемей в своих сочинениях [Babayev, Əhmədov, 1981, s.7]. Многолетние исследования античного городища Габалы неразрывно связаны с именем видного азербайджанского ученого-албаниста, члена-корр. НАНА, д.и.н., проф. И.А.Бабаева, внёсшего неоценимый вклад в дело изучения истории и культуры Кавказской Албании. Стационарные раскопки на античном городище Габалы в советский период продолжались с 1967 по 1990 гг. С 2005 по 2017 гг. раскопки на этой территории были возобновлены при финансовой поддержке Азербайджано – Корейской Ассоциации Культурного Обмена СЕБА (Сеул-Баку) под руководством И.А.Бабаева. Раскопки античного городища Габалы дали богатый и ценный материал античной эпохи (IV в. до н.э. – I в. н.э.), представленный различными типами гончарных сосудов, строительной керамикой, разнообразными украшениями, оружием, орудиями труда, монетами и др. Колоссальные сведения, собранные за годы раскопок, позволили изучить хозяйственную жизнь, социально-экономические и культурные связи жителей Албании, а также их религиозные воззрения и погребальные обряды.

Первоначально, опираясь на сведения археологических раскопок, проведенных в советский период, учёные предполагали, что г.Габала возник в IV в. до н.э. в рамках сознательного градостроительства [Бабаев, 1990, с.59]. Данные последних исследований свидетельствуют о том, что город возник на месте большого поселения времён поздней бронзы – раннего железа (конец II тыс. до н.э. – середина I тыс. до н.э.), которое со временем разрослось, к середине I тыс. до н.э. превратилось в укрепленный город [Babayev, Nəcəfova və

b., 2017, с.49]. Подобный факт был археологически зафиксирован для таких античных городищ, как Шемаха, Мингечявир [Бабаев, 1990, с.59] и Урцекское городище в Дагестане [Котович, 1965, с.155]. Остатки оборонительных сооружений Габалы хорошо прослеживаются на южной границе города, в виде вала длиной более 1 км. На этой территории город просуществовал до конца I в.н.э., после чего был перенесён северо-западнее, на стратегически более выгодный и безопасный участок, расположенный на высоком плато в междуречье Карачая и Джовурлучая [Babayev, Əhmədov, 1981, с.22-23]. Жизнь на этом участке более не возобновлялась [Бабаев, 1990, с.88].

Рис. 1. Строительные остатки овальных сооружений I в. до н.э. – I в. н.э., обнаруженных на III и IV раскопочных участках античного городища древней Габалы

Рис. 2. Общий вид построек Античной Габалы, существовавших на рубеже двух эр

Рис. 3, 4. Компьютерная 3D реконструкция прямоугольного здания

Рис. 5. Компьютерная 3D реконструкция квадратного строения

Рис. 6, 7. Компьютерная 3D реконструкция I овального сооружения

Исследования на античном городище Габалы велись в разное время на пяти раскопочных участках, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Указанные участки по характеру подъёмного материала, рельефу в виде холма и жёлтому цвету земляной насыпи представляли собой развалины древ-

них строений и потому были выбраны для изучения [Babayev, Rəhmanov, 1975, s.16]. За время раскопок были выявлены остатки крупных общественных зданий, имевших различную форму. Изучение строительных остатков сооружений, выявленных в культурных слоях античного городища и различающихся по величине, времени, технике строительства и назначению является одним из важнейших достижений Габалинской археологической экспедиции.

В данном исследовании мы затронули вопросы, связанные со строительством пяти овальных сооружений, обнаруженных на трёх из пяти раскопочных участков античного городища (Рис. 1). Кроме того, полагаясь на полученные в ходе археологических раскопок сведения, мы воссоздали общий вид построек, существовавших на исследованных участках древнего города посредством компьютерной визуализации, выполненной кандидатом архитектурных наук Г.В.Керимовым (Рис. 2). Для создания компьютерных 3D моделей реконструкции и реставрации исследованных построек, существовавших на территории города в I в. до н.э. – I в. н.э. и представляющих собой крупные общественные здания, были использованы возможности нескольких компьютерных программ – AutoCAD, Lumion и SketchUp.

Впервые, остатки двух первых овальных сооружений были выявлены в 1983 г. с началом работ на третьем раскопочном участке античного городища Габалы. Для исследования был выбран удлинённый по форме холм, длиной 100м и шириной 45-50м, простирающийся в направлении север-юг. Исследователи рассчитывали обнаружить здесь внушительный комплекс, возможно, языческий храм [Babayev, 1983, с. 6]. К тому времени на первом участке уже были выявлены и изучены остатки прямоугольного в плане строения, общей площадью более 580м². Общественное здание состояло из трёх просторных залов с колоннами, вестибюлей, подсобных помещений и коридоров. Комплекс был разделён на две части – западную и восточную с самостоятельным входом для каждой из них [Бабаев, 1977, с.218] (Рис. 3, 4). На втором раскопочном участке площадью 256м², расположенном примерно 200м западнее первого, раскопки были вызваны находками обожженного кирпича. Такая находка античного периода была сделана впервые [Babayev, Rəhmanov və b., 1976, s.9-10]. В верхнем культурном слое были вскрыты строительные остатки небольшого квадратного в плане здания, сложенного из обожженного кирпича на известковом растворе. Здание имело черепичную крышу [Babayev, 1978, s.2]. Общая площадь постройки составляла 81м². Толщина стен составляла 1м [Babayev, Əhmədov, 1981, с.11] (Рис. 5). Важной датирующей находкой верхних культурных слоев античного городища стала монета парфянского царя Готарса (41–51 гг.), обнаруженная на полу здания из обожженного кирпича [Babayev, Rəhmanov və b., 1976, s. 16].

I овальное сооружение является самым крупным из пяти известных на данный момент зданий подобного типа (Рис. 6, 7). Длина здания равна 74м, а ширина – 23м. Его общая площадь 1732м². Каменный фундамент здания, высотой 25см, был сложен из двух рядов булыжников средней величины и имел толщину 1,8м. Стены толщиной 1,6м, были сложены из сырцового кирпича размерами 43х21,5х13см. На некоторых участках стены сохранились на высоту 0,5-0,6м [Бабаев, 1984, с.6]. Кладка из мелких речных камней в форме дуги, шириной 8-10см, обнаруженная в одной из стен здания, имела, по-видимому, символическое значение [Babayev, 1983, с.11]. Полностью изучить обнаруженные овалы довелось лишь исследованиями, начавшимися в 2005 г. Раскопками последних лет были выявлены 3 входных проема здания шириной 2,5м, два из которых были расположены в восточной стене здания, на расстоянии 36м друг от друга. В стене одного из этих проходов был сделан срез 0,8х0,8м. Предположительно, данное углубление предназначалось для человека, контролирующего людей, входивших в здание. Каменная вымостка, выложенная на полу помещения вдоль стены по всему периметру здания имела ширину 2,2 м. По проведенным И.А.Бабаевым подсчётам на этой вымостке могли одновременно поместиться 600-700 человек (зрителей) [Babayev, Nəcəfova və b., 2017, s. 48]. Полы здания были утрамбованы и как в современных зрелищных сооружениях имели уклон к центру. На полу помещения был выявлен оштукатуренный участок, прямоугольной формы (2,5х4м), расположенный на расстоянии 23м от северной стены. Судя по следам, здесь неоднократно устраивалось кострище. В южной части данного участка пола был расположен тесанный известняковый камень размерами 1,1х0,8х0,4м [Babayev, 2012, с.107]. Возможно, данный камень служил алтарём для ритуальных действий, производимых на этой площадке [Babayev, 2012, с.98, рис.14].

На полу помещения были также обнаружены груды речных камней, расположенных на расстоянии ~6,5м друг от друга. Их было 11 штук. Они служили базами или основаниями для колонн, поддерживавших кровлю здания. Из чего были сделаны колонны, судить трудно, так как необходимых сведений получить не удалось. В залах прямоугольного комплекса, как показали материалы раскопок, использовались деревянные колонны, которые устанавливались на торевидные каменные базы [Бабаев, 1977, с.220, рис.2]. Также встречались колонны, построенные из кирпича. По мнению И.А.Бабаева, с учётом оснований, обнаруженных в овальном сооружении, целесообразнее было бы применение колонн, сложенных из кирпича [Babayev, 2012, с.85].

Рис. 8, 9. Компьютерная 3D реконструкция II овального сооружения

Рис. 10, 11. Компьютерная 3D реконструкция IV овального сооружения

Согласно стратиграфии раскопа и имеющимся находкам I овальное сооружение было воздвигнуто в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. [Babayev, 2012, с.89]. Судя по имеющимся разрушениям и следам пожара, здание погибло в конце I в. н.э., в тот же период, когда прекратилась жизнь на данном участке древнего города Габалы.

На этом же раскопе были изучены остатки еще двух овалов сооружений, относящихся к разным эпохам. Сырцовые стены II овального сооружения толщиной 1,8м были возведены на фундаменте шириной 2м, сложенном из одного ряда речных камней. Ширина здания с внешней стороны равна 12м, а длина – 42м. Постройка общей площадью 404м² была расположена перпендикулярно к северо-восточной части первого овала, протянувшись в направлении запад-восток (Рис. 8, 9). Расстояние между стенами обеих построек

составляет всего 4м. Входной проем шириной 2,5м был расположен на южной стене здания. Также, как и в первом здании, в стене проёма был выявлен разрез, шириной 0,9х0,9м [Babayev, 2012, с. 87-88]. В 2007 г. после расчистки пола помещения был обнаружен участок 2х2м, выложенный речными камнями, примыкавший к северной стене овального здания [Babayev, 2012, с.107]. Т.к. фундаменты первого и второго овалов были расположены на одном уровне культурного слоя, первоначально, предполагалось их одновременное существование [Бабаев, 1984, с.8]. Однако современные исследования показали, что второе здание было построено раньше. Возможно, постройка первого овального сооружения была вызвана необходимостью в более крупном помещении, т.к. размеры второго овала не соответствовали нуждам населения [Babayev, 2012, с. 89]. Разведывательным шурфом, заложенным с внешней стороны стены, удалось выявить культурный слой толщиной 1,5м, расположенный под фундаментом II овала. Большая часть этих культурных отложений относилась к эпохе эллинизма (IV–II вв. до н.э). Здесь удалось выявить остатки фундамента ещё одного овального в плане здания, расположенного к югу от второго овального сооружения [Babayev, 2012, с.89]. Несмотря на разницу в эпохах стены обоих построек протянулись в одном направлении запад-восток – параллельно друг другу [Babayev, 2012, с.140].

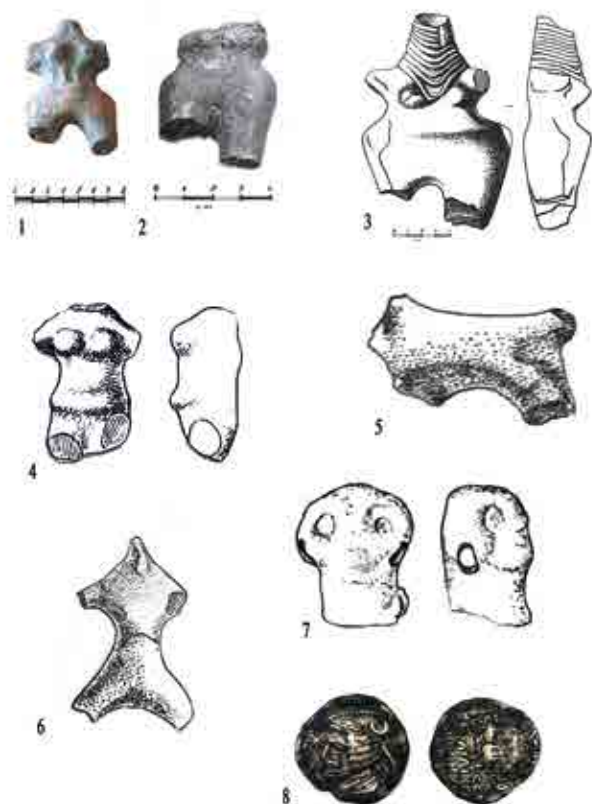

Рис. 12. Некоторые находки с городища Античной Габалы

Третье овальное здание было воздвигнуто на каменном фундаменте шириной 2м и по своим размерам мало отличалось от более позднего второго овального здания. Западную часть здания, простиравшуюся под восточную стену первого овала, не удалось выявить до конца. Следов дверного проёма на северной стене здания обнаружить не удалось. Судя по всему, вход в здание находился на южной стене сооружения, как и у второго по счёту овала.

III здание подверглось значительным разрушениям, по сравнению с другими подобными постройками. Судя по зольному слою толщиной 15-25см, обнаруженному на уровне пола помещения, здание погибло во время пожара. В ходе раскопок здания был собран в основном керамический материал, датируемый периодом эллинизма, в том числе обломки посуды, относящиеся к IV–III вв. до н.э. Среди них, фрагменты сосудов, украшенные параллельными линиями из белого ангоба и широкими линиями, нарисованными красной краской. Такие сосуды были характерны для западных районов Азербайджана и для Грузии в указанный период. Также следует отметить фрагменты сосудов, напоминавшие чаши ахеменидской эпохи. Данный вид керамических изделий не встречается позже III вв. до н.э. Целые экземпляры данных сосудов известны из погребений, изученных на северо-восточной части античного городища [Babayev, Mustafayev və b., 2015, s.32-35] (Рис. 13, 3, 4). Таким образом, согласно перечисленным находкам, III овальное сооружение можно отнести к периоду не позднее III в. до н.э. Под остатками III здания были выявлены каменные фундаменты шириной 1 м, относящиеся к ещё более древним строениям. Как и стены III овала, данные фундаменты были разрушены ямами, выкопанными здесь в более поздние эпохи. Продолжив изучение культурных слоев, археологи смогли выявить культурный слой эпохи поздней бронзы – раннего железа, что позволило утверждать, что город Габала возник на месте поселения, относящегося к первой половине I тыс. до н.э. [Babayev, Mustafayev və b., 2015, с.26-27].

Следующее по счёту IV овальное здание было выявлено в 2007 г. в восточной части четвертого раскопа (Рис. 10, 11). Новый раскоп находился на 20м восточнее третьего. Здание, построенное в направлении север – юг с небольшим уклоном, отличалось от других уже исследованных оваловых сооружений. Проход шириной 4,3м разделял овальное в плане строение на две части. Ширина постройки изнутри составляла 10,5м. Длина его северной части 17м. Установленная на сегодня длина южной части здания равна 20м (длину южной половины здания точно установить не удалось ввиду того, что данная территория находится вне зоны раскопа). Входные проёмы в обе части здания,

шириною 2м открываются в данный проход, симметрично расположившись в соответствующих стенах, друг против друга. Стены толщиной 1,8м, возведённые из сырцового кирпича, не имели каменного фундамента [Babayev, Mustafayev və b., 2015, с.26]. Кровля здания поддерживалась колоннами.

В качестве баз колонн были использованы обтесанные в форме прямоугольника камни известковой породы, которые уже с первого года исследования встречались на раскопе, как в виде отдельных камней, так и в виде скоплений. Размеры их составляют приблизительно 46х35х15 см. Часть из них была обнаружена *in situ*. Несколько камней были обнаружены вдоль внешней стены здания. Согласно стратиграфии раскопа и находкам оно было отнесено к I в. до н.э. – I в. н.э. Среди датирующих находок особо следует отметить серебряную монету – драхму парфянского царя Орода II (57–37 гг. до н.э.), обнаруженную около восточной стены сооружения, на уровне её фундамента [Babayev, Mustafayev və b., 2015, с.27] (Рис. 12, 8).

Последнее из известных на сегодняшний день овалных зданий античной Габалы было выявлено археологическими раскопками на пятом участке городища в 2017 г. Невысокий холм, расположенный между первым и вторым раскопами в 2015 г. был выбран в качестве нового, пятого раскопа. В этой части городища, в частности, в зоне первого раскопа в культурных слоях эллинистической эпохи, помимо строительных остатков были обнаружены глиняные буллы с оттисками печатей и монеты, что позволяло предположить существование построек, связанных с торговлей в этой части городища. Начавшиеся раскопки выявили в верхних культурных слоях очередную овальную в плане постройку из сырцового кирпича, а также фрагменты черепицы и обожженного кирпича. При строительстве стен использовался кирпич-сырец разного размера: 20х40см 33х36см, 36х34см, 36х36см. Ширина стен составляла 1,8м. Как и в случае с четвертым овальным зданием каменного фундамента у этой постройки не было. Ширина здания изнутри составила 12м. Ввиду того, что северная часть сооружения находилась вне территории раскопа, проследить всю площадь здания не удалось. Выявленная на сегодняшний день длина овала составляет 29м [Babayev, Ağamaliyeva və b., 2019, с.32]. Вход в помещение был с востока через широкий проход величиной 3м [Babayev, Ağamaliyeva və b., 2019, с.35]. Стены сохранились на высоту 50-55см. Удалось выявить четыре ряда кирпичей [Babayev, Ağamaliyeva və b., 2019, с.33]. Покрытие пола в здании отличалось от других одновременных построек: здесь были обнаружены остатки штукатурки, толщиной приблизительно 1,5 см, состоявшей из известкового раствора с очень мелким гравием [Babayev, Ağamaliyeva və b.,

2019, с.35]. Подобный состав напоминал римский бетон, широко использовавшийся в строительном деле Древнего Рима. Такая находка была сделана впервые в Азербайджане. На основании стратиграфии раскопа и собранных находок, в основном, керамических изделий различного назначения, в том числе и черепицы, здание было отнесено к I в. н.э.

Дворы, улицы и дорожки античной Габалы были оснащены покрытием из щебня, что подтверждается материалами раскопок [Babayev, Hüseynova, 1974, с.15; Babayev, Mustafayev və b., 2015, с.36, рис. 1b].

Помимо строительных остатков различных зданий в верхних слоях античного городища были выявлены различные керамические изделия (отдельные фрагменты сосудов, глиняные крышки, ножки от ваз, статуэтки и фрагменты черепицы эллинистической эпохи), предметы украшения и монеты. Толщина верхнего культурного слоя составляла 1,4-1,5 м [Qaziyev, Babayev, 1968, s.16]. Однако, исследователи не раз отмечали определенную скудность находок в данном горизонте по сравнению с нижними культурными слоями, объясняя это общественным характером обнаруженных зданий [Бабаев, 1977, с.226]. Нижележащий культурный слой, заканчивающийся на глубине 2,2-2,3 м и относящийся к эллинистической эпохе (IV–II вв. до н.э.) отличался многочисленностью и разнообразием находок. Среди них отметим, обнаруженные на территории первого раскопа, многочисленные буллы, привозные и местные монеты, свидетельствовавшие об интенсивной торговле в городе. Отличия можно наблюдать также в строительной технике, в частности в характере выявленных строений. В связи с этим можно отметить остатки большого продовольственного склада и гончарной мастерской, обнаруженных на территории третьего раскопа, под остатками овалных сооружений [Babayev, Mustafayev və b., 2014, s. 118-120; s.122-124] (Рис. 13, 1, 2). Какие перемены вызвали необходимость постройки таких крупных зданий на этой территории города на рубеже двух эр, остается пока загадкой. Возможно ли, что политические события, связанные с экспансией Рима, привели к таким изменениям?

Другим важным направлением дальнейших исследований является выяснение функционального назначения выявленных зданий. По мнению И.А.Бабаева, прямоугольное здание имело дворцовое или другое общественное назначение, т.к. не удалось выявить никакой храмовой атрибуции при его изучении [Бабаев, 1977, с.226]. В отличие от прямоугольного и квадратного зданий, некоторые из овалных сооружений имели конструкции, которые возможно являлись алтарями. Но кому или чему были посвящены эти храмы, остается, пока неизвестным. Из античных источников известно о том, что жители Албании поклонялись Зевсу, Гелиосу и Селене [Strab., XI, 4, 7].

Среди терракотовых статуэток женщин и животных, обнаруженных в культурных слоях городища, 4 предмета относятся к верхнему строительному горизонту третьего раскопа, что возможно, свидетельствуют в пользу культового назначения этих сооружений (Рис. 12, 1, 3, 7). Следовательно, с некоторой долей вероятности, можно рассматривать овалы сооружения как остатки языческих храмов или связанных с ними построек. Статуэтки из Габалы похожи на терракоту античного периода из других регионов Азербайджана (Исмаиллы, Мингячевир, Шемаха, Геокчай), что свидетельствует о бытовании единых религиозных и культурных традиций на территории Кавказской Албании [Azərbaycanın antropomorf terrakotları, 2010].

Овальные сооружения представляли собой однозальные помещения, и отличались друг от друга лишь конструктивно. Построены они все из сырцового

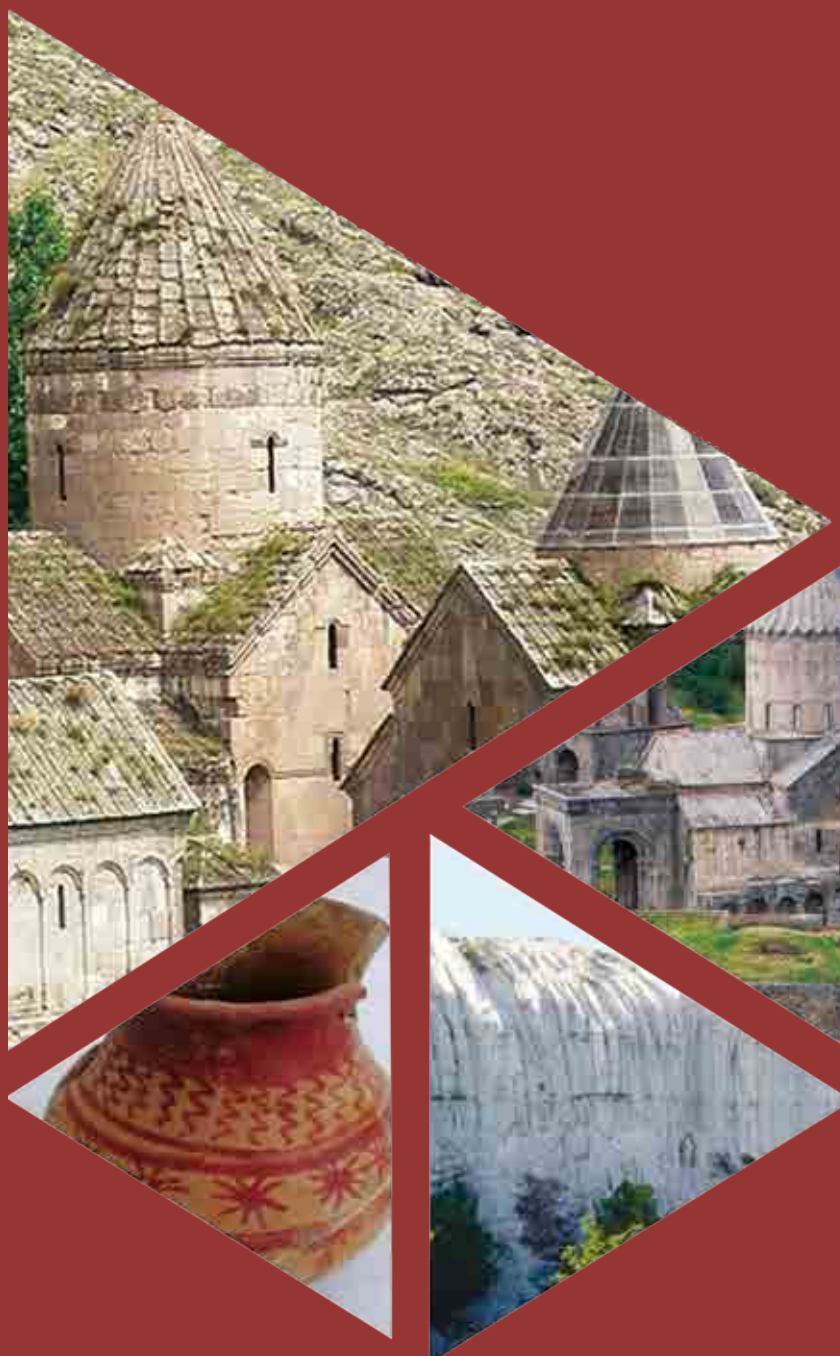
кирпича, чаще всего на каменном фундаменте. Толщина их стен составляла в основном 1,8м, за исключением первого овала. Дверные проёмы располагались в большинстве случаев с восточной стороны. Овальные здания античной Габалы пока не имеют аналогий среди известных памятников, как на территории Азербайджана, так и за её пределами. Их изучение обогатило наши знания о градостроительстве и строительной технике античного периода в Кавказской Албании. Мы еще раз убедились в самобытности строительного дела наших предков. Албанские мастера, применяя известные им передовые приемы строительной техники, использовали местное, доступное сырьё. Античное городище Габалы, несмотря на многолетние исследования, еще хранит много тайн, разрешить которые помогут дальнейшие археологические раскопки.

Рис. 13. Керамические изделия, обнаруженные на территории Античной Габалы

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycanın antropomorf terrakotları. Kataloq. Bakı, 2010, 54 s.
2. Babayev İ.A. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası antik Qəbələ dəstəsinin 1978-ci il hesabatı / AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi Arxivi: Hesabat №200, 37 s.
3. Babayev İ.A. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası antik Qəbələ dəstəsinin 1983-ci il hesabatı / AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi Arxivi: Hesabat №366, 35 s.
4. Babayev İ.A. 2006-cı ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları. 2005–2010. Bakı, 2012, s.81-103.
5. Babayev İ.A. 2007-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları. 2005–2010. Bakı, 2012, s.104-135.
6. Babayev İ.A. 2008-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları. 2005–2010. Bakı, 2012, s.136-159.
7. Babayev İ.A., Ağaməliyeva S., Nəcəfova İ.M., Heydərova Ü.R., Hüseynova S., Mustafayev L.X. 2017-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların qısa hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: hesabatlar, tapıntılar. 2017–2018. Bakı, 2019, s.29-44.
8. Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. Qəbələ (tarixi-arxeoloji oçerk). Bakı, 1981, 96 s.
9. Babayev İ.A., Hüseynova L.Q. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası antik Qəbələ dəstəsinin 1974-ci il hesabatı / AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi Arxivi: Hesabat №124, 44 s.
10. Babayev İ.A., Mustafayev L.X., Alışov N., Hüseynov S. 2013-cü ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: hesabatlar, tapıntılar. 2013. Bakı, 2015, s.22-57.
11. Babayev İ.A., Mustafayev L.X., İsmaylov R., Alışov N. 2012-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların hesabatı / 2011-2012. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları. Bakı, 2014, s.115-149.
12. Babayev İ.A., Nəcəfova İ.M., Məmmədova B., Heydərova Ü.R., Mustafayev L.X. 2015-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların qısa hesabatı / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: hesabatlar, tapıntılar. 2015–2016. Bakı, 2017, s.46-63.
13. Babayev İ.A., Rəhmanov A.A. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası antik Qəbələ dəstəsinin 1975-ci il hesabatı / AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi Arxivi: Hesabat №162, 40 s.
14. Babayev İ.A., Rəhmanov A.A., Əliyev Ə. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası antik Qəbələ dəstəsinin 1976-cı il hesabatı / AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi Arxivi: Hesabat №210, 67 s.
15. Qaziyev S.M., Babayev İ.A. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının 1968-ci il hesabatı / AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi Arxivi: Hesabat №157, 38 s.
16. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 1990, 236 с.
17. Бабаев И.А. Исследования общественного здания второй половины I в. до н.э. – I в. н.э. на городище Габалы // Советская археология, М., 1977, №4, с.217-227.
18. Бабаев И.А. Отчет отряда по изучению античной Габалы Габалинской археологической экспедиции за 1984 год / AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi Arxivi: Hesabat №349, 32 s.
19. Котович В.Т. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана / Материалы сессии, посвященной итогам археологических исследований 1964 г. в СССР: Тезисы докладов. Баку, 1965, с.154-156.
20. Страбон. География в 17 книгах / Перев. с греческого и коммент. Г.А.Стратановского. М.: Наука, 1964, 944 с.

ИСТОРИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ЭТНОЛОГИЯ, ЭПИГРАФИКА,
ЛИНГВИСТИКА

Шукюров Керим

*Научный редактор журнала «Этнокультурное наследие Кавказской Албании»,
Генеральный директор Института истории им. А.А.Бакиханова НАНА,
доктор исторических наук, профессор*

К ИСТОРИИ АЛБАНИСТИКИ (КАВКАЗ)

Албанское государство (Кавказ) просуществовало около тысячи лет с IV в. до н.э. по начало VIII в. н.э. В процессе изучения истории Албанского государства сформировалось такое научное направление, как албанистика (Кавказ). В отличие от похожих научных направлений (египтология, византистика и др.) в настоящее время нет специального исследования, посвященного истории албанистики. Отдельные вопросы этого научного направления рассматривались преимущественно в исследованиях по той или иной проблеме истории Албании. Создание объективной картины развития албанистики важно для определения перспектив этого научного направления.

Албанистика отличается неповторимым драматизмом и насыщенной сюжетной линией развития. Для этого параллельно рассматриваются хронологически-проблематический подход и географические аспекты её изучения.

Ранние сведения об античном периоде Албании отражены в римско-греческих источниках, а более поздние периоды – в местных албанских, а также армянских и грузинских источниках. Среди античных источников информации об Албании важное место занимает труд греческого географа Страбона (64/63 до н.э.–23/24 н.э.) «География» [Алиев, 1986, с.17-26]. В трудах Плиния (I в.), Помпония Мела (I в.), Плутарха (45/50–119/125), Тацита (55–117), Птолемея (70–147) и других античных авторов есть сведения об Албании (Азия, Кавказ и другие дополнения были применены в ходе исследования для обозначения географического положения) [Алиев, 1986]. Несмотря на то, что труды названных авторов позднее были изданы и таким образом стали известны содержащиеся в них материалы, исследования об Албании появились только в 30-х годах XIX в. Таким образом, видно, что хотя первые источники со сведениями об Албании относятся к древнему периоду, между созданием первых трудов, положивших начало албанистике, проходит период примерно в девятнадцать столетий, считая от Страбона. Такое положение можно объяснить уходом Албанского государства с исторической сцены, так как большая часть исторических исследований была направлена на решение практических вопросов (торгов-

ля, дипломатические отношения и др.). На территории Албании новые исторические процессы сменяли друг друга.

После оккупации севера Азербайджана Российской империей внимание к прошлому этих земель стало возрастать. Появление одной из первых статей об Албании было связано с выходом в свет первой русской универсальной энциклопедии – «Энциклопедический лексикон» (1835–1841). В 1-м томе этой энциклопедии была опубликована статья «Древняя Азиатская Албания» [1835]. Этой статьей была заложена основа предоставления энциклопедических сведений об Албании. В том же году вышла статья Ф.Крузе, посвященная Кавказскому региону России [Крузе, 1835, с.423-439]. Птолемей был основным источником статьи Крузе. Так, в первом исследовании албанистики к изучению было привлечено творчество Птолемея, одного из античных авторов. Эта проблема становится одной из основных тем в албанистике, и развивается в исследованиях Б.Дорна (1875), Г.Киперта (1878), С.Н.Муравьева (1983) и других авторов [Дорн, 1875]. В 1838 г. вышла статья Э.Эйхвальда, посвященная сведениям Страбона о Кавказе и юге России [Эйхвальд, 1838, с.103-150]. И этим к исследованиям, дающим относительно более подробные сведения об Албании, привлекается и Страбон. Как и с Птолемеем, изучение Страбона, как источника становится одной из главных тем албанистики [Ямпольский, 1942; Алиев, 1960, с.419-422; Алиев, 1975, с.150-165; Акопян, 1987; Грен, 1886 и др.]. В.В.Латышев перевел и напечатал сведения греческих и латинских авторов о Скифии и Кавказе, и таким образом эти произведения получили возможность дойти до более широкой аудитории [Латышев, 1893; Латышев, 1904; Латышев, 1906].

Азербайджанский историк А.А.Бакиханов также упоминает Албанию в контексте азербайджанской истории в своем труде «Гюлистан-Ирам», написанном им в 1841 г. Следует отметить, что эта работа была впервые опубликована в 1926 г. Однако она не могла повлиять на развитие албанистики [Бакиханов, 1991]. В 1846 г. вышла статья А.Яновского о древней Кавказской Албании [Яновский, 1846, с.97-136; 161-203]. Одним из вопросов, привлекающих внимание в этой

статье, является использование термина Кавказская Албания в противовес Азиатской Албании. Востоковед М.И.Броссе (1802–1880) задал новое научное направление отрывками из сочинения М.Каганкатваца об истории агван [Brosset, 1851], опубликованными в дополнение и объяснение к истории Грузии (1851). После Птолея и Страбона к изучению привлекается труд «История албан», как местный албанский источник. Этот сюжет изучался, как одна из основных проблем албанистики [Каланкатуйский, 1861; Еремян, 1939; Акинян, 1953, 1955, 1957; Ямпольский, 1957, с.149-159; Бунятов, 1965; Ворошил Г. (Гукасян В.), 1968; Давлианидзе, 1970; Dasxurans M./C.J.F.Dowsett. London, 1961; Ворошил Г. (Гукасян В.), 1970; Мамедова, 1977 и др.] и продолжает исследоваться до сих пор. Исследование труда М.Каланкатуйского с точки зрения источниковедения и использования его в качестве источника по истории Албании особое место занимает в труде Ф.Мамедовой [Мамедова, 1985].

После оккупации Российской империей Иреванского и Нахчыванского ханств Азербайджана, царь Николай I вопреки историческим фактам на базе этих ханств учредил «Армянскую губернию» (1828–1840). И.Шопен представил камеральное описание в провинции. Он также собрал материалы по истории этого региона Азербайджана в процессе камерального описания. Шопен ошибочно считал эти территории «Великой Арменией» согласно официальным взглядам империи. Книга, опубликованная в 1866 г. [Шопен, 1866], носила компилятивный характер. В 1875 г. в Британской энциклопедии была опубликована статья об Албании [Encyclopaedia Britannica, 1875, vol.1], также как и в Энциклопедическом лексиконе России.

В конце XIX–начале XX вв. сфера албанистики расширяется. Были изданы книги М.Бархударяна «Албания и ее соседи» в 1893 г., «Арцах» в 1895 г., «История албанцев» в 1901 г., «История страны Агванк» (I т., 1902; II т., 1907). Труды М.Бархударяна, особенно его исследования по Арцаху, с точки зрения источниковедения были подробно исследованы У.Гаджиевой [Гаджиева, 2004].

Новым произведением в области изучения провинций Албании стала изданная в 1910 г. на древнеармянском языке книга Степаноса Орбеляна «История области Сисакан». В этот период в Европе сведения об Албании были опубликованы в статьях или в трудах В.Томашека (1894), Й.Маркварта (1901) и Г.Хюбшмана (1904) [Алиев, 1992, с.7-8].

В начале XX в. в качестве особого направления в албанистике стала зарожаться албанская археология. Главной особенностью албанской археологии было то, что она в основном охватывала территорию Азербайджана, но первые исследования археологических материалов появились в 1920-х гг.

Так заканчивается история албанистики в период Российской империи. Наряду с советским периодом в истории албанистики начинается новый этап, который проявляется и с хронологически-проблематической точки зрения.

1920-е годы были представлены в албанистике лекциями В.В.Бартольда (1925) о месте Прикаспия в истории мусульманского мира [Бартольд, 1925] и энциклопедической статьей В.Ф.Минорского о Шеки (1927). В каждом случае обсуждаются в основном вопросы локализации.

В 1920-е годы были опубликованы первые исследования по албанской археологии. Можно отметить, что первые исследования в азербайджанской албанистике начались с албанской археологии. На основании материалов, полученных в результате археологических раскопок, проведенных в Ялойлутепе в 1926 г., выделяется Ялойлутепинская археологическая культура (IV–I вв. до н.э.).

1930-е годы занимают важное место в албанистике с хронологически-проблематической точки зрения. В этот период выходят две статьи А.Е.Крымского (1934, 1938) [Крымский, 1934, с.289-305; Крымский, 1938, с.369-384]. Северный или Кавказский Азербайджан изучается, как Классическая Албания.

Одно из важнейших событий в истории албанистики, несомненно, связано с открытием албанского алфавита. З.Алексидзе пишет, что «Албанский алфавит был обнаружен среди армянских рукописей в Ереване в 1937 г. Ильей Абуладзе, основателем и первым директором Института рукописей, моим учителем. Здесь начинается свой путь научная албанология» [Aleksidze, 2003, s.9]. Конечно, как и в других подобных научных направлениях, открытие алфавита следует считать важным историческим событием в албанистике, но здесь следует учитывать и его особенности. Из труда З.Алексидзе видно, что к мысли о том, что два подтекста в палимпсесте, найденном на Синае, принадлежат албанцам, он пришел в 1996 г. [Aleksidze, 2003, s.25]. Если принять это во внимание, то между открытием албанского алфавита и его прочтением проходит почти 60 лет, а значит, вовлечение письменных текстов на албанском языке в качестве источника в научный оборот в этот период невозможно. Учитывая это, необходимо определить и другие критерии формирования научной албанистики. Одним из основных критериев здесь является выведение албанистики из-под монополии армянской историографии и формирование азербайджанской албанистики.

С открытием албанского алфавита в центре внимания оказались два вопроса в истории албанистики. Прежде всего, впервые в албанистике с хронологически-проблематической точки зрения появляется дру-

гое научное направление – исследования в области дешифровки албанских письменных текстов. В настоящее время имеется много работ в этом направлении в албанистике [Абуладзе, 1938, с.69-71; Шанидзе, 1938, с. 3-4; Абуладзе, 1940; Меликсет-бек, 1957; Шанидзе, 1957; Шанидзе, 1959; Шанидзе, 1960, с.8; Абрамян, 1964; Ворошил Г., 1968; Мамедов, 1967, с.105-108; Ворошил Г. (Гукасян В.), 1968; Ворошил Г., 1969; Ворошил Г., 1969, №2, с.52-74 и др.]. Поскольку эти исследования не заканчивались дешифровкой албанских письменных текстов, они привлекают внимание скорее всего с точки зрения познавательных суждений, чем практического значения, и являются материалом только для истории науки. Во-вторых, в Грузии также стали расширяться исследования в области албанистики.

В 1930-х гг. была опубликована статья С.В.Юшкова «Границы древней Албании» [Юшков, 1937, с.129-148]. Автор критически рассматривает взгляды А.Яновского и в основном сосредотачивает внимание на северных границах Албании [более подробно см.: Алиев, 1992, с.9].

Другой характерной особенностью 1930-х гг. является расширение исследований в этой области С.Т.Еремяна, сыгравшего особую роль в становлении армянской албанистики с концептуальной точки зрения [Еремян, 1939; Еремян, 1941]. При написании АН СССР III тома очерков по фундаментальной истории СССР именно ему были доверены тексты, относящиеся к Албании [Еремян, 1958, с.530-536; Еремян, 1958а, с.323-330; Еремян, 1958б, с.310-323; Еремян, 1958в, с.303-310]. Ф.Мамедова объективно рассмотрела концепцию С.Т.Еремяна и дала критический анализ. Ф.Мамедова пишет, что С.Т.Еремян в своих очерках по истории СССР изначально рассматривает Албанию, как неотъемлемую часть «Великой Армении», что совсем неверно. Все вопросы истории Албанской страны рассматриваются автором через историческую призму «Великой Армении» и через призму интересов армянского народа [Мамедова, 1986, с.55].

В историографии Азербайджана исследования Албании непосредственно начались в 1940-х годах. З.Я.Ямпольским предметом исследования становятся различные проблемы албанской истории, и главное место занимает храмовое имущество [Ямпольский, 1942, №7; 1945, №1; 1949; 1949а; 1952; 1954, т.IV; 1957, с.149-159; 1960; 1962]. Систематические раскопки в Мингячевире в 1946–1953 гг. обогатили албанскую археологию и дали толчок изучению албанской истории [Vahidov, 1961 и др.]. Р.Касимова защищает диссертацию, посвященную антропологическому изучению обнаруженных из Мингячевира челюстей, материалы которой впоследствии изданы в виде книги [Касимова, 1956; Касимова, 1960]. Исследование истории Албании

в азербайджанской историографии можно найти в статье В.Н.Левиатова, опубликованной в 1950 г. [Левиатов, 1950, с.65-95]. С конца 1950-х годов стали публиковаться статьи К.Алиева, одного из азербайджанских албановедов [Алиев, 1960, №4, с.419-422; 1960а, с.15-19; 1960б, с.35-56; 1961, №2, с.21-33; 1962, с.23-29; 1962а; 1974; 1982; 1986; 1992]. В конце 1950-х годов в первом томе многотомной истории Азербайджана история Албании отражена в обобщенном виде. В этот период один из историков, представляющих Центр (Москву), К.В.Тревер опубликовала свои работы по истории культуры Кавказской Албании [Тревер, 1959; по поводу книги см.: Мамедова, 1986, с.61-65].

Важным достижением азербайджанской албанистики можно считать издание в 1962 г. сборника статей по историческим вопросам Кавказской Албании [Вопросы истории Кавказской Албании, 1962]. В этом сборнике опубликованы различные статьи по истории Албании девяти авторов (К.Алиев, З.Ямпольский, Р.Касимова, О.Исмизаде, С.Газиев, Ю.Пахомов, Г.Асланов, З.Буниатов и Р.Гусейнов). В 1960-е годы в Азербайджане К.Алиев защищает диссертацию на тему «Племена Древней Кавказской Албании (I в. до н.э. – I в. н.э.)» (1962), Н.Рзаев на тему «Художественная керамика Кавказской Албании» (1962), Т.И.Голубкина на тему «Кувшинные погребения» (1962), Г.Асланов на тему «Материальная культура Мингячевира» (на основании катакомб) (1963), Ворошил Г. (В.Гукасян) на тему «Ниджский диалект удинского языка» (1965), А.Б.Нуриев на тему «Стеклянные изделия и их производство в Кавказской Албании» (1966), Ф.Л.Османов на тему «Материальная культура Кавказской Албании в III в. до н.э. – III в. н.э.» (1968), М.Расулова на тему «Связи Кавказской Албании с античным миром» (1969), а по этим темам диссертаций издаются монографии [Алиев, 1962а; Голубкина, 1962; Асланов, 1963; Нуриев, 1966; Османов, 1968; Расулова, 1969]. В конце 1960-х годов стали публиковаться статьи видного представителя азербайджанского албановедения Ф.Мамедовой. Другой албановед Т.Мамедов также представляет статьи по истории Атропатены и Албании на основе древнеармянских источников, эти исследования обобщены в последующих монографиях [Мамедов, 1967, №7, с.105-108; Мамедов, 1977; Мамедов, 1982; Мамедов, 1993].

Хотя регулярная публикация отдельных работ по Кавказской Албании в 1960-е гг. имела важное значение, наиболее важным вопросом было создание концепции азербайджанской албанистики. Особо следует отметить заслуги З.Буниатова в этой области. Наряду со статьями по этим и другим проблемам албанской истории З.Буниатов определил основы концепции азербайджанской албанистики в своей монографии

по истории Азербайджана VII–IX вв. [Буниятов, 1961, №4; Буниятов, 1962, с.15-20; Буниятов, 1964, с.87-92; Буниятов, 1965; Буниятов, 1965а, №4]. Монография Ф.Мамедовой по «Истории албан» Моисея Каланкатуйского и исследования по политической истории и исторической географии Кавказской Албании дали этой концепции законченную картину [Мамедова, 1977; Мамедова, 1986; Məmmədova, 1993].

Превращение азербайджанской албанистики в самостоятельное научное направление дало толчок к новым научным исследованиям в этой области. В 1970-х и 1980-х годах были защищены диссертации по оригинальным темам, опубликованы статьи и монографии [Гулиев, 1972; Джавадов, 1973; Халилов, 1974; Халилов, 1985; Алиев, 1976; Алиев, 1960, с.15-19; Рзаев, 1976; Мамедова Ф., 1977; Мамедов, 1982; Ахвердиев, 1979; Алиев, 1982; Бабаев, 1984; Геюшев, 1984; Мамедова Г.Г., 1985; Халилов, 1985; Ахундов, 1986; Мамедова, 1986; Алиев, 1986; Историческая география Азербайджана, 1987, с.148].

С интенсивным развитием азербайджанской албанистики начался новый этап в истории албанистики. Его основным содержанием была борьба армянской албанистики, утратившей монополию в албанистике, против азербайджанской албанистики. Это проявлялось в двух направлениях. С одной стороны, в армянской албанистике были написаны работы, не отражающие исторической действительности. В этом ряду можно особо отметить работы А.Мнацаканяна, Б.Улубабяна, Г.Свазяна и др. [Мнацаканян, 1969; Улубабян, 1969; Улубабян, 1982; Свазян, 1975. По этому поводу см.: Мамедова Ф., 1986, с.70-84]. Книга Г.М.Григоряна, посвященная очеркам истории Сюника IX–XV вв., также основывалась на традиции представления истории Азербайджана, как истории Армении в целом [Григорян, 1990]. С другой стороны, творчество видных албановедов Азербайджана было серьезно искажено. Основными мишенями здесь были выбраны З.Буниятов, Ф.Мамедова и другие азербайджанские албановеды. Неслучайно утверждению докторской диссертации Ф.Мамедовой по политической истории и исторической географии Албании помешало непосредственное участие правящих кругов, оказывающих политическую поддержку армянской албанистике. Следует отметить, что борьба армянской албанистики против азербайджанской албанистики была частью современного этапа территориальных претензий Армении и организации их реализации с середины 1980-х гг. Изданная Ереванским государственным университетом в 1991 г. большого объема книга, посвященная освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении, представляла собой скорее нападение на азербайджанскую

албанистику [К освещению проблем истории..., 1991].

В конце 1970-х гг. другой историк, представлявший Центр (Москву), А.П.Новосельцев, чья позиция близка армянской албанистике, исследовал проблему политических границ [Новосельцев, 1979, с.10-18].

С распадом СССР и появлением независимых государств, пришел конец и советской историографии. Интересен тот факт, что на этот период приходится одно из самых ярких событий в истории албанистики — идентификация и исследование албанского текста, обнаруженного на Синае. Эти вопросы нашли отражение в книге З.Алексидзе «Кавказские албанцы заговорили» [Aleksidze, 2003]. Международный коллектив авторов провел фундаментальные изыскания в этом направлении и издал книги [Gippert, Schulze, 2007, p.201-212; Gippert, 2012, p.39-50; Schulze, Gippert and others, 2008; Schulze, 2015, p.149-177; Schulze, 2018, p.275-312].

В этот период был опубликован ряд новых работ по азербайджанской албанистике. Были изданы книги и монографии таких авторов, как К.Алиев (1992), Г.Ворошил (1993), Т.М.Мамедов (1993, 2006), Г.Джавадов (1996), А.Б.Мамедов (2000), У.Гаджиева (2004), З.Гулузаде (2006), К.Иманов (2006), Ф.Л.Османов (2006), Ф.Алиева (2007), М.Расулова (2008), А.Б.Нуриев (2009), М.Халилов (2009, 2010, 2011), Г.Джабиев (2010), Г.Гошгарлы (2012), Дж.Багырзаде (2013) и других исследователей [Алиев, 1992; Vorosil Q., 1993; Мамедов, 1993; Məmmədov, 2006 и др.]. Р.Б.Гулиева защитила диссертацию на тему «Население Албании» (2014), Э.Бекирова на тему «Западные земли Албании в период античности» (2015) [Bəkirova, 2021; Quliyeva, 2014]. Было опубликовано множество статей по различным вопросам албанской истории, археологии и других научных направлений. В монографии У.Гаджиевой изучен механизм деэтнизации албан, являющийся одним из концептуальных вопросов истории Кавказской Албании [Гаджиева, 2004]. В 1993 г. были изданы «История албан» Моисея Каланкатуйского и «Албанская хроника» Мхитара Гоша с предисловием, переводом, примечаниями и комментариями З.Буниятова.

Помимо всего этого следует особо отметить изданную в 2005 г. фундаментальную монографию Ф.Мамедовой «Кавказская Албания и албаны», как одно из важнейших достижений азербайджанской албанистики периода независимости [Мамедова, 2005]. В этой книге видный албановед, обогатив ее новыми научными положениями, подвела итог своим исследованиям по албанистике, которым посвятила свою жизнь. Следует с сожалением отметить, что вместо организации научно-деловой дискуссии по этой книге, против нее была развернута контркампания и даже выдвинуты политические обвинения. Один

из активных участников этой кампании позже опубликовал свои материалы под названием «Попытка оправдать оккупацию Армении» [Мамедов, 2011]. Эту кампанию можно считать одной из самых болезненных страниц не только азербайджанской албанистики, но и азербайджанской историографии. Ф.Мамедова (1936–2021), посвятившая свою жизнь развитию азербайджанской албанистики, отразила эти нападки и продолжила свой вклад в албанистику в своей последующей научной деятельности.

Одним из недавних достижений азербайджанской албанистики является издание сборника статей, посвященных ее научной структуризации и актуальным проблемам. Примером может служить «Этнокультурное наследие Кавказской Албании» (сборник статей), изданный Бакинским Международным Центром Мультикультурализма на трёх языках (азербайджанский, английский и русский) [2019, № 1; 2021, № 2].

После распада СССР возросла и роль дагестанских ученых в исследованиях албанистики. Использование имеющихся возможностей и потенциала в этой области для научного сотрудничества можно считать наиболее перспективным направлением. В этой связи можно упомянуть сборник статей «Albania Caucasica» (2015).

В противоположность этому, научный кризис армянской албанистики углубляется. Одним из главных показателей этого является организация международных конференций и симпозиумов под разными названиями, попытки создания платформы против Азербайджана, в том числе азербайджанской албанистики. Другой важный вопрос связан с выявлением отношения к этнокультурному наследию на освобожденных от оккупации Арменией территориях в результате Великой Победы, достигнутой Азербайджаном во Второй Карабахской войне (27 сентября – 10 ноября 2020 г.). Так, в результате оккупационного режима, созданного Арменией на протяжении тридцати лет, албанское историко-культурное наследие на этих землях было либо стерто с лица земли, либо была предпринята попытка его арменизации.

Таким образом, изучение истории албанистики, как одного из важнейших научных направлений требует извлечения определенных уроков, как с научной, так и с практической точек зрения. Её основу составляет не конфронтация выдвинутых положений, а решение наиболее сложных и спорных вопросов путём научного сотрудничества и дискуссий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Aleksidze Z. Qafqaz albanları dilləndilər. Artanuci nəşr, 2003, 129 s.
2. Bəkirova E.A. Azərbaycan Albaniyasının qərb torpaqları antik dövrdə. FDDA. Bakı, 2015.
3. Bəkirova E.A. Albaniyasının qərb torpaqları (antik dövr). Bakı: ideal-Print MMC, 2021, 220 s.
4. Cavadov. Q.C. Udilər: Tarixi-etnoqrafik tədqiqat. Bakı: Azərbaycan, 1996, 240 s.
5. Cəbiyev Q.C. Girdiman tarixi. Bakı: Şərq-Qərb, 2010, 616 s.
6. Əliyev K.H. Qədim Albaniya əhalisi haqqında //Azərb. SSR EA Məruzələri, 1959, XV c., №2, s.175-177.
7. Əliyeva G.İ. Azərbaycan Albaniyasının düzən Qarabağdakı antik dövr abidələri. FDDA. Bakı, 2018.
8. Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi (məqalələr toplusu). Bakı: Şərq-Qərb, 2019, №1, 168 s.
9. Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi (məqalələr toplusu). Bakı, 2021, №2, 232 s.
10. Xəlilov M. Albaniyanın qəbir abidələri. Bakı: Naf-ta-Press, 2009, 180 s.
11. Xəlilov M. Albaniyanın yaşayış yerləri (IV–X əsrlər). Bakı: Xəzər Un-ti nəşriyyatı, 2010, 284 s.
12. Xəlilov M. Albaniyanın xristian abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: Xəzər Un-ti nəşriyyatı, 2011, 344 s.
13. Məmmədov S. Ermənistanın işğalına haqq qazandıрмаq cəhdi. Bakı: Nurlan, 2011, 108 s.
14. Məmmədov T. Qafqaz Albaniyası ilk orta əsrlərdə. Bakı: Təhsil, 2006, 400 s.
15. Məmmədova F. Azərbaycanın siyasi tarixi və tarixi coğrafiyası. Bakı: Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, 1993, 262 s.
16. Musatafayev L.X. Antik mədəniyyətin Azərbaycan Albaniyasının maddi irsinə mədəni təsiri. FDDA. Bakı, 2016.
17. Quliyeva R.B. Azərbaycan Albaniyasının əhalisi. FDDA. Bakı, 2014.
18. Osmanov F.L. Qafqaz Albaniyasının maddi mədəniyyəti. Bakı, 1982.
19. Vahidov R.M. Mingəçevir III–VIII əsrlərdə. Bakı: Azərb. SSR EA-nın nəşri, 1961, 182 s.
20. Vorosil Q. Qədim alban əlifbası və udin dili haqqında // Azərb. EA Xəbərləri. İct. elmlər ser., 1962, №1, s.79-89.
21. Vorosil Q. Qafqaz Albaniyası. Bakı: Öyrətmən, 1993, 108 s.
22. Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964.
23. Абуладзе Н.В. К открытию алфавита кавказских албанцев // Известия ин-та языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР. Т.4. Тбилиси, 1938, с.69-71.
24. Абуладзе Н.В. Новое сведение о существовании письменности кавказских албанцев // Сообщ. Грузинского филиала АН СССР. 1.4. 1940.
25. Акинян Н. Мовсэс Дасхуранци (прозванный Каганкатватци) и его "История албан" // Андэс амсорей, 1953, №1-3, 4-6, 7-9, 10-12, 1955, 1957.
26. Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван: Изд. АН Арм.ССР, 1987, 304 с.
27. Акопян А.А. Связи Армении Кавказской Албании с Парфией // СА, 1979, №4.
28. Алиев А.А. Оружие древних албанов. АҚД. Тбилиси, 1976.
29. Алиев И.Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании / Исследования по истории культуры народов Востока. М.: Изд. АН СССР, 1960, с.15-19.
30. Алиев И.Г. К интерпретации параграфов 1,3,4 и 5 IV главы XI книги "Географии" Страбона // ВДИ, 1975, №3, с.150-165.
31. Алиев К.Г. К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании // Доклады АН Аз.ССР, 1960, №4, с.419-422.
32. Алиев К.Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании / Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И.А.Орбели. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960а, с.15-19.
33. Алиев К.Г. К вопросу о языках на территории Азербайджана / Труды Ин-та истории АН Аз.ССР. Т.14,1960б, с.35-56.
34. Алиев К.Г. К истории изучения археологических памятников на территории древней Кавказской Албании // Изв. АН Аз.ССР. Сер. общ. наук, 1961, №2, с.21-33.
35. Алиев К.Г. Албаны-кочевники и басилевс Зобер // Изв. АН Аз.ССР. Сер. общ. наук, 1962, №8, с.23-29.
36. Алиев К.Г. Племена древней Кавказской Албании (I в. до н.э. – I в. н.э.). АҚД. Л., 1962а, 12 с.
37. Алиев К.Г. Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.). Баку: Элм, 1974, 363 с.
38. Алиев К.Г. Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.). АҚД. Баку, 1982, 40 с.

39. Алиев К.Г. Античные источники по истории Азербайджана. Баку: Элм, 1986, 129 с.
40. Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992, 125 с.
41. Алиева Ф.К. Культура античного Азербайджана-Мидийской Атропатены и Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Тахсил, 2007, 180 с.
42. Асланов Г.М. Материальная культура Мингечаура I–VII вв. (на основе археологии катакомбных погребений): Автореф. канд. ист. наук. Баку: Изд-во АН, 1963, с.26.
43. Ахвердиев А.Ш. История хозяйства Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в. н.э.). АҚД. Баку, 1979.
44. Ахундов Д.А. Архитектура древнего и средневекового Азербайджана. Баку: Азернешр, 1986, 311 с.
45. Бабаев И.А., Ахмедов Г.М. Кабала (иторико-археологический очерк). Баку: Элм, 1981, 66 с.
46. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. АҚД. Баку, 1984.
47. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 234 с.
48. Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку: Элм, 1991, 304 с.
49. Бартольд В.В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1925, 150 с.
50. Бархударянц С.Р. Княжества Арцаха, Шеки и Парисоса в IX–X вв. // ИФЖ, 1971, №4 (52).
51. Буниятов З.М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII–VIII вв. // Изв. АН Аз.ССР. Сер. общ. наук, 1961, №4.
52. Буниятов З.М. О деятельности католикоса Албании Виро (596–630) // Ближний и Средний Восток. М.: Наука, 1962, с.15–20.
53. Буниятов З.М. Albania III // Изв. АН Аз.ССР. Сер. общ. наук. 1964, №4, с.87–92.
54. Буниятов З.М. Азербайджан VII–IX вв. Баку: АН Аз.ССР, 1965, 404 с.
55. Буниятов З.М. О хронологическом несоответствии глав «Истории албан» Моисея Каланкатуйского // ДАН Аз.ССР, т. XXI, 1965а, №4.
56. Ваидов Р.М. Мингечаур в III–VIII веках. Баку: Изд. АН Аз.ССР, 1961, 196 с.
57. Вопросы истории Кавказской Албании / Ред. Играр Алиев. Баку: Изд. АН Аз.ССР, 1962, 150 с.
58. Ворошил Г. К дешифровке албанских надписей Азербайджана / Этимология, 1966. М., 1968.
59. Ворошил Г. (Гукасян В.). Удинские слова в “Истории албан” // Изв. АН Аз.ССР. Сер. лит. и яз., 1968, №1.
60. Ворошил Г. (Гукасян В.). О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы // Изв. АН Аз.ССР. Сер. лит. и яз., 1968, №9.
61. Ворошил Г. Из истории изучения письменности Кавказской Албании // Oktyabr inqilabi və Azərbaycan dilçiliyi. Bakı, 1969.
62. Ворошил Г. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана // Изв. АН Аз.ССР. Сер. лит. и яз., 1969, №2, с.52–74.
63. Ворошил Г. (Гукасян В.). Тюркизмы в “Истории албан” // Структура и история тюркских языков. Баку, 1970.
64. Гаджиева У. Деэтнизация кавказских албан в XIX веке. Баку: Нурлан, 2004, 120 с.
65. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку: Элм, 1984, 192 с.
66. Голубкина Т.Н. Находки кувшинных погребений в Нахичеванской АССР // Доклады АН Аз.ССР, 1952, 8, с.451–453.
67. Голубкина Т.Н. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура (раскопки 1950 г.) // Изв. АН Аз.ССР, 1956, 3, с.73–90.
68. Голубкина Т.Н. Археологическое обследование и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 г. // Изв. АН Аз.ССР. Сер. общ. наук, 1959, №1, с.16–36.
69. Голубкина Т.Н. Материалы к истории албанских племен Кавказа по данным кувшинных погребений Азербайджана в II в. до н.э. – III в. н.э. АҚД. Тбилиси, 1962, 18 с.
70. Голубкина Т.Н., Расулова М.М. О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира // УЗ АГУ. Сер. ист. и филос., 1967, №3.
71. Гош Мхитар. Албанская хроника / Пред., перев. и коммент. З.М.Буниятова. Баку, 1960.
72. Гошгарлы Г. Античная и раннесредневековая торевтика Азербайджана. Баку, 1981.
73. Гошгарлы Г.О. К вопросу об этнической принадлежности погребений в сырцовых гробницах // АМЕА. Azərbaycan Arxeologiyası və etnoqrafiyası, 2003, №1, с.91–96.
74. Гошгарлы Г.О. Погребения в каменных ящиках античного периода на территории Азербайджана // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası, 2006, №1.
75. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 248 с.
76. Грен А. Албания греков и Агвания армянских авторов // Кавказ, 1886, №15.

77. Григорян Г.М. Очерки истории Сюника IX–XV вв. Ереван: Изд. АН Арм.ССР, 1990, 390 с.
78. Гулиев Н.М. Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье. АҚД. Баку, 1972.
79. Давлианидзе Л.С. "История Албании" и "Албанская хроника" как источник по истории народов Закавказья. АҚД. Тбилиси, 1970.
80. Джавадов И.Ш. Кавказская Албания и международные отношения середины I в. до н.э. АҚД. М., 1973, 20 с.
81. Дорн Б. Древняя Албания по Птолемию: Дополнение к его же книге: Каспий. О походе древних русских в Табаристан // Изд. в приложении к Зап. АН, 1875, т.26.
82. Дреер М. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ, 1994, №1.
83. Древняя Азиатская Албания / Энциклопедический лексикон. Т.1. СПб., 1835.
84. Еремян С.Т. Азербайджан (Албания) в период арабского владычества / Очерки истории СССР (III–IX вв.). М., 1958, с.530-536.
85. Еремян С.Т. Идеология и культура Албании III–VII вв. / Очерки истории СССР (III–IX вв.). М., 1958, с.323-330.
86. Еремян С.Т. Моисей Калакатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хану Алп-Илитверу // Зап. ИВАН СССР, 1939, т.VII.
87. Еремян С.Т. Политическая история Албании III–V вв. / Очерки истории СССР (III–IX вв.). М., 1958, с.310-323.
88. Еремян С.Т. Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов // Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, 7(12).
89. Еремян С.Т. Экономика и социальный строй Албании III–VII вв. / Очерки истории СССР (III–IX вв.). М., 1958., с.303-310.
90. Иманов К. Кавказская Албания и хатты Малой Азии. Баку, 2016.
91. Историческая география Азербайджана. Баку: Элм, 1987, 148 с.
92. К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении / Редкол.: Б.-А.Арутюнян и др. Т.1. Ереван: Изд. Ереван. гос. ун-та, 1991, 520 с.
93. Каланкатуйский М. История агван / Перевод К.Патканова. СПб., 1861.
94. Касимова Р.М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). АҚД. М.-Л., 1956, 15 с.
95. Касимова Р.М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). Баку: АН Аз.ССР, 1960, 133 с.
96. Крузе Ф. О важности юго-кавказских областей России в отношении антикварном, и о Птолемею, главном писателе в рассуждении географии сей страны // ЖМНП, 1835, 4.5, с.423-439.
97. Крымский А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании) / Сборник статей в честь С.Ф.Ольденбурга. Л., 1934, с.289-305.
98. Крымский А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании, Шеки) / Сборник, посвященный памяти академика Н.Я.Марра. М.-Л., 1938, с.369-384.
99. Кудрявцев О.В. Колхида, Иберия и Албания в III–I вв. до н.э. / Всемирная история. Т.2. М.: Госполитиздат АН СССР, 1956, с.413-417.
100. Кулизаде З. О концепции Кавказской Албании. Баку: Элм, 2006.
101. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: в 2-х т. Т.I. Греческие писатели. Вып.I. СПб: Тип. Импер. АН, 1893, 918 с.
102. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: в 2-х т. Т.II. Латинские писатели. Вып.I. СПб: Тип. Импер. АН, 1904, 270 с.
103. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: в 2-х т. Т.II. Латинские писатели. Вып.2. С-Петербург: Тип. Импер. АН, 1906, 454 с.
104. Левиатов В.Н. Азербайджан с V века до н.э. по III век н.э. // Известия АН Аз.ССР, 1950, 1, с.65-95.
105. Мамедов Т.М. О письменности Кавказской Албании // Доклады АН Аз.ССР, 1967, №7, т.XXIII, с.105-108.
106. Мамедов Т.М. Албания и Атропатена (по древнеармянским источникам). Баку, 1977, 147 с.
107. Мамедов Т.М. Кавказская Албания в IV–VII вв.: Автореф. докт. ист. наук. Баку, 1982, 44 с.
108. Мамедов Т.М. Кавказская Албания (IV–VII вв.). Баку: Маариф, 1993, 214 с.
109. Мамедова Г.Г. Христианское зодчество Кавказской Албании эпохи раннего средневековья. АҚД. Баку, 1985.
110. Мамедова Ф. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку: Элм, 1977, 198 с.
111. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны.

- Баку: Центр исследования Кавказской Албании, 2005, 800 с.
112. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку, 1986.
113. Меликсет-бек Л.М. К вопросу о генезисе армяно-грузино-албанского алфавита // Труды МИА, II. 1957.
114. Меликсет-бек Л.М. К истории удин // Труды Тбил. Гос. Университета. т. XXII, 1942.
115. Мнацаканян А.Ш. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969.
116. Мухелишвили Д.Л. Город Уджарма: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тбилиси: Изд. АН Груз. ССР, 1956, 17 с.
117. Мухелишвили Д.Л. Город Уджарма (к историческим взаимоотношениям Иберии и Албании) / Сб. по исторической географии Грузии. 1964, т. II.
118. Новосельцев А.П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1979, с. 10-18.
119. Нуриев А.Б. Стекланные изделия и их производства в Кавказской Албании. АҚД. Баку, 1966.
120. Нуриев А.Б. Ремесло Кавказской Албании (III–VIII вв.). Баку, 2009, 433 с.
121. Орбели И.А. Хасан Джалал, князь Хаченский / Избр. труды. Ереван, 1963.
122. Орбели И.А. Мхитар Гош и его судебник. М., 1968, т. 1.
123. Османов Ф. Материальная культура Кавказской Албании III в. до н.э. – III в. н.э. АҚД. Баку, 1968.
124. Османов Ф. История и культура Кавказской Албании IV в. до н.э. – III в. н.э. (на основании археологических материалов). Баку: Тахсил, 2006, 288 с.
125. Папуашвили Т.Г. Вопросы истории Эретии: очерки социально-экономической и политической истории: Автореф. канд. ист. наук. Тбилиси, 1971, 65 с.
126. Пахомов Е.А. Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н.э. / Материалы по истории Азербайджана. Т. V. Баку, 1962.
127. Расулова М.М. Связи Кавказской Албании с античным миром. АҚД. Баку, 1969.
128. Расулова М.М. Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV век до н.э. – III век н.э. Баку: Мутарджим, 2008, 228 с.
129. Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. Баку: Элм, 1976, 195 с.
130. Рзаев Н.И. Художественная керамика Кавказской Албании (IV в. до н.э. – I в. н.э.). Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1964, 140 с.
131. Рзаев Н.И. Художественное стекло Кавказской Албании // Изв. АН Аз. ССР. Сер. общ. наук, 1964, № 5, с. 91-101.
132. Свазян Г.Х. Агванк в VII–VIII вв. АҚД. Ереван, 1975.
133. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в. н.э.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 391 с.
134. Тревер К.В. К вопросу о культуре Кавказской Албании. М., 1960.
135. Улубабян Б.А. История Арцаха (начиная с древнейших времен до века). АҚД. Ереван, 1969.
136. Улубабян Б.А. Очерки истории восточного края Армении (V–VII вв.). Ереван, 1982.
137. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). АҚД. Баку, 1974.
138. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985, 277 с.
139. Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Известия института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра, 1938, с. 3-4.
140. Шанидзе А.Г. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавита / Труды МИА, II, 1957.
141. Шанидзе А.Г. Новые данные об алфавите кавказских албанцев / Труды первой конференции Закавказских университетов. Баку, 1959.
142. Шанидзе А.Г. Язык и письмо Кавказских албанцев / XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Восточная литература, 1960, с. 8.
143. Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб: В типографии Н. Тиблена, 1866, 501 с.
144. Эйхвальд Э. Страбоновы известия о Кавказе и южной России // Библиотека для чтения, 1838, ч. 30, с. 103-150.
145. Юсифов Ю.Б. О наименованиях "Албания" и "Арран" // Изв. АН Аз. ССР. Сер. общ. наук, 1961, № 1, с. 115-123.
146. Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки, № 1, 1937, с. 129-148.

147. Ямпольский З.И. Две заметки к трактовке Страбона текста об азербайджанской Албании // Изв. АзФАН, 1942, №7.
148. Ямпольский З.И. К вопросу о происхождении кавказских албанцев // Изв. АзФАН, 1945, №1.
149. Ямпольский З.И. Из истории древней Кавказской Албании. М., 1949, 37 с.
150. Ямпольский З.И. Вопросы истории Атропатены и Кавказской Албании. М., 1949.
151. Ямпольский З.И. Атропатена и Кавказская Албания в III–I вв. до н.э. в связи с вопросом о происхождении храмового хозяйства на основе первобытно-общинного строя. АДД. Л., 1952, 52 с.
152. Ямпольский З.И. К вопросу об одноименности древнего населения Атропатены и Кавказской Албании // Труды Ин-та истории и философии АН Аз.ССР, 1954, т.IV.
153. Ямпольский З.И. К изучению летописи Кавказской Албании // Изв. АН Аз.ССР, 1957, №9, с.149-159.
154. Ямпольский З.И. Атропатена и Кавказская Албания в III–I вв. до н.э. / Вопросы общинного строя. Ч.1. Храмовая собственность (К вопросу о закономерностях общего развития). Историко-этнографические наблюдения. Баку, 1960.
155. Ямпольский З.И. Древняя Албания в III–I вв. до н.э. Баку: Изд. АН Аз.ССР, 1962, 381 с.
156. Яновский А. О древней Кавказской Албании // ЖМНП, 1846, ч.52, с.97-136; 161-203.
157. Albania// Encyclopaedia Britannica. Edinburgh, 1875, vol.1.
158. Brosset M. Extraits de histoire des Aghovans en armenien par Moise Caghancatvatsi / Additions et éclaircis-sements à l'histoire de la Georgie. S.-Petersbourg, 1851.
159. Dasxuransi M. The history of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuransi / Transl. by C.J.F. Dowsett. London, 1961.
160. Gippert J., Schulze W., Some remarks on the Caucasian Albanian palimpsests // Iran and the Caucasus. 2007, p.201-212.
161. Gippert J. The scripts of the Caucasian Albanians in the light of the Sinai palimpsest. Frankfurt, 2012, p.39-50.
162. Schulze W., Gippert J., Aleksidze Z., Pyer J. Mahe. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai. I vol. Brepols Publishers, 2008.
163. Schulze W. From Caucasian Albanian to Udi // Iran and Caucasus, 2015, p.149-177.
164. Schulze W. Caucasian Albanian and the Question of Language and Ethnicity // Sprachen, Völker und Phantome; Sprach- und kulturwissenschaftliche Studien zur Etnizität, De Gruyter (2018), p.275-312.

Асадов Фарда*Заведующий отделом «История и экономика арабских стран»
Института Востоковедения имени академика З.М.Бунятова НАНА,
доктор философии по истории, доцент*

НОВАЯ КНИГА О КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ: НИКОНОРОВ, ИГУМЕН АЛЕКСИЙ. ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ ПО МОИСЕЮ КАЛАНКАТУЙСКОМУ

Классику современной научной медиэвистики, французскому историку Марку Блоку принадлежит такое целеполагающее для всех исторических исследований замечание: «Исторический феномен никогда не может быть объяснён вне его времени. Это верно для всех этапов эволюции. Для того, который мы переживаем, как и для всех прочих. Об этом задолго до нас сказано в арабской пословице: «Люди больше походят на свое время, чем на своих отцов». Забывая об этой восточной мудрости, наука о прошлом нередко себя дискредитировала» [Блок, 1973, с.23].

Автор выпущенной недавно монографии об истории раннесредневековой Албанской церкви на Кавказе игумен Алексей (Никоноров) не историк по характеру своей основной деятельности, но служитель Русской Православной Церкви. Однако его труд по достоинству занял заметное место в исследовательской литературе по истории взаимоотношения христианской Церкви и государства, политических процессов и эволюции религиозного сознания в Кавказской Албании в период до начала преобладания ислама на ее территории к концу X века. Благодарному читателю представлена книга, в которой благополучно сочетаются ответственный, методологически зрелый подход профессионального исследователя средневековых восточных сообществ и проникновенный, сопричастный взгляд православного религиозного деятеля на атмосферу и эволюцию религиозной жизни албанской христианской общины в период крупных политических, экономических и культурных сдвигов на Кавказе, вызванных длительным противостоянием попеременно двух пар мировых держав раннего средневековья: сначала Рима и Сасанидской империи, затем Византии и Арабского халифата, – также как и соперничеством

за преобладание на Южном Кавказе трех мировых религий – христианства, зороастризма и ислама.¹

Четкая формулировка предмета и источниковедческой базы исследования в заглавии книги, первые страницы Введения, очерчивающие компетентность исследователя и тематические границы между церковной историей и вопросами политического развития Кавказской Албании, максимально приблизили автора монографии к основополагающему требованию для объективного исследования, сформулированному в начале нашей рецензии.

«История албан» является единственным памятником средневековой литературы, всецело посвященном истории Кавказской Албании и албанского христианства. По утверждению автора, «Кавказская Албания – это историческая колыбель нескольких кавказских народов» [Никоноров, 2021, с.9]. С этим трудно не согласиться, если вспомнить, что, согласно многочисленным свидетельствам источников, население этой страны ко времени арабского завоевания было многоэтничным и включало индо-иранское, кавказское и тюркское население. Такая многоэтничная ситуация была итогом ранних проникновений индо-иранских, а вслед за ними, со II в. н.э. и тюркских племён, многообразия племенного состава албанского населения и переселенческой политики Сасанидов [Страбон, 1964, кн. XI, гл. 4, с. 503; Ibn al-Athir, 2006, т. 1, с. 337-338; Юзбашян, 2001, с. 327; Асадов, 2016, с. 36-38].

Вслед за этническим многообразием населения Албании автор подчеркивает также, что территориально пределы Кавказской Албании включали земли, ныне входящие в состав Азербайджана, Грузии и Дагестана [Никоноров, 2021, с. 10]. Узы этнической истории, связывающие народы современных кавказских

¹ Мы не упомянули в ряду соперничающих религий также и иудаизм, хотя еврейские общины появились на Южном Кавказе довольно рано, по некоторым известиям, еще после Первого плена (ассирийского), но уж во всяком случае прежде завоевания арабов мусульман и начала распространения ислама. Обращение в иудаизм хазарской элиты придало устойчивость присутствию иудаизма на Кавказе. Однако, иудаизму не свойственны активный прозелитизм и миссионерство, а империям кочевников не свойственны религиозное рвение и стремление навязывать свою веру местному населению. Поэтому появление и расцвет еврейских общин на Кавказе были связаны с переселением евреев из других стран, находивших здесь толерантную среду и безопасность для своего существования, а также участием иудейских купцов в международной торговле.

государств с населением Албании, нынешние государственные границы на Кавказе создают сопряженность сегодняшних проблем региональной политики с вопросами албанской идентичности, политических границ Албании и судьбы албанского наследия. И эта сопряженность, увы, в нарушении принципа историзма, завещанного выдающимся французским историком, становится причиной экстраполяции современных политических амбиций в прошлое, т.е. в реальность, познание которой при объективном ее изучении должна обеспечиваться, как можно большим приближением к восприятиям и оценкам современников изучаемых событий, а не переживаниям ее сегодняшних исследователей.

Оговоримся, что было бы слишком большой самонадеянностью претендовать на полную независимость от реалий сегодняшнего дня при изучении реалий прошлого. Однако осознание этой проблемы, безусловно, помогает точному формулированию исследовательских вопросов, подбору источников, методов изучения информации, уделению времени и усилий для установления достоверности имеющихся свидетельств. Полное понимание сложности изучения истории Кавказской Албании и Албанской церкви обеспечено в немногословном, но обстоятельном Введении игумена Алексия к исследовательским главам его монографии.

Предмет исследования точно сформулирован уже в названии монографии и дополнительно разрабатывается в двух разделах ее вводной части. Автора можно скорее заподозрить в чрезмерной осторожности в постановке задач исследования, нежели в претензиях на установление исторических реалий. Недоверчивость к ремеслу историка можно заметить в замечании, что «...в исторической науке научный факт – явление редкое. История состоит в основном из научных версий, которые выдвигаются историками ...с учетом личной научной и идеологической позиции, часто с известной долей логических предположений» [Никоноров, 2021, с.9]. Такая взыскательность по отношению к историкам и историческим исследованиям заслуживает понимания, но она же и обозначает границы исследования и исследовательские задачи, не претендующие на выдвигание собственных версий по вопросам границ Кавказской Албании, албанской этничности, идентификации албанской культуры.

Если попытаться кратко сформулировать общую задачу исследования, то это восстановление истории албанской христианской Церкви в свидетельствах и трактовках автора «Истории албан». Так сформулирована исследовательская задача и в аннотации к книге.

Вместе с тем можно только радоваться тому обстоятельству, что для разворачивания трактовки истории Албанской церкви автором письменного памятника, иными словами, для точного восстановления позиции и взглядов писателя VIII и X века,² в монографии привлекаются средневековые сирийские, византийские, армянские и мусульманские источники. Это, безусловно, соответствует задаче восстановления реалий прошлого, как истории Албанской церкви в восприятии и объяснении албанского священнослужителя – автора «Истории албан».

В полном соответствии с поставленными исследовательскими задачами игумен Алексей устанавливает структуру своей работы. Введение включает два важных раздела, призванных определить и сформулировать задачи последующих трех глав книги: один об авторстве памятника и истории его рукописной традиции, и другой о степени изученности истории Албанской церкви, или, говоря словами самого автора монографии, о версиях истории Албании, албанского народа и Албанской церкви, выдвигавшихся разными исследователями албанской проблематики. Соответственно и последующие три главы, посвященные трем книгам «Истории албан», состоят каждая из двух частей, но расположенных в обратном порядке: сначала характеризуется историческая обстановка, в которой происходили события церковной жизни Албании, а затем разбирается и трактуется содержание событий. Каждая глава открывается общим разбором содержания, в котором определяется доля исторических известий, церковно-канонических документов и сведений о религиозной жизни Албании. И, согласно обозначенным методологическим подходам автора, историческая часть исследования довольствуется характеристикой состояния вопросов истории Албании и албан, а разделы глав, посвященных вопросам церковной истории, включают оригинальные разработки автора, подводящие итоги дискуссионным вопросам истории Албанской церкви. В этом можно видеть особую ценность работы, поскольку совершенно правомерно ставятся и во многих случаях предлагаются обоснованные решения вопросов влияния религиозной жизни и реформ в соседних странах на ход событий, самоопределение, территорию распространения и влияния Албанской церкви [Никоноров, 2021, с.12].

Прежде чем перейти к конкретным вопросам исследования, по которым есть необходимость представить комментарии и дополнительные соображения, целесообразно охарактеризовать некоторые особые черты и преимущества исследовательской работы автора рецензируемой книги.

² Большинство исследователей поддерживается мнение, что текст «Истории албан» формировался при активном участии автора VIII века с предположительным именем Мовсес Каганкатваци и автора X века, названного Мовсес Дасхуранци. Этой версии об авторстве памятника отдается предпочтение и в рецензируемой книге.

Если объективное исследование призвано разъяснять события прошлого в современных этим событиям реалиях, то изучение истории ранней христианской церкви в Албании со стороны служителя Православной церкви и эрудированного историка максимально приближает автора исследования к пониманию позиции автора памятника, поскольку церковная жизнь, религиозные доктрины, отношение к реалиям истории и истокам христианства, имевшим место в период формирования текста «Истории албан», частично составляют содержание размышлений, полемики, аргументов, позиции и суждений и в нынешней жизни православных и восточных церквей.

Будучи уроженцем города Баку, православным христианином и служителем Русской православной церкви, игумен Алексей благополучно сочетает способность восприятия и точного понимания позиций различных групп интересов в дискуссионных вопросах истории албан и Албанской церкви. Его собственная точка зрения отличается особой чуткостью к политически отягощённым проблемам албанской историографии и, вместе с тем, высокой ответственностью при сборе и комментировании мнений различных источников информации. Несмотря на личную связь с Азербайджаном, можно отметить, что ссылки на азербайджанскую историографию в полемической части работы более лаконичны и не так раскрываются содержательно, как, например, доводы ее оппонентов. В частности, можно отметить стиль и форму представления вопроса о языке оригинального текста памятника и этнического происхождения первого предполагаемого его автора. Автор монографии совершенно точно передает свидетельство источника о происхождении Моисея Каланкатуйского из области Утик, делает предположение о том, что он мог быть утийцем, т.е. албаном, как уточняется в скобках, однако, «писавшем на армянском языке». И только вслед за этим указывает, что существует мнение, что изначально книга, или отдельные ее части, могли быть написаны на албанском языке [Никоноров, 2021, с.13]. На мой взгляд это свидетельствует не об упущении автора, но о его стремлении быть предельно объективным.

Уместно было бы здесь привлечь к рассуждениям также и мнение автора английского перевода и исследователя текста «Истории албан» британского ученого Ч.Доусета, который поддержал предположение, что в тексте памятника, в котором рассказчик известия о нашествии хазар упоминает село Каланкатуйк в провинции Утик и называет его своей родиной, может быть имеется указание на авторство именно этого сообщения, а не всего памятника [Dasxuranci, 1961, с.XVIII-XIX]. Видимо, по причине такой трактовки авторства «Истории албан» в издании своего академи-

чески надежного перевода британский ученый обозначил авторство памятника за Мовсесом Дасхуранци. Показательно, что отец Алексей предпочел здесь не углубляться в дискуссию об авторстве.

Вместе с тем тема средневековой албаноязычной литературы не остается без внимания нашего исследователя, однако он ставит ее в широком контексте проблемы языка Албанской церкви. На стр. 32-34 он исчерпывающе разъясняет позицию ряда армянских историков об албанской литературе, согласно которой государство и церковь Албании не могли иметь в качестве единого языка, консолидирующего население Албании, какой-либо из языков албанских племен. Таким языком, по мнению авторов этой концепции, мог быть только армянский. Критика концепции армяноязычия албанской литературы в книге достаточно содержательная, последовательная и убедительная. Она основана на неопровержимых фактах существования албанского алфавита, недавних находках албаноязычных религиозных текстов в православном монастыре Св.Екатерины на Синае, а также на последних исследованиях российского востоковеда А.К.Аликберова. [Аликберов, 2015]. Вместе с тем вернуться обратно к теме об оригинальном языке средневекового памятника албанской историографии в свете свидетельств о существовании развитой албанской письменности автор исследования посчитал нецелесообразным.

К числу незавершенных в монографии дискуссий касательно «Истории албан» можно отнести и вопрос об археографии памятника. На стр. 13-23 автор обозревает историю обнаружения рукописей памятника, публикаций текста и переводов произведения. Отдается должное трудам автора последнего перевода с армянского языка на русский, который привлек для работы над переводом все имеющиеся в распоряжении науки рукописи «Истории албан». Вместе с тем следовало бы отметить, что выбор того или иного рукописного варианта, спорных по значению отрывков, остался частью рабочего процесса и был выбором автора перевода Ш.В.Смбатяна. Правда, в комментариях переводчика, не всегда бесспорных, имеются обоснования выбора, но вряд ли это дает возможность утверждать, что с публикацией перевода 1984 г. [Каланкатуази, 1984] мы получили на руки «реконструкцию первоначального оригинального текста» [Никоноров, 2021, с.22].

Отметим в завершение этого вопроса, что одной из важнейших задач современной албанистики, ожидающих своего исполнения, является академическое издание критического текста памятника. Наряду с этим следует также признать, что как работа по изданию критического текста, так и последующее исследование памятника требуют особой языковой и специальной филологической подготовки, а с учетом

значения этого памятника, выходящего за пределы рутинного источниковедческого исследования, такая работа заслуживает широкого международного научного сотрудничества по подготовке кадров и по исследовательским проектам.

Автор отдал должное и другой проблеме современных исследований Кавказской Албании – содержанию и употреблению термина «албан». Касательно этимологии слова он следует логике своих предшественников, прежде всего известному исследователю истории и культуры Албании К.В.Тревер, хотя ссылается на опосредованный источник, публикацию А.Азимова 2007 г., и указывает, что латинское слово «albus» (белый) могло указывать на значение слова, как «горная страна», подтверждением чему будто бы может быть использование хоронима Албания в топонимике Шотландии и Италии [Никоноров, 2021, с.43]. К.В.Тревер однако наряду с указанием на такую этимологию, во-первых, выражает сомнение в целесообразности поиска значения слова в латинском или греческом языке, поскольку предполагает, что римляне могли только придать латинское звучание какому-то местному названию [Тревер, 1959, с.4]. Кроме того, она обращает внимание и на мнение азербайджанского историка XIX в. Абаскули-ага Бакиханова, согласно которому «albus» (белый) часто использовалось в значении «свободный, непокоренный» - римляне могли так назвать страну, которую им не удалось покорить [Бакиханов, 1991, с.17].

Происхождение названия Албан и Албания, однако, более комплексная проблема, нежели этимология употребляемых терминов. Прежде всего отметим, что соответствующие грамматические формы слова используются для обозначения страны, этнической общности, государства и языка Албании. Греческое и латинское название, которым пользуются и во многих других современных языках, включая русский, соответствуют армянскому Алуанк/Агванк, парфянскому Ардан, среднеперсидскому Арран, арабскому Ар-Ран, грузинскому Рани [Schulze, 2003, с.3]. Нетрудно заметить, что иранский лингвистический ряд от Ардан до Арран дожил и до наших дней и остается в современном азербайджанском (Аран) и грузинском (Рани) языках для обозначения центральной области современного Азербайджана. Связаны ли иранская и

античная письменные традиции передачи названия страны? Напрашивается предположение, что права была К.В.Тревер, утверждавшая, что слово «Албания» было латинской передачей местного названия, которым, опять же предположительно, могло быть парфянское Ардан: во всяком случае, других достоверных претендентов на исходное слово наши источники не предлагают.³

Однако и здесь есть сложность, заключающаяся в том, что наиболее раннее упоминание слова албан относится к свидетельству Арриана о присутствии албанского отряда в войске наместника Мидии Атропата в битве при Гавгамелах еще в 331 г. до н.э. [Chaumont, 1985], т.е. задолго до появления парфян на Ближнем Востоке и на Южном Кавказе. Свести все эти детали и выдвигавшиеся версии в единую логическую цепочку для разработки убедительной версии – нелегкая задача, от которой автор монографии предпочел уклониться, но все-таки подытожить, что заснеженные горные вершины Кавказа могли быть причиной названия страны Албанией от латинского albi - белый [Никоноров, 2021, с.42].

Существует и другая трудность в определении содержания и в использовании термина албан, в этом случае применительно к населению страны. Среди исследователей истории Албании утвердилось мнение, что существовало племя, собственно, албан и население Албании – албаны, различные племена, которые по мере консолидации в пределах Албанского государства получили общее название по имени ведущего племени албанов. Такого мнения придерживалась и К.В.Тревер [Тревер, 1959, с.42], и нынешний исследователь А.Аликберов, подытоживший эту дискуссию мнением, что термин «албаны» был, как обозначением конкретной этнической общности, так и собирательным названием многих народов, населявших Кавказскую Албанию [Аликберов, 2015, с.22]. Отражало ли использование собирательного названия албаны консолидацию племен на территории Албании в албанскую народность с самобытной культурой, Церковью и политическим сознанием или термин «албаны» в широком смысле оставался только лишь политонимом – составляет суть дискуссии сторонников первой концепции [Мамедова, 1986, с.41-42; Мамедова, 2005, с.379-380] с их оппонентами, пред-

³ Версию Ш.В.Смбатяна, предлагавшего исходным местным названием считать армянское обозначение Алуанк, будто-бы первоначально служившее в армянском языке обозначением междуречья двух левых притоков реки Куры (Алуан), трудно признать убедительной [Каланкатуази, 1984, с.25, примеч.23]. Во-первых, упоминание термина в античных источниках относится к более раннему времени (IV в. до н.э.), чем употребление слова Алуанк в армянских источниках. А во-вторых, Ш.В.Смбатян вообще отрицает использование термина албан (Алуанк) как этнонима, тогда как Арриан называет албанами отряд в составе ахеменидского войска наряду с кадусиями и другими народностями. Предположительным временем же создания Албанского царства принято считать период после распада державы Ахеменидов. Кроме того, у самого раннего армянского историка Мовсеса Хоренаци (V в. н.э.) имеется совсем другая, народная версия происхождения названия от имени ее первого правителя, названного по мягкости характера Алу, что по-армянски означает мягкий, или кроткий. Эту же версию в общих чертах повторяет и Моисей Каланкатуэйский [Каланкатуази, 1984, с.25].

ставителями современной армянской историографии Албании, считавшими сложение албанского самосознания незавершенным процессом, сместившимся на своей последней стадии в армяноязычную среду правобережья Куры [Акопян, Мурадян, & Юзбашян, 1991, с.329-331] или, иначе говоря, утверждавшими, что зрелые формы албанского самосознания происходили из армяноязычной культурной среды.

Этому чувствительному вопросу в работе уделяется значительное внимание. Обе концепции албанской идентичности охарактеризованы со ссылками на основные исследования их авторов [Никоноров, 2021, с.27-29]. К теме албанской идентичности и об узком этническом и широком собирательном значении термина албаны примыкает вопрос о стране, или области Лпиния и лпинов, племени ее населяющем. Данный вопрос автор рассматривает не в месте, где идет речь о значениях терминов албаны, а во второй главе, где исследуется история Албанской церкви по материалам второй книги «Истории албан». Именно в этой части имеется указание на титул албанского католика, как владыки «Албании, Лпинии и Чола». Автор, ссылаясь на исследование Б.А.Арутюняна, повторяет предположения о лингвистической связи терминов Лпиния и Албания. Такого мнения придерживалось несколько ранних исследователей истории Албании. Отметив это обстоятельство, автор переходит к вопросу о локализации Лпинии и лпинов, которых наиболее ранний информатор Плиний Старший называет лубениями [Pliny, MDCCCLV, кн.VI, гл.11(10)]. Посвятив вопросу Лпинии и лпинов более пяти страниц книги, автор ограничивается установлением титулатуры албанского католика и не развивает тему о связи терминов Лпиния и Албания, а только отсылает к замечанию К.В.Тревер, считавшей, что упоминание Лпинии наряду с Албанией в титулатуре католика опровергает предположение о связи этих терминов [Никоноров, 2021, с.255-259].

Касательно локализации Лпинии игумен Алексей более решителен в своих суждениях. Он подводит итоги разбросу мнений о местоположении страны Лпиния и утверждает, что центром ее была Шемаха. Правда вопрос пределов Лпинии также остается без уточнений. И хотя автору известна статья Ю.Джафарова, подробно разбирающая сведения источников о местоположении страны лпинов и чилбов, выводы исследования Ю.Джафарова о границах Лпинии с Албанией по реке Самур, о расположении страны лпинов в междуречьи Самура и Рубаса, а также о предполагаемых восточных и западных границах Лпинии [Джафаров, 1985], к рассмотрению не привлекаются. Здесь же следует отметить, что без внимания исследователя остается новая работа дагестанского ученого И.Г.Семёнова, в которой он обстоятельно обосновывает грани-

цы Лпинии и приходит к выводу, что эта страна была позднее известна под названием Ширван [Семенов, 2006, с.7-8]. Таким образом, приходится констатировать, правильно поставленные вопросы о соотношении хоронимов Лпиния и Албания, этнонимов албаны и лпины, о границах собственно Албании и остальной части канонической территории Албанской церкви исчерпывающим образом не исследуются. Употребление этих терминов в источниках рассматривается в ограниченном ракурсе их присутствия в титулатуре албанского католика.

Не углубляясь в дискуссию о содержании термина албаны, автор монографии вместе с тем, вносит ясность касательно использования в «Истории албан» выражения «Восточный край», «Восточная страна» применительно к территории Албании [Каланкатуаци, 1984, с.26, 30, 35]. Вопрос заключается в том, что, по мнению некоторых армянских исследователей, использование этих терминов означало признание автором «Истории Албан» принадлежности территории Албании сфере политического влияния Армении и даже признание ее частью Армении. Этим утверждениям возражала известный азербайджанский албанист Фарида Мамедова, согласно мнению которой употребление выражений «Восточный край» и «восточные жители» применительно к Албании и албанам (и наряду с названиями Албания и албаны) вовсе не указывало на то, что страна и ее население были частью Армении, населенной преимущественно армянами и арменизированным местным населением [Каланкатуаци, 1984, с.25, примеч.23; Акопян et al., 1991, с.322, 325, примеч.12]. Она обосновала точку зрения, что использование Моисеем Каланкатуйским названия «Восточный край» означало, что Албания считалась «восточным пределом христианского мира по отношению к Иерусалиму» [Мамедова, 1986, с.76-77]. Игумен Алексей вносит свою лепту в эту дискуссию. Он справедливо указывает на первый случай использования слова «Восточный» применительно к Албании (Алуанк) в рассказе о расселении потомков Иафета на земле, к которым причислялись и армяне, и албаны [Никоноров, 2021, с.41]. Хотя нужно отметить также, что в другом месте своего труда автор по тому же поводу отсылает к мнению Фариды Мамедовой об использовании термина «Восток» вместо Албания в смысле восточного предела христианского мира [Никоноров, 2021, с.267].

Наряду с проблемой албанской идентичности, в числе наиболее дискуссионных вопросов истории Албании стоит проблема политических границ Албании, которая, на мой взгляд, неоправданно привлекается некоторыми современными политиками и политологами к обсуждению нынешних территориальных

конфликтов на Южном Кавказе. Понятно, что, прежде всего, речь идет о претензиях на территорию бывшей автономной области Нагорный Карабах в составе Азербайджанской Республики. Любопытно, что практически никто не опровергает того, что по результатам соглашения 387 г. между Византией и Сасанидским Ираном земли на правом берегу Куры, а это прежде всего Арцах в армянских источниках (Ортаксена) и Утик, или Ути (Отена, Сакасена – главный город Партав, или Барда) оказались в составе Албании. Произошло ли возвращение прежде завоёванных Арменией албанских земель или к Албании присоединили армянские земли? Кто населял эти земли ко времени раздела 387 г.? Эти события предлагается рассматривать, как доводы по территориальным претензиям. Детальное изложение этой дискуссии со ссылками на соответствующие публикации оппонентов и источники имеется в фундаментальной работе Ф.Мамедовой [Мамедова, 2005, с.273-307].

Автор рецензируемой работы сначала пробует войти в эту дискуссию, понимая, что политическая география страны имеет прямое отношение к географии ее официальной церкви – Албанского католикосата. Но разобраться в противоречивых свидетельствах античных авторов без препарирования оригинальных текстов также, как и многих других источников информации из смежных областей знания – задача, с которой пока еще не справился никто. И потому позиция автора ясна, логична и предельно сбалансирована. Прежде всего, он ставит вопрос об оригинальности и достоверности сведений античных авторов, делает вполне резонное предположение, что судившие издавна о реалиях дальних земель античные авторы I–II вв. н.э. могли получать противоречивые сведения от армянских авторов, которые рисовали картину по памяти о кратковременных завоеваниях армянских Арташесидов. И главное, он обращает внимание на то, что большие по территориальной протяженности империи не могли быть полностью населены народом и соплеменниками правящих династий, создававших эти империи. Иными словами, жители всей обширной территории государства Тиграна II (140–55 гг. до н.э.)⁴ не могли быть сплошь армянами или арменизированным населением [Никоноров, 2021, с.30]. Мы можем к этому добавить только то, что современные политические границы определяются не в соответствии с реалиями и соглашениями, унаследованными от Тиграна II или Вачагана III (487–510)⁵, а сегодняшними международными отношениями и современными государствами, являющимися субъектами международного права – или, возвращаясь к арабской пословице от

Марка Блока и немного перефразируя ее, они определяются законами своего времени, а не легендами дальних предшественников.

В изучении «Истории албан» дискуссии начинаются уже с расхождений о толковании смысла самого названия памятника: история ли это страны Албания, албанского народа или паствы Албанской церкви? Производным от этого выбора названия является конкретное толкование смысла термина Албан (Алуан/Агван) в названии произведения. В различных сохранившихся рукописях памятника оно также варьирует, оставляя неясным, переводить ли его, как историю страны или народа Алуанк. Автор новейшего перевода памятника на русский язык Ш.В.Смбатян переводит название как «История страны Алуанк», а встречающееся часто в тексте употребление слова «албан» применительно к жителям страны предпочитает толковать, как неопределенное указание на жителей страны Албан безотносительно их этнической принадлежности даже в тех случаях, когда албаны называются в ряду других этнических общностей, вместе с армянами и другими потомками библейского Иафета [Каланкатуаци, 1984, с.23, примеч.1, 8].

Слово «албан» («алуанцы», согласно переводу Ш.В.Смбатяна) служит также обозначением прихожан Албанской церкви в тех частях текста памятника, где рассказывается о догматических спорах и иерархии Церквей на Южном Кавказе. Это можно видеть, например, в рассказе о схизме после решений Халкидонского собора [Каланкатуаци, 1984, с.138-139]. Понятно, что автор «Истории албан» взял на себя задачу изложить как историю страны, ее географии, так и историю ее народа и Церкви, обозначаемых термином Албан в трех его взаимосвязанных значениях. Отсюда и расхождения в толковании эпизодов использования термина.

Вместе с тем, такая сложная повествовательная канва памятника правомерно позволяет выделение одной линии повествования, как предмета исследования. Отец Алексей следует этому принципу отбора приоритетных вопросов для своей исследовательской работы. И это история духовной жизни и христианской церкви Албании. Но, как мы видели, слитность трех повествовательных линий в памятнике принуждает уделять место и смежным сюжетным направлениям, которым, однако, наш автор не может уделить столько же усилий, сколько потребовалось от него для раскрытия замысла автора «Истории албан» и смысла его свидетельств об истории христианства и христианской Церкви в Албании.

⁴ Царь Армении из династии Арташесидов.

⁵ Царь Албании из династии Аршакидов.

И в этом избранном автором направлении исследований памятника мы находим близкое рассмотрение нескольких важных вопросов истории Албанской церкви.

Прежде всего отметим точное определение исследовательской задачи автора представить Албанскую церковь во взаимодействии с религиозными движениями и религиозными реформами во всем регионе распространения раннего христианства [Никоноров, 2021, с.12]. С этой целью в книгу внесены обзоры религиозных реформ и этапы развития зороастризма и раннего христианства, характеризуются изменения религиозной ситуации в связи с появлением ислама и арабскими завоеваниями. Эти очерки, расставленные в разделах книги, соответствующих этапам развития Албанской церкви, написаны увлекательно и убедительно и воспроизводят культурно-политическую обстановку, в которой происходило формирование албанского христианства в прочной связи с развитием албанской государственности. Исследование ряда эпизодов и этапов религиозной истории региона представляет любопытные факты и выводы.

Важным результатом работы следует признать объективное изучение предпосылок и условий принятия христианства народами Южного Кавказа. Правильно обращается внимание на то, что основным направлением распространения христианства на раннем, апостольском этапе истории религии были существовавшие в I-ом веке еврейские общины. Автор считает необходимым собрать свидетельства и представить мнения исследователей о ранних переселениях евреев на Кавказ и приходит к выводу о том, что уже ко времени апостольской проповеди на Кавказе могло существовать значительное еврейское население, где оно селилось в результате нескольких волн миграции от самого раннего времени вавилонского пленения (598–539 гг. до н.э.) при царе Навуходоносоре до разрушения Второго храма в 70 г. н.э. [Никоноров, 2021, с.66–72]. Значительное место в книге уделяется изучению сведений о просветительской миссии «апостольского мужа» Елисея, святого мученика, которого «История албан» представляет, как первого проповедника христианства в Албании, рукоположенного иерусалимским епископом Иаковом, братом Господним. И вновь мы видим обстоятельный анализ противоречивых известий о деятельности св.Елисея со скрупулезным указанием на противников мнения о его просветительской миссии. Подборка свидетельств и доводы автора подводят к предположению о вероятности этого раннего эпизода в распространении христианства в Албании, но вместе с тем высказывается и скепсис об историчности личности Елисея и возможности установления точного времени его миссии [Никоноров, 2021, с.73–83].

Большим достоинством книги, написанной священнослужителем Православной церкви об истории раннего христианства в Албании, является постоянный поиск и изучение исторических обстоятельств, политических условий для распространения и развития учения. В этом смысле центральное значение приобретает трактовка событий, обусловивших обращение в христианство правителей Армении и Албании в начале IV в. благодаря св.Григорию Просветителю. После правления, отличавшегося веротерпимостью фактического устроителя Сасанидского государства шахиншаха Шапура I (240/243–272/273), началась постепенная консолидация зороастрийской религии, как официальной идеологии Ирана, которая использовалась и как канал давления и подчинения стран Южного Кавказа. Принятие христианства в Албании, где так же, как и в Армении, все еще правили представители парфянской династии Аршакидов, стало ответом на эти притязания [Никоноров, 2021, с.87]. Христианский религиозный центр, созданный Григорием Просветителем в Аштишате не был изначально армянским католикосатом, а был региональным центром проповеди христианства, где богослужение велось на греческом и сирийском языках. Переработка предания о святом Григории, как основателе Армянской церкви, от которой христианство стало передаваться населению Иберии и Албании, происходит позднее, в VIII в. Центр св.Григория находился в ведении Кесарийской кафедры, следовательно, он не обладал правом учреждать новые церковные структуры и устанавливать их канонический статус, но выполнял задачу просвещения и подготовки церковных служителей для христианских общин. Кавказские христианские общины этого периода находились в духовном единстве, а не церковном подчинении с Аштишатским центром [Никоноров, 2021, с.35, 89–93].

Вместе с тем, крещение албанского царя Урнаира было продиктовано не только и не столько религиозным прозрением, но с целью создания оплота противодействия персидской политической и религиозной экспансии, которая в период длительного правления Шапура II (309–379) особенно ужесточилась. В этот период поместные христианские церкви, в том числе и Церковь Кавказской Албании, находились в единстве с общей христианской Церковью и были «вненациональны». Естественно, что Урнаир не видел ничего зазорного в рукоположении первого албанского епископа св.Григорием, главой центра христианского просвещения. И сам идет к нему для принятия крещения, поскольку не видит в этом действии умаления своего государственного достоинства. «Армянская церковь еще не имела политического характера и не могла диктовать свою волю, но могла стать опорой поднимавшейся новой церкви, в которой было заинтересовано Албанское государство» [Никоноров, 2021, с.92, 94].

Положение о вненациональном статусе Восточных церквей раннего периода распространения христианства на Кавказе получает дополнительные аргументы в последующих разделах книги. Центральной мыслью автора в исследовании динамики отношений между национальным самосознанием и религиозным чувством христианского духовенства было постоянство идеи общности христианского мира, ее присутствие в мотивации руководителей Церквей. Так, по мнению автора, стремление Восточных церквей к самостоятельности от Константинопольского патриарха не было следствием теологических споров, но в условиях политического давления соперничавших с Византией Ирана, а затем Арабского халифата, было желанием избежать подозрений, как агентов византийского императора, продвигавшего халкидонскую христологическую доктрину [Никонов, 2021, с.205]. Рассматривая закономерности эволюции религиозной ситуации на Южном Кавказе, автор не сбрасывает со счетов также и внутривластный фактор – связь христианского духовенства с интересами местной политической элиты.

Динамика влияния этих факторов на эволюцию южнокавказских Церквей и их взаимоотношения в раннехристианский период особенно подробно рассматривается в Разделе II.3. Действия руководителей христианских общин и Церквей объясняются через призму противостояния Ирана и Византии и централизаторских усилий византийских императоров. Вместе с тем, особенностью этой части книги является раскрытие идейной логики деятелей христианской Церкви в разработке христологических положений, призванных восстановить единство Церкви. Многие действия и цели священнослужителей, облеченных церковной властью, становятся понятны в результате раскрытия внутренней логики догматических споров. Объясняется и характер взаимоотношений высших священнослужителей в кавказских Церквях (католиков албанских и армянских), часто выполнявших волю царствующих особ и местных епископов, тесно связанных с местной знатью и общинами. Становится понятным и появление исторических сочинений, излагающих политическую историю и династические интересы на канонической территории Албанской и Армянской церквей.

На фоне этой сложной картины взаимодействия религиозных, политических и этнокультурных факторов развития региона рассматривается история создания местных алфавитов и начала богослужения на местных языках, изложенная автором «Истории албан» в рассказе об изобретении трех кавказских алфавитов монахом Месропом Маштоцом. По мере укрепления зороастризма, как религиозной доктрины власти Сасанидов происходила борьба с эллинизмом

в землях, оспаривавшихся Ираном в борьбе с Византией. Распространение христианской литературы и ведение богослужения на греческом и сирийском языках в церквях Южного Кавказа создавали угрозу обвинений в симпатиях и служению интересам Византии. Это следует рассматривать причиной практически одновременного введения местных алфавитов во всех трех южнокавказских Церквях, приписываемого деятельности монаха Месропа. В исследовании предания об изобретении алфавитов автор монографии последовательно излагает разные мнения о достоверности деталей легенды, но подчеркивает важнейшее культурно-политическое значение этого акта, свидетельствующее о формировании албанской-христианской идентичности наряду с другими южнокавказскими народами, на что, по мнению автора, указывает присутствие и постоянная активность местных албанских помощников монаха Месропа в ходе его миссии в Албанию [Никонов, 2021, с.103-106].

Как видим, становление и взаимоотношения кавказских Церквей и государств происходили в условиях постоянной угрозы и борьбы с зороастризмом и Ираном. В периоды противостояния, когда относительная веротерпимость иранских правителей сменялась преследованием иноверцев и принуждением к принятию официальной религии Ирана, христианские правители Южного Кавказа координировали свои усилия по противостоянию религии Зороастра, как это имело место в период насильственного насаждения зороастризма в середине V столетия при шахиншахе Ездигерде II (438–457) [Никонов, 2021, с.53-59]. Однако, по мере того, как происходила «национализация» Армянской церкви, вероятно также, как и Албанской и Иверийской церквей (особенно после введения национальных алфавитов), происходило ее отпадение от центров Православного Востока. Следствием было и отдаление Албанской церкви от Армянской. Такая тенденция была продиктована интересами Албанского государства и албанского духовенства. По мнению автора, в ответ на посягательства Армянской церкви, пытавшейся использовать нахождение единого центра христианского просвещения Григория Просветителя в Вагаршапате, албанский историк и создает предание о св.Елисее для того, чтобы отвести претензии Армянской церкви, утвердить прямую связь создания Албанской церкви с Иерусалимом и защитить ее независимый статус. Эти же цели можно разглядеть и в трактовке автором «Истории албан» предания о деятельности Месропа Маштоца: он направляется в Иерусалим и возвращается оттуда с учениками и частичкой Креста Господня для благословения Албанской церкви. А после отъезда Маштоца его ученики возвращаются в Иерусалим и просят себе нового пастыря, «ведь на-

чальное просвещение страны Восточной свершилось рукой св.Елисея из Иерусалима» [Каланкатуаци, 1984, кн. I, гл. 28, с. 61; Никоноров, 2021, с. 107-108].

Авторская концепция становления и развития Албанской церкви Моисея Каланкатуйского иллюстрируется также исследованием кавказских христианских монастырей в Палестине [Никоноров, 2021, с. 292-304]. Известно, что Моисей Каланкатуйский сохранил список албанских монастырей на Святой Земле, при составлении которого он пользовался более длинным списком армянских монастырей, составленным монахом Анастасом, по всей видимости, его старшим современником. Моисей, вероятно, выбирал из этого списка те монастыри, которые считал основанными албанами. Ранние монастыри кавказцев в Палестине изначально не были предназначены исключительно для национальных общин. Например, Иберийский монастырь, основанный Петром Иберийским, был приютом для паломников всех национальностей. Вместе с тем, среди этих монастырей были обители, основанные албанскими христианами и албанской знатью. Выделение их из списка армянского монаха Анастаса, говорит о наступлении времени размежевания церквей. Судьба албанских монастырей на Святой Земле повторила судьбу Албанской церкви на Кавказе. Ко времени арабского завоевания оскудели пожертвования с Родины, а после переподчинения Албанской церкви в начале VIII в. албанские монастыри либо пришли в запустение, или же оказались под контролем Армянской, а также и близкой по халкидонитскому учению Грузинской церквей. Неслучайно, единственный пока памятник албанской книжности, албано-грузинский палимпсест был обнаружен в православном монастыре на горе Синай.

Автор монографии делает попытку идентификации албанских церквей с находками последних археологических раскопок раннехристианской архитектуры в Израиле. Он широко пользуется публикациями современного израильского археолога и религиоведа Яны Чехановец, опубликовавшей значительную часть результатов своих раскопок и исследований в недавно изданной монографии [Tchekhanovets, 2018]. Игумен Алексей предпринял попытку идентификации некоторых албанских монастырей с древними памятниками христианской архитектуры и археологическими объектами на Святой земле.

Однако, мимо внимания автора прошла очень показательная с точки зрения присутствия Албанской церкви в Палестине статья Я. Чехановец, в которой израильский ученый исследует список армянских монастырей Анастаса и выражает сомнение в надежности его сообщений. В этой же статье содержится информация об обнаружении в маленьком грузинском

монастыре Умм Лейсун (Umm Leisun) захоронения, предположительно, основателя монастыря. Имя на могильной плите значит, как Iohane епископ Purtavi из Картли. Археологи датируют захоронение VI-м веком. По мнению исследователя, здесь поминается человек, прибывший для службы епископом в Партав (Барду – последнюю столицу Кавказской Албании) из Картли – восточной Грузии. Албанская община монастыря могла оставить эту надпись в момент основания монастыря [Tchekhanovets, 2014, с. 304-306].

В книге Отца Алексия разбираются практически все основные известные нам эпизоды ранней истории Албанской церкви, критически исследуются соответствующие сообщения «Истории албан»: легенды об образовании Армянского и Албанского государств, сведения о воцарении династии Михранидов, об исторической миссии Албанской церкви по распространению христианства среди кочевников севера. Разбирается организационная структура Албанской церкви, известия и документы Алуэнского (Агуэнского) и Партавского соборов, некоторых соборов Армянской церкви, рассматриваются проявления уклона к халкидонитству к концу существования Албанского государства [Никоноров, 2021, с. 43, 186, 251-252, 267-304, 136-150, 328].

Воздавая должное методичности изучения памятника, эрудиции и проницательности его исследователя, нужно также отметить и ряд неточностей, имеющих место, главным образом, в описании и исследовании исторических событий эпохи.

Важным событием истории Албанского государства является перенос столицы из Габалы в Партав. Историки расходятся во мнениях по вопросу о причинах и времени этого события. Уделяет этому вопросу свое внимание и игумен Алексей. Однако в представлении вопроса и его обсуждении в книге имеются существенные противоречия, неточности и недоработки. Приводится указание из «Истории албан» на основание города Партава албанским правителем Ваче II (444–463), которому первоначально будто бы было дано имя Перозопат, т.е. город Пероза, иранского шахиншаха Пероза II (459–483), по приказу которого Ваче будто бы и построил город [Каланкатуаци, 1984, с. 39]. За этим утверждается, что этот город Партав стал столицей Албании только через сто лет, т.е. в середине VI-го столетия [Никоноров, 2021, с. 57].

Дальнейшие рассуждения автора по этому вопросу не укладываются в логику вышеприведенных утверждений. Утверждается, что в результате событий IV в. «политический, экономический и культурный центр Албании перемещается на правобережье Куры, в область Гирдман и Утик» (не в V в., а IV в.!), где напомним и находился Партав. Далее читаем, что «здесь

возникает новая столица Албании Партав, которая, повторяет автор, была основана царем Ваче по приказу Пероза и называлась Перозапат. Автор приводит мнения исследователей о причинах переноса политического центра прежде всего экономические, к которым прибавляет и собственное суждение, что это могло произойти вследствие угрозы, создаваемой с севера «появившимися на Северном Кавказе» аланскими племенами.

Здесь несколько противоречий и неточностей. Что означает перенос политического центра, как не перенос столицы? Если албанские цари оставались на левобережье, в Кабале, а центр находился на правобережье, то что это могло значить? Их подчинение политическому центру на левом берегу Куры? А где локализовать этот центр в IV в., если Партава еще не было, согласно легенде о его основании в царствие Пероза?

Нам представляется, что автор некритически пошел к свидетельству источника об основании Партава. Мнение о раннем перемещении столицы с левобережья на правобережье еще в IV в. можно найти в исследовательской литературе [Chaumont, 1985]. Оно, вероятно, происходит из представлений о политических последствиях византийско-иранского договора о разделе сфер влияния 387 г., когда за Албанией закрепляется правобережье Куры.

Нужно сказать, что в научной литературе вопрос о том, когда же столица албанских правителей была перенесена из Кабалы в Партав остается неясным, и мнения исследователей внутренне противоречивы. К.В.Тревер, на мнение которой ссылается наш автор, позволила себе заметить вскользь, что это событие произошло в VI-м веке, вероятно, под влиянием сообщений о переносе престола албанского католика Абаса из Чола на севере Албании в Партав в 551 г. [Каланкатуа, 1984, с.71]. Но в другом месте, где она углубляется в детали свидетельств письменных памятников, уточняется, что на самом деле наряду с престолом католика, речь шла о переносе резиденции сасанидского марзбана из Чола в Партав для избежания хазарской угрозы с севера [Тревер, 1959, с. 126, 238, 250]. Иначе говоря, здесь нет речи о переносе столицы албанских правителей в Партав.

Наконец, в этом сюжете следует также указать на неточность в рассуждениях автора рецензируемой книги касательно появления аланских племен на границах Албании. Время аланского доминирования в Предкавказье и на Кавказе относится к I–III вв. Ко времени событий, о которых идет у нас речь, они были разгромлены гуннами. Это произошло уже в середине IV в., т.е. в конце этого столетия речь могла идти только об угрозе гуннов и племен, составлявших их конфедерацию.

Приходится сожалеть, что автор, обозначив этот ключевой вопрос в эволюции Албанского государства, представил его в неразрешимом внутреннем противоречии. Вместе с тем, в нашем распоряжении имеется исследование Юсифа Джафарова, обоснованно связывающее несколько вопросов истории Албанского государства в убедительную концепцию, согласно которой перенос столицы в Партав вполне мог быть следствием новой политической ситуации после 387 г., когда политический центр Албании оказался в области вокруг основанного в парфянский период города Партав, населенного албанским племенем гаргаров, что и определило выбор гаргарского языка для создания албанского алфавита [Джафаров, 2021, с.42-50].

При изложении событий автор «Истории албан» пользуется различными способами датировки: привязками к знаковым событиям истории Ирана, Армении, Албании, Византии, армянским летоисчислением, мусульманским летоисчислением. Это затрудняет установление хронологии сообщаемых событий, особенно тех, которые не упоминаются в других источниках. Трудности датировки стали основанием для Ф.Мамедовой выделить в своем фундаментальном исследовании особый раздел, посвященный вопросам хронологии «Истории албан» [Мамедова, 2005, с.42-52]. Каждый раз, когда исследователи оперируют сообщениями и указаниями на какие-либо события в «Истории албан», они вынуждены обращаться к вопросам хронологии сообщаемого. По этой причине в исследовании памятника и вопросов истории Албании постоянно присутствует сюжет и дискуссии о датировках сообщаемых событий. К сожалению, автор рецензируемой книги обходит эти вопросы, предпочитая приводить датировки других исследователей без собственного критического рассмотрения. В некоторых случаях образуются нестыковки между частями его собственного изложения.

Это относится, например, к датировке смерти великого албанского князя Джаваншира, походов хазар в Албанию после его смерти и просветительской миссии епископа Исраэла в страну гуннов. Авторитетные исследователи, правда без убедительных аргументов, отмечали 669 г., как дату гибели князя Джаваншира и воцарения Вараз-Трдата [Тревер, 1959, с.220, 233; Еремян, 1939, с.130, 155]. З.М.Бунятов считал, что эти события имели место в 680 г. [Бунятов, 1965, с.59, 102]. Такого же мнения были D.Dunlop [Dunlop, 1954, с.56] и Ch.Dowsett [Dasxuranci, 1961, с.143, примеч.1, с.145, примеч.1]. Наш автор не определяется со своим выбором датировки и указывает, что Джаваншир умер между 669 и 680 гг., хотя в дальнейшем придерживается более ранней датировки – 669 г. [Никонов, 2021, с.201, 231]. Имеются и более серьезные претензии к автору касательно противоречивости его собственного

изложения этих событий. В одном месте он указывает на 685 г. как дату завершения миссии Исфаэла, в другом месте он указывает, что она началась в декабре 681 г. [Никоноров, 2021, с.201, с. 232]. Вероятно, в первом случае он придерживался трактовки событий, предложенной С.Т.Еремянном, хотя и не ссылается на его исследование, которое цитируется в других частях текста. Здесь же наш автор ошибочно утверждает, что Алп-Илитвер возглавил поход на Южный Кавказ в 684 г. Видимо, это ошибочное допущение и стало причиной указания на 685 г. в качестве времени путешествия епископа Исфаэла к гуннам, тогда как поход хазар 684 г., после которого, согласно последовательности изложения Моисея Каланкатуйского, была отправлена миссия епископа Исфаэла, вероятно, не затронул Албанию, ибо Моисей Каланкатуйский о нем ничего не сообщает [Еремян, 1939, с.137].

Последовательный разбор известных источников позволяет установить более точную датировку событий, согласно которой смерть Джаваншира наступила в конце 680 г., поход его тестя Алп-Илитвера состоялся на следующий год, а миссия епископа Исфаэла к гуннскому князю в зиму 681–682 гг. [Джафаров, 1985].

Отметим также неточность в использовании сведений источника касательно титула правителя гуннов Алп-Илитвера. И хотя сам автор указывает на то, что он был вассалом хазарского кагана и к месту цитирует свидетельство Моисея Каланкатуйского, что Алп-Илитвер – титул, дарованный правителю Варачана хазарским каганом за хорошую службу [Каланкатуази, 1984, с.127], он почему-то называет гуннского правителя каганом [Никоноров, 2021, с.201]. Эту же неточность можно было видеть в названии и в тексте статьи С.Т.Еремяна по вопросу о миссии епископа Исфаэла. Во-первых, сам Моисей Каланкатуйский не использует титул каган для Алп-Илитвера. Во-вторых, самое главное, титул каган мог принадлежать только верховному правителю хазар, да и это стало возможным только после окончательного распада Западного Тюркского каганата, представители правящей династии которой возглавили хазарскую конфедерацию.

Не соответствует требованиям академического исследования использование терминов зороастризм и маздеизм, как абсолютных синонимов [Никоноров, 2021, с.59, 65, 120, 129]. В литературе можно встретить такое отождествление, однако, с точки зрения строгой научной терминологии маздеизмом принято называть раннюю форму верований индо-иранских племен до реформ пророка Заратустры. Ранние формы религии индо-иранцев – маздеизма – могли существовать в среде индоиранских кочевников и параллельно с зороастризмом в Ахеменидском или Сасанидском государстве.

В книге можно заметить и ряд погрешностей против технических требований по публикации академических трудов.

Впервые, ссылаясь на анонимную «Армянскую географию» VII в. [Никоноров, 2021, с.31], автор отсылает читателя к раннему изданию источника, в котором этот труд приписывался Мовсесу Хоренаци. Здесь автор изменяет своему правилу давать в сноске краткое представление упомянутых в тексте деятелей и их произведений и просто указывает на раннее издание Географии с указанием Хоренаци в качестве автора произведения. Это создает ложное впечатление учителя об авторстве «Географии». Далее на стр.38 это несоответствие устраняется, и в примечании 147 вопрос авторства «Географии» определяется в соответствии с новейшими исследованиями, согласно которым автором произведения называется Аниания Ширакаци.

Несоблюдение академического стиля изложения можно заметить и в использовании публикаций по некоторым сюжетам исследования. Это можно отметить на стр.114-116, где воспроизводятся логика и фразеология работы А.Аликберова без указания на его публикацию [Аликберов, 2015, с.17-19].

То же самое можно сказать об использовании и цитировании работы Ю.Джафарова по вопросу о просветительских миссиях Кавказской Албании среди кавказских кочевников [Никоноров, 2021, с.245-249; Джафаров, 1985, с.37-40] или проблемы локализации Лпинии в работе Б.Арутюняна [Никоноров, 2021, с.259-260; Арутюнян, 1991, с.122-123].

Любое современное исследование истории Кавказской Албании оказывается сопряжено со сложными вопросами источниковедения Албании и основного памятника по истории Кавказской Албании – «Истории албан», приписываемой авторству Моисея Каланкатуйского и Моисея Дасхуранци. До сих пор источниковеды приложили немало усилий для изучения спорных вопросов первоисточников произведения, проблем археографии и текстологии, для анализа сведений памятника в сравнении с параллельными армянскими, мусульманскими, византийскими, грузинскими источниками, находками албанской археологии и памятниками албанской архитектуры.

При характеристике «Истории албан», тем не менее, недостаточно внимания уделялось уточнению его значения, как памятника церковной истории Албании. Заслугой работы игумена Алексия можно назвать изучение именно этой стороны, этих особенностей «Истории албан». Мы уже упоминали выше, что сам автор весьма ответственно подходит к установлению рамок своего исследования и, можно сказать, отстраняется от суждений об исторических фактах развития Албанской государственности и общества. Однако, важнейшим сегментом наших представлений об албанском

обществе и культуре является состояние религиозной духовности, порядка и мотиваций событий церковной жизни, религиозного сознания и умонастроений христианского населения Албании и служителей Албанской церкви. В этом отношении новая книга об Албании представляет собой оригинальное исследование, разъясняющее эти вопросы религиозного сознания и церковной жизни христианской Албании.

В книге строго соблюдается логика исследования церковной истории Албании на фоне и в связи с общей религиозной ситуацией и историческими событиями в субрегионах Среднего Востока, примыкающих к Южному Кавказу. Такой подход, структура и содержание книги создают возможность ознакомления со сложными вопросами истории Кавказской Албании и понимания этапов развития и трансформаций христианской Церкви Албании.

Таким образом, книга может быть хорошим пособием по истории раннесредневековой Албанской церкви (IV–X вв.), внесшим, вместе с тем, значительный вклад в решение спорных вопросов албанской христианской идентичности, статуса и характеристики Албанской церкви. Некоторые положения и выводы исследования игумена Алексия заняли свое место в научной полемике по вопросам политической истории Южного Кавказа. Соединяя в себе взвешенный и осторожный подход к проблемам истории Албании с пронизательным анализом закономерностей развития христианского учения и христианских Церквей на Южном Кавказе, книга отца Алексия может быть подходящим источником для знакомства широкого круга читателей с историей Албанского государства и Церкви.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акопян А.А., Мурадян М.М., Юзбашян К.Н. К изучению истории Кавказской Албании (По поводу книги Ф.Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.)» / Хуршудян Л.А. К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Ереван: Изд. Ереван. Ун-та, 1991, Vol. 1, с.321-352.
2. Аликберов А.К. Кавказская Албания и лезгинские народы: актуальные проблемы, новые дискурсы / Гаджиев М.С., Аликберов А.К. Albania Caucasica I. Москва: ИВ РАН, 2015, с.16-27.
3. Арутюнян Б.А. К вопросу о локализации страны Лпинк / Мурадян П.М. К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Ереван: Изд. Ереван. Гос. Ун-та, 1991, с.107-125.
4. Асадов Ф. Тюркское население Кавказской Албании в сасанидский период (V–VII вв.) // Transcaucasica (3), М., 2016, с.29-43.
5. Бакиханов Аббас-Кули Ага. Гюлистан-и Иран / Под ред. З.М.Бунятова. Баку: Элм, 1991, 304 с.
6. Блок Марк. Апология истории или ремесло историка / Пер. Е.М.Лысенко, Ред. А.Я.Гуревич. Москва: «Наука», 1973.
7. Бунятов З. Азербайджан в VII–IX вв. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, 384 с.
8. Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку: Элм, 1985, 124 с.
9. Джафаров Ю. Город Цри и страна чилбов в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского / Древний и средневековый Восток. Москва, Т.1, 1985, с.65-80.
10. Джафаров Ю. Гаргары и алванская письменность. К вопросу возникновения этноязыковой общности / Филипчук Я.В. Україна-Азербайджан. Матеріали міжнародної наукової конференції «Україна-Азербайджан: діалог культур та цивілізацій» з нагоди століття встановлення дипломатичних відносин між Україною та Азербайджаном, яка відбулась 19 жовтня 2021 Київ: Національний педагогічний університет імені М.П.Драгоманова, 2021, pp.38-50.
11. Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки Института востоковедения Академии Наук СССР, VII, 1939, с.129-155.
12. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк / Пер. Ш.В.Смбатян. Ереван: Матенадаран, 1984.
13. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.) / Ред. З.М.Бунятов. Баку: Элм, 1986, 284 с.
14. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку: Центр Исследований Кавказской Албании, 2005, 800 с.
15. Никоноров, игумен Алексей. История церкви Кавказской Албании по Моисею Каланкатуйскому / Ред. Л.М.Раванди-Фадаи. Москва: ИВРАН, 2021, 392 с.
16. Семенов И.Г. О локализации лпинов и чилбов // Вестник Института Истории, Археологии и Этнографии Дагестанского Научного Центра РАН (3), 2006, с.3-8.
17. Страбон. География в 17 книгах / Перевод, статья

- и комментарии Г.А.Стратановского. Ред. С.Л.Утченко. М.: «Наука», 1964, 943 с.
18. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании в IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 389 с.
 19. Юзбашян К.Н. Армянская эпопея V века. От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. Елишэ. Слово о войне Армянской. Москва: «XXI век – Согласие», 2001.
 20. Chaumont M.L. Albania. In Ehsan Yarshater (Ed.), *Encyclopædia Iranica*, 1985, Vol. 1/8, pp.806-810.
 21. Dasxuranci Movses. The history of the Caucasian Albanians / C.J.F.Dowsett, Trans. London, New York, : Oxford University Press, 1961.
 22. Dunlop D.M. *The History of the Jewish Khazars* Princeton: Princeton University Press, 1954.
 23. Ibn al-Athir, Izz ad-Din Abi al-Hasan Ali b. Muhammad al-Jazari. *Al-Kamil fi al-Tarikh* (Abbdallah al-Qadi & Muhammad al-Daqqaq Ed. 4th ed.). Beirut: Dar al-Kutub al-ilmiyya, 2006.
 24. Pliny. (MDCCCLV). *The Natural History by Pliny Vol. Book VI*. Retrieved from https://www.gutenberg.org/files/60230/60230-h/60230-h.htm#BOOK_VI
 25. Schulze W. (2003). *Caucasian Albanian (Aluan)*. The Language of the 'Caucasian Albanian' (Aluan) Palimpsest from Mt.Sinai and of the "Caucasian Albanian" inscriptions Retrieved from http://wschulze.userweb.mwn.de/Cauc_alb.pdf
 26. Tchekhanovets Y. Iohane, bishop of Purtavi, and Caucasian Albanians in the Holy Land. In J.Patrich and L.D.Chrupcala G.C.Bottini (Ed.), *Knowledge and Wisdom: Archaeological and Historical Essays in Honor of Leah Di Segni*. Milano, 2014, pp.305-313.
 27. Y. *The Caucasian Archaeology of the Holy Land: Armenian, Georgian and Albanian communities between the fourth and eleventh centuries CE*: Brill, 2018.

Гошгарлы Гошгар
Доктор философии по истории, доцент

ЕЩЁ РАЗ О КАСПИЯХ

Хорошо известно, что племя каспиев, как автохтонных жителей равнинных и предгорных областей к юго-востоку от Большого Кавказа, было в VI–IV вв. до н.э. в подчинении у персов. Но К.В.Тревер, а вслед за ней практически все другие албановеды не упоминают каспиев, когда речь заходит о Гавгамельской битве, а выделяют здесь албан. Основываясь на том факте, что албаны и саки в Гавгамельской битве располагались в ближайшем окружении персидского царя Дария III и должны были противостоять той части греко-македонского войска, которой командовал сам Александр Македонский, отмечают высокий уровень военного искусства албан [Тревер, 1959, с.52-53; Халилов, 1985, с.198; Бабаев, 1990, с.39]. Это убедительно подтверждают и археологические раскопки. В албанских погребениях V–III вв. до н.э. много разнообразных предметов вооружения, используемых при оборонительных и наступательных действиях [Алиев, 2008]. Многочисленность албанского войска состоящего из пехоты лёгкой и тяжёлой кавалерии отмечает и Страбон [Страбон XI, IV, 4, 5]. Тогда логически напрашивается вопрос, почему же персы не использовали столь искусных и опытных в военном деле албан в своих многочисленных походах в VI–V вв. до н.э. в Египет, Малую Азию, Скифию и Грецию? Почему источники упорно молчат об албанах до Гавгамельской битвы?

В своё время К.В.Тревер в поисках ответа на этот вопрос выдвинула предположение о возможности вхождения в тот период албан в состав каспиев. Это племя, по сообщению Геродота, входило в состав двух ахеменидских сатрапий – одиннадцатой и пятнадцатой [Геродот III, 92, 93]. Каспии участвовали в персидских военных походах и платили персам дань [Геродот, VII, с.67]. По мнению К.В.Тревер упоминание каспиев Геродотом даёт основания полагать: «...что входившие в их состав албаны, будучи подчинены Дарием I, входили в V в. до н.э. в состав одиннадцатого округа, выплачивали дань персам и несли военную службу» [Тревер, 1959, с.51]. Но, как это отмечает сама К.В.Тревер, это всего лишь её предположение, основанное на сообщении Страбона о том, что: «В стране албанов имеется и (страна) Каспиана, названная, как и море, по имени народа каспиев, ныне исчезнувших» [Тревер, 1959, с.51]. Такое предположение вроде бы снимает

все вопросы о том, почему албан нет в подробном перечне племён, плативших персам дань и участвовавших в их военных походах, которые приводит Геродот [Геродот III, 90-94; VII, 61-95]. Так в работе К.В.Тревер появились албаны-каспии [Тревер, 1959, с.51-52]. И хотя это было лишь предположение, не имевшее серьёзного научного обоснования, последующие исследователи взяли это за основу при рассмотрении вопроса о ранних албанах. Несомненно, что предположение К.В.Тревер может быть принято, как одна из гипотез, позволяющая как-то оправдать молчание источников об албанах. Но с другой стороны, если каспии были столь многочисленны, воинственны и влиятельны, что являлись титульным племенем в восточной части Южного Кавказа, где впоследствии формируется государство Албания, то почему же не они, после распада Персидской державы, а вслед за этим и империи Александра Македонского, возглавили процесс консолидации племён в этом регионе (по сообщению Страбона их было 26) и созданию централизованного государства? Во главе этого процесса встали албаны, внезапно появившиеся в период Гавгамельской битвы, и созданное государство стало именоваться Албанским. Причём земли, где жили каспии, по сообщению того же Страбона входили в состав этого государства. Интересен и тот факт, что Страбон, живший на рубеже двух эр, относит каспиев к числу уже исчезнувших племён [Страбон, XI, гл.IV, 5]. Как мы видим, именно Страбон выносит смертный приговор некогда могущественным каспиям. Что же произошло с каспиями? Разумеется, они, вряд ли полностью исчезли на рубеже двух эр, но то, что они были ослаблены и потеряли лидерство в регионе совершенно очевидно.

Судя по источникам и научной литературе, каспии в VII–V вв. до н.э. действительно были одним из ведущих племён в зоне юго-западного и западного побережья Каспийского моря. Иначе не объяснить название Каспийского моря и исторической области Каспиана. По мнению Э.Херцфельда, племя каспиев происходит от касситов, проживавших во II тыс. до н.э. на обширной территории Иранского нагорья [Herzfeld, 1968, с.195-199]. Отождествляет каспиев с более древними кассеями и касситами также и такие авторитетные исследователи, как И.Алиев [1960, с.102],

И.Дьяконов [Дьяконов, 1956, с.103-138]. Есть предположение, что каспии жили на обширной территории от Дербендского прохода на севере до горной системы Эльбрус на юге, охватывая при этом всю Кура-Аракскую низменность. Но уже в VII в. до н.э. они были вытеснены с большей части своих земель скифами. При Ахеменидах каспии оказались включенными в состав 11 и 15 сатрапий, что соответствовало прикаспийской зоне и Кура-Аракской низменности. Более поздний античный источник, в лице автора знаменитой «Географии» Страбона, с ссылкой на Эратосфена отмечает, что «местные племена называют Кавказ Каспием, может быть от имени каспиев» [Страбон XI, IV, 4, 5]. Всё это ещё раз подтверждает, что в середине I тыс. до н.э. каспии были действительно многочисленным и, несомненно, в военном отношении сильным племенем. Геродот подробно описывает военное снаряжение и оружие каспиев [Геродот VII, 67]. Он отмечает небольшое количество народностей, представители которых служили не только в пехоте, но и в кавалерии. Список этих племён и народностей невелик, по сравнению с теми, кто служил в пехоте, но среди них им названы и каспии [Геродот VII, 84-87].

Судя по выявленным документам с острова Элефантина в верхнем течении Нила, датируемых V в. до н.э., здесь на самом юге Египта было большое поселение военных колонистов, представленных многими племенами, подвластными Ахеменидам, в том числе и каспиями [Меликов, 2003, с.91]. Во время раскопок в Саккаре (Мемфис) также было выявлено более ста папирусов, которые, по мнению исследователей, были дневниковыми записями по строительству и ремонту военных кораблей. Эти тексты также датированы V в. до н.э. Они свидетельствуют о том, что в Мемфисе была большая верфь по строительству военных кораблей. Здесь работали мастера в области кораблестроения, собранные со всех концов Персидской империи. Среди них были и каспии [Меликов, 2003, с.102]. По мнению Р.Меликова, который впервые в азербайджанской историографии обратил внимание на нахождение представителей племени каспиев в V в. до н.э. в Египте: «Тот факт, что каспии находились в далёком Мемфисе в качестве кораблестроителей, является важным для понимания того, почему море, у которого они обитали, было названо именно Каспийским. Вполне вероятно, что каспии, жившие на побережье Каспийского моря и бывшие, как мы знаем из мемфисских папирусов, искусными кораблестроителями, были не менее искусными и опытными мореходами» [Меликов, 2003, с.102]. В связи с этим вполне резонно предположить, что во время походов Дария I и Ксеркса в Грецию, каспии не только служили в пехоте и в коннице персидских царей, но и были в числе моряков персидского военного флота.

Учитывая разносторонние военные способности каспиев, можно с большой долей вероятности утверждать, что они участвовали и в знаменитом, благодаря увлекательному рассказу Геродота, походе Дария I против скифов Северного Причерноморья. Ряд азербайджанских исследователей [Меликов, 2003, с.107-108; Велиев, 1987, с.29-31] считают, что участвовавшие в скифском походе 512 г. до н.э. Дария I каспии были привлечены к этому походу именно как мореплаватели. Вероятно часть каспиев после этого похода, по приказу царя Дария I, осталась на реке Дунай и под руководством каспийца Эргиса здесь была построена военная крепость, которая должна была стать форпостом персов для контроля над недавно завоеванной Фракией [Меликов, 2003, с.107-108]. Об этой крепости, построенной каспийцем Эргисом на Дунае (Истр) и названной именем её создателя, сообщает древнеримский поэт I в. н.э., который по приказу императора Актавиана Августа был сослан в римскую провинцию Добруджа и лично побывал в этом городе-крепости. Следовательно, можно полностью согласиться с мнением Р.Меликова о том, что: «каспии играли важную роль в военной жизни Ахеменидской державы и использовались в качестве опытных воинов, искусных кораблестроителей и военных колонистов ахеменидскими царями» [Меликов, 1983, с.56].

Таким образом, в целом вырисовывается образ каспийцев, как сильного и влиятельного племени в VI–V вв. до н.э. Но уже в IV в. до н.э. влияние и значимость этого племени, видимо, заметно ослабло. Во всяком случае, среди племён, участвующих в Гавгамельской битве 331 г. до н.э. на стороне персов, каспии не названы, хотя, возможно и продолжали жить на побережье Каспия. Страбон, ссылаясь на жившего в III в. до н.э. Эратосфена, который в свою очередь, по мнению специалистов, использовал в своей «Географии» сведения, взятые у Патрокла, исследовавшего по заданию Селевка в начале III в. до н.э., побережье Каспийского моря, сообщает, что «В окружности у моря за гирканцами обитают амарды, анариаки, кадуссии, албанцы, каспии, витии и быть может, вплоть до скифов, другие народности» [Страбон, XI, кн.VIII, 6].

Как видим, здесь албаны указаны рядом с каспиями. У указанных авторов каспии нечем не выделены из числа других упоминаемых племён, что вполне может быть связано с утратой каспиями уже в IV–III вв. до н.э. лидирующих позиций в регионе. Во II в. до н.э. позиции каспиев, видимо, ещё больше ослабли. В 190 г. до н.э. после разгрома римлянами Селевкидов в битве при Магнесии, начался распад империи Селевкидов. В этих условиях селевкидские сатрапы областей Армении и Софена-Артакий и Зариандр (в армянских источниках Арташес и Зарех) создали

свои независимые государства, которые принято считать первыми армянскими государствами [Всемирная история, т. II, 1956, с. 418–419]. Они, пользуясь временной политической нестабильностью в регионе, начали захват соседних территорий. Как отмечает Страбон: «...Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия... Они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей, а именно: у мидян, имеется в виду у Атропатены, они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басорапеду» [Страбон, XI, гл. XIV, 5]. Из этого сообщения Страбона видно, что уже во II в. до н.э. по крайней мере южная часть территории расселения каспиев уже входила в состав Атропатены, а в сочетании с сообщениями того же Страбона о том, что: «К области албанцев принадлежит и область Каспиана...» [Страбон, XI, гл. IV, 5] видно, что северная зона их расселения была включена в состав Кавказской Албании. Таким образом, если даже согласиться с К.В. Тревер, что каспии были доминирующим племенем на Южном Кавказе в VI–V вв. до н.э., то в последующие века этот фактор не прослеживается и сами каспии, частично, входят в состав племён Атропатены, а другая часть в состав Албании. Причина ослабления каспиев нам точно не известна. Возможно, это было связано именно с греко-персидскими войнами, в которых персидская армия понесла большие потери, а в результате морской битвы в Саломинском проливе в 480 г. до н.э. был разгромлен и персидский флот.

На протяжении последующих 30-ти лет военные действия между персами и греками шли исключительно на море. Греческие приморские полисы во главе с Афинами в 478 г. до н.э. создают Афинский морской союз и производят большое количество военных кораблей. Персидский военный флот, сильно ослабленный после Саламинской битвы, нуждался в быстром восстановлении. Как известно, основными поставщиками военных и гражданских кораблей для персов были опытные кораблестроители и моряки финикийцы, которые, по-видимому, не в состоянии были в одиночку соперничать по числу создания новых военных кораблей с Афинским морским союзом. Поэтому в Египте – в Элефантине и Мемфисе, в Добруджии, на нижнем течении Дуная, и, вне всякого сомнения во многих других, не попавших в письменные источники местах Ахеменидской империи, создавались верфи по строительству военных кораблей, а рядом с ними возникали крупные поселения колонистов из числа переселенных сюда представителей тех племён и народов, входящих в Персидское государство, которые имели навыки в кораблестроении и морском деле. В их числе, несомненно, были и каспии. Возможно значительный отток каспийцев в V в. до н.э. из прикаспийских областей в эти колонии – кораблестроителей, а также гибель многих воинов-каспийцев в греко-персидских войнах и стали причинами ослабления каспиев в своей исторической зоне, и лидерство здесь перешло к другим племенам, в частности к албаном.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алиев А.А. Оружие древних албан. Баку, 2008.
2. Бабаев И. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
3. Геродот. История / Перевод, примечания Г.А.Стратановский. Москва, 2006.
4. Меликов Р.С. Каспии – военные колонисты в Египте / Тезисы научной конференции молодых учёных Института истории АН Азербайджанской ССР и исторического факультета АГУ. Баку, 1983, с.56-57.
5. Меликов Р.С. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (VI–VII вв. до н.э.). Баку: Нурлан, 2003, 196 с.
6. Страбон. География / Перевод, статьи и комментарии Г.А.Стратановского. Ленинград: Изд-во «Наука», 1964, 944 с.
7. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 391 с.
8. Халилов Дж.А. Материальная культура. Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985, 276 с.

Данакари Ричард*Профессор кафедры государственного управления и менеджмента
Волгоградского института управления—филиала Российской
Академии народного хозяйства и государственной службы***Мобили Роберт***Председатель Албано–удинской христианской общины Азербайджана,
старший научный сотрудник кафедры минералогии, кристаллографии
и геохимии Бакинского Государственного Университета*

ПОСТСОВЕТСКИЕ ОБЩЕСТВА И МИР ПОВСЕДНЕВНОСТИ УДИН: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Современная цивилизация характеризуется глобальными изменениями, находится в условиях значительных рисков, её развитие характеризуется всё большей неопределенностью и нелинейностью. С последней декады XX в. и начала нового столетия популярность получили концепции американских политологов о «конце истории» [Фукуяма, 2015, с.8], а также конфликте этнорелигиозных ценностей, «столкновении цивилизаций» [Хантингтон, 2003, с.25]. Действительно, с начала нового столетия стремление США сохранить свою гегемонию, события на Украине, всеобъемлющие санкции против Российской Федерации свидетельствуют как о «конце» прежнего этапа истории человечества, так и о «столкновении цивилизаций». Всё это показывает, что завершается период однополярного мира, уходит прежняя эпоха, она обретает своё окончание; продолжается транзит, переход к новому мировому порядку.

Информационные общества, непрерывно наращивая социальные связи, опираясь на огромные потоки технологий, усиливают себя коммуникациями, увеличивают свой ритм, делают неравновесным и неопределенным будущее человечества. Главные события разворачиваются на матрице текучей, фрагментарной, маргинальной повседневности, где взаимодействуют различные этнические и религиозные группы, часто имеющие противоположные цели и ценности, интересы и потребности.

В разных постсоветских государствах текучесть и «безопорность» бытия, новые «вызовы», а также страх перед потерей родных корней, неумолимо заставляют национальные и этнические меньшинства, особенно их дисперсные группы, обратиться к своей природно-биологической субстанции. Она оказывается детерминированной с целью сохранения себя, своего «образа» с помощью легенд и преданий, традиций и быта. Виртуализация и мифологизация повседнев-

ности, особенно субъективного мира, ведёт людей к поиску новой сакральности, идеалов и проектов, значимых как для настоящего, так и будущего.

Актуальность исследования современного бытия национальных меньшинств и этнических групп, в том числе иудин, во многом связана с тем, что они одними из первых ощущают кризисы политических и социальных, экономических и культурных систем, нарастание рисков, напряженности, угроз и конфликтов в многонациональном обществе. Рассматривая жизнь и деятельность этнической группы иудин, мир их повседневности в постсоветских обществах, отметим следующее. В настоящее время в различных странах СНГ и мира насчитывается около 12 тысяч иудин. В период кризиса и распада СССР определенная часть из них была вынуждена переехать в Россию. Основными причинами миграции стали межнациональная напряженность и конфликт вокруг Нагорного Карабаха, начало агрессии, развязывание военных действий Арменией против Азербайджана.

В настоящее время иудины компактно, в количестве около 3 тысяч человек, проживают на исторической Родине – в многонациональном поселке Нидж Габалинского района Азербайджанской Республики. В нём продолжают действовать русские школы и другие учреждения. Реставрированы и свободно функционируют две албано-удинские православные церкви. Все иудины многоязычны, в контактах, диалогах с представителями других народов умело используют свои знания. В поселке Нидж иудины учатся в русской школе. Русский язык, как один из международных языков, очень помогает при межнациональном общении, коммуникации. Он значительно востребован и в многонациональном Азербайджане, особенно при равноправном диалоге, встрече с иностранцами, гостями, порою даже с частью иудин молодого поколения из стран СНГ и мира [Данакари, 2017, с.288].

Форум – межнациональный диалог. Волгоград. 2021

Фестиваль национальных культур

Российско-азербайджанское сотрудничество

Сегодня значимый характер приобретает постижение новой повседневности, аналитика непрерывной меняющейся реальности, определение путей и перспектив жизнедеятельности этнических групп. Научный интерес представляет знание того, что происходит в настоящее время, как ныне живут удины, особенно после II Карабахской войны, восстановления исторической справедливости – возвращения исконных земель, обеспечения территориальной целостности Азербайджанской Республики.

Отмечу, что события осенних 44-х дней 2020 года, Победа Азербайджана в Отечественной войне сформировали новое пространство социально-культурного и духовно-нравственного бытия многонационального азербайджанского народа. Они коренным образом изменили ситуацию в республике,

трансформировали самосознание, идентичность, заметно подняли духовно-нравственную атмосферу в стране, продемонстрировали единство и сплоченность всех этносов. Удины, живущие в Азербайджане, странах СНГ и мира, активно поддержали политику Президента Азербайджанской Республики, Верховного Главнокомандующего Ильхама Алиева. Молодое поколение удин участвовало в боевых действиях, в освободительной войне. Всё население поселка Нидж, после демобилизации, встретило наших солдат как настоящих героев.

Осенью 2020 г., в дни победоносного наступления Азербайджанской армии, в поселке Нидж произошло знаменательное событие. При активной помощи и поддержке Президента Азербайджана, государственных и общественных структур, завершилась реставрация, а затем состоялось и открытие православной церкви Пресвятой Богородицы Марии. В мае 2021 г. да Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев лично с семьей побывал в селе Нидж, осмотрел его достопримечательности: церкви, школы и другие объекты.

Отметим, что с воодушевлением встретили известие о Победе в Отечественной войне наши землячества и общины, которые функционируют в Волгоградской и Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях. 20 ноября 2020 г. в Волгограде, в связи с освобождением родных земель, совместно с представителями азербайджанских диаспор, удины участвовали в организации и проведении торжественного мероприятия. В нём приняли участие гости, руководители и активисты общественных объединений, культурных центров, землячеств, действующих в городе-герое. Эти знаменательные события были также в центре внимания земляков, живущих в Центральной России: Иваново, Калуге, Москве, Таганроге, Удомле, Шахтах, а также Санкт-Петербурге. Совместные встречи и торжества прошли в общинах удин в Республике Казахстан, на Украине.

Более 30 лет часть удин проживает на территории Волгоградской области Российской Федерации. В городе-герое Волгоград, сёлах и посёлках региона сегодня проживет больше 400 удин. Подавляющая часть компактно проживает в сельском поселении Дубовый Овраг Светлоярского района области. Продолжающийся переходный период, постоянные кризисы, создают всё ещё немало проблем, но удины, в основном, смогли постепенно адаптироваться к новым условиям, найти себе жилье и работу. Все представители молодого поколения получили среднее образование, многие приобрели трудовые профессии, устроились на работу. Часть нашей молодежи закончила университеты и институты, колледжи и техникумы.

Отметим также, что за последние десятилетия, удины, живущие в Волгоградской области, со всеми общественными объединениями, активно участвуют во всех мероприятиях. Они отмечают государственные праздники, знаменательные даты, праздники, связанные с историей, культурой, религией всех народов, наций и этносов, живущих в Российской Федерации. В частности, День окончания Сталинградской битвы, 9 мая – День Великой Победы, День России, День народного единства и др. В центре внимания и религиозные праздники: Рождество, Новруз-байрамы, Рамазан, Пасха.

В качестве примера сообщим о недавнем мероприятии. 23 апреля 2022 г. руководители и активисты национальных общественных организаций Волгоградской области побывали в соседнем регионе – Республике Калмыкия. Мы приняли участие в грандиозном празднике – «Фестивале тюльпанов» Для калмыцкого народа тюльпаны – это память предков. Проведение такого фестиваля, совместных мероприятий обеспечивает преемственность поколений, помогает каждому народу популяризировать свою историю и культуру, рассказать о традициях, обычаях, быте. Всё это, несомненно, укрепляют базы с развития и укрепления межнациональных и межконфессиональных отношений.

Во многом, благодаря активному взаимодействию органов региональной власти и местного самоуправления с руководителями и активистами общественных объединений Волгоградской области, межнациональные и поликонфессиональные отношения в регионе носят стабильный характер. В основе подобной деятельности лежит уважение к истории, родному языку, культуре, традициям, вероисповеданию, национальному достоинству всех жителей региона независимо от их принадлежности к этнической общности или религии.

Опыт свидетельствует, что в постсоветских обществах большинство национальных общественных объединений выполняет несколько сложных задач:

во-первых, обеспечивают сохранение и развитие истории, родного языка, культуры, традиций своих этносов, во-вторых – работают над интеграцией, формированием общей идентичности и национального единства. В-третьих, каждая организация трудится над пропагандой «имиджа» своих соплеменников, занимается просветительской деятельностью с целью обеспечения мира и согласия, доверия и дружбы между представителями всех национальностей.

Динамика современности быстро трансформирует окружающую среду, непрерывно меняет цели и ценности, мотивы и стимулы, поведение людей. Постигание удинами окружающей среды, как и всеми нациями и этносами во многом происходит не на основе реального социального бытия, конкретной ситуации, что с необходимостью способствовало бы личностной реализации, а, в основном, в результате влияния СМИ, Интернета, социальных сетей, массовой культуры, модного сейчас плюрализма мнений, примитивных стандартов и стереотипов.

Современный социум представляет собой сложную по структуре и составу, мотивам и стимулам общность индивидов. Он поставил человека перед сложным выбором. Большинство людей оказались перед сложной дилеммой. В первом случае перед ними задача по стихийной адаптации к миру повседневности, восприятию его стандартов и стереотипов. И что значимо, такая адаптация не гарантирует им сохранение своей индивидуальности, не открывает возможности для самореализации. Второй подход предлагает индивиду самому активно осуществлять процесс собственной идентификации. Он наиболее проблематичен, потому что требует от человека значительных усилий.

Развитие информационного общества, господство интернета, технологий, связанных с ним, постоянно меняется характер социализации и идентификации. Они ускоряют процессы «присвоения» информации, понимания окружающей среды, сферы общественных отношений, связей и смыслов. Парадоксальность повседневности удина заключается в том, что в его внутреннем мире как бы противостоят несколько позиций: во-первых, седая древность, прошлое; во-вторых, настоящее, быстро «текущие» реалии, т.е. современность. В-третьих, будущее как неизвестное «завтра», которое закрыто, полно неопределенностей. В этих условиях каждому представителю этноса приходится с помощью рыночных механизмов, наличных средств, коммуникации и диалога, вновь осваивать непрерывно меняющееся пространство жизни, стандарты культуры и нормы морали. На сложность и драматизм этих процессов указывает саратовский философ А.В.Рязанов, когда отмечает, что для обществ,

находящихся в состоянии переходности, свойственно наличие постоянного дисбаланса между вертикальными и горизонтальными коммуникациями. В них адаптация к реальности происходит стихийно и в специфической индивидуализированной форме [Рязанов, 2007, с.62].

Во многих развитых странах, где господствует современная рыночная экономика, превалируют либеральные ценности и активно проявляет себя массовая культура. Восприятие человеком социальной действительности часто осуществляется в стихийной форме, потому что индивид «атомизирован», предоставлен самому себе. Появление качественно новых форм отчуждения и идентичности ведёт к тому, человек оказывается на разных уровнях виртуальной, особенно игровой зависимости. Многие сущностные черты индивида, его стремление к активности, потребность в самореализации, переводятся в сферы виртуальности. В результате, в многомерном пространстве бытия человека выстраиваются различные миры и многообразные структуры, реально не существующие в социуме, его сферах и отношениях.

В рамках существующей повседневности, как считают волгоградские ученые, «спасением» является любовь в родной земле, т.е. патриотизм и неразрывно связанная с ним этничность. Их они рассматривают как понятия внеисторические, а объём – наднациональным и метатерриториальным [Вырщиков, Кусмарцев, 2006, с.4].

Таким образом, этническая идентичность – чувство глубокое, древнее, запечатанное в человеческом гено типе, а, значит, неизменное, догматическое по своей сущности. На наш взгляд, идентичность следует рассматривать диалектически, потому что в ходе исторического процесса она имеет свойство претерпевать изменения, что показывает и наша повседневность.

Современность разрушает социальную сущность этносов, подрывает их базис, особенно укорененность, связь истории с современной эпохой, отчуждает, «опрокидывает», «выворачивает» пространство и время, делая не нужными их объективные характеристики. Удины, как этническая группа стремятся сохранить свою идентичность, сущностные черты, имманентные основания, стараясь одновременно преодолеть маргинальность и приобрести новую социальную сущность. Отсюда, та высокая цена, которую приобретают образование и воспитание, сложности их идентификации, социализации и личностного становления.

В условиях постсовременности восстановление отношений, баланса «человек – общество», подразумевает введение в социальную и культурную программу специальной воспитательной установки и образца поведения, особой системы, требующей ориентации

на личность, самостоятельно реализующей процесс собственной социальной и иных идентификаций.

В своих социально-философских исследованиях мне часто приходится уделять внимание изучению различных типов и форм идентичности. Для меня, как философа, значимо исследование общего и специфики в бытии удинского этноса, особенно в условиях кризиса разных форм идентичностей, постижения внутреннего мира родного этнофора, выявление их масштабов. Актуален поиск подходов и изучение технологий «включения» удина в полиэтническую и поликонфессиональную группу, постсоветский социум. В результате, существенным является постижение отношений и связей, сознания и самосознания человека транзитивного общества, специфики выстраивания стратегий жизни, представление каждым реальных событий.

Как известно, информационное общество значительно ослабило прежние глубинные адаптивные способности человека, особенно воздействие исторического процесса на социум, на основании общинной детерминации и каузальности. Постсоветская повседневность разрушила старые коммуникации и формы общения, преобразила многие консервативные традиции, заменила прежние структуры виртуальными, сетевыми связями. Как следствие, усилилась роль настоящего как нового качества, особой формы виртуального бытия в условиях современности. Базисом общественного прогресса стала неопределенность, дезориентация в понимании реальности и перспектив будущего.

Системный анализ постсоветской реальности показывает наличие многообразных изменений в мире повседневности, как всех обществ, так и людей. Обратимся к творчеству современного социолога З.Баумана, который глубоко и профессионально рассматривает постсовременную социальную действительность, выявляет общее и особенное. В центре исследования ученого такое понятие, как «текучая современность». С его помощью он аргументирует переход от существующей повседневности, расколотого и фрагментарного общества к социуму, находящемуся в состоянии пластичности и текучести, свободного от меры и границ, барьеров и пределов. Мыслитель показывает, как в условиях существования быстро изменчивого, непредсказуемого мира возникают новые, а порою и крайние формы и проявления индивидуализма. В книге «Текучая современность» З.Бауман пишет, что «ненадежность, нестабильность, уязвимость – стали широко распространенными (и наиболее болезненно ощущаемыми) чертами современной жизни» [Бауман, 2008, с.154].

Постсовременность приобретает всё более сильное ускорение, ведёт к непрерывным и глубоким изменениям на планете: в государстве, обществе

и его сферах, индивидуальной жизни людей. Определяя перспективы развития, ученый указывает, что «впереди нас ждет лишь большая гибкость, большая рискованность и большая уязвимость» [Бауман, 2002, с.117]. Вновь обращаясь к процессу формирования идентичности удин, отметим, что в значительной степени он связан с особенностями политизации и социализации в постсоветских обществах. Становление личности следует понимать одновременно, и как достаточно сложный всеобщий процесс, и как результат индивидуального выбора, поиск наиболее оптимального соотношения между позициями тождества и различия, своего места, своего «Я» в социуме. Такой выбор драматичен для этнических групп, потому что во многом отчуждает индивида от мира, природы, труда, взаимоотношений между людьми, особенно в многонациональном обществе. Правда, ныне только в результате такого взаимодействия возможен, да и осуществляется процесс социализации, появление нового, часто и иного, естественно, связанного с различиями в формах идентификации.

Сегодня функционирует новое социальное пространство, человек определенным образом самопроектирует и самодостраивает себя, выступает как особая сфера формирования идентичности. Благодаря личной инициативе, на основе смыслового и ценностного взаимодействия, он стремится найти и установить более или менее оптимальное соотношение, равновесие с социальной системой. Современному человеку приходится постоянно достраивать свою идентичность, приводя её в соответствие с внутренними установками, принципами и нравственными ценностями. Механизм идентификации удина можно рассматривать, как систему взаимосвязанных приёмов и направлений, как последовательность по реализации человеком самого себя. Она включает в себя взаимодействие, как объективных условий повседневности, так и субъективный мир установки самой личности.

Как уже отмечали, на всех этапах жизни человеку приходится постоянно трансформировать свою стратегию, двигаясь по пути адаптации к жизни, оформления своей идентичности. Словом, для удина обращение к прошлому, своей древней истории, опыту минувших поколений, социальной памяти необходимы для «подлинного» бытия в условиях «ускользающей» современности. Оно важно для конструирования новой идентичности, самоидентификации и реализации своих целевых установок, выявления ориентиров для будущего. Освоение каждым этносом различных форм времени (прошлое, настоящее, будущее), важны как никогда, их можно рассматривать в качестве необходимого условия для укоренения в повседневности, обеспечения непрерывности социального бытия и

идентификационного процесса. В тесном общении со своими соплеменниками и представителями других культур, мы не только приобретаем бесценный опыт межэтнической и межцивилизационной солидарности, не только накапливаем опыт уважительного отношения к иным верованиям и традициям, но и понимание собственной идентичности-основы внутренней цивилизационной солидарности» [Мир цивилизаций..., Введение, 2019, с.11].

В непрерывно меняющихся условиях современности парадоксальность, «кентавризм» бытия выступает одной из важных особенностей формирования идентичности, адаптации личности к среде. Однако в процессе социализации современное рыночное общество формирует «человека-массу», воспитанного на стандартах массовой культуры и потребительства, воспроизводит страхи, стрессы и определенный шок. Общественное сознание деморализовано, часто люди не способны разобраться в действительности. Для отдельного человека непрерывно меняющаяся повседневность становится внешней формой, средой с разными видами отчуждения.

Выступление на Международной конференции

Мамев Курган. 9 мая 2021 г.

В этих условиях значимость приобретает собственная активность человека, направленная на идентификацию с непрерывно меняющимися структурами социума, освоение исторических традиций и социальных качеств, формирование собственной ответственности. Быстро меняющаяся реальность ставит человека перед сложным выбором. Он с необходимостью должен дополнить свой опыт, накопленный в

условиях повседневного стихийного бытия, активной работой по социализации, осваивать новые реалии и принимать ценности. Человек оказывается перед необходимостью формировать собственный «жизненный мир», определить цель и смысл жизни, осознать свое место и роль в обществе.

Исследование современного общества и бытия человека обнаруживает наличие многих сложностей, в числе которых высокая степень отчуждения и «экзистенциальный вакуум». Подавляющее большинство людей переживает чувство тревоги и потерянности, заброшенности и одиночества. Во многом это результат того, что информационная среда, технологии, превратившись в определяющий фактор общественного развития, радикально изменили сущностные основания, ценностные измерения человека. И это происходит в период непрерывного роста информации и средств коммуникаций, развития массовой культуры, господства психологии потребительства и индустрии развлечений, открывающих перед людьми неограниченные, но примитивные возможности. В сложившихся условиях личность испытывает потребность в социальной, культурной и экзистенциальной «поддержке», она стремится найти пути реального включения в социум и его структуры, разделить с коллективом общие смыслы и ценности жизни.

Однако гетерогенное рыночное общество не может преодолеть объективно сложившиеся проблемы, потому что в данном информационном и технологизированном социуме господствующее положение заняли натурализм, «вещизм» и потребительство. Несмотря на приоритет материальности, одновременно развитое общество как многомерная реальность, заполнена социальными мифами, виртуальными объектами и ситуациями, симулякрами и фантомами. Все это закрывает возможность для человека выявить объективную картину повседневности. Происходит непрерывный процесс замещения действительности образами, психологическими, иллюзорными объектами. Они делают человека как бы «внешним», отчужденным миру и самому себе; часто его внутренний мир оказывается для него непонятным или закрытым. Не случайно, что следствиями становятся социальная дезориентация, ослабление воздействия социальных общностей, нарастание виртуальной, особенно игровой зависимости, а также негативной идентичности.

Пространство бытия современного общества характеризуются потерей равновесия и «укоренности», значительной фрагментарностью. Противоречие между личностью и современным обществом – одна из основных причин дискомфорта социального пространства, которая содержит в себе возможности общественной напряженности и конфликтов. Углубление противоречий ведёт к расколу общества и деградации

личности, усилению её апатии и дальнейшему отчуждению, формированию ложных ценностей и отклоняющегося поведения, агрессивности и национализма.

Информации и технологии, их поверхностное восприятие формируют виртуальные миры, игровое пространство, отчуждают и «атомизируют» людей. Подавляющее большинство индивидов оказывается за рамками объективно существующей повседневности, в условиях специфически сформированной маргинальной реальности, их жизнь аномична, она не регулируется принципами гуманизма и высокой моралью. Активность и потребность индивида в самореализации переводится в сферу виртуальности, в пространстве которой выстраиваются разные удивительные миры, захватывающие структуры.

В сложившихся условиях неопределенности активизируются механизмы компенсации, имитационный характер приобретает включенность индивидов в жизнь общества. Начинает «симулироваться» сама укорененность человека в социуме, манипулятивный характер приобретают история, культура и традиции, деформируются природа и сущность человека. Процессы маргинализации и деформации индивида, непрерывно воспроизводящиеся в обществе постмодерна, во многом носят иррациональный, стихийный и адаптационный характер. Меняется смысл intersubjectного взаимодействия, потому что социальные связи в условиях новой общественной реальности все более технологизируются, приобретают формальный характер. Став движущей силой изменений в современном обществе, потоки информации превращаются в объективную и самостоятельную реальность для людей.

Хотелось бы обратить внимание на то, что бытие социальных общностей и этнических групп, индивидов, в конечном счете, остается необходимой и существенной стороной деятельности общества, оно не всегда регулируется, «манипулируется» информационными потоками. На наш взгляд, нельзя полностью подвести жизнь общества под процессы коммуникации, под информационные потоки. Важно помнить, насколько сложна и удивительна субъективная природа человека, уникально и многогранно восприятие общества и его смысла, смысла собственной жизни.

Современность в значительной степени изменяет условия существования, особенности хозяйственной деятельности социальных и этнических групп, она трансформирует социальные отношения и связи, делает их воздействие заметно ослабленным для внешнего опыта и внутреннего состояния. В XXI веке эти группы функционируют по принципу «интеграция-дизинтеграция», что в значительной степени предопределяет риски и неустойчивость бытия. Несмотря на непрерывную атомизацию социума, коллективная деятельность значима для существования каждого индивида,

для общего бытия людей. Наверное, для этнических групп их внутренне единство составляет фундаментальный признак, оно является имманентным свойством их бытия, генетически заложено в них, в условия их существования. Принцип единства в многообразии, социальная связь с родным этносом, относительная автономность и внутренняя, духовная зависимость от него, наверное, вот та черта, которая генетически связывает каждого этнофора.

Глобализация, ускорение темпов динамики современного социума не предоставляет человеку адекватных условий, реальных возможностей для адаптации и интеграции, а также обретения подлинного смысла. Они позволяют только осуществить выбор изначально обозначенного способа существования, определенных внутренних связей, которые в любом случае не способствуют полноценной реализации человеком своей сущности. Поэтому не случайно, что человек постсоветского общества стремится идентифицировать себя лишь со своей этнической общностью, адаптироваться к реальности на основе условий ее существования, понять смыслы своей истории, особенности родной культуры, традиции и установки. Отсюда, не случайно, что представители одной национальности, этноса или религии, конфессии чувствуют себя более близкими друг к другу, противопоставляя себя Другим, «чужим». Сегодня только на основе «родных» истории, языка, культуры, ценностей, верований, взглядов, обычаев он обретает свою самость, идентичность, «определяет» самого себя.

Таким образом, ключевыми факторами, способствующими интеграции, для членов этнической группы являются общеэтнические цели и ценности, которые консервативны и помогают сохранить традиционную устойчивость в условиях постоянно изменяющейся повседневности. Они становятся для индивида той опорой, которая позволяет ему выстроить собственное внутреннее пространство, определить и обозначить дистанцию с теми или иными национальными меньшинствами и этническими группами, взаимодействовать с инонациональными субъектами в обществе. Словом, в современном рыночном социуме сохранение и развитие значимых социальных связей для этнофора во многом становится делом сугубо индивидуальным.

Сегодня отсутствуют реальные и эффективные пути «вхождения» индивида в общество, он выполняет свою функцию идентификации как «посредник», потому что в межсубъектном отношении выступает как коммуникатор, реально не существуя в самих действиях-коммуникациях.

В XXI веке, на современном этапе динамики постсоветских обществ, особое место занимают вопросы индивидуальной и групповой самоидентификации.

В наших транзитивных социумах, которые еще не до конца определились со своими целями и стратегией развития, ценностями, актуальный характер приобретает изучение объективных оснований бытия и духовно-нравственные ориентиры будущего. Они значимы не только как момент настоящего, но и для понимания своей истории, интересов и проблем страны.

Однако многие ученые считают, что «нельзя видеть в коллективе некое однородное социальное тело, члены которого в силу своей групповой принадлежности неизбежно придерживаются единых идей. Воспринимая информацию, человек ее перерабатывает и переосмысливает, причем во многом под влиянием своего собственного социального опыта. Разделяя определенные, свойственные обществу представления о прошлом, индивид может понимать их по-своему и давать им свои интерпретации» [Шнирельман, 2018, с.12].

Обратим внимание также на то, что установки на формирование архаики, стремление к «возвращению» только древней этнической идентичности или огульное восприятие существующих форм и видов глобализации – это крайности, которые не могут помочь постсоветским обществам превращаться в развитые страны, цивилизованные государства. Информационное общество, технологии, коммуникации и другие стандарты являются только средством движения к современности.

Как уже отмечали, глобализирующийся мир уже давно «потерял» свою статику, приобрел непрерывную динамику. Однако его состояние становится более хаотичным и «неустроенным». В условиях современной реальности человек «потерял» порядок и гарантированную стабильность; их нет ни в одной из сфер жизни человека и функционирования общества. Устойчивая идентичность сменяется пребыванием в «пограничной ситуации», ситуации непрерывных изменений и постоянного выбора. Мир стал для человека воображаемым, виртуальным на разных уровнях. Наступила эра симуляции, манипуляции, которая используется для сокрытия реальности, потому что она перестала быть таковой.

Таким образом, формирование новой идентичности возможно через разные формы вовлечения человека в жизнь общества, что позволяет осуществить межсубъектное взаимодействие, социальный обмен – интересами, предложениями, инициативами, функциями. В сложном пространстве социального общения осуществляются различные процессы и воздействия, на основе которых представители этносов становятся проводниками социальных ролей, носителями правил, моральных норм, культурных смыслов, ценностей, традиций и обычаев.

Одним из важных направлений выбора человеком своего, субъективного образа идентификации является этническая группа. Словом, групповая идентичность – составная часть идентичности, которая позволяет этнофору воспринять мировоззренческие, ценностные и культурные смыслы. В результате, этнические группы – важные компоненты социума, во взаимодействии которого определяются цели и направления межэтнических коммуникаций. Субъективным проявлением идентификации является включенность человека в нормы языкового общения, его участие в политических, экономических, культурных процессах, физкультурных и спортивных событиях, формировании общественного мнения и гражданской позиции.

Председатель Албано-удинской христианской общины Азербайджана Роберт Мобили главной миссией своей общественной организации считает необходимость изучения и пропаганды истории и культуры своего народа. Одним из основных целей – это возрождение Албанской церкви на исторической Родине, на основе удинской христианской общины, как единственного правопреемника паствы этого богатого

конфессионального наследия. В век глобализации и интеграции сохранение своей культуры – проблема не только малых этнических групп, но и многих национальных меньшинств. Удины – пример её решения. Мы не островное племя и не горные изолянты, не смешались с другими, более крупными этносами, не растворились в «плавильном котле» народов [Мобили, 2008, с.26].

Сегодня удины живут в многонациональных постсоветских обществах. Они стремятся реализовать себя через интересы и потребности в рамках общенациональных целей каждого государства. Их жизнь и деятельность осуществляется в пространстве равноправного диалога и строится на основе реальных коммуникаций. Традиции и обычаи, моральные и нравственные ценности выступают у них как устойчивые формы, определяющие субъективность человека, особенно его экзистенциальное измерение. Поэтому вполне закономерно, что совокупность этих ценностей одновременно образует важный «канал» реализации новой идентичности человека.

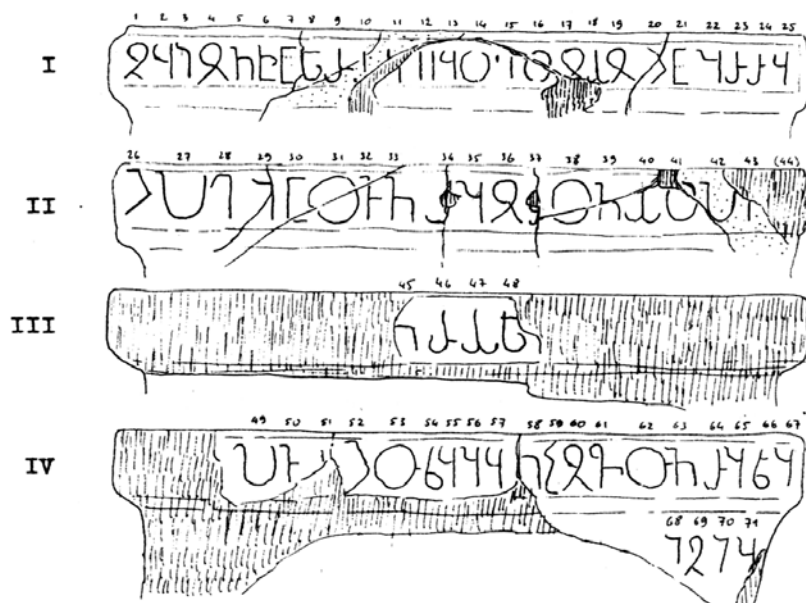
ЛИТЕРАТУРА:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002, 324 с.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008, 240 с.
3. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе / А.Н.Вырщиков, М.Б.Кусмарцев. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006, 186 с.
4. Данакари Р.А. Философия этнического бытия. Этническая группа удин(ы) в условиях глобализации человечества. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017, 388 с.
5. Мобили Р.Б. «Этнография удин» / ИРС («Наследие»). Международный Азербайджанский журнал, №3 (33). www.udi.az М.: 2008, с.26-29.
6. Рязанов А.В. Этнос в коммуникативном пространстве социума / под ред. Проф.В.Н.Гасилина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007, 192 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015, 576 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003, 603 с.
9. Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории / Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А.Тишкова, Е.А.Пивневой. М.: РАН, 2018, с.12-34.
10. Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н.Расторгуев; науч. ред. А.В.Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М.В.Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия, 2019, 472 с.

Лолуа Роман

Профессор, доктор филологии, научный сотрудник
Института языкознания им. Арн. Чикобава ТГУ

КАВКАЗСКО-АЛБАНСКАЯ ЭПИГРАФИКА И ЗНАКИ АЛБАНСКОГО ПИСЬМА НА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕНАХ Г. ДЕРБЕНТА¹

В 1948–52 гг. на территории Азербайджана во время раскопок около г. Мингячевир была найдена одна албанская лапидарная надпись и несколько граффити. Их общность именуется корпусом кавказско-албанских надписей и по сегодняшний день он состоит из 7 единиц: 1) надписи на постаменте креста _70 графем; 2) граффито на подсвечнике № 1 _ 50 графем; 3) граффито на подсвечнике № 2 _ 16//17 графем; 4) граффито на подсвечнике № 3 _ 8 графем; 5) граффито на подсвечнике № 4 _ 24 графемы; 6) граффито на черепке № 1 _ 21 графема; 7) граффито на черепке № 2 _ 5//6 графем. Весь корпус состоит из 194//196 графем. В нем, предположительно, из 52 букв албанского алфавита подтверждены 34. Все надписи дефактны.

Ещё до проведения мингячевирских раскопок был предположительно известен язык, на котором должна была базироваться дешифровка надписей (удинский) и алфавит со своими фонетическими значениями (список кавказско-албанского алфавита в матенадаранской (бывш. эчмиадзинской) № 7117 рукописи). Это создало иллюзию, что найденные эпиграфические памятники будут легко дешифрованы. Несмотря на это, попытки прочтения надписей долгое время оставались безуспешными.

Это можно продемонстрировать на примере найденной в 1948 г. в г. Судагилане (Азербайджан, левобережье Куры) т.н. большой надписи на постаменте для креста.

¹ Предлежащая работа готовилась совместно с доктором филологических наук, профессором М.Е. Курдиани, но, к глубокому сожалению, его болезнь и скоропостижная смерть помешала должному осуществлению этого начинания. Основные положения данной работы были представлены во время следующих докладов: «Знаки албанского алфавита на крепостной стене г. Дербента и вопрос северовосточной политической границы Кавказской Албании», прочитанном на международной научной конференции «Грузино-дагестанские культурно-исторические связи» (Тбилиси, май 2011 г.) и «Кавказско-албанская эпиграфика», прочитанном во время 2-го съезда молодых востоковедов стран СНГ «Восточные общества: традиции и современность» (Баку, ноябрь 2013 г.).

А.Г.Абрамян эту надпись дешифровал следующим образом: «В тридцатом [году царствования] Ираклия был построен храм [во имя] Святого Егише (или Егише Гиса)...в память епископа Овеля» [Абрамян, 1964, с.45].

Дешифровка С.Н.Муравьева: «Этот (?) престол (?) Жертвенник (букв.: кровяную (?) плиту [?]) соорудил (?) Иокоп священник, родом удин, для Древа (т.е. Креста)» [Муравьев, 1981, с.268].

Г.А.Климова: «...в 23-ий год Хосрова...» [Климов 1967, с.78].

В.Шульце: «Кейсарь Пипе (Филиппе)... 27-ом году постамент... сделал... Иоанну епископу сделал...» [Schulze, 1982, p.291].

Дешифровки остальных надписей также радикально различались.

Первым, кто после нахождения албанских эпиграфических памятников заметил, что алфавит рукописи № 7117 не играет роль ключа для прочтения надписей, а самих надписей недостаточно для их расшифровки, был А.Г.Шанидзе. По меткому замечанию А.Г.Шанидзе, попытки прочтения кавказско-албанской эпиграфики являлись такими же бессмысленными, как если бы на основе грузинского алфавита того же источника (рукопись № 7117), и не имея других знаний о грузинской письменности, пытались бы прочитать надпись Болнисского Сиона [Шанидзе, 1960, с.173].

После обнаружения на Синае албано-грузинских

палимпсестов был достигнут прогресс и в дешифровке кавказско-албанской эпиграфики. На сегодняшний день можно утверждать, что:

Надпись на постаменте креста, по-видимому, «строительного» характера (дешифрованы следующие фрагменты: 1-ая грань – Во имя Господа Нашего Иисуса Христа...; 2-ая грань – ...в 27-ой год Хосрова... [правления - видимо, имеется ввиду Хосров I Ануширван]; 3-ая грань - ...первый? ...4-ая грань - ...Епископ Чола сделал);

Граффито № 2 на подсвечнике и граффито № 2 на черепке содержат отрывки алфавита (граффито № 2 на подсвечнике – отрывок № 1-10 и, вместе с этим – факсимиле автора – сделавший Гар (γar) [есть], ср. уд. γar «сын», «парень»);

Граффиты № 1, № 3, № 4 на подсвечниках и граффито № 1 на черепке, по-видимому, вотивного содержания. Граффито № 1 на подсвечнике дешифруется следующим образом: Я, Йог, грешный раб Божий, сделал это... с сердцем...;

Граффито № 3 на подсвечнике: Я... (второе слово проблемно); Граффито № 4 на подсвечнике: Нике (nike – видимо, имя собственное), любимая, я тебе светильник (подсвечник) сделал; Граффито № 1 черепке: Я... в середине... который (с личной клитикой I лица ед. числа) ...душа (дух) (черепок, по-видимому, содержит лишь первые слова строк).

[_____ ?] Գ m շ գ Վ n (Յ) (Տ) ? ? [_____]

Хотелось бы подробнее остановиться на граффито на черепке № 2.

Черепок является, видимо, фрагментом какого-то керамического изделия. Размеры 16 x 4 см. Надпись состоит из 4 четких и 1 или 2 стертых букв.

Дешифровка А.Г.Абрамяна — «Ничтожный» (транскрипция **mayar**) [Абрамян, 1964, с.58-59].

Прочтение Г.А.Климова — **manas[e]** (им. собственное) [Климов, 1967, с.78].

С.Н.Муравьев заметил, что надпись является фрагментом албанского алфавита № 29-33 с оговоркой, что автор вместо буквы № 32 ошибочно поместил

№ 34 [Муравьев, 1981, с.280-281].

Можно согласиться с мнением С.Н.Муравьева с одним замечанием. Мы считаем, что автор не допускал ошибки. По нашему мнению, в матенадаранской № 7117 рукописи № 32-ая графема дана в искаженной форме (**Մ**). Достаточно поднять левый крючок этой графемы, и мы получим № 4 букву надписи.

Эту графему нельзя идентифицировать, как № 34 (**Վ**). У нее u-образный, а не o-образный верх и дополнительная черта справа.

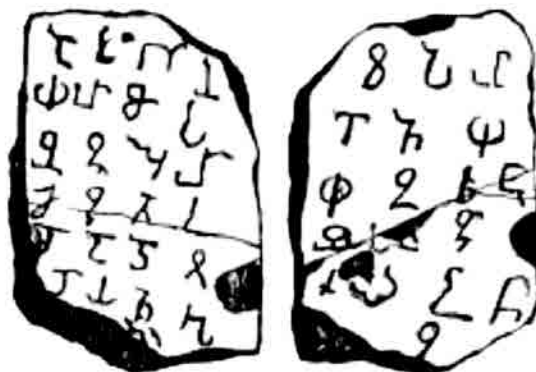
Мы предполагаем, что здесь мы имеем точное повторение № 29-32 ряда матенадаранского списка.

Граффито на черепке № 2 интересен и в другом смысле. Необходимо предположить, что на сосуде, обломком которого является данный черепок, был изображен весь албанский алфавит. Так как перед первой буквой надписи имеется пустой, неповрежденный участок, то можно заключить, что буквы алфавита были разделены на группы. Какое количество знаков было в каждой группе? Необходимо учитывать, что надпись начинается с № 29 буквы алфавита, т.е. до нее было 28 графем (возможно, больше, но никак не меньше; это предположение основано на том, что передаче других алфавитов в матенадаранской № 7117 рукописи (греческий, латинский, коптский, грузинский), где и представлен список кавказско-албанского алфавита, есть много случаев пропуска нужных букв и нет ни одного случая добавления лишних знаков, лишь в арабском одна и та же буква повторяется дважды). 28 можно разбить на 2, 4, 7, 14, хотя нужно учитывать, что каждый отрезок должен был состоять минимум из 5-6 букв (число знаков надписи). Выходит, что принцип передачи алфавита должен был быть вы-

ражен через 28x2, 14x4 или 7x8. В итоге мы получаем 56, хотя последний отрезок мог быть неполным. В любой пропорции (с учетом того, что до этого отрезка могли быть пропущены одна или несколько букв) мы имеем число больше 52-х (число знаков албанского алфавита согласно матенадаранской № 7117 рукописи и второго списка кавказско-албанского алфавита, найденного А.Курдяном): вероятно, 54-56, ср. мнение А.Г.Абрамяна, согласно которому, в албанском алфавите должно было быть 54 графемы, по аналогии с армянским, греческим, грузинским, в которых для передачи цифровых значений общее число букв разбивалось на 9 [Абрамян, 1964, с.34].

Некоторые учёные включали в корпус кавказско-албанских надписей т.н. дербентскую надпись (С.Н.Муравьев), табличку из с.Верхнее Лабко (Г.А.Климов, В.Л.Гукасян) и некоторые другие памятники эпиграфики, с чем нельзя согласиться:

Однозначно нельзя вводить в число албанских эпиграфических памятников обнаруженную в с.Верхнее Лабко (Верхнее Лабкомахи – Дагестан) табличку с «албанским алфавитом», поскольку она, без всякого сомнения, сфальсифицирована.

По описанию В.Л.Гукасяна, изучившего табличку, она состоит из двух частей (размеры 10 x 6 см.). На первой части выведено 25 графем, а на второй – 19. По мнению В.Л.Гукасяна, в сравнении с алфавитом матенадаранского списка на табличке отсутствует 10 графем и, наоборот, 3 являются лишними [Гукасян, 1971, с.130].

В.Л.Гукасян датирует табличку III–VII веками (к этому периоду, по мнению археологов, относится поселение, существовавшее в этих местах) [Гукасян, 1971, с.130].

Г.А.Климов также не сомневается в аутентичности данной таблички [Климов, 1984, с.14-15; Климов, 1990, с.497].

Мы целиком поддерживаем мнение ученых (С.Н.Муравьев, З.Н.Алексидзе), считавших этот «памятник эпиграфики» фальсификацией.

Большинство графем надписи либо повторяют начертание букв метенадаранского списка, либо носят ещё более искаженную форму. На первой части таблич-

ки (условно **А**) изображены № 20-45 буквы албанского алфавита, с пропуском № 25 (А 1-25). На второй половине таблички (**В**) продолжается албанский алфавитный ряд - № 46-52 (В 8 1-7). Далее идут № 1-4 буквы албанского алфавита (В 8-11). Следующая графема (В 12) не поддается прочтению. За ней следуют 3 графемы, у которых, по мнению В.Л.Гукасяна, нет аналогов в алфавите списка (В 13-15) (знак В 13 С.Н.Муравьев, ошибочно идентифицирует с № 6 буквой кавказско-албанского алфавита [Муравьев, 1981, с.287]) и завершается вторая часть таблички № 7-9 буквами албанского алфавита (В 16-18).

Непонятно, где начинается и где заканчивается алфавит. Первая буква таблички **А** - № 20, а таблички **В** - № 44, которыми, безусловно, не мог начинаться албанский алфавит (интересно, что лист 142v матенадаранского списка, на котором дана вторая часть албанского алфавита, начинается как раз с буквы № 20. Ни в этом ли причина начала алфавита таблички с этой буквы?).

Помимо высказанного в специальной литературе мнения [Муравьев, 1986, с.255-256; Алексидзе, 2003, с.52-54], что фальсификатор пользовался фотографиями матенадаранского списка кавказско-албанского алфавита, нужно отметить, что он был по-верхностно знаком и с албанской эпиграфикой. Об этом красноречиво свидетельствует знак В 14, по своей форме напоминающий крест. Фонетическое значение этой графемы (к) однозначно подтверждено материалом кавказско-албанских палимпсестов. В матенадаранском списке албанского алфавита эта графема существенно искажена и напоминает греческую ϕ. Интересно, что обе графемы изображены на табличке – В 14 и В 7 соответственно. Неоспоримо, что из албанской эпиграфики взяты также А 11 (№ 31 кавказско-албанского алфавита), А 23 (№ 43), В 9 и В10 (№ 2-3). Нужно отметить, что исправления сделаны там, где прослеживается явная связь между буквами матенадаранского списка кавказско-албанского алфавита и мингячевирских надписей. В большинстве случаев фальсификатор не заметил связи между графемами списка и эпиграфики (например, в случае с А 25 = № 45 буква албанского алфавита (ϕ - в матенадаранском списке и на табличке; ϕ - в эпиграфике и палимпсестах). Капитальный характер кавказско-албанской письменности показывает, что в нем не могло быть буквы с таким начертанием).

Дербентская надпись

Неимение элементарных знаний по албанскому алфавиту привело фальсификатора к таким ляпсусам, как изображение над А 15 (№ 35) чернильного пятна, похожего на латинскую Т (это пятно отчетливо просматривается на некоторых фотографиях матенадаранского списка албанского алфавита), ввод знака ударения, стоящего над армянской буквой в состав албанской графемы (А10 = № 30). Есть основание полагать, что на табличке дважды изображена одна и та же графема - А 14 и В 13 (№ 34). После обнаружения этой оплошности фальсификатор, по-видимому, добавляет к В 13 верхнюю дополнительную черту.

В корпус кавказско-албанских надписей традиционно включалась и т. наз. дербентская надпись. Эта надпись была обнаружена М.Бархударяном, который утверждал, что нашел ее «на башне Б Дербента, на северной стороне с внешней стороны, в саду Андреса Закаряна».

М.Бархударян срисовал её и поместил в своей книге «Албания и ее соседи» [Бархударян, 1893]. Кроме него эту надпись, судя по всему, никто не видел (не вполне ясно, видел ли ее М.Смбатян [Смбатян, 1896, с.130], поскольку его сведения и рисунок надписи точно повторяют аналогичные у М.Бархударяна).

Дербентская надпись впоследствии неоднократно издавалась специалистами, высказавшими различные мнения по поводу ее этнокультурной принадлежности. Так, Р.А.Ачарян полагал, что здесь мы имеем дело с видоизмененными куфическими буквами [Ачарян, 1984, с.479]. Д.П.Карбелашвили считал, что «язык надписи, действительно, остается неизвестным, но нетрудно в ней опознать грузинские и армянские заглавные буквы церковного письма» [Карбелашвили, 1935, с.260]. К.В.Тревер включила эту надпись в список сомнительных албанских надписей [Тревер, 1959, с.337-338]. Г.А.Климов также допускал возможность албанского прочтения этой надписи [Климов, 1972, с.53].

С.Н.Муравьев, будучи в Дербенте, не смог найти вышеназванной надписи. Как отмечает исследователь, «наша попытка найти эту надпись не увенчалась успехом: на второй башне северной стены, считая от крепости Нарын-кала, её нет; не обнаружили мы её и на второй башне северной стены, считая от моря. Тем не менее, искать её всё же следует у последней: часть этой башни скрыта прилегающими к стене сараями на территории завода фруктовых соков, где раньше были сады. Один пожилой рабочий этого завода утверждал, что видел эту надпись, но не мог вспомнить, где именно, и определял её размеры, как примерно 150 x 80 см» [Муравьев, 1981, с.282].

По поводу самой надписи, сохранившейся в прориси М.Бархударяна и, возможно, М.Смбатяна, С.Н.Муравьев отмечает: «прорись эта подозрительна и в другом отношении: уж очень она художественна (см., например, игру утолщений и утончений черты!). Трудно вообразить, чтобы надпись, подвергавшаяся в течение тысячелетия всем метеорологическим воздействиям, так прекрасно сохранилась» [Муравьев, 1981, с.282].

Несмотря на это, С.Н.Муравьев все равно предпринимает попытку дешифровки надписи. Так как в том положении, в котором она была срисована М.Бархударяном, дешифровать надпись на базе кавказско-албанского алфавита было невозможно, С.Н.Муравьев поворачивает её на 180° и вносит изменения практически во все знаки (т.е. максимально приближает к албанским буквам). После этих «процедур» он дешифрует надпись как *goz çule mo[w]*, (ϕϕ-ϕ ϕϕ-ϕϕϕϕ-ϕ) «дверная ограда» или «ограда ворот» (албанское название г.Дербента, по мнению исследователя) [Муравьев, 1981, с.283].

По поводу варианта прочтения этой надписи С.Н.Муравьевым необходимо отметить, что даже если и согласиться с изменениями, предложенными С.Н.Муравьевым, то и в этом случае вряд ли можно признать дербентскую надпись албанской. При этом остается загадкой, каким образом эта надпись была нанесена в перевернутом виде на стены г.Дербента.² В срисованном М.Бархударяном, неперевернутом виде же, надпись трудно идентифицировать с какой-либо известной письменностью. Как отмечает А.Г.Шанидзе, «Если сравнить албанские буквы из рукописи Эчм. 7117 со знаками приведенной дербентской надписи, то легко убедиться, что по начертанию они настолько разнятся между собой, что без натяжки ни одной албанской буквы нельзя признать идентичной с какой-либо буквой надписи... С другой стороны, трудно согласиться также с мнением, будто это куфические буквы» [Шанидзе, 1938, с.65].³

Дербентская надпись в перевернутом виде

Дербентская надпись с исправлениями, сделанными С.Н.Муравьевым

Представляется особенно важным, что во время поисков дербентской надписи, в некоторых местах на северной стене г.Дербента, а также на южных воротах Орта-капы, С.Н.Муравьев отмечал наличие «весьма четких албанских знаков», которые, по его мнению, служили тамгами албанских каменотесов, участвовавших в возведении укреплений [Муравьев, 1981, с.282]. К сожалению, С.Н.Муравьев не сфотографировал и не срисовал отмеченные им знаки, а лишь ограничился кратким упоминанием о них.

В 2010 г. была опубликована работа М.С.Гаджиева «К выделению и интерпретации зороастрийских

символов в знаковой системе Дербента середины VI века» [Гаджиев, 2010]. В работе предпринята попытка систематизации около 500 знаков строителей, выявленных в результате визуальных обследований оборонительных стен Дербента. Безусловно, внушительная часть представленных символов действительно относится к зороастрийским символам, но, по нашему мнению, среди этих знаков в довольно большом количестве представлены и буквы албанского алфавита.

К кавказско-албанским знакам из приведенного материала должны относиться (для сравнения см. приложение):

Тип А2 должен являться инверсией № 52 буквы () албанского алфавита (некоторые символы, как следует полагать, наносились на камни до их закладки, что приводило к появлению анти и инверсионных форм). Форма этого албанского знака напоминает «петров крест». Горизонтальное древо «креста» настолько опущено, что знак приближается к инверсионной форме *сгух commissa*, что отличает его от простой, равномерной формы креста (т.е. от *сгух immissa*). Помимо этого, № 52 графемой могут являться разновидности А1, А3-А6 и А15-А16. По нашему мнению, к зороастрийской символике также не относятся варианты А7-А8 (*сгух decussata*, resp. «андреев крест») и формы А9-А14 («Распятие»). Мы предполагаем, что христианская символика того периода в Дербенте должна иметь «албанское» происхождение.

Тип А17, по всей видимости, является № 49 буквой албанского алфавита (), но может быть № 22 графемой ().

Тип А19, безо всяких сомнений, является № 42 буквой албанского алфавита (). Тип А18, по-видимому, несколько искаженная форма этой графемы.

Представляется интересным тип знаков В28. Являясь зороастрийским символом, он содержит в себе № 31 букву албанского алфавита (). Это свидетельствует об особом статусе албанской письменности в Дербенте, как среди христиан, так и среди огнепоклонников.

Тип В36, по всей видимости, представляет собой № 27 букву кавказско-албанского алфавита ().

Тип знаков Н4 возможно является № 24 буквой албанского алфавита ().

Тип Н5 является № 16 буквой албанского алфавита ().

² Непонятно, каким образом М.Бархударян мог допустить такую ошибку (срисовать надпись в перевернутом виде).

³ Согласно появившемуся недавно в научной литературе сообщению, дербентская надпись была обнаружена в 1996 г. недалеко от ворот Даш-капы (Шуринские ворота) на внешнем (наружном) фасаде северной городской оборонительной стены. Надпись была дешифрована на основе арабского (куфического) письма: транскрипция: ...мун лаху ма фи-с-самавати... перевод: ...со] н. Ему принадлежит то, что на небесах... Данная надпись представляет собой фрагмент аята 255, известного как «Престольный стих» (араб. Аят ал-Курси), суры 2 (араб. ал-Бакара – «Корова»): «Аллах – нет божества, кроме Него, живого, сущего. Не овладевает Им ни дремота, ни сон. Ему принадлежит то, что на небесах и на земле» [Коран, 1963, с.44]. По своим палеографическим данным надпись датируется XI–XII вв., возможно – X–XI вв. [Гаджиев, Юсуфов, 2011].

Тип I12, по-видимому, является № 36 буквой албанского письма ().

Группы знаков J1-J5 и J9-J13, а также, возможно, J6-J8 и J14 являются № 10 буквой албанского алфавита (). Частое употребление этой графемы можно объяснить тем, что она обозначала десятки (числовое значение этой буквы десять) и употреблялась при пересчете камней и т. д. Знаки этих типов, по нашему мнению, наносились на камни до их закладки, что, как было отмечено выше, привело к появлению большого количества анти и инверсионных форм № 10 буквы албанского алфавита на стенах Дербента.

Тип K1 является № 40 буквой кавказско-албанского алфавита (). По-видимому, типы K2-K4 представляют собой антиформы данного знака.

Тип K7 можно идентифицировать либо с № 12 буквой албанского алфавита (), или с № 38 (). K6 представляет собой антиформу данного знака, а H6 инверсионную форму.

Знаки K10 и K12 являются № 47 буквой албанского алфавита (). Возможно, к этой группе принадлежит тип K11.

Тип K15 (сruх commissa) является № 49 знаком

кавказско-албанской письменности ().

Тип K16 можно идентифицировать с № 11 буквой албанской азбуки (). Типы H1 и H2, по-видимому, являются левой и правой инверсионными формами № 11 графемы.

Типы K17, K18 и K20 можно идентифицировать с № 13 буквой ().

Тип K19 является № 31 буквой албанского алфавита (), а тип K21 представляет собой антиформу указанного знака.

Тип K24 можно идентифицировать с № 14 буквой албанской азбуки (), а тип K27 - с № 44 знаком ().

Таким образом, исходя из имеющегося на сегодняшний день материала с албанскими знаками, можно идентифицировать 51 графический тип, выявленный М.С.Гаджиевым. Точное число букв кавказско-албанского алфавита, встречающихся на городских стенах Дербента, неизвестно, т.к. один графический тип может состоять из одного, нескольких или даже из нескольких десятков знаков. В исследованном материале подтверждается, как минимум 16 букв албанского алфавита.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964, 95 с.
2. Алексидзе З.Н. Язык, письмо и литература кавказских албанцев. Тбилиси, 2003, 224 с. (на груз. яз.).
3. Ачарян Р. Армянские письма. Ереван, 1984, 700 с. (на арм. яз.).
4. Бархударян М. Страна Алуанк и ее соседи. Тифлис, 1893, 302 с. (на арм. яз.).
5. Гаджиев М.С. К выделению и интерпретации зороастрийских символов в знаковой системе Дербента середины VI века // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2010, с.104-110.
6. Гаджиев М.С., Юсуфов В.М. О так называемой дербентской албанской надписи // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, №3, 2011, с.56-61.
7. Гукасян В.Л. О новонайденном списке албанского алфавита // Советская тюркология, №2, Баку, 1971, с.130-135.
8. Карбелашвили Д.П. К фонетике удинского языка // Язык и мышление. Вып. III–IV. М.-Л., 1935, с.259-276.
9. Климов Г.А. Агванское письмо, попытка его дешифровки / Энциклопедический словарь юного филолога. Москва, 1984, с.13-15.
10. Климов Г.А. Заметки по дешифровке агванской (кавказско-албанской) письменности // Известия Академии наук СССР, Отдел литературы и языка, вып. 1, М., 1972, с.50-54.
11. Климов Г.А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности // Вопросы языкознания, №3, М., 1967, с.68-80.
12. Климов Г.А. О составе агванского (кавказско-албанского) алфавита // Известия Академии наук СССР, серия литературы, языка и искусства. т.49, №6, М., 1990, с.494-503.
13. Коран / Перевод и комментарии И.Ю.Крачковского. Москва, 1963, 498 с.
14. Муравьев С.Н. Осторожно: фальшивка // Քննիր Ժամանակը շիտակով. №5. Ереван, 1986, с.250-259.
15. Муравьев С.Н. Три этюда по кавказско-албанской (алуанской) письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. т. VIII. Тбилиси, 1981, с.222-325.
16. Смбалян М. Описание древностей Шемахинской епархии. Тифлис, 1896, 589 с.(на арм. яз.).
17. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 391 с.
18. Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Известия института языка, истории и материальной культуры им. Акад. Н.Я.Марра. №4, р.1, Тбилиси, 1938, с.1-68.
19. Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албанцев // Вестник отделения общественных наук АН Груз.ССР, 1960, № 1, Тбилиси, 1960, с.168-189
20. Schulze W. Die Sprache der Udin in Nord-Azerbaidzan. Wiesbaden, 1982, 313S.

Приложение: знаки, изображенные на оборонительной стене г. Дербента

 A1	 A15	 B1	 B15	 B29	 B43
 A2	 A16	 B2	 B16	 B30	 B44
 A3	 A17	 B3	 B17	 B31	 B45
 A4	 A18	 B4	 B18	 B32	 B46
 A5	 A19	 B5	 B19	 B33	 B47
 A6	 A20	 B6	 B20	 B34	 B48
 A7	 A21	 B7	 B21	 B35	 B49
 A8	 A22	 B8	 B22	 B36	 B50
 A9	 A23	 B9	 B23	 B37	 B51
 A10	 A24	 B10	 B24	 B38	 B52
 A11	 A25	 B11	 B25	 B39	 B53
 A12	 A26	 B12	 B26	 B40	 B54
 A13	 A27	 B13	 B27	 B41	 B55
 A14	 A28	 B14	 B28	 B42	 B56

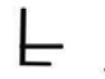

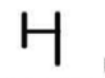
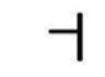

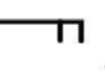

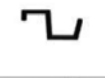

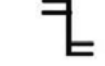

A2 [A1, A3-A6, A15-A16] – J.

A17 – T//T

A19 [A18] – J

B28 – Ч (+ зороастрийский символ)

B36 – S

	H1		H15		J1		K1		K15
	H2		H16		J2		K2		K16
	H3		I1		J3		K3		K17
	H4		I2		J4		K4		K18
	H5		I3		J5		K5		K19
	H6		I4		J6		K6		K20
	H7		I5		J7		K7		K21
	H8		I6		J8		K8		K22
	H9		I7		J9		K9		K23
	H10		I8		J10		K10		K24
	H11		I9		J11		K11		K25
	H12		I10		J12		K12		K26
	H13		I11		J13		K13		K27
	H14		I12		J14		K14		K28

H4 – 𐌗

H5 – 𐌘

I12 – 𐌚

J1-J5, J9-J13 [J6-J8, J14] – 𐌛

K1 [K2-K4] – 𐌜

K6-K7 [H6] – 𐌞/𐌟

K10, K12 [K11] – 𐌠

K15 – 𐌡

K16 [H1-H2] – 𐌢

K17-K18, K20 – 𐌣

K19, K21 – 𐌤

K24 – 𐌦

K27 – 𐌨

Меликов Рауф

*Заведующий редакцией «Всеобщая история, история Азербайджана и археология» Научного Центра «Азербайджанская Национальная Энциклопедия»,
Ведущий научный сотрудник отдела «Древней истории Азербайджана»
Института истории им. А.А.Бакиханова НАНА, доктор философии по истории*

СТРАНА МАСКУТОВ

В исторической литературе до сих пор остаются дискуссионными вопросы локализации области и этнической принадлежности маскутов (=массагетов).

О массагетах на Западе ещё в 60-е гг. I в. н.э. писал Марк Анней Лукан, который помещал их на Дунае (Lukanus. Phars. II, 50; III, 282–283)¹, а в 70–80-е гг. – Гай Валерий Флакк, локализовавший их на Кавказе близ «Каспийских теснин» (“*Caspia claustra*”; Flaccus. Argon., V, 125). На Кавказе массагетов упоминает и Помпоний Мела (сер. I в. н.э.), помещая их рядом с кадусами (Pomp. Mela, Chor., I, 13). Позже Аммиан Марцеллин (IV в. н.э.) в связи с событиями I в. до н.э. пишет: «Не стану говорить о Лукулле или Помпее, который, пройдя через земли албанов и массагетов (которых мы называем теперь аланами – лат. “*Halanos... veteres Massagetas*”), разбил и это племя (персов) и видел Каспийское море» (Amm. Marc., XXIII, 5, 16). В другом месте своего труда Марцеллин ещё раз подтверждает тождественность аланов и массагетов (Amm. Marc., XXXI, 2, 12) [Тревер, 1959, с.105, сл.; Пьянков, 1975, с.69]. В конце IV в. поэт Клавдий Клавдиан также называет «смелого массагета» рядом с аланом из Танаиса (Клавдиан. Против Руфина, I, 310).

А.В.Гадло считает, что ещё автору «Естественной истории» Плинию Старшему, жившему в I в. н.э., имя массагетов на границе с албанами у юго-восточной оконечности Большого Кавказа было известно в латинской форме «*mazacaе*» (Plin., Nat. hist., VI, 21)². По сведениям албанского историка Моисея Каланкатуйского, в I в. н.э. проповедник Елисей (Елише) «взяв себе в удел Восток, из Иерусалима направился в Персию и, минуя Армению, пришёл к мазкутам и стал проповедовать в [стране] Чола» (Каланкатуйский, I, 6). В конце I в. н.э. парфянским Аршакидам удалось посадить на престолы Армении, Атропатены и стра-

ны маскутов представителей своей династии [Тревер, 1959, с.129].

В связи с походом алан 136 г. на Южный Кавказ Дион Кассий (втор. пол. II – первая треть III в.) пишет: «Так завершилась тогда война с иудеями, но другая была начата аланами (которые суть массагеты), подстрекаемыми Фарасманом³. Она причинила тяжёлые бедствия Албании и Мидии, а затем затронула Армению и Каппадокию» (Cass. Dio, LXIX, 15) [ср.: Гутнов, 2001, с.58-59].

Некоторые исследователи, несмотря на многочисленные сообщения источников, полагают, что «массагеты» Кавказа – псевдоисторическая учёная конструкция, связавшая древнее наименование с новым племенем, а не показатель реальной наследственной связи двух разных по судьбам народов [Перевалов, 2010, с.320]. В частности, отдельные исследователи, считают, что использование Дионом Кассием слова «массагеты» – факт чисто литературный [Перевалов, 2006, с.328]. Однако большинство историков, начиная со второй половины XX в., отождествляют «западных» массагетов с прикавказскими маскутами [Тревер, 1959, с.188-197; Минорский, 1963, с.110; Toumanoff, 1963, p.459-460; Яценко, 2001, с.50-60; Kouznetsov, Lebedynsky, 2005, p.63-64]. Интересным фактом является упоминание Агафангелом в прологе к греческой версии своего труда царя маскутов-массагетов (греч. *τῆς τῶν Μασσαγῆτων βασιλῆως*), как одного из четырёх царей династии Аршакидов [Гадло, 1979, с.33].

В связи с проблемой локализации страны маскутов особый интерес представляет коллективная монография археологов В.Ю.Малашева, М.С.Гаджиева и Л.С.Ильюкова, посвящённая исследованию археологических памятников, оставленных племенами сармато-массагето-аланского круга в Прикаспийском

¹ Бернард Бахрах возражал против «прямого отнесения аланов к массагетам» [Бахрах, 1993, с.168, прим.38]. Аугусти Алемань также считает, что Лукан путает албан с аланами, поэтому, по его мнению, данное упоминание не имеет никакой исторической ценности [Алемань, 2003, с.44].

² А.В.Подосинов и М.В.Скржинская представляют этот этноним в форме “*mazamacaе*” [Подосинов, Скржинская, 2011, с.187]. В.П.Яйленко вариант “*mazamacaе*” предпочтительнее считает чтение “*mazacaе*”, потому что в эпитафии одной боспорянки, жившей в I в. до н.э., её родина в Предкавказье отмечена как страна *Μάζακα* [Яйленко, 1995, с.207].

³ Фарасман II – царь иберов (ок. 120 – ок. 160 г.).

Дагестане [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015]. В этом историко-археологическом труде обстоятельно анализируются археологические памятники на указанной территории, сделана удачная попытка их этнокультурной интерпретации на основе сравнительных данных археологии и письменных источников.

В трёхязычной надписи Шапура I на Каабе Зо-роафра (середина III в.) в числе подчинённых Сасанидам стран в греческой версии впервые упоминается Махелония (греч. *Μαχελονία*, парф. *sykn*). С.Т.Еремян пришёл к выводу, что эта страна, расположенная, согласно надписи, восточнее Иберии и по соседству с Албанией, идентична южным владениям массагетов за Кавказским хребтом [Еремян, 1967, с.47-59].

Здесь следует отметить «сармато-аланские черты погребального обряда», отмеченные в ряде катакомбных могильников Албании во II–IV вв., в частности – в Мингячевире [Алиев, Асланов, 1976, с.231-235]. По мнению азербайджанских исследователей И.Г.Алиева и Г.М.Асланова, наибольшая концентрация пришлого населения в районе Мингячевира приходится на конец III – начало IV в., когда здесь исчезают катакомбно-кувшинный и катакомбно-срубной погребальные обряды и утверждается собственно катакомбный обряд захоронения [Алиев, Асланов, 1975, с.72-88; Алиев, Асланов, 1976, с.235]. Вероятно, этих насельников можно связать с ближайшими к этой территории «аланами-массагетами» [Яценко, 2001, с.53, прим.4]. По мнению археолога Г.О.Гошгарлы, появление ещё в I в. н.э. нового погребального обряда на территории Азербайджана, не имевшего традиций и аналогов в местной среде, со всей определённоностью указывает на проникновение в пределы Албании нового этноса [Гошгарлы, 2012, с.89-90], хотя дагестанские археологи полагают, что этот обычай захоронения мог быть следствием эволюции местных погребальных обрядов, а не влияния пришлого населения [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с.148]. Г.О.Гошгарлы, уточняя своё мнение, отмечает, что проникновение и оседание этнических групп сармато-аланского круга на северо-восточной территории Албании в первые века нашей эры привели к распространению в этих зонах смешанной погребальной обрядности, в которой переплетались как местные традиционные, так и инновационные элементы [Гошгарлы, 2012, с.123].

В 293 г., в ходе борьбы за власть в государстве Сасанидов, согласно надписи Нарсе из Пайкули (*NPk*),

наместник Сеистана Варахран призвал на помощь маскутов во главе с их неназванным в надписи шахом (пехл. *mškyt'n MLK'*). Войско маскутов двинулось на Асурестан (Северную Месопотамию), но в районе озера Урмия было окружено и разгромлено войсками будущего шаханшаха Нарсе [Харматта, 1967, с.207-208; Humbach, Skjærvø, 1983; Касумова, 1983, с.53; Луконин, 1987, с.162-167].

Начиная с IV в. сообщения письменных источников становятся более подробными в связи с повторной попыткой распространения христианства среди маскутов и их походом на Армению. Кстати, именно в сочинениях раннесредневековых армянских авторов появляется название маскуты (мазкуты). Эти авторы (Фавст Византийский, Елише, Моисей Хоренский и др.) неоднократно отождествляли маскутов с аланами [Гутинов, 2001, с.59].

Источники сообщают о гибели христианского проповедника Григориса в стране хонов, царь которых Санесан (Санатрук) сначала принял христианство, но затем по его приказу Григорис был схвачен и замучен маскутами на поле Ватнеан у побережья Каспийского моря (Фавст, III, 6; Каланкатуйский, I, 14). Интересно, что часть маскутов приняла христианство от Григориса, на что указывает сообщение Моисея Каланкатуйского: «Во времена царя Албании Вачагана и епископа Амараса Гарника на этой горе появились люди. Имена их следующие: св.Моисей, св.Даниэл, св.Элиа. Это были сыновья царя маскутов Санесана, ученики святого Григориса. Вместе с ними [были] и три тысячи восьмьсот семьдесят мужей. Все они поспешили поселиться на горе Дизапайт и жили там, питаются только травами. Преследуя их, сюда пришёл Санесан и предал их мечу» (Каланкатуйский, II, 5).

Санесан отмечен у Фавста как аршакидский царь маскутов, ибо «их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода» (Фавст, III, 6). Ф.Дж. Мамедова обращает внимание на то, что албанский историк Моисей Каланкатуйский, в отличие от Фавста, считает Санатрука всего лишь соплеменником Аршакидов [Мамедова, 2005, с.335-336].

Остаётся неясным, почему маскутский Аршакид, носивший в некоторых источниках обычное для парфянских царей имя Санатрук (ср. с именем аршакидского царя Парфии, правившего в 80–69 гг. до н.э.⁴), у Фавста назван Санесаном. К.В.Тревер полагает, что в этом случае «Фавст пользовался каким-то письмен-

⁴ *Σανατροκῆς, Σανατρούκης, Sanatrukes, Sanaṭrūq* – греческая, латинская и сирийская передача парфянского имени [Лившиц, 2010, с.146, №574]. Моисей Каланкатуйский пишет: «Нам, жителям Востока, достался святой апостол Фаддей, который, прибыв в Армению, в область Артаз, принял там мученическую смерть от [руки] Санатрука, царя армянского» (Каланкатуйский, I, 6). Н.К.Дибвойз, описывая деятельность парфянского царя Санатрука, полагает, что именно он «одно время был также царём Армении» [Дибвойз, 2008, с.198; ср.: Алемань, 2003, с.391]. Каланкатуйский отмечает ещё одного Санатрука: «После смерти Трдата некий Санатрук воцарился в Алуанке в городе Пайтакаране и восстал против армян» (Каланкатуйский, I, 12). Киракос Гандзакец (XIII в.) также считает последнего Санатрука правителем всей Албании.

ным или фольклорным источником, в котором имя Санатрук передано было в иной (быть может, аланской или маскутской) передаче» [Тревер, 1959, с.181]. Однако М.С.Гаджиев пытается этимологизировать имя Санесан из таких иранских имён, как *Σάνναρος, Sānak, Zanasana* и др. [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с.144].

О походе Санесана-Санатрука сообщают Фавст Византийский, Моисей Хоренский и албанский историк Моисей Каланкатуйский. Санесан-Санатрук собрал войска (численностью около 20 тысяч человек – Хоренский, III, б) из множества кочевых племён, большую часть которых составляли обитатели различных горных районов южного Дагестана – «гунны, похи, таваспары, хечматаки, ижмахи, гаты и глуары, гугары, шичбы и чилбы, баласичи и егерсваны, и несметное множество других...» (Фавст, III, 7). Моисей Каланкатуйский пишет, что «Санесан с огромным и несметным войском гуннов двинулся на Армению» (Каланкатуйский, I, 14).

По сведениям источников, Санесан в 336/337 г. «перешёл свою границу, большую реку Куру» и захватил всю Армению (которая в то время была зависимым от Рима «клиентским» государством и частью *Imperium Romanum*), а армянский царь Хосров укрылся в крепости. Следует полагать, что нашествие войск Санесана было попыткой маскутского царя овладеть Арменией и низложить Хосрова [Тревер, 1959, с.179]. Почти год владел Санесан Арменией (Фавст, III, 7), однако римляне, послав туда многочисленное войско, согласно Моисею Хоренскому «греческие войска, предводительствуемые греческим полководцем Антиохом» (Хоренский, III, б), разгромили «войска аланов и мазкутов, и гуннов, и других племён», и вытеснили их в «страну баласичев» (Фавст, III, 7), т.е. в Баласакан.

М.С.Гаджиев миграцию носителей сармато-аланской культуры на территорию прикаспийского Дагестана делит на 2 этапа: 1 этап – переселение в первой половине III в. н.э. в Терско-Сулакское междуречье (Львовские могильники); 2 этап – переселение около середины IV в. многочисленной группы населения вместе с насельниками Терско-Сулакского междуречья в южный Дагестан (могильники Паласа-сырт, Кухмазкунт и др.) [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с.135]. По его мнению, в последней четверти IV в. под натиском гуннов началась массовая миграция маскутов из Северного в Южный Дагестан [там же]. После опустошительного вторжения гуннов во главе с Басихом и Курсихом 20-х гг. V в.⁵

в страны Южного Кавказа и Иран раннесредневековые авторы рассматривают прикаспийский Дагестан, как «страну гуннов», «владения гуннов». Вероятно, в это время часть маскутов присоединилась к гуннам.

Ещё у Фавста царь маскутов Санесан назван «повелителем многочисленных войск хонов» (Фавст, III, 7), под которыми следует понимать гуннов. В сочинении Агафангела на греческом языке маскуты отмечены как масаха-хунны (греч. *τῶν Μασαχοῦ τῶν Οὐννων*). Первая часть этого слова – масаха – является производным от этнонима массагеты. В связи с этим этнонимом привлекает внимание неоднократное отождествление маскутов с гуннами в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского.⁶ С указанным выше отождествлением возможно связано упоминание в трудах Прокопия Кесарийского (VI в.) неких Суники и Эгана «из народа массагетов, ныне называемых гуннами» (Procop. De bello Vandalico, I, XI, 9; Procop. De bello Persico, I, XIII, 20). Информация Фавста и Агафангела, по мнению А.В.Гадло, «свидетельствует об определённой интеграции ираноязычных потомков массагетов и тюркоязычных гуннов» [Гадло, 1979, с.36]. Его мнение поддержала и Л.Б.Гмыря [Гмыря, 1993, с.29; Гмыря, 1995, с.94-95].

В 440-х гг. по указу сасанидского шаханшаха Йездигерда II⁷ были возведены укрепления в проходе Чора (строительство которых было окончательно завершено при Хосрове I). Об этом строительстве арабский историк Ибн ал-Асир (втор. пол. XII – начало XIII в.) сообщает так: «Построил Кубад⁸ стену... Когда же он скончался, шахом стал его сын Ануширван⁹... И построил Ануширван стену от моря, и провёл её по вершинам гор и устроил в ней железные ворота, и назначил людей для её охраны... (Он) построил город Шабаран и город Маскат и город Баб-ал-абваб... И выбрал Ануширван владетелей, которых он распределил по разным областям, и между ними владетель престола и Филаншаха и (шах) лакзов и (шах) Маската и другие» (Ибн ал-Асир, I, 196). Азербайджанский историк XIX в. А.А.Бакиханов в своём труде писал, что сасанидский царь Ануширван, сын Кубада, «построил 360 крепостей и городов по обеим сторонам Дербенда, от Алгола до Аграна [ныне деревня Чирюрт на Сулаке – М.Р.] и, заселив их многими племенами из разных персидских областей, разделил эту страну на семь округов» [Бакиханов, 1991, с.45]. Шестой округ, расположенный ниже Табасарана и нагорного Кумука, именовался Маскат. «Его жители состояли из аланов

⁵ Подробнее о различных датировках этого похода см. статью А.Г.Фурасьева [Фурасьев, 2012, с.449-462].

⁶ См. к примеру, его сообщение: «епископ гуннов Йунан, [муж] правдолюбивый, бывший в стране мазкутов» (Каланкатуйский, I, 19).

⁷ Йездигерд II – шаханшах (438/439 – 457) из династии Сасанидов.

⁸ Кавад I — шаханшах (488–496, 499–531) из династии Сасанидов.

⁹ Хосров I (501–579), известный по пехлевийским источникам как Анушираван или Ануширван – шаханшах (531–579) из династии Сасанидов.

и были многочисленнее других. Эмир их назывался Бютюн шах». А в седьмой округ входили Шабран и Мускур, «где были города Шабран, Багдад-Гергер ...и Абат. В Мускуре-Кясран и в трёх милях, не доходя до Дербенда, Сул или Цур [Чол или Чор – М.Р.], со многими другими городами и селениями» [там же].

Моисей Каланкатуйский сообщает, что восставший в 460 г. против Сасанидов албанский царь Ваче II¹⁰, «разрушив сторожевой проход Чола, пропустил мазкутские войска, присоединил к себе также одиннадцать горских царьков и, выступив против арийских войск, причинил большой урон царским войскам» (Каланкатуйский, I, 10). Елише также пишет об открытии ворот в Чоре и пропуске через них маскутов, вызванных албанским царём Ваче на помощь. По-видимому, эти сведения следует понимать в том смысле, что Ваче «провёл на эту [албанскую – М.Р.] сторону маскутов» [Тревер, 1959, с.199; Джафаров, 1985, с.65-80]. Однако это сообщение вовсе не исключает такой возможности, что определённые группы маскутов уже жили южнее Чола, а пропущены были лишь военные отряды маскутов, обитавших севернее указанного прохода.

Так, по данным источников, в тот период маскуты обитали в области Чор (Чол) на побережье Каспийского моря (Елише, с.142; Каланкатуйский, I, 6, 10), с чем согласно большинство исследователей [Тревер, 1959, с.176; Артамонов, 1962, с.61; Минорский, 1963, с.108-110; Алиев, Асланов, 1976, с.218-237; Гейбуллаев, 1991, с.100-101]. Город Дербенд в то время известен в источниках под названием «город Чол (Чор)», «пограничная крепость Чола (Чора)», «врата Чола (Чора)»¹¹. По мнению Ю.Р.Джафарова «пограничная крепость Чола» (Дербенд) тождественна «укреплённому городу» (или городу-крепости) Цри (Каланкатуйский, I, 19), расположенному в стране чилбов. Он полагает, что форма «Цри» есть не что иное, как искажённое при переписке многочисленных рукописей «Истории албан» форма «Чор» [Джафаров, 1985, с.65-80].

В «Армянской географии» (VII в.) также отмечены «маскуты, у самого Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа и где воздвигнута Дербендская стена, громадная твердыня в море». В «Космографии» Анонима Равеннского (конец VII в.) на Кавказе по соседству с Албанией (лат. *Patria Albania*) и Каспианой (лат. *Patria Caspia*) фиксируется страна массагетов (лат. *Patria Massagetai*; Raven. Anon. Cosm., II, 12).

Погребальные памятники прикаспийской части Северо-Восточного Азербайджана, датируемые второй половиной IV в. – VII в. (в частности, могильник Кухур-о-

ба в Гусарском районе) [Халилов, Аразова, Ахундов, Кошкарлы, 1982, с.27-28; Халилов, Кошкарлы, Аразова, 1991, с.86-88; Гошгарлы, 2004, с.31-33; Хәлілов, 2009, с.26, 50-51], в которых представлены катакомбные и грунтовые погребения [Гошгарлы, 2004, с.31-33; Гошгарлы, 2012, с.82], имеющие сходство с погребениями Львовских могильников, Паласа-сырта и Кухмазкунта [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с.149], вероятно, связаны с племенами алано-массагетского круга.

Арабские авторы IX–XIII вв. (Ибн Хордадбех, Ахмад ал-Балазури, Ибн ал-Асир и Йакут ал-Хамави) область их обитания именуют Маскат (Маскут). Ибн Хордадбех (сер. IX в. – нач. X в.) отмечает Маскат возле ал-Баба (Дербенда), а Ибн ал-Асир [Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал-камиль Ибн ал-Асира, 1940, с.10] и Йакут (XIII в.) [Йакут ал-Хамави, 1983, с.9] локализуют Маскат между Ширваном и Баб ал-Абвабом (Дербендом), по соседству с Лакзом (Йакут, II, 66-68). Балазури (IX в.) сообщает о «правителе Маската, владение которого теперь не существует». Затем Балазури пишет, что в начале VIII в. Мерван ибн Мухаммед¹² поселил хазар, обращённых в ислам «в стране Лакз, между Самуром и Шабараном, на равнине», то есть в Маскате. В результате этого переселения маскуты постепенно деэтнизировались и тюркизировались, а Маскат потерял самостоятельность.

Тем не менее, название области сохранилось в качестве географического названия. Немецкий путешественник Адам Олеарий (XVII в.) первым среди источников именует эту область Мюскюр. По его сведениям, «Мюскюр; это была область и часть провинции Ширван или Старой Мидии. Она простирается от Дербенда вдоль Каспийского моря до Гиляна, заключает в себе 200 деревень и находится под управлением дербендского султана» (Олеарий, IV, 17). Турецкий историк Мюнеджим-баши (конец XVII в.) в своём труде «Тарихи Баб аль-Абваб» описывает Маскат, как часть ал-Баба (Мюнеджим-баши, § 31). В «Дербенд-наме» (конец XVII в.), наряду с названием Маскат, используется и Мускур (Мюскюр) [Дербенд-наме, 1993, с.14, 19].

Ещё Й.Маркварт заметил соответствие арм. Маск'ут, араб. Маскат и современного Мушкур [Marquart, 1929, р.78]. По мнению В.Ф.Минорского, в местном названии Мушкур (азерб. *Müşkür*) второе *-u-* возникло по аналогии с *-u-* в названии *Mask'ut*, тогда как первое *-u-*, вероятно, появилось под воздействием последующего ударного *-u-*. Наконец, переход *-t* в *-r* В.Ф.Минорский объясняет ротацизмом и сходными

¹⁰ Ваче II – царь Албании (444–463) из династии Аршакидов.

¹¹ Об идентификации Чора (арм. Чор, греч. *Τζοῦρ*, араб. Сул) и Дербенда писали многие исследователи: [Marquart, 1901, р.96-100; Артамонов, 1962, с.120-121; Кудрявцев, 1982, с.80-82; Кудрявцев, 2000, с.38-45; Гаджиев, 2002, с.10, 46-48].

¹² Мерван – арабский полководец, сражавшийся против хазар. Впоследствии – правитель Армии и Азербайджана.

явлениями в иранских диалектах Каспийского района. Он отмечает, что такой ротацизм имеет место в словах, заимствованных из персидского языка через посредство соседних диалектов [Минорский, 1963, с.110].

Русский историк П.Г.Бутков ещё в XIX в. отмечал, что междуречье Самура и Вяльвялячая на северо-востоке Азербайджана именуется Мушкур (Мюшкюр) [Бутков, 1869, с.17, сл.]. Историк конца XIX – начала XX веков Гасан Алкадари в своём произведении также

отмечал этот топоним, причём уточнял его – «Кубинский Мушкюр» (Алкадари, 5). Очевидно, в то время Мюшкюрский участок делился на две части: Мюшкюр Кубинский (южная половина) и Мюшкюр Дербендский (северная половина) [Алкадари, 1929, с.55, прим.86; с.175]. Таким образом, этнотопоним Маскат (Маскур, Мускур) сохранился в названии современной деревни Мюшкюр (Хачмазский район Азербайджанской Республики).

ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., прим. и указ. А.М.Ловягина. СПб.: издание А.С.Суворина, 1906, 582 с.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю.А.Кулаковского и А.И.Сонни. М.: Изд-во «АСТ Ладомир», 2005, 631 с.
3. Армянская география VII века по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. и комм. К.П.Патканова. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, В.О., 9 л., №12, 1877.
4. Бакиханов А.А. Гюлистан-и Ирам / Пер. З.М.Бунятова. Баку: Элм, 1991, 304 с.
5. Баладзори. Книга завоевания стран / Пер. П.К.Жузе (Материалы по истории Азербайджана. Вып.III). Баку: Изд-во «Общества обследования и изучения Азербайджана», 1927, 42 с.
6. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч.1, СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869, 548 с.
7. Гандзакеци Киракос. История Армении / Пер., пред. и комм. Л.А.Ханларяна. М.: Изд-во «Наука», 1976, 359 с.
8. Гасан Алкадари. Асари Дагестан / Пер. и прим. А.Гасанова. Махачкала; издание Дагестанского научно-исследовательского института, 1929, 184 с.
9. Дербенд-наме (Румянцевский список) / Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М. Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Изд-во «Восточная литература», 1993, 302 с.
10. Егишэ. О Вардане и войне армянской / Пер. И.А.Орбели, пред. и прим. К.Н.Юзбашяна. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1971.
11. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер., комм., указ. и карты Н.Велихановой. Баку: Элм, 1986, 428 с.
12. Йакут ал-Хамави. Му'джам ал-булдан (Сведения об Азербайджане) / Пер. З.М.Бунятова и П.К.Жузе, пред. и прим. З.М.Бунятова. Баку: Изд-во «Элм», 1983, 15 с.
13. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк / Пер. Ш.В.Смбатяна. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1984, 258 с.
14. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. под ред. А.В.Махлаюка; комм. А.В.Махлаюка. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2011, 456 с.
15. Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений / Пер. и комм. Р.Л.Шмараква. СПб.: изд-во СПбГУ, 2008, 842 с.
16. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1949, №2, с.271-356.
17. Марк Анней Лукан. Фарсалия, или поэма о гражданской войне. М.: Изд-во «Ладомир – Наука», 1993, 349 с.
18. Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал-камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира / Пер. П.К.Жузе. Баку: Изд-во АЗФАН, 1940, 138 с.
19. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший / Тексты, перевод, комментарий. М.: Изд-во «Индрик», 2011, 504 с.
20. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и комм. А.А.Чекаловой. М.: Изд-во «Наука», 1993, 570 с.

21. Фавстос Бузанд. История Армении / Пер. и комм. М.А.Геворгияна. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1953, 238 с.
22. Хоренаци Мовсес. История Армении / Пер., введ. и прим. Г.Саркисяна. Ереван: Изд-во «Айастан», 1990, 291 с.
23. Schnetz J. Itineraria Romana. Volumen Alterum. Ravennatis Anonymi cosmographia et Guidonis geographica. Stutgardiae: in aedibus B.G.Teubneri, 1942, 230 p.

Литература:

1. Xəlilov M.C. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: “Nafta-Press” nəşriyyatı, 2009, 180 s.
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Изд-во «Менеджер», 2003, 614 с.
3. Алиев И., Асланов Г. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племён сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления / Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. III, Орджоникидзе, 1975, с.43-49.
4. Алиев И., Асланов Г. Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане // «Древний Восток», вып.2, Ереван, 1976, с.218-237.
5. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1962, 523 с.
6. Бахрах Б.С. Аланы на Западе. М.: Изд-во «Ард», 1993, 87 с.
7. Гаджиев М.С. Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Изд-во «Восточная литература», 2002, 320 с.
8. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979, 216 с.
9. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев. Баку: Элм, 1991, 552 с.
10. Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1993, 367 с.
11. Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995, 228 с.
12. Гошгарлы Г.О. Раннесредневековый могильник у с.Кухур-оба как показатель связей Кавказской Албании с Северным Кавказом // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Махачкала, 2004, с.31-33.
13. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 248 с.
14. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ: Изд-во «Ир», 2001, 62 с.
15. Джафаров Ю. Город Цри и страна чилбов в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского // Древний и средневековый Восток. Ч.1, М., 1985, с.65-80.
16. Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2008, 816 с.
17. Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и Зардушт // ВДИ, 1967, №4, с.47-59.
18. Касумова С.Ю. Южный Азербайджан в III–VII вв. (проблемы этнокультурной и социально-экономической истории). Баку: Элм, 1983, 166 с.
19. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Изд-во «Наука», 1982, 176 с.
20. Кудрявцев А.А. К отождествлению раннесредневековых городов Чора и Дербента // Историко-археологический альманах. Вып.6, Армавир–Москва, 2000, с.38-45.
21. Лившиц В.А. Парфянская ономастика. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2010, 400 с.
22. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран (очерки истории культуры). М.: Изд-во «Восточная литература», 1987, 298 с.
23. Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганские могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Изд-во «Мавраевъ», 2015, 452 с.
24. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку: «Центр исследований Кавказской Албании», 2005, 800 с.
25. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М.: Изд-во «Восточная литература», 1963, 266 с.

26. Перевалов С.М. Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья: проблемные вопросы / Античная цивилизация и варвары. М., 2006, с.318-335.
27. Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Ариана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М: Изд-во «Памятники исторической мысли», 2010, 388 с.
28. Пьянков И.В. Массагеты Геродота // ВДИ, 1975, №2, с.46-70.
29. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 389 с.
30. Фурасьев А.Г. Персидский поход гуннов в начале V в. по данным Приска Панийского / Сб. «Золото, конь и человек». Киев, КНТ, 2012, с.449-462.
31. Халилов Дж.А., Аразова Р., Ахундов Т., Кошкарлы К. Новые памятники Северо-Восточного Азербайджана / Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1978). Баку, 1982, с.25-28.
32. Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. Свод археологических памятников Азербайджана. Баку: Элм, 1991, 214 с.
33. Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического / Античное общество. М., 1967, с.204-208.
34. Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях / Женщина в античном мире. М., 1995, с.204-272.
35. Яценко С.А. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II–IV вв. н.э.) // История и культура Арало-Каспия, вып.1, Алматы, 2001, с.50-60.
36. Humbach H., Skjærvø P.O. The Sassanian Inscription of Paikuli. Part 3.2, Wiesbaden: Reichert, 1983.
37. Kouznetsov V., Lebedynsky I. Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase Ier–XVe siècles apr. J.–C. Paris, 2005, 288 p.
38. Marquart J. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Exkursen. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901, 358 p.
39. Marquart J. Kultur- und Sprachgeschichte Analekten // Ungarische Jahrbücher, Bd. IX, H. 1, 1929, p.68-103.
40. Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown: Georgetown University Press, 1963, 599 p.

Архимандрит Алексей (Никонов)

*Кандидат Богословия (МДА), Доктор Церковной Истории (РЮ),
Секретарь Бакинской и Азербайджанской епархии*

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ РЕФОРМ САСАНИДСКОГО ИРАНА

В начале III в. в результате государственного переворота в Иране была свергнута правящая династия Аршакидов, и на четыре последующих века утвердился на троне Сасаниды. К этому времени стало очевидным, что Аршакиды уже не могли обеспечивать центральную власть как внутри своего государства, так и за его пределами, а новая династия провозгласила себя преемницей правивших пять столетий тому назад Ахеменидов и готовилась идти по их стопам [Дашков, 2008, с.58-59]. За страны Южного Кавказа со стороны Ирана началась продолжительная и жестокая борьба. В последующие два века в Кавказской Албании (историческом государстве на территории нынешнего Азербайджана и южного Дагестана) произошли два эпохальных события – принятие христианства и создание собственной письменности. Эти события, безусловно, не были просто хронологическим совпадением.

Ардашир I Папакан (220–239), первый сасанидский царь, видел свою империю совершенно иной, чем побеждённое им раздробленное государство парфян: не мелкие царства, лишь условно связанные с центральной властью, и не самостоятельные зороастрийские общины с их подчас весьма различной религиозной практикой, а подчиненное одному царю мощного государства с единой религией [Дашков, 2008, с.60]. Как и римские кесари, цари царей искали себе религиозную доктрину, однако не из-за духовных побуждений, а как опору своей власти. Ардашир I наставлял сына: «Алтарь и трон всегда считай нераздельными. Пусть эти двое всегда поддерживают друг друга... знай, что вера и царствование – братья и не могут существовать друг без друга. Вера – это основа царства, а царство – защита веры» [Луконин, 1969, с.70]. Именно эта концепция будет определять политическое лицо Сасанидского Ирана на длительный период.

Сасаниды сами происходили из жреческого рода и были служителями богини Анахит. Но так как культ её носил местный характер, то не мог охватить

все Иранское царство. Иран искал нечто универсальное, и самым первым таким богоискателем был сын Ардашира Шапур I (239–272). «Шапур, – говорится в «Денкарте»¹, – дал приказ собрать всё, что записано из веры... в Индии, в Римской империи и в других местах» [Луконин, 1969, с.94]. Царь не стремился подобно первым Ахеменидам к религиозному универсализму, как комбинированию или сосуществованию религий и учений, выражающемуся в веротерпимости. Шапур решил просто ознакомиться с религиями, чтобы сделать свой выбор. Им стал Ахура-Мазда – Ормизд.

Во времена Шапура I появились также и некоторые религиозные новшества, введённые новым пророком Мани (ок. 216–277), который предпринял попытку в своей доктрине объединить зороастризм, христианский гностицизм, буддизм и астрологию. Шапур I разрешил Мани проповедовать в подвластном ему мире, но очень скоро отвернулся от него. Космополитический характер его учения и тонкий гностицизм сулили удачу: «Вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далёкие страны» [Луконин, 1969, с.74], – уверял Мани. Сасанидский владыка поверил поначалу тому, что так отвечало его собственным политическим устремлениям. Он хотел проложить дорогу на Запад, но это ему не удалось – на Западе уже был его антипод, и Мани оказался бессильным перед Христианством. Манихейство оказалось не настолько национальным, чтобы удержаться за собой Восток и не настолько интернациональным, чтобы охватить Запад [Дашков, 2008, с.79-83]. Первый не принял его, а второй отверг.

В 274 г., в правление Варахрана I (273–276), младшего сына Шапура I, Мани был заключен в тюрьму, а затем казнён. Осталась надпись на стенах царского некрополя Накши-Рустем, являвшейся каменной летописью Сасанидов, в которой пафосно возвещается о том, что очищена вера от скверны и «от области к области, дела Ахурамазды и богов возвысились, а вера маздеистская и маги получили по всей стране великой

¹ «Денкарт» («Деяния веры») – энциклопедия позднего, канонизированного при Сасанидах зороастризма (парсизма) – включает также литературные и исторические сведения. В третьей книге (всего семь книг, первоначально было девять, позднее две книги были утеряны) сообщается, что составление «Денкарта» начал зороастрийский деятель Атурфарнбаг при правлении халифа аль-Мауна (813–833) и завершил его в последней четверти века некий Атурпат, сын Хемата. «Денкарт» – в целом апологетическое сочинение, направленное против христианства и иудаизма, но особенно резко – против манихейской «ереси» [Брагинский И.С. Литература на среднеиранских языках / История всемирной литературы. В 8 т. М., 1983-1994. Т.II, с.249-250].

господство... И многие люди, бывшие неверными, стали верными» [*Мартиросян, 1988, с.10*].

Сила и вера по завету отца Шапура I опираются друг на друга, и политические завоевания сопровождаются религиозной экспансией. Но на пути этой экспансии стояли страны Южного Кавказа, против которых началась продолжительная и жестокая борьба. Всюду, куда доходили кони и люди царя царей Шапура I, «в Антиохии, городе и сирийской стране и в провинции Сирия, в Тарсе, городе и стране Киликийской и вплоть до киликийских пределов, в Кейсарии, городе и Каппадокийской стране... и вверх, до Греции, Армянской стране и Иберии, и... Баласакане, и дальше до Албанских ворот, Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожарища учинил. Там по приказу царя царей магов... сделал превосходными и почитаемыми» [Луконин, 1969, с.87-88].

Таким образом, зороастризм в Иране стал государственной религией. В Кавказской Албании, где царский престол всё ещё занимали албанские Аршакиды, ответом на это стало принятие христианства. Можно сказать, что в то время, как с большим размахом проходит религиозная экспансия Ирана, в Кавказской Албании иранизму противопоставляется христианство. И если в случае с Ираном религия диктовала агрессию, то в случае со странами Закавказья – сопротивление. Таким образом противопоставление христианства зороастризму носило не только идеологический, но и политический характер.

Тем не менее, сам процесс распространения христианства в Кавказской Албании неразрывно связан с общим ходом событий не только на Кавказе (Албании, Иберии), но и в мире. Как известно, в начале IV в. в Римской империи христианство получает статус легальной религии с достаточно широким ареалом распространения, люди постепенно приходят к убеждению, что христиане – это не какая-то злая секта, а, напротив, сограждане, которые живут высокими евангельскими идеалами и придерживаются норм морали. Последующие за апостольской проповедью три века подготовили благоприятную почву в целых регионах и государствах для единовременного принятия новой религиозной системы в качестве государственной религии.

По преданию, в 301 г. (но, вероятнее, не ранее 313 г.) христианство как государственную религию принимает Армения. Для нас представляется важным выяснить по возможности более точное время принятия Арменией христианства для уточнения датировки начала христианизации Кавказской Албании.

Современные исторические исследования показывают, что дата принятия христианства в Армении, которое произошло, как традиционно считают, в 301

г., в действительности нуждается в некоторой корректировке. Армянский историк V в. Агафангел сообщает нам, что армянский царь Трдат III (287–330) участвовал в диоклетиановых гонениях и предал мученической смерти деву-христианку Рипсима по требованию императора. Все четыре эдикта Диоклетиана (284–305) против христианства и манихейства относятся к 303–304 гг.

Следовательно, маловероятно, чтобы мученическая кончина римских девушек-монахинь, которая должна была предшествовать его обращению, произошла ранее этого времени. Кроме того, Трдат, который был тесно связан с Диоклетианом, очевидно, смог официально принять христианство только после отречения императора в 305 г. Наконец, предание сообщает нам, что св. Григорий был рукоположен в епископы в Кесарии Каппадокийской архиепископом Леонтием сразу после принятия христианства Трдатом. Нам определенно известно, что святитель Леонтий до 314 г. не занимал Кесарийскую кафедру [Гуйта, 2002, с.61-62], так как период его святительства приходится на 319–325 гг. [Э.В.Ш. Леонтий, 2015, с.488].

Историю проповеди св. Григория Просветителя (ок. 252–326), которая привела к обращению царя Трдата и принятию христианства в качестве государственной религии Армении, рассказывают нам древнеармянские историки Агафангел и Моисей Хоренский. Критическим разбором Агафангеловой истории о христианизации закавказских стран в своё время занимался исследователь армянских исторических источников А. Аннинский [Аннинский, 1899, с.55-79]. В частности, автор приходит к выводу о том, что все подробности «Истории» Агафангела, как относящиеся к самому факту обращения армян, так и касающиеся обстоятельств, предшествующих этому факту и за ним последовавших, постоянно и неизменно указывают на одно и то же, а именно: ко времени обращения кавказских народов гонения на христиан в Римской империи уже прекратились, а христианство получило свободу.

«Свидетельства Агафангела, – пишет Аннинский, – вполне согласны с историей, нужно только относить их к тому времени, на которое указывают они сами. С перенесением факта обращения армян на годы, непосредственно следующие за 316 г., свидетельства Агафангела о побочных этому факту, но тесно связанных с ним обстоятельствах представляются вероятными и подтверждаются свидетельствами западных; такое перенесение делает понятным в книге Агафангела многое такое, что считается недостоверным» [Аннинский, 1899, с.71-72].

Албанский историк Моисей Каланкатуйский даёт совершенно верную датировку, увязывая обращение закавказских народов со временем правления рим-

ского императора Константина Великого (306–337). Он приводит письмо армянского католикоса Авраама, адресованное албанам: «Престол албанский, бывший раньше нашего [армянского], был прежде согласен с нами [армянами]» (Каланкатуаци, II, 47) и указывает, что: «На 43-м году летоисчисления греческого просветились армяне, спустя 270 лет после просвещения албан» (Каланкатуаци, II, 47). Каланкатуэйский пишет: «Блаженный Елисей, начав апостольское возделывание с концов земли, просветил только северную часть нашего востока, а не всех, и сам, совершив благую борьбу за народ свой, – утрудился. Но в то время, когда Господь посетил род человеческий, озарил весь Запад через великого императора Константина... Он обратил в веру и Восток, который несколько познал уже о спасительном явлении Истинного Солнца. Они [т.е. жители Востока – албаны] вторично и совершеннее были просвещены Урнайром. Все эти чудеса совершились в одно время от Бога» [Каганкатваци, 1861, кн. I, гл. 9.], т.е. 313/314 гг.

Албанский царь Урнайр, правивший Албанией в IV в., сам принадлежал к парфянскому роду Аршакидов, жена же его была сестрой персидского царя Шапура II (309–379). Как считается, парфянского происхождения был и находящийся в это время в Армении св. Григорий. После проповеди в Армении св. Григорий принимает в Кесарии Каппадокийской достоинство первосвященника Армянского и обращает страну в христианскую веру. Армянские средневековые историографы полагали, что Григорий Просветитель принадлежал к парфянскому царскому роду [Драсханакерти, 1984, Гл. VIII, с. 63]; его потомок, католикос Саак I Великий († 439), носил прозвание «Партев», т.е. Парфянин. Однако, по мнению исследователей, легенда о парфянском происхождении св. Григория Просветителя носит характер родового предания и придумана, чтобы связать его с правящим парфянским домом. То, что Григорий был парфянин, сын Анака², что его укрыли в Кесарии и что он пришёл в Армению дабы искупить грехи отца, – это, возможно, «всего лишь легенда, предание, которое возникло на совсем иной почве и гораздо позже, во второй половине V в.

Григорий был христианским деятелем, а вовсе не национальным, какого бы происхождения он ни был!» [Мартиросян, 1988, с. 20].

После крещения армянского народа святитель Григорий, по сообщению албанского историка, отправляется просвещать светом Евангелия Албанскую страну: «...и просвещал страну Иберскую и Албанию. Придя в область Габанд³, он поучал и наставлял народ соблюдать заповеди Сына Божьего и положил основание церкви в городе Амарасе⁴, назначил работников и смотрителей, чтобы достроить церковь» [Каганкатваци, 1861, кн. I, гл. 14]. Подробное житие св. Григория Просветителя занимает всю XIV главу Первой книги «Истории албан» Моисея Каланкатуэйского.

В научной литературе существует и критический взгляд на возможность соотнесения миссионерской деятельности св. Григория Просветителя со всеми кавказскими странами, в том числе и Албанией. Данный вопрос разбирает Н. Апциаури в своей статье «О миссионерской деятельности св. Григория Просветителя» [Апциаури, 1999].

Добавим, что в V в. культ Григория Просветителя ещё не был ни всеармянским, ни тем более общекавказским. Ни историк Елише (50–60-е гг. V в.), ни Корюн не упоминают о св. Григории. Его Житие, вошедшее в «Историю Армении» Агафангела, обнаруживает большое (иногда дословное) сходство с «Житием Месропа Маштоца» Корюна не только в тексте, но и в концепции. В частности, в грекофильской редакции Жития Григория Просветителя нашла воплощение идея единства христианских народов Кавказа – армян, грузин и албан [Арутюнова-Фиданян, 2009, с. 41–42].

Российский византист и арменовед В. А. Арутюнова-Фиданян указывает на то, что только в VI в. Григорий Просветитель объявляется общекавказским просветителем, а местные миссионеры превращаются в его сподвижников. Официальная концепция трёх Церквей – Армянской, Албанской и Грузинской – представлена в греческой и арабской версиях Жития св. Григория. У Моисея Хоренского и у Лазаря Парбского Григорий именуется не только всеармянским про-

² В арабской версии жития святого нет сведений армянской национальной редакции об Анаке, отце Григория Просветителя, убийце царя Хосроя, о парфянском его происхождении и т.п., и весьма возможно, что это неслучайный пробел. Арабский епископ Георгий, пользовавшийся, по всей видимости, греческим источником, также не знает парфянского происхождения св. Григория: он говорит, что Григорий «был родом из Рима» [Lagardii, 1858, p. 122].

³ Габанд – одна из 12 областей албанской провинции Орхистена (ныне Ходжавендский и Джебраильский районы Азербайджана).

⁴ Амарас – древнее селение в юго-восточной части Карабаха, с V в. – в составе Албанского марзпанства. В IV в. святителем Григорием Просветителем в Амарасе была заложена церковь, где около 338 г. был захоронен убитый язычниками-маскутами внук Григория Просветителя Григорис, епископ Албании и Иверии. Мощи священномученика Григориса были обретены в 489 г. при албанском царе Вачагане III, который возвёл над ними часовню и восстановил разрушенную к тому времени церковь. В начале V в. Месроп Маштоц основал в Амарасе первую школу. С VI в. Амарас – епископство в структуре Албанского католикосата. Епископу Амараса «царём ромеев» была подарена десница св. Григория Просветителя, находившаяся в Константинополе. В Средние века Амарас был известен как монастырь, который являлся крупным скрипторием. Амарас подвергался частым разрушениям (в 1387 г. разрушен Тамерланом) и неоднократно восстанавливался. Под алтарём построенной в 1858 г. церкви сохранилась сводчатая усыпальница из чисто отёсанных блоков с орнаментацией, характерной для V в. [Казарян, 2001, с. 98].

светителем, но и распространителем новой религии в пределах всего Кавказского региона. О его равном почитании в Армении и Грузии свидетельствует переписка грузинского католика Кириона I (599–614/616) с армянскими духовными и светскими владыками, относящаяся к 604–609 гг. и сохранённая в «Книге посланий» и «Истории» Ухтанеса, где сообщается, что св. Григорий насаждал «святую и праведную веру в Кавказских краях» [Книга посланий, 1901, с.132]; Вртанес Кертог пишет о нём, как о Просветителе Армении и Грузии [Книга посланий, 1901, с.136, 138]; грузинский католик также подтверждает учреждение христианской веры Григорием Просветителем [Книга посланий, 1901, с.169]; его оппонент, армянский католик Авраам I Албатанеци, указывает, что в Армении и Грузии «общее богочитание ввели сперва блаженный св. Григорий, а затем Маштоц» [Книга посланий, 1901, с.180]. В третьей четверти IX в. грузинский католик Арсений Сапарский обвинял армян-монофизитов в том, что они отошли от учения св. Григория: «...и стал спор большой между Сомхити и Картли. Грузины говорили: св. Григорий из Греции дал нам веру, вы оставили его святое исповедание и подчинились сирийцу Абдишо и остальным злым еретикам» [Мурадян, 1982, с.18]. В сирийском тексте Жития Григорий Просветитель представлен продолжателем дела апостола Фаддея [Арутюнова-Фиданян, 2009, с.41-42].

По мнению М. Абеяна, переработка Жития Григория Просветителя в армянскую версию произошла не ранее начала раскола между Армянской и Грузинской Церквями [Абеян, 1948, с.102-103], окончательно оформившегося после Маназкертского собора 726 г. Её целью было создание величественной истории возникновения Армянской апостольской церкви. В этой редакции уже нет места идее обращения Григорием Просветителем в христианство соседних народов и его проповедь ограничивается 15 областями Большой Армении. В Житии св. Григорий предстаёт «чудесным мужем», прославившимся долголетним мученичеством, подвижничеством и, наконец, удостоившимся видения, утверждающего связь Армянской церкви с Самим Единородным Сыном Божиим – Христом.

Современный византист и историк, протопресвитер Иоанн Мейендорф, рассуждая о духовных связях Грузии и Армении в IV–V вв., отмечает, что святитель Григорий «был хиротонисан во епископа Аштишата, города на западе от озера Ван в Анатолии, став первым главой организованной Церкви в Армении. Но, независимо от того, существовали или нет прямые связи между грузинским царём Мирианом и Константинополем, между св. Ниной и еврейскими христианами, трудно отрицать институционную связь Восточногрузинской церкви, по крайней мере на конец

V в., с церковным центром, установленным св. Григорием в Аштишате и Двине. Центр этот хотя и входил в Армянское царство, не был в то время исключительно армянским католикокатом; это был региональный церковный центр, где богослужения совершались на греческом и сирийском языках. Поэтому не было ничего противоестественного в церковном единстве Двина и Мцхета» [Мейендорф Иоанн, 2003, Раздел IV, гл. III]. Эти рассуждения справедливы в отношении духовных взаимосвязей всех кавказских стран, в том числе и Кавказской Албании.

Очевидно, что в случае с обращением Кавказской Албании христианство здесь одерживает победу не проповедями и миссионерством, а с помощью волевого решения и силы, и, если кого и можно назвать апостолом Албании, так это албанского царя Урнаира (ок. 313–371).

Албанский историк сообщает, что когда Урнаир «слышал о великих знамениях Божиих, совершенных св. Григорием, то он обратился из многих стезей заблуждения к истинному Богу» [Каганкатвацци, 1861, кн. I, гл. 11]. Далее Моисей Каланкатуйский повествует о том, что «не через посланника, а сам великий царь с великолепными вельможами и сильным войском» отправился в Армению к царю Трдату. В беседе со святителем Григорием Урнаир рассказывает в прежних своих заблуждениях и исповедует ему свои грехи. Святитель ободряет царя «пришествием вочеловечившегося Сына Божия, который пришёл в отпущение, а не в осуждение, в оживление, а не в умерщвление, и обещал жизнь прежде прошедшим по земле». Слыша все это, в присутствии Трдата царь Урнаир со всеми своими спутниками и войском обрекает себя на многодневный пост. «На 50-й день, когда они отступились от диавола и от всех деяний его и признали Святую Троицу, сошёл царь в святую воду и все войско с ним; и когда первосвященник совершил над ними обряд возрождения в небесную Троицу, все вышли со Святым Духом» [Каганкатвацци, 1861, кн. I, гл. 11]. Очевидно, что албанский историк подробно описывает практику оглашения перед принятием крещения, сформировавшуюся в древней Церкви: рассказание, исповедание, наставление епископа, пост, экзорцизмы и само крещение.

Согласно Моисею Каланкатуйскому, принятие албанским царём новой веры можно объяснить глубоким внутренним убеждением. Покоренный невероятной силой слов св. Григория, а также многочисленными чудесами, Урнаир всем сердцем склоняется к евангельскому учению. Твердость его намерения как будто доказывает и многодневный пост, который сам царь, а за ним и его войско добровольно возложили на себя. Но в действительности предпосылки соглаше-

ния Урнаира и Григория были совершенно разными. Урнаир обращается к христианской церкви, чтобы создать в своей стране оплот сопротивления персидской политической агрессии, которая была одновременно и агрессивней религиозной. Св.Григорий, как религиозный христианский деятель воспользовался случаем и прибег к помощи Урнаира, чтобы приобрести для исповедуемой им религии жизненное пространство в Кавказской Албании и создать новую церковную организацию.

Они вместе разрушали капища и преследовали адептов прежних языческих культов. Епископ Гют (461–478) в своем письме к албанскому царю Ваче следующим образом передает церковное предание о христианизации албанской страны: «С этими небесными благами царь Урнаир вступил в Албанию, выучил и исполнил все обряды по правилам апостолов: все приняли небесное помазание и вписались в книгу жизни; были изгнаны бесы из страны вашей, прекратились жертвоприношения... устыдились заблуждения, возвысилась истина, воцарился невидимый свет, удалён мрак добровольный, для церкви назначены первые плоды, отделены десятины доходов и жатвы, полей и всех домашних животных; даже и земля досталась на долю её, и всё приняло правильный порядок» [Каланкатуацци, 1984, кн. I, гл. 11]. С помощью новой религии Урнаир рассчитывал, во-первых, объединить разнплеменное государство, а во-вторых, – противостоять зороастрийской Персии.

Св.Григорий, отправляя в родные пределы албанского царя, заботится и об учреждении клира молодой Албанской церкви. Григорий посылает с Урнаиром в Албанию «блаженного мужа, рукоположенного во епископы в городе Риме» [Каганкатвацци, 1861, кн. I, гл. 11], для того, чтобы устроить Албанскую церковь. Об этом говорит и Киракос Гандзакский (1200–1271): «св.Григор одного из своих служителей, прибывшего вместе с ним от ромеев, рукоположил во епископы и дал его царю Урнайру» [Гандзакеци Киракос, 1976, кн. I, гл. 10].

Как нам отнестись к этим упоминаниям об устройении Албанской епископской кафедры? И кем был этот епископ «от ромеев»?

Вероятно, что и в самом деле им мог быть епископ, прибывший в числе прочих из Кесарии Каппадокийской и названный нашими авторами «ромеем». Но об этом служителе мы не находим иных упоминаний, а албанская церковная традиция назовёт своим первым первопрестольником святителя Григориса [Никоноров, 2005, с. 67]. Само же путешествие св.Григория, сопровождавшего Трдата в Рим, несмотря на упоминание его всеми армянскими писателями – как светскими, так и духовными – исследователи подвергают сомнению

[Аннинский, 1899, с. 88-96].

Из сообщения источников становится ясно, что в начале IV в., что по времени совпадает с изданием Медиоланского эдикта (313 г.), население Кавказской Албании во главе с царём и войском принимает крещение вслед за Арменией, и царская власть берёт курс на христианизацию всех областей жизни государства. Сам Урнаир и последующие албанские цари проявили большую заботу об Албанской церкви и духовенстве, предоставив ему привилегии. Они постарались уравнять духовенство со светской знатью-азатами, создав наряду с дворцовым судом суд церковный [Мамедова, 1977, с. 179-180].

Согласно Моисею Каланкатуйскому, две личности сыграли решающую роль в таком эпохальном событии для Кавказской Албании, как принятие Христианства. Это равноапостольный Григорий, который изначально Промыслом Божиим был уготован для великого апостольского дела на Кавказе, и, пройдя через горнило испытаний, страданий и гонений, явился Просветителем не только Армянской страны, но и Албании. Вторая фигура, благодаря которой Албания определила ход своей истории на последующие века, – это царь Урнаир, именуемый в албанской традиции «Благословенным».

Когда христианство в Албании возвысилось до уровня государственной религии, христианские общины в Малой Азии ещё не разделились административно на сферы влияния разных Церквей. Их распространение и именованья носили географический, а не административный характер, а границы Церквей могли совпадать или не совпадать. Главенство Поместных церквей, ещё не опирающихся на реальную политическую силу, определялось пока только традицией. Церковь Кавказской Албании должна была остаться вне этого разделения, как пользующаяся государственным статусом, но она также была частью общей христианской Церкви и как таковая входила в число малоазийских епископатов. И вполне понятно, почему первый албанский епископ был рукоположен св.Григорием Просветителем. Факт этот показывает, что признанная государством Церковь ещё не была проникнута государственностью и по сути своей была вненациональной. Царь Урнаир не только не воспротивился тому обстоятельству, что епископа Албанского рукоположил св.Григорий в Армении, но и сам направился туда для принятия крещения. Моисей Каланкатуйский сообщает: «Храбрый Урнаир... сам великий царь со своими вельможами, нахарарами и множеством войск прибыл в Армению и предстал перед Трдатом, царём [армянским]. Тот принял его по-братски, с любовью и радостью, встретил со всеми своими приближенными и раскрыл перед ним все помыслы свои, при св.Григо-

рии и всем множестве армянского войска. Поклонился царь... припал к руке св. Григория, рассказал обо всех заблуждениях языческих и покаялся во всех прежних грехах, совершенных по неведению» [Каланкатуаци, 1984, кн. I, гл. 11].

Принимая во внимание сведения албанского автора, следует констатировать, что политическое по-

ложение обоих царей Урнайра и Трдата было равнозначным, и христианство, как государственная религия, было воспринято правящей властью в Армении и Албании в указанный период от св. Григория Просветителя.

ЛИТЕРАТУРА:

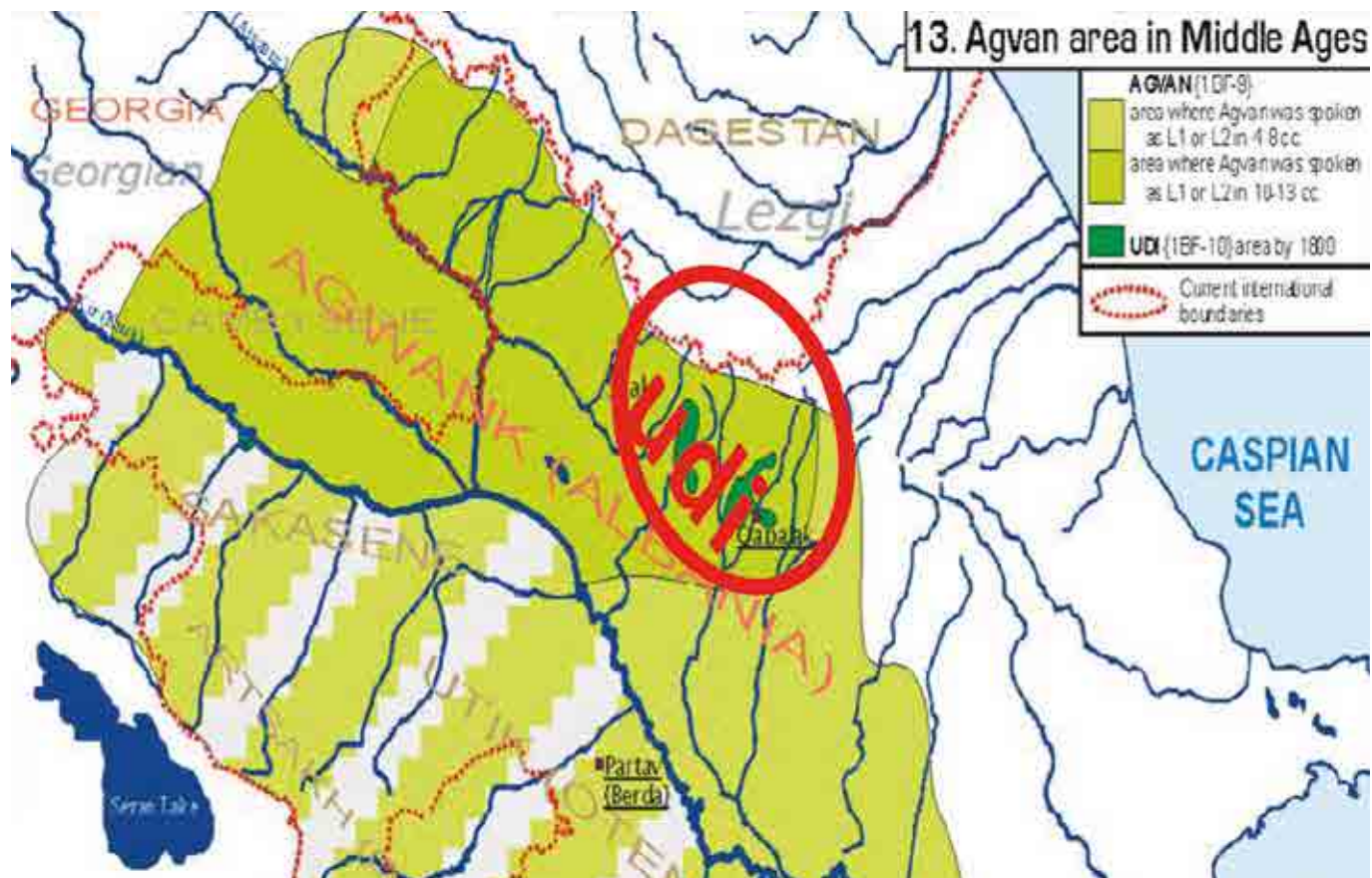
1. Абемян М. История древнеармянской литературы. Т.1. Ереван: Изд. АН Арм.ССР, 1948, 502 с.
2. Аннинский А. Древние армянские историки как исторические источники. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1899, 135 с.
3. Апциаури Н. О миссионерской деятельности св. Григория Просветителя // Христианский Восток, №1 (7), 1999.
4. Арутюнова-Фиданян В.А. Григорий Просветитель / Православная энциклопедия, том XIII. М., 2009, с.41-42.
5. Брагинский И.С. Литература на среднеиранских языках / История всемирной литературы. В 8 т. М., 1983-1994. Т. II, с.249-250.
6. Гандзакеци Киракос. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А.Ханларян. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976, 359 с.
7. Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви / Пер. с итал. Л.Харитоновой, А.Рыжневской, С.Капелюшниковой. М.: FAM, 2002, 400 с.
8. Дашков С.Б. Цари царей – Сасаниды. История Ирана III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИ-Азия, 2008, 352 с.
9. Драсханакертци Ованес. История Армении / Пер. с древнеарм.яз. М.О.Дарбинян-Меликян. Ереван: АН Арм.ССР, 1984.
10. Казарян А.Ю. Амарас / Православная энциклопедия, том II. М., 2001, с.98.
11. Книга посланий. Тифлис, 1901 (erməni dil.)
12. Луконин Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969, 244 с.
13. Мамедова Ф.Дж. «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку: Элм, 1977, 198 с.
14. Мартиросян А. Маштоц. Ереван, 1988.
15. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Единство империи и разделения христиан. Москва, 2003.
16. Каганкатваци Моисей. История агван / Пер. с древнеарм. яз. К.Патканова. СПб.: Императорская Академия наук, 1861, 376 с.
17. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. яз. Ш.В.Смбатяна. Ереван, 1984.
18. Мурадян П.М. Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя // Кавказ и Византия, Вып.3, Ереван: Изд. АН Арм.ССР, 1982, с.5-20.
19. Никоноров, иеромонах Алексей. История христианства в Кавказской Албании. Баку, 2005, 194 с.
20. Э.В.Ш. Леонтий / Православная энциклопедия, том XL. Москва, 2015, с.488.
21. Lagardii P. Analecta syriaca, 1858.

Отъе Жиль

Профессор Школы Практического Высшего Образования
(at *École Pratique des Hautes Etudes*) (Париж)

РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА МЕЖДУ УДИНО – АЛБАНСКИМ И РОДСТВЕННЫМИ ЯЗЫКАМИ

Тезисы Международной конференции на тему
«Кавказская Албания: история, религия и архитектура»
(Баку, 26 мая, 2021)

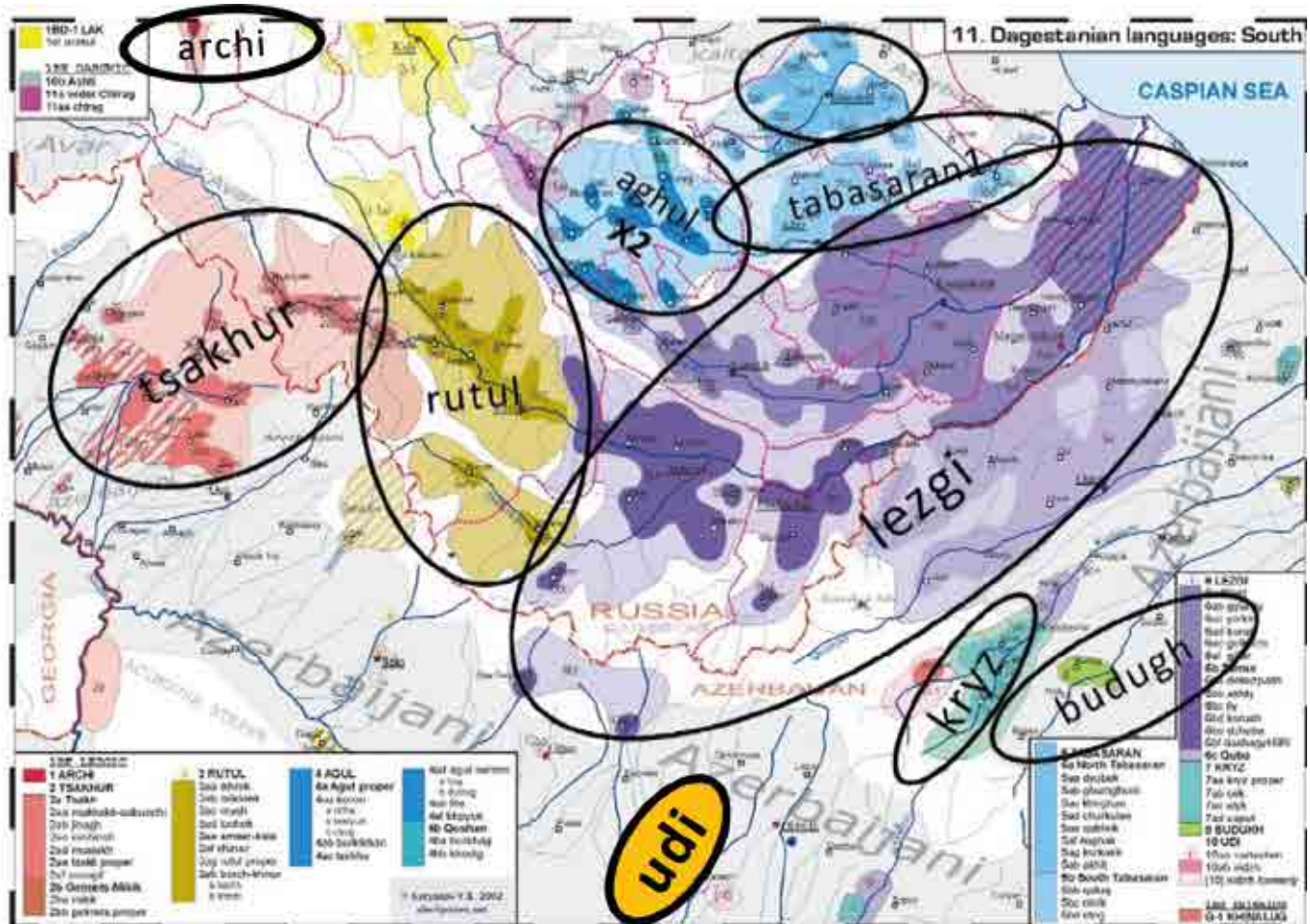

Удинский – восточно-кавказский язык южной ветви, известный как лезгинский.

Как и все лезгинские языки, удинский помечает агентивный актант переходных глаголов эргативным падежом. Таким образом, действие уди можно квалифицировать, как трехчастное и частично определяемое информационной структурой предложения, вставленного в дискурсивный контекст.

Лезгийские языки

гласные

i ü ɨ u

e (ö) o

ä a

как в азербайджанском

+ i^ç, u^ç, e^ç, o^ç, a^ç

фарингализованные/веляризованные небные согласные

ʒ	č	č:	ž	š
ʒ ^ç	č ^ç	č: ^ç	ž ^ç	š ^ç

Падежи

NOM	-∅
ERG	-n, -en, -on
GEN	-in (-i), -e, -j, -oj
BEN	-jna(k:)
DAT	-a, -ä, -e, -o, -u
LOC	-e
DAT2	-χ
ABL	-χun, -un
AD	-st:a
ALL	-č:
SUPER	-l
SUPER.EL	-lχun

Превербы

	Udi	Rutul
сюда	e-	∅
туда	ta-	∅
вверх	la-	la-/li-
вниз	ci-	sa-/si-
внутри	ba-	a-/i-
вон	č.e-	(ava/ivi)

Личные местоимения

	Kryz	Budugh	Udi	Caucasian Albanian
1SG	zi(=n)	zi(=n)	zu	zu
2SG	vun	v(=un)	hu	vun
1PL EXCL	ži(=n)	jin	jan	žan
1PL INCL	ji(=n)			
2PL	vin	vin	va ^h n	va ^h n

личное спряжение: как в табасаранском
(родственные морфемы)...

	UDI	Tabasaran
1SG	-ZU, -UZ, -EZ, -Z, -S, -ZA	-zu / -za
2SG	-NU, -UN, -EN, -N	-vu / -va
1PL	-JAN	-ču / -ča ; -xu / -xa
2PL	-NAN	-čvu / -čva

Нет контакта: параллельная эволюция !

Отрицание

восточно- кавказское

te=ne ak:-sa vs. a=te=ne=k:-sa'
Не видит.'

ma up-a vs. u=ma=p-a 'don't say'

Не скажи!'

южно- кавказское

nu uk-aji=z vs. u=nu=k-aji=z'
Если не ем...'

Пашаева Махаббат

*Руководитель Центра мультикультурализма UNES,
профессор кафедры гуманитарных наук Азербайджанского
государственного экономического университета, главный научный
сотрудник Института археологии, антропологии и этнографии НАНА*

СЛЕДЫ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТРАДИЦИЙ В ТРУДЕ «ИСТОРИЯ АЛБАН» МОИСЕЯ КАЛАНКАТУЙСКОГО

Территории Азербайджана к северу от Аракса в древних и раннесредневековых греческих источниках именовались Албанией, в арабских и пехлевийских источниках – Араном, Эрраном, в грузинских источниках – Рани, а в современной научной литературе – Кавказской Албанией. Территория Албании, особенно в раннем средневековье, была регионом, куда стекались различные племена. Согласно античным авторам, албанское население состояло из крупного племенного союза, в котором было 26 древних племён, в том числе гаргары, удины, каспии, гелы, геры, гаты [Страбон, XI, 8, 18]. На территории Азербайджана, одного из древнейших поселений тюркских племен, тюркский слой, особенно с первых веков нашей эры, еще больше обогатился такими племенами, как гунны, булгары, савиры, оногуры, барсилы, кыпчаки и хазары.

Хотя античные и раннесредневековые авторы и предоставляют сведения об Албании и албанах, особое место среди источников сведений об исторической географии, населении и этнокультурной среде Кавказской Албании (IV в. до н.э. – начало VIII в.) занимает труд албанского летописца Моисея Каланкатуйского «История албан». Поскольку большая часть труда основана на живых наблюдениях автора, в «История албан» подробно описаны события, происходившие в Азербайджане в период раннего средневековья, а также даны обширные сведения о племенах гуннов, барсилов, оногуров, хазар, переселившихся сюда с первых веков нашей эры, их религиозных верованиях и традициях. Поскольку труд является первым и единственным местным источником раннего средневековья, он стал одним из наиболее ценных источников для изучения событий, имевших место в древней и раннесредневековой истории Азербайджана.

Выдающийся правитель Албании Джаваншир был заказчиком этого труда и ответственным за создание «Истории албан». Моисей Каланкатуйский, писавший о событиях в Кавказской Албании в VII–начале VIII вв., был современником Джаваншира и албанским летописцем, жившем в его дворце. Произведение, написанное с целью мобилизовать албанский народ для

объединения и борьбы за независимость Албанского государства политического давления, не только проливает свет на славную историю правления Джаваншира, но и в целом на важные события, происходившие с древнейших времен Албанского царства до VIII в., а также основные этапы истории материальной и духовной культуры албанского народа, бытовые традиции. Труд имеет энциклопедическое значение с точки зрения изучения политической и социальной истории, исторической географии Азербайджана раннего средневековья, а также этногенеза и этнических традиций, и верований азербайджанского народа. Поскольку значительная часть сведений Каланкатуйского основана на его наблюдениях, произведение, написанное в то время, когда тюркские племена уже занимали главенствующее положение на Кавказе, представляет особый интерес с точки зрения того, что оно написано свидетелем расселения этих племён на Кавказе.

Помимо подробного описания всех важных событий, связанных с социально-экономической, политической историей, исторической географией и населением Албании, Каланкатуйский дал очень ценную информацию о древнетюркских племенах, начавших переселение сюда с первых веков нашей эры, таких как гунны, оногуры, савиры, барсилы, булгары, хазары, их религии и бытовых традициях. С этой точки зрения «История албан» считается «первостепенным источником для изучения истории хазар» [Артамонов, 1962, с.156].

I. Описание этнокультурной среды Азербайджана раннего средневековья в труде «История албан». Приток племён тюркского происхождения на территорию Азербайджана, одного из древнейших поселений тюркских племен, особенно в период раннего средневековья усилился. Особенно в V–VII вв. тюркские племена уже имели лидирующее положение на Кавказе. Раннесредневековые арабские авторы на вопрос: «Что можно сказать об Азербайджане?», отвечали: «Азербайджан издревле был страной тюрков и заселялся ими» [Bünyadov, 1989, s.182-183].

В первые века нашей эры нашествия гуннов на территории Азербайджана привели к резким политическим и этническим изменениям на Кавказе, расселению новых тюркских племён таких, как барсилы, савиры, болгары, хайлантюрки, оногуры. В период раннего средневековья начался приток гуннов и сабиров в Азербайджан, прорвавшихся через Дербентский перевал. На территории древнего Азербайджана тюркский слой наряду с местными албанскими племенами еще больше обогатился такими племенами, как гунны, болгары, савиры, оногуры, барсилы, кыпчаки и хазары, время от времени стекавшимися сюда на определенных этапах истории. К албанским племенам, занимающим особое место в этногенезе азербайджанского народа, присоединились также гаргары, кангары, чол, сувары, болгары, гунны и хазары. Античные авторы такие, как Клавдий Птолемей, Прокопий, Агафий, пишут, что кавказские тюрки, особенно савиры-сабиры, жили вдоль Каспия с первых веков нашей эры, называя их великим и многочисленным народом, сильнейшим на Кавказе. Источники называют их савирами, что свидетельствует о слиянии этих племён с албанами в раннем средневековье.

В труде Моисея Каланкатуйского содержатся ценные сведения о притоке тюркских племен через Чол-Дербентские ворота в IV–VI вв. Как и другие средневековые авторы, Моисей Каланкатуйский называет савиров гуннами и хазарами. Многие древние тюркские племена, известные как гунны, их распространение на Кавказе, в том числе в Азербайджане и их взаимодействие с древним Азербайджанским государством, Албанией, широко освещены в труде «История албан» Моисея Каланкатуйского [Каганкатвацци, 1861, I, II]. Из произведения Моисея Каланкатуйского видно, что к началу VI в. численность тюрков в Албании значительно увеличилась. С середины VI в. в Албании господствовали хазары, и «из хазаров образовался Хазарский союз, в который вошли многие тюркские племена, такие как савиры, барсилы, болгары» [Каганкатвацци, 1861, II, 1]. По словам Каланкатуйского, сообщившего о расселении в Албанском государстве гунно-булгарских племён, как о первом крупном тюркоязычном племенном союзе, первым местом поселения гуннов на этих землях была крепость Хунан. Автор упоминает в труде крепость Хунан и отмечает, что Аран унаследовал равнины и горы Албанского государства, простирающейся от реки Аракс до крепости Хунан [Каганкатвацци, 1861, I, 5]. Крепость Хунан, упоминаемая в албанской летописи, располагалась в раннем средневековье на западной границе Азербайджана, в месте впадения реки Храми в Куру. Археологические раскопки в районе Товуз–Газах выявили следы этой древней крепости. В результате ар-

хеологических раскопок было установлено, что руины города Хунан находились на территории села Шихлы современного Газахского района. Сегодня названия гуннских племён на западных границах Азербайджана сохранились в ряде топонимов таких, как крепость Хунан, арык Хунан, холм Хунан, ущелье Хунан.

Согласно сведениям Каланкатуйского, походы гуннов на албанские земли от Дербентского перевала в VI–VII вв. продолжались с оногурами, хайлантюрками, барсилами и хазарами, а уже в V в. оногуры стояли во главе гунно-булгарского союза на Кавказе [Каганкатвацци, 1861, I]. Следует отметить, что именно Каланкатуйский дал первые и единственные сведения о времени появления на Кавказе тюркских племён, таких как хайлантюрки, особенно оногуры. Каланкатуйский пишет, что первый приход племён оногуров из страны гуннов на Кавказ под своим этническим названием произошел в начале V в., а со второй половины V в. они распространились в Албании [Каганкатвацци, 1861, I; Джафаров, 1993, с.21]. Известно, что такие тюркские племена, как болгары, авары, савиры и хазары уже в V в. жили с албанами [Пигулевская, 1941, с.165]. К албанским племенам, занимающим особое место в этногенезе азербайджанского народа, относились гаргары, кангары, чол, сувары, болгары, гунны и хазары. Даже албан иногда приравнивали к гуннам. Следы формирования албано-гуннского этнического единства можно увидеть в труде Каланкатуйского. Рассказывается о том, что албанский правитель Вараз-Трдат в 682 г. говорил о «родственности с ними», имея в виду приток тюрков в Албанию. В труде Санатрук также представлен и как албанский правитель, и как предводитель гуннского войска [Каганкатвацци, 1861, II, 12, 27]. По сведениям Каланкатуйского, одним из албанских епископов был «Грек (Хунан), епископ гуннов из страны маскутов» [Каганкатвацци, 1861, I, XXVI].

Хазары в частности сыграли важную роль в усилении тюркского фактора в этнокультурной среде Азербайджана. Хотя начальный этап хазарского периода в истории Кавказа и Азербайджана до конца не определен, известно, что племя хазар, в состав которого уже входят многие тюркские племена, такие как гунны и сувары, было самым влиятельным племенем в регионе, особенно в раннем средневековье. Хазарский каганат, как и в истории многих тюркских народов, сыграл исключительно важную роль в этнической истории азербайджанского народа и в формировании тюркского этнического ядра на Кавказе в целом. Укрепление хазаров в Северном Азербайджане на протяжении около 300 лет еще больше усилило влияние тюркского фактора на этническую основу региона, оставив значительный след в последующей судьбе и этнических традициях кавказских народов.

Как отмечается в труде «История албан» Моисея Каланкатуйского в раннем средневековье, особенно в течение IV–VI вв., оногуры, барсилы, кангары и савиры, объединенные под именами хазар и гуннов, постоянно стекались в Азербайджан через Чол-Дербентские ворота. Поскольку процесс консолидации, начавшийся в конце V в., завершился распространением хазар в Аран, тюркские племена уже в труде Моисея Каланкатуйского были обобщены под названием «хазары». Каланкатуйский писал, что в связи с хазарскими походами в VI в. даже религиозный центр страны был перенесён из Дербента вглубь страны, в более безопасный район – Барду. Автор пишет, что усиление хазаро-савирского притока в Чола в 552 г. даже привело к переносу резиденции албанского католикосата из Чола в Барду (Партав).

Уже в VII в. вся территория Албании, оба берега Куры находились под контролем хазар. VII в. – пик притока тюрко-хазарских племён на территорию Кавказской Албании. Из сведений Каланкатуйского видно, что северная часть Албании находилась под властью тюрков-хазар с 20-х гг. VII в. [Каганкатвацци, 1861, II]. С этого века тюркские племена расселились почти во всех провинциях Албании. Автор пишет, что глава хазар Джебу-каган и его сын Бури-Шат в 628–629 гг. также считали своей собственностью северную часть Албании и в целом Албанию [Каганкатвацци, 1861, II, 11]. К этому времени хазары располагались уже в центральной области Албании, Габале, и оттуда распространяли свое политическое влияние по всему Южному Кавказу [Каганкатвацци, 1861, II, 10]. Арабский историк Балазури древнюю столицу Албанского царства город Габалу называл Хазар. Балазури так и пишет: «Габала, т.е. хазар» [Мамедова, 2005, с.254]. Эти сведения показывают, что Габала была одним из основных поселений хазар в Азербайджане. В настоящее время следы хазарских племён сохранились как в названии древнего села Хазра, расположенного в Габалинском районе, так и в надгробиях села. На древнем кладбище села Хазра находятся древние надгробия с шестиконечными звездами, относящиеся к хазарам, а также надгробия, отражающие древние тюркские верования. Хазароведы связывают знак шестиконечной звезды, встречающейся в символах и орнаментах разных религий, с традиционными орнаментами и артефактами хазар [Әсәдов, 2018, с.87]. Неслучайно многие топонимы, связанные с гуннами и хазарами, сохранились и сегодня в Азербайджане. Десятки топонимов Азербайджана, таких как Хазаряйлаг в Лерикском районе, Хазарюрд в Ордубадском районе, Хазардаг в Физулинском районе, Хазаллар в Лачинском районе, село Хазра в Губинском районе имеют следы хазарских племён. В настоящее время с этнонимом сабир-савир, принадлежащему

гунно-хазарскому союзу, связаны и такие топонимы, как Салбир и Шабран близ Габалы. Поселения, где сохранились эти топонимы, охватывают территорию, проходящую через Дербентский перевал – вдоль Каспийского побережья до Муганской равнины, откуда гунно-хазарские племена распространились в Азербайджан.

II. Антропонимы, воинские звания и топонимы тюркского происхождения в албанской летописи.

1) Антропонимы и воинские звания. В труде «История албан» Каланкатуйского наряду с названиями тюркских племён таких, как гаргары, кангары, чол, гунны, сувары, болгары, барсилы, оногуры, хайлантюрки, также много личных имён тюркского происхождения и древнетюркских воинских званий таких, как *Манас*, *Казанский каган*, *Иль-тегин*, *Алп-Илитвер*, *Чорпан // Чолпан*, *Тархан*, *сабгу // ябгу*, *шад // шат*, *тюркан*, *тудун*. В труде хазарский правитель Джебу-каган и его сын Бури-Шат, считавшие Албанию своей собственностью, названы «правителем гуннов», «преемником царя Севера» [Каганкатвацци, 1861, II, 11]. Так как у гуннов есть традиция называть правителей по их титулам, а не по именам, источник также приводит титулы, а не имена гуннских правителей. Приводя сведения о *Джебу (Джабгу)* в Хазарском каганате, Каланкатуйский пишет, что *Джабгу* был первым лицом после Северного (Хазарского) кагана [Каганкатвацци, 1861, II, 10]. Титул *Ябгу*, который в труде принимает форму *Джебу (Джабгу)*, является одной из древнейших тюркских воинских должностей. *Джебу/Джабгу/Ябгу*, первое лицо после кагана в Империи Великих Гуннов, выбиралось из династии дворян. Помимо титула *Джебу (Джабгу)* в Хазарском каганате, Каланкатуйский упоминает также титул *Шад/Шат* (в труде имя в форме *Шат*) и пишет, что Шат был наместником Арана [Каганкатвацци, 1861, II, 10]. Из фразы «Шата мы готовы повиноваться твоему отцу и тебе» албанского католикоса Виро, который хотел защитить страну от гуннских нашествий и грабежей, становится понятно, что Шат был наместником Албании/Арана.

Такие выражения, как «Шат Хазар, сын Джебу-кагана», «Шат, орленок хазар» [Каганкатвацци, 1861, II, 10, 44] также подтверждают, что Шад/Шат был сыном кагана и подтверждает, что этот титул является титулом князя, данным сыну кагана. *Шад/Шат* считался князем и вторым правителем после кагана. Тот факт, что титул *Шад/Шат* использовался при гуннах и что этот термин употреблялся до объединения гуннов с хазарами, впервые упоминается в труде «История албан». Последний раз албанский летописец использовал термин *Шат* в связи с событиями 631 г. Известно, что тогда гунны уже были частью союза в Хазарском каганате, и

с этого времени гуннским правителям с особой автономией были даны должности *эльтебер*. Этот титул носил вождь гуннов, принявший вассалитет хазар с VII в. Такая должность существовала у хазар до IX в.

Имя гуннского полководца с титулом первого *эльтебера* впервые стало известно из труда «История албан» Моисея Каланкатуйского. Таким образом, с середины VII в., так как гунны присоединились к союзу в Хазарском каганате, гуннские правители получили особую автономию и титул *эльтебер*. В письменных памятниках VII в., связанных со званием *эльтебер*, он встречается, как титул высшей знати в тюркских хазарских каганатах [Кляшторный, 2000, с.123; Малов, 1951, с.31, 42; Кляшторный, Султанов, 2000а, с.159]. Эльтеберы, выполнявшие функции наместников, хотя и не принадлежали к правящей династии, были потомками, получивших определенную автономию от правящего класса. В произведении титул *эльтебер* используется в форме *Алп-Илитвер* в событиях, связанных с Хазарским каганатом в начале VII в. Автор использует фразу «*Алп-Илитвер, великий хан гуннов*» [Каганкатвацци, 1861, II, 37]. В труде рассказывается, что в Туркестане [Хазарское каганство – П.М.] Алфилутвер проявил мужество в присутствии хазарского кагана, снискал себе светлое имя, стал обладателем высокого престола, был удостоен титула князя-илитуэра (*эльтебера*) [Каганкатвацци, 1861, II, 42]. Эти сведения дают основание говорить, что первым *эльтебером* Хазарского союза был полководец по имени Алп, один из кавказских гуннов.

В албанской летописи Каланкатуйского также говорится о ряде древних тюркских воинских званий, таких как *Иль-тегин* – князь, *тархан* – феодал, *тюркан-караульщик*, *дежурный*, *тидун* – высокопоставленный юрист [Каганкатвацци, 1861, II, 44]. Упомянутый в труде титул *Иль-тегин* был титулом каганских престолонаследников в тюркских государствах. *Тидун*, будучи из рода кагана, был наместником, контролировавшим сбор налогов в стране, и поверенным, доставлявшим кагану налог, представленный ему градоначальником [Каганкатвацци, 1861, II, 15]. Автор также пишет о предводителе хазарской армии по имени Чорпан Тархан, и что хазарский каган отправил в страну войска под предводительством Чорпана Тархана [Каганкатвацци, 1861, 132]. Кроме того, в «История албан» Каланкатуйский рассказывает об одном из местных князей, называя его *охотник Тархан* [Каганкатвацци, 1861, II, 44]. По-видимому, выражение *охотник Тархан*, упоминаемое в труде, употреблялось в связи с представителем знати, который занимался охотой и имел чин тархана. В выражении *охотник Тархан* отражены следы азербайджанских фольклорных традиций. Например, персонаж «Охотник Пирим» известен

из азербайджанских сказок.

В «История албан» Каланкатуйского встречаются имена албанских царей, духовенства, феодалов, тюркское происхождение которых даже не нужно объяснять. Среди них имена таких людей, как Манас, Матэ, Газан, Бакур, имеющих древнейшие следы тюркской истории и культуры. Упомянутые в произведении термины, этнонимы, антропонимы, топонимы тюркского происхождения такие, как *каган*, *тархан*, *шат*, *танрыхан*, *тюркан*, *тюркестан*, *иль-тегин*, *алп-илитвер*, *манас*, *газан*, отмечаются и в других тюркских памятниках последующих периодов.

В труде Каланкатуйского упоминаются такие представители христианского духовенства V в., как епископ Габалинской области Манас, епископ Барды Матэ, а также глава племени-старейшина в Албании по имени Газан [Каганкатвацци, 1861, I, 31]. Такие люди, как главное духовное лицо Габалы Манас, духовное лицо Барды Матэ V в., упоминаемые автором [Каганкатвацци, 1861, I, 31], отображают собой героев таких народных эпосов, как «Манас», «Китаби-Деде Горгуд», являющихся жемчужинами общетюркской культуры. Манас по-турецки означает «манг» — дорогой, ассоциируется со словом «воин». Матэ совпадает с именем Мете (209–174 гг. до н.э.), основателя гуннской империи, и в переводе с турецкого означает «маты/баты» храбрый, сильный. Газан (V в.), имя элбея (вождя племени), пришедшего в Албанию со своим племенем, также является распространенным именем у тюрков и совпадает с именем Газан хана в «Деде Горгуде». Бакур, ставший в VII в. албанским католикосом, является одним из тюркских слов «бакур» — большой, великий или «бак/бей» — вождь племени, князь и «ур» — наследник.

Тенгри-хан, отразивший древнюю гуннскую веру в труде Моисея Каланкатуйского, упоминается в памятнике Кюль-тегин как *Верховный Бог*. Имя *Тархан* употребляемое в труде Моисея Каланкатуйского и как личное имя, и как воинское звание [Каганкатвацци, 1861, II, 17] также встречается в словаре Махмуда Кашгари в значении высокого титула—*бея*, в памятнике Кюль-тегин, затем в IX в., как имя одного из соратников Бабек. Термины *шат*, *ябгу* и *эльтебер* встречаются также в письменных памятниках VII в., в орхонских памятниках и в китайских источниках [Кляшторный, 2000, с.123; Сәлілов, 2006, с.66].

2) Топонимы древнетюркского происхождения. Автор приводит сведения о постоянном притоке через Чол-Дербентские ворота в течение IV–VI вв. оногуров, барсилов, кангаров, савиров, объединившихся под именем хазар и гуннов, а также упоминает ряд топонимов, таких как Хунан, Туркестан, Агун, Акхазар, Баласагун, которые были созданы в средние века под

названиями тюркских племен. Моисей Каланкатуйский в своем труде «История албан» называет территории, на которых расположен Хазарский каганат, Туркестан: «В Туркестане он приобрел блестящую репутацию, проявив храбрость при хазарском кагане» [Каганкатвази, 1861, II, 42]. Г.Ворошил предполагает, что топоним Баласагун может означать «небольшие гунны» и отмечает, что Баласаган // Баласагун–Пайтакаран, т.е. Муган-Мильская зона была основным поселением оногуров и хайлантюрков из гуннских племён в раннем средневековье [Q.Vorişil, 1993, s.74].

Поскольку процесс консолидации, начавшийся в конце V в., завершился увеличением количества хазар в Аране, то тюркские племена в труде Моисея Каланкатуйского были уже обобщены под названием «хазары» [Каганкатвази, 1861, II, 10].

III. Этнолингвистические процессы в труде «История албан». Из труда «История албан» видно, что между албанскими племенами и переселявшимися сюда тюркскими племенами существовали не только военные, политические и культурные связи, но и тесные этноязыковые связи, продолжавшиеся и в последующие века. В труде присутствует ряд воинских званий, существовавших в Хазарском каганате, таких как *каган-глава государства, сабгу // ябгу* – наместник кагана, *шат* – князь, второй правитель после кагана, *тегин* – князь, *тархан* – феодал, *эльтебер* – начальник, тюркан – караульщик, дежурный, *тидун* – высокопоставленный командир. Говоря о титуле *Джебу (Джабгу)* в Хазарском каганате, албанский автор пишет, что *Джабгу* был вторым лицом после Северного (Хазарского) кагана, а *Шат* был наместником Арана [Каганкатвази, 1861, II, 10; Bünyadov, 1989, s.45]. Древний хазарский воинский титул *джабгу*, используемый в историческом труде «История албан», сохранился в слове *джигит* в языке удин, как потомков древних албанских племен, проживающих сегодня в Азербайджане. Термин *джигит* используется на Кавказе в значении смелого молодого человека. Это слово в азербайджанском языке означает храбрый. В целом, удинский язык представляет большой интерес с точки зрения изучения его, как сохранившейся части албанского языка, взаимосвязей древних языков, взаимовлияний кавказских и тюркских языков в целом на территории Азербайджана. Это древнее албанское племя, издревле смешанное с азербайджанскими тюрками, сохранило элементы древнетюркского языка, как в своих традициях, так и в языке. Многие тюркские слова и языковые особенности, унаследованные от хазарских, огузских и кыпчакских языков в труде «История албан», до сих пор остаются в удинской лексике.

В своем лексиконе удины до сих пор используют слова с сочетанием букв *нг*, характерным для азер-

байджано-тюркских языков. Сочетание букв *нг* в слове *тенгрихан* в произведении «История Албании» сохранилось в удинских словах, таких как *генг* (широкий), *сонгсуз* (бесконечный) и *кершенг* (маленькие деревянные ворота), используется до сих пор. Такие слова, как *манга* (мне), *санга* (тебе), *тенгри* (бог), *тенгиз* (море) также встречаются в тюркских памятниках таких, как словарь Кашгари и Орхоно-енисейский словарь.

Из труда Каланкатуйского известно, что в 632 г. по просьбе Алп-Илитвера, главы хазар, албанский епископ Израиль читал молитвы хазарской знати из «божественных книг» — Библии и весь народ [племена хазар – П.М.] слушал его [Каганкатвази, 1861, II, 41, 42]. Прослушивание речи Израила не только хазарской знатю, но и всем хазарским народом, позволяет говорить о том, что албанские епископы распространяли христианство среди тюрков на тюрко-хазарском языке. С другой стороны, албанский автор говорит о длительной пропаганде христианства католиком Израилем среди колдунов, ведьм и шаманов, для чего ему надо было знать их язык. Таким образом, данные албанского летописца показывают, что в раннем средневековье, особенно в VII в., когда на Кавказе господствовали тюрки, хазарский язык участвовал в формировании основ азербайджанского тюркского языка. Эта вероятность находит отражение и в сохранении элементов древнетюркского языка при взаимодействии кавказских и тюркских языков. Языковед Г.Ворошил считает, что в азербайджанском языке широко представлены следы диалектов языков савиро-хазарского союза на северо-востоке Кавказа, азербайджанские диалекты и говоры освоили разные черты хазарского языка [Q.Vorişil, 1993, s.42-43]. Как видно, древние элементы языка Хазарского союза сохранились сегодня не только в азербайджанском тюркском, но и в удинском языке, принадлежащим к кавказской языковой группе. По нашему мнению, общим языком общения племён, населявших Кавказскую Албанию вместе с албанским был тюркский язык, особенно в V–VI вв., когда тюркские племена и роды были широко распространены в стране. С этой точки зрения труд «История албан» Моисея Каланкатуйского является ценным источником, сохранившим в себе тюркизмы.

IV. Древние тюркские церемониальные обряды в труде «История албан» Каланкатуйского. Взаимные сравнения. В своем труде «История албан» Каланкатуйский подробно рассказал о церемониальных обрядах, традициях и верованиях гуннских, барсильских, оногурских и хазарских племён, распространенных на территории Албании. Албанский историк пишет, что тюрки поклонялись богу неба по имени Тенгрихан, богине молнии по имени Куар, богине неведомых дог, приносили коня в жертву высокому и покрытому

лиственной дубу, а также поклонялись Солнцу, Луне, огню и воде. «Гунны приносили в жертву Тенгрихану коня, окропляли его кровью дерева, а его голову и кожу свешивали с ветвей» [Каганкатвацци, 1861, II, 42].

Следы ряда древнетюркских верований и обрядов, описанных в труде Каланкатуйского, сохранились в обычаях и верованиях азербайджанцев и сегодня. Например, автор пишет, что гунны поклонялись высоким и покрытым лиственной дубом, считая, что те, кто собирал опавшие листья или засохшие ветки дерева для собственных нужд, карались такими деревьями страшными ранами, безумием и даже смертью [Каганкатвацци, 1861, II, 42]. Подобно гуннам и хазарам, удины также освящают высокие и покрытые лиственной дубы. Это мнение подтверждается заметками Бежанова, автора удинского происхождения, жившего в XIX в. Бежанов писал, что удины жгли свечи и приносили жертвы под древним дубом, который в Огузском районе считался священным. Никто не посмеет срубить не только зеленые, но и сухие ветки дерева. Сухие ветки собирали у основания дерева и использовали только в обрядах жертвоприношения [Бежанов, 1892, с.256].

Следы древних гуннских традиций в труде Каланкатуйского, такие как принесение в жертву коня высоким деревьям в священных лесах и поливание его кровью под деревом, вешание его головы и шкуры на деревья, наблюдаются в азербайджанских святилищах [Каганкатвацци, 1861, II, 42]. Во многих районах Азербайджана до прошлого века существовала традиция приносить в жертву овец или кур под священными деревьями и развешивать их кожу на деревьях [Ямпольский, 1962, с.24-25; Мещанинов, 1931, с.8]. Этот обычай до сих пор практикуется в таких святынях, как «Тоюг пири», одном из древних мест поклонения удин в селе Комрад, Нидж в Габалинском районе Азербайджана. Здесь ноги и голову животного, принесённого в жертву, вешали на высокое дерево.

В труде Каланкатуйского женщины *чопчю* рассматриваются как особый класс, принадлежащий к языческой секте хазар. Чопчю до сих пор присутствует в тюркских бытовых традициях как женщина, врач-посредник, которая выдувает мусор из горла ребенка и вытаскивает его. Албанский автор пишет, что Израиль, который был епископом Албании в VII в., «даже сжигал могилы чопчю», чтобы бороться с языческими верованиями хазар, принявших христианство [Каганкатвацци, 1861, II, 41-42].

В труде рассматривается архаичный обряд *уиг*, одна из древнейших традиций азербайджано-тюркских траурных обрядов, широко распространенная в общетюркском фольклорном ареале. Из сведений Каланкатуйского видно, что в V в. в Азербайджане еще существовали плакальщицы, испол-

нявшие архаичные песни, связанные с обрядами *уиг* [Каганкатвацци, 1861, I, 33]. Хотя албанский правитель Вачаган III (487–510) в 488 г. и пытался законодательно запретить обряд плача на собрании в Аквинской церкви (ныне территория Агдамского района), этот обряд продолжал существовать и в VII в. Примером тому может служить элегия Давдака в стиле акростих, посвященная смерти славного албанского правителя Джаваншира [Каганкатвацци, 1861, II, 36]. Траурная церемония, в которой люди собирались вместе и плакали называлась *юх* (плакать), и данная древняя тюркская церемония по великим героям, погибшим в древнем Азербайджане, была совершена и по славному албанскому правителю Джаванширу в VII в. Албанский летописец так описывает церемонию: «Когда вся страна была в трауре, оплакивая Джаваншира, красноречивый мастер искусства, известный и искусный толкователь поэзии Давдак встал и прославил Джаваншира» [Каганкатвацци, 1861, II, 35]. Обычай плача и скорби, являющийся пережитком древней церемонии *уиг*, совершаемой на похоронах в Кавказской Албании, сохранился в Азербайджане и по сей день.

Сообщая о похоронах гуннов, Каланкатуйский пишет, что на их траурных церемониях играет музыка, они устраивают на кладбище скачки и борьбу, борясь друг с другом большими группами, а затем скачут на лошадях, играют на барабане и зурне [Каганкатвацци, 1861, II, 41]. Интересно, что следы этой древней гуннской традиции существовали и в церемониальных обрядах удинов. З.Ямпольский, один из первых исследователей Кавказской Албании в Азербайджане в начале XX в., пишет, что в прошлом во дворе церкви Булун, которую он назвал «Булунским очагом», близ древнего кладбища в селе Нидж Габалинского района, удины совершали жертвоприношения, привязывали к деревьям цветные ткани для того, чтобы их желания исполнились, а также проводили скачки, танцевали и играли там [Ямпольский, 1962, с.24-25].

Каланкатуйский пишет, что хазары поклонялись богине Куар [Каганкатвацци, 1861, II, 41]. Согласно этому древнему поверью, если удар молнии поразил человека или животное, оно считалось жертвой богине Куар, и поэтому ей поклонялись. Считалось, что богиня поражает молнией и огнём. Когда молния ударяла в человека или другой предмет, в ее честь приносили жертву. Следы веры в богиню Куар сохранились в азербайджанских обрядах. В некоторых регионах Азербайджана деревья, в которые ударила молния, считаются священными. В селе Хыналыг Губинского района, одного из албанских племен, считается, что красный камень-сердолик под названием «Бабаголу» был создан ударом молнии и поэтому обладает защитной силой. Местные жители объясняют название этого

камня, который, по их мнению, был создан молнией, как «камень баба голу», что означает священная рука протянулась с неба. По народному поверью, камень «Баба голу» защищал людей от безвременной смерти и молнии, считался важным в каждом доме. Этот камень считается камнем с самой сильной защитной силой у жителей села Хыналыг.

Большинство хазар поклонялись своей древней религии, божественности. По этому поводу албанский историк писал в своем труде, что гунны приносили в жертву богу Тенгрихан коня [Каганкатвацци, 1861, II, 42]. Каланкатуйский также писал, что гунны приносили жертвы огню и воде и поклонялись богине дорог. В наше время следы веры в богиню дороги сохранились во многих уголках Азербайджана. Например, в Гедабекском районе человеку, который отправляется в дальний путь, говорят «*угуруна хеир*», что означает «удачи». Угур была одной из богинь, почитаемых в Азербайджане в средние века.

Труд «История Албании» Моисея Каланкатуйского также привлекает внимание такими древними

тюркскими бытовыми традициями, как то, что гунны сидели в палатке скрестив ноги, пили верблюжье и лошадиное молоко, угощали албан «лавашем, приготовленным в садже» [Каганкатвацци, 1861, II, 15].

Вывод. Труд «История албан» Моисея Каланкатуйского – источник, имеющий большое значение в плане изучения истории древнетюркских титулов, таких как Шат, эльтебер в Хазарском каганате, важных деталей этапов расселения древних тюркских племён на Кавказе, таких как гунны, савиры, барсилы, оногуры, хазары, например, первое появление оногур на Кавказе, и имеет большую научную, литературную и художественную ценность для этнокультурного наследия и истории Азербайджана. Анализ произведения, богатого архаичными древнетюркскими словами, такими как алп, тархан, эл//ил, гекар, тенгри, гонаг, чопчу, показывает, что тюркские племена, населявшие Кавказскую Албанию, их верования, обряды, языковые особенности, в целом оставили сильный след в азербайджанских этнических традициях, в лексиконе и до сих пор сохраняются.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bünyadov Z.M. Azərbaycan VII–IX əsrlərdə. Bakı: Azərnəşr, 1989, 335 s.
2. Cəlilov F. Azər xalqı, Seçmə yazılar. Bakı: Çasıoğlu nəşriyyatı, 2006, 320 s.
3. Əsədov F. Xəzərlər və Azərbaycan. Bakı: Elm və təhsil, 2018, 240 s.
4. Vorişil Q. Qafqaz Albaniyası. Bakı: Öyretmen, 1993, 108 s.
5. Артамонов М.И. История хазар / Под ред. и с примеч. Л.Н.Гумилёва. Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, 523 с.
6. Бежанов М. Варташен. Краткие сведения о селении и его жителях / СМОМПК, Тифлис, 1892, вып. XIV, I, с. 213-262.
7. Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку: Азернешр, 1993, 107 с.
8. Каганкатвацци М. История агван / Пер. с древнеарм. яз. К.Патканова. СПб.: Императорская Академия наук, 1861, 376 с.
9. Кляшторный С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп / Древнейшие государства Восточной Европы 1999. Москва: «Восточная литература» РАН, 2000, с.120-126.
10. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение «Orientalia», 2000а, 320 с.
11. Малов С.Е. Памятники древнетюркской рунической письменности. М.-Л.: Изд-во Академии Наук. Л., 1951, 451 с.
12. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
13. Мещанинов И. Пиры Азербайджана / Известия Государственной Академии истории материальной культуры, т. IX, вып. 4, 1931, с. 8.
14. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР / Отв. ред. В.В. Струве. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941, 172 с.
15. Страбон. География в 17-ти книгах / Перевод Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964, 944 с., карты / М.: «Ладомир», 1994.
16. Ямпольский З.И. Древняя Албания III–I вв. до н.э. / Под ред. З.М. Буниятова. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, 383 с.

Сафаров Рафик*Ведущий научный сотрудник отдела «Этнография современного периода» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НОВЫХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СЮНИИ

Междисциплинарные исследования, основанные на новых достижениях этнологии, исторической географии, этнополитической истории и этнической демографии дали интересные результаты по истории расселения этносов, этнической территории, политическим и административным границам государства Кавказской Албании.

Формирование территории Албании, в том числе и одной из её областей – Сюнии, находилось в прямой физико-географической зависимости и обуславливалось особенностями окружающего ландшафта. Эта азербайджанская область целиком расположена в горной местности. Неслучайно, что пределы её территории, практически по всему периметру, окаймляют водораздельные хребты. Довольно часто некоторые горные хребты, кроме функции природных барьеров, исполняли роль естественных границ, по которым пролегли пограничные линии административных и государственных образований. Эта закономерность во многом присуща другим регионам Передней Азии. Более того, она проявляется в разных частях света.

До сих пор в исследованиях по исторической и политической географии Азербайджана ряд авторов допускает путаницу в таксономическом уровне терминов, обозначающих административно-территориальные единицы. На территории крупных государств рассматриваемого региона трехуровневая система административного деления сохранялась неизменной на протяжении последних двух с лишним тысячелетий. В зависимости от политической ситуации иногда происходило переподчинение отдельных мелких территориальных единиц между более крупными политико-административными образованиями. Так, например, Сасанидское государство имело трехуровневую административную структуру: шахр – наханг/остан – рустак/тасуг. Долгое нахождение Армении под властью и влиянием Персии отразилось на ее административно-территориальной системе. Размеры территории Армении сами по себе были относительно небольшими, и её административная система состояла из двухуровневого деления: ашхар/наханг – гавар.

Сведения об административной структуре Албании дошли до нас на армянском языке и с соответствующей терминологией: наханг–гавар (сирийско-среднеперсидское наименование термина второго уровня). Название административно-территориальной единицы первого уровня осталось нам неизвестной. Начиная с арабского периода, в Азербайджане прослеживается трехуровневая административная структура: вилает – эялет/кюра – нахийя/махал.

Для обозначения историко-географических регионов внесём ясность в терминологию иерархии административно-территориальных единиц. Самые крупные регионы страны называются областями, а именно: Сюния, Утия, Камбисена и другие. Таксономически соответствуют персидскому шахру и арабскому вилаету. Регионы меньшего размера, имеющие устойчивые черты географической, а иногда и политической самостоятельности и входящие в состав какого-либо вилаета в иерархии фигурируют как провинция / уезд / округ, например, Нахчыван, Шурагель, Капанат и т.д. Аналогами являются персидский наханг/остан и арабский эялет. Наконец, историко-географические районы локального значения обозначены волостью/участком, как-то Ниг, Шарур и прочие (аналоги: албанский гавар, арабо-мусульманский махал).

На Кавказе, в Иране, Малой Азии и других регионах естественные рубежи являлись формирующим элементом не только областных и провинциальных, но даже махальных границ. При засушливом климате и неравномерном распределении водных ресурсов естественное и искусственное орошение имели в жизни населения Азербайджана исключительное значение. В этой связи практически все махалы целиком или частично охватывали речную долину, окаймленную горными цепями, исполняющими роль водоразделов.

Прежде чем приступить к раскрытию темы, отметим, что до сих пор историческая география Азербайджана остаётся одной из наиболее малоизученных отраслей науки. Имеющиеся в этой области работы выполнены по устаревшим и неверным понятиям о самом предмете, в котором постановка проблемы

неверна и методика исследования не разработана [Яцунский, 1955, с.3]. В то же время следует отметить, что в последние десятилетия эта задача была решена русским ученым Л.Н.Гумилёвым, что позволяет нам составить ясное представление о проблемах исторической географии, в том числе о миграциях и процессах этногенеза. Отмечая о степени разработанности этой проблемы, он справедливо подчеркивал, что в исторической науке в достаточной мере не учитывалось обстоятельство принудительного влияния ландшафта на расселение этносов. Не для политических, а для этнических границ оказывался решающим фактором ландшафт, включая рельеф. На Кавказе, в Малой Азии и Иране горные хребты, крупные реки, малопригодные для жизни земли играли роль природных барьеров в разделении государственных и этнических территорий. Образование политических и административных границ находится в прямой зависимости от особенностей ландшафтных регионов. На протяжении всей истории естественные границы в определяющей мере влияли на политическую географию Азербайджана.

Куро-Аракское междуречье занимает важную и значительную часть Южного Кавказа. Оно начинается на востоке от места слияния рек Куры и Аракса и доходит на западе до хребта Аллахюэкбер. Водораздел между бассейнами этих рек проходит по горным хребтам: Карабахскому, Иреванскому (Шахдагскому), Памбакскому и Мокрые Горы (Джавахетскому). Левобережный бассейн Аракса, расположенный между Карабахским и Аллахюэкберским хребтами, массивом горы Алагяз (Арагаз(-ц)) и долиной реки Западный Арпачай (Ахури/Ахурян) разделяется на две части. Рассматриваемый регион входит в состав четырех современных государств – Азербайджана, Грузии, Армении и Турции.

Согласно неопровержимым историческим фактам, если не вся, то большая часть территории современной Армении изначально входила в состав государства Албании (Аррана), образование которого на территории Северного Азербайджана относится к последней четверти IV–началу III в. до н.э. [Халилов, 1985, с.200-201; Бабаев, 1990, с.45-48]. Данные выводы учёных подтверждаются ирано-тибетской картографической традицией, описанной крупнейшим этнологом XX в. Л.Н.Гумилёвым и тибетологом Б.Кузнецовым, но, к сожалению, незамеченной албанистами. В Тибетско-шаншунском словаре приводится древнетибетская карта Ближнего Востока, при описании которой русским учёным [Гумилёв, Кузнецов, 1969, с.88-101] удалось расшифровать и интерпретировать на современной основе комбинацию топонимов, датируемых III–II вв. до н.э. По-видимому, информаторами тибетцев были персидские учёные раннепарфянской эпохи.

Один из топонимов локализуется на западном побережье Каспийского моря: «43. Sngang-Idan-'bum-gling – судя по местоположению, Албания кавказская, современный [Северный. – С.Р.] Азербайджан и южный Дагестан» [Гумилёв, Кузнецов, 1969, с.97]. Местное население страны состояло, по нашему мнению, из тюркоязычных каспиев и кавказоязычных албанских племён, имеющих различное происхождение, но являющихся одними из предков азербайджанского народа.

Уместно заметить, что составителям сборника “Albania Caucasica” стоило больших трудов подобрать научные работы азербайджанских коллег, которые с российской и армянской точки зрения были бы самыми так сказать «безобидными» в этнополитическом и историко-географическом аспекте для публикации в издании, вышедшем под грифом Института востоковедения РАН и Дагестанского научного центра РАН. Таких работ оказалось всего две – статьи М.Пашаевой и Г.Гошгарлы, при этом было опубликовано девять армянских и шесть дагестанских статей [Albania, 2015].

Государство Албания, охватывавшее географический регион под тем же названием, имело с конца IV в. до н.э. по VIII в. н.э. наибольшую территорию и на протяжении всей своей политической истории занимало большую часть Южного Кавказа. Албания простиралась от Аракса до Аварского Койсу и всей долины и верховья Иоры на севере и от Каспия до рек Западного Арпачая и Храми.

Некоторые албанские племена ещё с глубокой древности имели генетическое родство с племенами Передней Азии, в том числе Кавказа и Малой Азии, в частности с кутиями, хурритами и урартами. Одним из крупнейших среди них и наиболее известным истории племенем были удины (утии). Это же племя с древнейших времен населяло область вокруг нынешних Иревана (Ереван, столица современной Армении) и Карса (в Турции).

Эти земли известны нам под историческими названиями Этиуни, а позже Сюник/Сюния и Чухурсаад. Между обширным вулканическим массивом Агрыдага (Масиса/Арарата) и горными цепями Малого Кавказа, по среднему течению реки Аракс, раскинулась эта область. Данный регион представляет собой довольно замкнутую большим числом горных хребтов область, которая охватывает оба берега Аракса, причем большая её часть приходится на левобережье. Она полностью охватывает бассейны Западного Арпачая и озера Гейчи (Севана) с рекой Занги (Разданом), между которыми выделяется гора Алагяз, с громадной площадью основания, ограничивающая бассейн Западного Арпачая. Пределы Этиуни целиком заключали в себе бассейн Аракса, тянувшийся от Пасина до Шарура, вполне возможно и до Ордубада.

Название Этиуни известно из урартских источников и означает страну утиев / удин [Меликишвили, 1954, с.65; Меликов, 2003, с.113-114]. Восточная часть области между Гезалдаринским хребтом и рекой Занги носила собирательное название населения – Удури (-Этиуни), которое также упоминается в этих источниках. С юга к Этиуни прилегали владения государства Урарту (IX–начало VI в. до н.э.), основанное хуррито-урартскими племенами. В середине VIII в. до н.э. Урарту заняло западную половину Куро-аракского междуречья, т.е. Этиуни.

Во время освоения урартами территории севернее Аракса часть скифов в 680-х гг. до н.э. мигрировали в Переднюю Азию [Дьяконов, 1956, с.235, 247; Алиев, 1960, с.219, 222-223], создав Скифское государство, охватившее большую часть исторического Азербайджана на Южном Кавказе и в Иране [Дьяконов, 1956, с.250, 251, 254], которое просуществовало 85-90 лет. Распространение ираноязычных племён, потеснивших, по мнению Гейбуллаева, тюркоязычных касситов/каспиев [Гейбуллаев, 1991, с.347-348] в Юго-западном Прикаспии, и постепенная иранизация местных народов способствовала образованию государства Мидия. В начале VI в. до н.э. Урарту было захвачено Мидией, которую в середине того же века сменила Персия.

Ещё в 2004 г. мы выдвинули новую, по нашему мнению, наиболее достоверную версию происхождения топонима «Армения». Причина переименования персами государства Урарту на новый топоним «Армения» связана с названием его юго-восточной провинции – Арма-рили, по которой страна Урарту была известна мидянам и персам и принявшая в иранском произношении форму Армина (по-гречески – «Армения») [Сафаров, 2009, с.81, прим.8]. В Ахеменидском государстве земли будущего Азербайджана оказались разделёнными между тремя сатрапиями: Мидийской, Каспийской (Южный Кавказ) и Арми(-е)нийской. Находившаяся под властью Урарту область Этиуни перешла в состав Арменийской сатрапии [Сафаров, 2003, с.92; Сафаров, 2009, с.30]. Постепенно произошло разделение исторического Азербайджана на иранизированный Юг и, по нашему мнению, тюрко-албаноязычный Север.

После распада Ахеменидской державы в 331 г. до н.э. под ударами войск Александра Македонского признание его власти сатрапами Мидии, Каспианы и Армении было недолгим. Смерть Александра Великого в 323 г. до н.э. привела к распаду империи и борьбе за власть между его полководцами. Область Этиуни в последней четверти IV в. до н.э. оказалась на границах двух новых государств – Албании (Аррана) и Атарпатаканы (Атропатены/Азербайджана), в 321 г. до н.э. приобретших самостоятельность [Алиев, 1989,

с.58]. При окончательном разделе империи Армения в статусе сатрапии в 301 г. до н.э. была включена в состав греко-македонского государства Селевкидов (312–64 гг. до н.э.). В период существования Албанского государства в западной части Этиуни в 316 г. до н.э. образовалось локальное Айраратское царство [История, 1951, с.32]. Граница между обоими государствами проходила по долине реки Западного Арпачая и хребту Агрыдаг. Название «Айрарат» признано в историографии и в семитском произношении это название означает «Урарту». «Айрарат/Арарат» пришло к нам через письменную традицию. Тогда следует предположить, что урарты, воспользовавшись прекращением военно-политического контроля Ахеменидской державы, возродили название прежнего государства Урарту. Почти через столетие селевкидские войска в 220 г. до н.э. завоевали небольшое Айраратское царство, и некоторое время спустя присоединили его к сатрапии Армении [История, 1951, с.33], расположенной вне пределов Южного Кавказа.

Одной из областей Албании являлась Сюния. Со времен Скифского царства Сюния, как и соседние Утия, Каспиана и другие области, входили в состав местных албано-азербайджанских государств. Судя по словам Полибия (ок. 205–123), Атропатенское царство простиралось от Каспийского моря до верховьев Риони [Полибий, V, 55], включая, таким образом, не только часть восточной Армении и Иберию [Алиев, 1987, с.15-16; Алиев, 1989, с.69-71], но и албанскую Сюнию.

Сюния представляет собой довольно замкнутую большим числом горных хребтов область. Между обширным вулканическим массивом Агрыдага и горными цепями Малого Кавказа, по среднему течению реки Аракс, раскинулась эта область. Южная граница Сюнии простирается в широтном направлении по хребту Агрыдаг и граничит с атропатенской, а примерно с 160 г. до н.э. с армянской Басоропедой. Этот хребет тянется к западу от горной вершины Беюк Агрыдага (Большого Масиса/Арарата) и является водоразделом бассейнов рек Аракса и Мурадчая (Араз(-ц)ани, Восточного Евфрата). Западные и северные пределы Сюнии окаймляют река Западный Арпачай и горный хребет Памбакский, являющийся водоразделом, отделяющим бассейны рек Куры и Аракса. Восточным продолжением Памбака служит хребет Шахдаг, являющийся северо-восточной границей бассейна Гейчинского озера, а также Карабахский хребет.

В современной науке существуют различные взгляды, порой кардинально противоположные, по вопросу о юго-западной границе исторической Албании при образовании её государства и в последующие периоды. Проблема упирается в географические пределы и территориальный состав албанской области

Сюния, лежащей между Албанией, Атропатеной и будущей Арменией.

Один из географических районов на севере Мидии (или Малой Мидии/Атропатены) ещё в начале I тыс. до н.э. у ассирийцев назывался «Сангибуту» или «Бит-Санги (Бит-Сакки)». Его локализация охватывала район между озером Урмия и рекой Араксом, с востока и запада ограниченная Карадагским и Загросским хребтами – территория вокруг современных городов Маранд, Хой, Котур и Маку [Дьяконов, 1956, с.87, 89]. Сангибуту в начале I тыс. до н.э. представлял мелкую политическую единицу [Алиев, 1960, с.40]. Начиная с IX по конец VIII в. до н.э. эта провинция прочно входила в состав Урарту.

На противоположной стороне Аракса лежали албанские земли, смежные Сангибуту и известные нам позднее, как Капанат-Зангезур, Нахчыван, Иреван и Гейча. Область между Араксом и озером Гейча, смежную Сангибуту и охватывающую именно эти провинции (расположенные по левобережью Аракса), в раннесредневековых источниках называют Сюником/Сисаканом. О происхождении названия Сюник/Сисакан имеются различные точки зрения. Согласно одной из них, название Сюник, точнее Сисакан имеет этническое происхождение [Адонц, 1908, с.422-423]. Имя Сисакан, как называли эту область персы, может быть связано с этнонимом саков [Меликов, 2003, с.162]. Двойные названия в большинстве случаев имеют отдельное происхождение. Форма Сюник была древнее формы Сисакан [Адонц, 1908, с.422]. Она упоминается у Евсевия (260/270–339/340) и Прокопия Кесарийского (490/507–после 565) [Прокопий, 1876-1880, с.180]. В армянской литературе Сисакан также выступает позже Сюника [Мамедова, 1986, с.105-106]. У албанского автор Моисея Каланкатуйского зафиксирована как форма Сисакан, так Сюник и Сюнистан. Последние две формы – армянская и персидская производятся от формы Сюния, скорее всего являющейся местной, возможно каспийской или албанской по происхождению и берущей свое начало от древнего Санги – Сангия – Сания – Сюния.

Ещё в конце XX в. нами была выдвинута версия о происхождении термина Сюния от топонима Сангибуту/Бит-Санги. С лингвистической точки зрения вполне вероятно, что местная основа Sangi- могла преобразоваться в армянскую форму Süni-k через промежуточную – Sanig(-q/-k). Согласно этой точке зрения в области Сюния древняя основа Sangi- отложилась в форме Zangi(-e) в названии реки Занги в провинции Иреван, в названиях махала, затем уезда, а также хребта Занге(зур). В том же Зангезурском уезде недалеко от Аракса находится Занге(лан) – город одноименного района Азербайджанской Республики. Символично и то, что

эти древнеазербайджанские топонимы отложились на противоположных окраинах Сюнии, как бы очерчивая с востока и запада его исторические пределы. На территории исторического Сангибуту форма Zangi(-e) также отложилась в старом названии реки Маку – Занге(мар), впадающей в Аракс напротив Нахчывана.

Сюния на протяжении всей истории оставалась связующим мостом между Албанией и Атропатеной, олицетворяя этническое, культурное и политическое родство и преемственность этих стран, некогда разобщенных нашествием арийских племён, но позднее окончательно слившихся в единое целое – Азербайджан. Во время образования албанского государства Сюния, как и другие земли Албании, вошла в её состав. В дальнейшем политически Сюния в определенные периоды зависела то от Албании, то от Атропатены, а временами была самостоятельна [Джавахов, 1908, с.436; Себеос, 1939, с.26-29; Буниятов, 1965, с.78, 92-93, 100]. Тем не менее, Сюния в общем и целом считалась албанской областью [Hübschmann, 1904, s.216; Marquart, 1901].

Сюнийский автор VIII в. Стефан Сюнийский отмечал, что и в его время в Сюнии и Арцахе говорили на сюнийском и арцахском языках [Адонц, 1915, с.187]. Основываясь на информации Стефана Сюнийского и других армянских авторов, Р.А.Ачарян полагал, что к VIII в. из 18 местных народностей, которые имели свои исконные языки, уцелели семь языков, в числе которых был и сюнийский [Hübschmann, 1904, s.519; Ачарян, 1915, с.128-129]. Н.Адонц и Ст.Малхасянц вынуждены были отметить, что Сюния занимала вообще «обособленное и более независимое от центральной Армении положение как в гражданской, так и в церковной жизни», и что это обстоятельство объяснялось этнической особенностью страны [Адонц, 1908, с. 421, 423].

В эпиграфическом источнике Каабе-Зардушт, датированном 260–262 гг., при перечне стран Южного Кавказа, Сюния фигурирует официально самостоятельно. Так, она зафиксирована в трехязычной надписи персидского царя Шапура I (240/243–272/273): «...Адербадаган, Армения, Иберия, Сюник, Албания, Баласакан...» [Мамедова, 1986, с.107]. Высеченная памятная надпись является важнейшим источником III в., подтверждающим принадлежность Кура-Аракского междуречья Албании и албанской области Сюния.

Географическое расположение юго-западной границы Албании и северо-западной границы Атропатены в значительной мере выясняется путём уточнения территориальных пределов Сюнии. Одним из основных источников в этом вопросе является «География» – «Ашхарацуйц» армянского автора VII в. Анании Ширакаци. Несмотря на предвзятое и тенденциозное

освещение вопросов политической географии Армении и Албании, этот труд в историко-географическом отношении представляет большую ценность для решения поставленной нами задачи. Как отмечают армянские исследователи «Географии», на протяжении веков переписчики подвергали первоначальный текст значительным изменениям – вносили сокращения, интерполяции, заменяли древние географические названия новыми, допускали искажения и т.п. [Армянская география, 1877, с.III-XXVIII; Патканов, 1883, с.22-33].

Описание Армении, Албании, других соседних стран в «Географии» и карты, составленные по её данным, носят условный характер и значение их в том, что они отражают областные, провинциальные и волостные границы, очерченные согласно естественно-географическим рубежам. Современные издатели Анании Ширакаци полагают, что описание «Географии» отражает период Аршакидской Армении [Анания, 1970, с.148]. Автор же карты «великой Армении» С.Еремян, составивший её на современной картографической основе по данным «Армянской географии», напротив, предпочтительным считает период конца VI–первой половины VII в., т.е. после последнего раздела Армении в 591 г. между Византией и Персией [Еремян, 1963, с. 24-26]. Своё мнение С.Т.Еремян обосновывает тем, что Армения в VI в. делилась на 15 провинций/нахангов, что в корне неверно [Мамедова, 1986, с.52-53]. Его карта представляет идеалистический взгляд автора на «великую Армению» и входит в полное противоречие с исторической действительностью. Постепенная эволюция субъективного подхода С.Еремяна привела его к фальсификациям и вымыслам.

Армянские исследователи полагают, что в основу административно-политического деления каждой страны, в том числе Армении, Ширакаци положил естественно-географический ландшафт и этнические границы, т.е. территории политико-административных единиц – волостей, провинций/гавар и областей соответствовали естественно-географическим рубежам. Таково же мнения придерживается Ф.Мамедова. Возможно, этот принцип применялся к большинству провинций Армении, но, например, к Васпуракану, Айрарату, албанской области Сюния, как и к другим неармянским областям, он имеет только частичное отношение. Достаточно бросить взгляд на карту С.Т.Еремяна, чтобы осознать всю невероятность и искусственность южных и западных границ Сюнии. Положенное на карту историко-географическое описание Армении у Ширакаци сочетает несколько разных периодов и поэтому не отражает историческую реальность. Так, границы между областями Васпуракан, Айрарат и Сюния оформились после византийско-персидского договора 591 г. и прежде выглядели по-иному. Серьёзные

сомнения вызывает и локализация некоторых гаваров Айрарата на территории Сюнии. Армянский автор XV в. Ф.Мецопский сообщает: «Тимур пришел в страну Араратскую в Карби в области Котайка» [Мецопский, 1957, с.58]. По расположению Карби западнее реки Занги следует признать, что и махал Котайк располагался там же в отличие от его локализации С.Т.Еремяном на восточном берегу реки. Известно, что в разные исторические периоды территориальные пределы Армении были различны. Очевидно, что Ширакаци к использованным источникам добавлял ещё и своё субъективное видение в описании несуществующей в его время «великой / большой Армении».

В «Армянской географии VII в.» приводится список 12 волостей/гаваров/махалов области Сюния. Тот же перечень махалов, заимствованный у безымянного автора «Географии», приводит албанский писатель Степаннос Орбелян из Сюнии, но с некоторой поправкой и добавлением к каждому из них списка деревень и монастырей. Наряду с 12-тью махалами он добавляет махал Гохтан (Ордубад и низменная часть Эринджака/Алинджы) [Армянская география, 1877, с.48; Orbelian, chap.II, LXXIV]. Согласно этим источникам и карте С.Т.Еремяна Сюния охватывает полностью Капанат-Зангезур, верхнюю, горную часть Нахчывана и основную часть Гёйчи (без верхнего течения Занги).

Низменные районы Нахчывана показаны в составе области Васпуракан, провинция Иреван и часть Гёйчи – в Айрарате. Такое деление совершенно не соответствует естественно-географическому принципу, лежащему в основе формирования локальных и областных границ. Во-первых, эти провинции включают низменные и горные районы и представляют историко-географические и хозяйственно-экономические целостности, связанные целым комплексом жизнеобеспечивающих факторов. В урартский, албанский, персидский и последующие периоды правления областные и провинциальные границы не имели того вида, какими они показаны в «Армянской географии» (см. ниже).

Во-вторых, особенности географии Сюнийской области таковы, что удобная сухопутная связь Капанат-Зангезура и Нахчывана с Гёйчей возможна только через территорию Иревана. Причисление Нахчывана и Гохтана к Васпуракану следует объяснить, очевидно, тем, что автор «Географии» неодинаково хорошо знал описываемые местности; центральные области изображаются несравненно обстоятельнее, чем окраинные [Адонц, 1908, с.315]. Согласно васпураканскому историку Фоме Арцруни (IX в.) два гавара – Нахчыван и Гохтан в VII в. отпали от Васпуракана [Адонц, 1908, с.318-319]. Получается, что Нахчыван и Гохтан были в составе Васпуракана с 591 г. по VII в. [Мамедова, 1986, с.110],

и надо полагать с началом независимого правления Михранидов в Албании (630 г.) были возвращены в состав Сюнии. Степаннос Орбелян указывает на наличие Гохтана в составе области и Нахчывана как центра Сюнии [Orbelian, chap.II].

«Армянская география» причисляет к провинции Айрарат албанскую территорию от реки Западный Арпачай до Шарура в составе 9 гаваров. По этому поводу Н.Адонц отмечает, что многие из этих подразделений Айрарата не упоминаются в древних источниках до «Географии» [Адонц, 1908, с.302]. Как могли вообще упоминаться несуществующие гавары, да ещё в составе Айрарата, если указанная территория принадлежала Сюнии. Однако Адонц, приводя натянутые соображения, пытается географически сдвинуть Айрарат на восток, утверждая, что армянские источники до «Географии» понимают под Айраратом преимущественно восточную половину позднего Айрарата, начиная с долины реки Ахурян до Шарурской равнины. В этом он не составляет исключения в ряду авторов, следующих установившейся в армянской историографии традиции сдвигать, перемещать армянскую географию и историю вопреки истине на территорию Русской/Советской Армении, искусственно созданной в начале XX в. на азербайджанских землях. С переносом в XV в. одного из католикосских престолов армян в Учкилису (Эчмиадзин) близ азербайджанского города Иревана среди армянских церковников, писателей и их покровителей начинается процесс постепенного переосмысления географического расположения восточных и северных окраин Армении и их приобщения к азербайджанским землям. Как известно, в XVI в. все районы проживания армян отошли от Кызылбашского (Азербайджанского) государства к владениям Османской империи. Армянская история последующих трёх веков ничем примечательным не отмечена. Этот народ продолжал мирно и спокойно процветать, прибирая к рукам значительные сферы экономики, занимать высокие места в политической иерархии страны. Армянские авторы XIX и особенно XX в. вслед за процессом полной ассимиляции азербайджанских албан-монофизитов начали выдавать их историю за свою и присваивать себе албанское культурное наследие. Переселение сотен тысяч армян на Южный Кавказ стимулировало армянских авторов на попытки создания идеологически и исторически обоснованного права на вновь приобретенные земли.

Эчмиадзинская церковь проводила и проводит определенную работу в угоду армянским чаяниям о создании новой родины на азербайджанской земле. С давних пор существуют сомнения о сохранности первоначального текста древнеармянских источников, а также источников соседних народов, переложенных на армянский язык, которые могли подвергаться целена-

правленным искажениям (сокращениям или интерполяциям) ради исторического обоснования армянских притязаний на земли соседних народов. Возьмём хотя бы «Историю албан» Моисея Каланкатуйского, которая не дошла до нас в первоначальном её виде по вине переписчиков-переводчиков из армянских чернецов, по указанию армянских католикосов, допуская при переписке умышленные искажения в тексте [Ter-Qriqoryan, 1942, s.4; Буниатов, 1965, с.97].

Сюния – одна из самых гористых областей Албании, и вся административная география её сопряжена с фактором взаимосвязи вершины и низины долин горных рек. Отсюда следует, что, указанные в «Армянской Географии» административные границы Сюнии вступают в противоречие с естественно-географическим ландшафтом и не соответствуют элементарной географической логике. Очевидно, что, попытка армянских исследователей прикрыть всю несуразность административного деления Сюнии на основе естественно-географического ландшафта сходит на нет благодаря именно ландшафтным условиям той местности. Таким образом, согласно географическим и историческим реалиям областные границы Сюнии тянулись вдоль Аракса и Западного Арпачая, охватывая полностью провинции Нахчыван, Иреван и Гёйчу. Ещё в конце 1980-х гг. нами был рассмотрен вопрос о юго-западной границе албанской области Сюния, пролегающей вдоль долины реки Западный Арпачай в Иреванской провинции [Сафаров, 1989].

Провинции, составляющие Сюнию, также распадаются на мелкие административные единицы сообразно ландшафтным условиям, обуславливающим границы даже на локальном уровне. Направление горных хребтов и расположение русел рек играет основополагающую роль в членении провинций на районы. Рельеф местности в Капанат-Зангезурской провинции таков, что делит её на три определенных района: 1) верхняя долина реки Хакяри; 2) верхняя долина реки Базарчая / Воротана; 3) между Баргюшадским хребтом и Араксом.

Нахчыванская провинция соответственно тем же факторам также разделяется на три историко-географических района: 1) между Зангезурским и Дарвагским хребтами; 2) бассейн реки Нахчыванчая; 3) бассейн реки Восточного Арпачая.

Иреванская провинция включает ряд районов, число которых варьирует в отдельные исторические периоды: 1) бассейн озера Гёйчи; 2) Иреван – от Гезалдаринского хребта до реки Занги; 3) от реки Занги до горы Алагяз и нижнего течения Западного Арпачая. В зависимости от политической географии она довольно длительный исторический период занимала ещё два географических района: 4) от восточной части хребта

Агрыдаг до Аракса; 5) правобережье нижней долины Западного Арпачая.

Таково вкратце историко-географическое районирование Сюнии и восточных пределов Этиуни.

Теперь, когда мы определились с географией региона, рассмотрим юго-западную границу Албании в античный период. В раннесредневековых источниках, как армянских, так и албанских, об этом периоде имеются сообщения, свидетельствующие о том, что южная граница Албании в I в. н.э. проходила по Араксу [Каланкат., I, 4; Хоренский, II, 8]. Из труда албанского историка Моисея Каланкатуйского известно, что до VII–VIII вв. пределы Албании сохранялись без изменения [Каланкат, II, 21]. Географически Сюния являлась периферийной албанской областью. В этнокультурном и политическом отношении она была связана с Албанией и Атропатеной, население состояло из албан, ещё в VIII в. говорившее на своем исконном сюнийском языке, и частью из мидян-атропатенцев (особенно в районе Нахчывана и Иревана). Временами Сюния была самостоятельной от Албании, но в отдельные периоды обострения персидско-византийских отношений под давлением персов находилась в политических и церковных связях с персидской Арменией (IV в.) [Мамедова, 1986, с.106-115], как впрочем, и другие соседние страны. В церковно-иерархическом отношении Сюния подчинялась албанским католикосам и, например, в 500 г. составляла Сюнийскую епархию исторической Албании [Wegge, 1999, s.88-91].

Как было отмечено, при описании Армении Ширакаци брал за основу административное деление периода I–IV вв. Следовательно, пределы Сюнии с некоторыми уточнениями также относятся к этому периоду. Принадлежность Сюнии в I–II вв. махала Гохтан однозначно вытекает из сообщения Степанноса Орбеляна в связи с проповедью христианства апостолом Варфоломеем в этой области [Orbelian, chap.III]. Из данных источников следует, что Нахчыван и Гохтан в I–VI вв. (до 591 г.) и в дальнейшем с конца первой трети VII в. составляли неотъемлемую часть Сюнии.

В основу локализации армянских епархий были положены соборные акты, топонимы, где состоялись эти соборы, а также реестры самих соборов всех трёх Церквей – Албанской, Грузинской, Армянской. При таком подходе и рассмотрении соборных актов, как правило, выявляется географический ареал действия той или иной из действующих Церквей [Мамедова, 2005, с.627-628]. В результате рассмотрения соборных актов Армянской церкви выявилась очень интересная картина. Все армянские епархии располагались на территории Восточной Анатолии, т.е. за пределами Кавказа, а значит за пределами исторических земель Албании и Грузии. Однако некоторые соборы Армян-

ской церкви, как отмечено в источниках, были проведены в Двине (506, 555, 649 гг.). По мнению же ряда армянских ученых Двин был центром армянской провинции Айратат, территория которой якобы доходила до нахчыванского Шарура. При этом сам армянский город Двин они разместили в бассейне небольшой реки Гарни, левобережного притока Аракса.

С другой стороны, если принимать во внимание мнение этих армянских историков, то получается, что эти соборы состоялись в албанской области Сюния, т.е. на канонической территории Албанской Церкви, что было исключено тогда по определению. Один из крупнейших албанистов Азербайджана член-корр. НАНА, проф. Фарид Мамедова в связи с возникающими противоречиями между историческими реалиями и армянскими источниками, в которых не всё аутентично, задавалась вопросом: «Остается непонятной современная локализация Двина – на северо-восточной оконечности Армянского нагорья. Как могли патриарший престол и сама столица быть так удалены от собственно армянских епархий, армянских земель? Ведь армянские епархии, как было показано, были расположены далеко к западу от них» [Мамедова, 2005, с.630]. На её карте «Армянские епархии с VI в. н.э.» армянский Двин путём простого переноса локализован между реками Занги и Западный Арпачай. Но согласно нашим доводам и эта территория является частью земель Сюнии.

Ввиду нахождения долины Западного Арпачая в составе Сюнии соборы армянской церкви не могли проводиться в её пределах. Армянские историки привязывают Двин к бассейну реки Гарни в Сюнии. Однако нами была обнаружена река под таким же названием в Васпуракане – соседней с Сюнией области, и впадает она в озеро Ван с севера-востока. Исходя из новых исторических данных, мы выдвигаем гипотезу об ином географическом нахождении армянского Двина. Наша данная находка позволяет по-иному подойти к преднамеренно запутанному армянскими деятелями вопросу – Двин располагался не в бассейне сюнийского, а на юге от него – в бассейне соседнего васпураканского Гарни.

Продвигаясь дальше в распутывании этого армянского лабиринта, мы обозначим основные исторические события IV–VIII вв. в Албании и Армении. После Нисибинского мира 298 г. Сюния в начале IV в. прочно входит в сферу влияния Сасанидской Персии. На фоне укрепления в Переднеазиатском регионе римских позиций, распространение христианства в соседних с Персией странах, сам факт провозглашения христианства государственной религией после Миланского эдикта в Албании, Грузии, Армении и др. странах подталкивали её к решительным шагам. Западную

Сюнию персы использовали как крупный опорный пункт в северных владениях. Позже там был основан город Дебил(+ь), в котором находилась резиденция персидских марзбанов. В военно-географическом отношении город занимал выгодное положение на кавказском направлении и использовался персами как один из оплотов против Византии. В 384 или 387 гг. между Шапуром III и Феодосием I был подписан окончательный мирный договор, разделивший Армению между двумя государствами. Действительно упразднение государственности в Армении в 428 г. означало установление марзбанского режима Сасанидов. Согласно армянской историографии в 484 г. центр Армянской Церкви переместился на восток – как мы полагаем, подальше от византийской границы, в город Двин недалеко от озера Ван.

В тоже время, как было отмечено выше, в 500 г. Сюния составляла Сюнийскую епархию исторической Албании. Но в течение 510–629 гг. после упразднения царской власти Албания наряду с восточной половиной Армении входили в состав Сасанидской державы. В результате победы над Ираном в войне 572–591 гг. византийская граница проходила уже недалеко от армянского Двина в Васпуракане и Дебиля в Сюнии.

Сюнийская митрополия во второй половине VI в. до начала правления армянского католикоса Авраама I (607–615) фактически находилась в юрисдикции Албанской Церкви [Алексий, 2021, с.123-124], получая рукоположение и св.миро от албанского первосвященника. Об этих событиях рассказывает Моисей Каланкатуйский: «[В то время] Армения была разделена между персами и греками. Владыка Мовсес восседал на престоле св. Григория в Двине, а на греческой стороне, недалеко от него и в противоположность ему посадили на престол некоего Иоанна. И когда патриарший престол раздвоился, то владыки Сюнии отделились и не стали повиноваться ни одному из них по завещанию епископа своего, добродетельного Петра, доживающего свои последние дни, завещавшего своей епархии принимать рукоположение в Албании и там же брать благословенное миро до тех пор, пока не воссоединится престол св.Григория. Потому-то Вартанес рукоположение в епископы Сюнии принял от Захарии, епископа Албании. Вместе с тем и елей священный сюнийцы из года в год получали из Албании» [Каланкат., II, 48]. Из этого описания автора можно предположить, что местонахождение на греческой стороне, недалеко от Двина, престола некоего Иоанна приходилось на Багаван в урочище Багуан, у подножия горы Нпат или на место проведения Шаапиванского собора 447 г. Армянской церкви, также расположенного на севере озера Ван [Мамедова, 2005, с.629]. Согласно приведённым нами доводам и артефактам

соборы Армянской церкви 506, 555 и 649 гг. состоялись в васпураканском Двине.

Период византийского владычества (591–653 гг.) кардинально повлиял на этнический состав западной части области Сюния. До этих событий местное население в основном состояло из албан (удин). Массовое выселение монофизитов сильно сократило численность албанского элемента.

Оккупация Армении и Южного Кавказа арабами с середины VII до конца X в. открыла новый этап в этнополитической истории Сюнии. Арабы умело использовали антигреческие настроения армян, которые служили одним из элементов оплота на византийской границе. Прежде всего, они в 705 г. ликвидировали Албанское государство, а Албанскую Автокефальную Церковь подчинили Армянской Церкви. Восточная зона на византийской границе проходила рядом с албанской областью Сюния, которая занимала срединное положение между Арменией и христианским Закавказьем. Эти страны, объединенные в Арминию, входили в Северную или Азербайджанскую четверть / наместничество Халифата. Из военно-стратегических соображений арабские эмиры Арминии разместили свою резиденцию в городе Дебиле (по-арабски – Дабил, по-гречески – Товин), расположенном на границе Азербайджана и Аррана, и не так далеко от Армении. В этот успешно развивавшийся город и переселились армянские жители васпураканского Двина, перенеся на него название своего места выхода. Арабы массово заселяли армянами новую столицу и округу. Таким образом, армянские деятели от науки начали приписывать город Дебил/Двин в Сюнии к армянской истории.

Тем не менее, в IX в. возникает Двинский эмират [Тер-Гевондян, 1960, с.133-139], охватывавший всю территорию албанской области Сюния. Со времени Мухаммеда б. Абу-с-Саджа Двином владели эмиры из династий Саджидов, Саларидов, а затем Шеддадидов, Ильденизидов и других правителей Азербайджана уже под сюзеренитетом Сельджукидов.

Сопоставляя и анализируя различные источники и на основании сделанных выводов можно прийти к следующим заключениям: 1) Капанат-Зангезур, Нахчыван, Гейча и Иреван в I в. н.э. составляли земли Сюнии; 2) в том же веке Сюния входила в состав Албании, и южная граница пролегла по Араксу; 3) западная граница Сюнии проходила по долине реки Западный Арпачай; 4) поскольку государство Албания образовалось в последней четверти IV в. до н.э., а соседняя ей с запада Армения только в 189 г. до н.э. после выхода из под Селевкидского господства, то данные о территориальном составе Сюнийской области и южной границе Албании, относящиеся к I в. до н.э. – I в. н.э., без сомнения можно экстраполировать на конец IV в. до н.э.

Южная граница Албании по Араксу в последней четверти IV в. до н.э. заканчивалась в районе устья реки Западный Арпачай, и, поворачивая на север, шла через гору Алагяз, охватывала провинцию Лори в бассейне реки Борчалы / Дебед и выходила к Хунаракерту на Куре. Гавары / махалы Лори, Памбак, Ташир, позднее именуемые провинцией Борчалы и Сомхетия, охватывавшие весь бассейн реки Храми, составляли часть исторической Албании [Алекперов, 1927, с.242; Алекперов, 1960, с.89]. Примерно такой вид имела юго-западная граница Албании в последней четверти IV в. до н.э., что подтверждается и другими исследованиями [Алексий, 2005, с.27-30, карта]. Иреванская провинция, составлявшая восточную половину Этиуни, отошла к государству Кавказской Албании, тогда занимавшей большую часть Закавказья. Очерченные

пределы были рубежом между исторической Албанией и Этиуни.

Сегодняшние политические границы являются результатом вмешательства иностранных держав и могут рассматриваться как постколониальные, разделившие азербайджанскую этническую и государственную территорию между несколькими государствами. Усугубляющим следствием этого процесса оказались организованная армянская колонизация Азербайджана, а также развал Российской и Османской империй. По этим и другим причинам часть азербайджанских земель, а именно Сюния, известная с конца XIV в. под названием Чухурсаад, а в XIX в. преобразованная в Эриванскую губернию в составе Российской империи, в XX в. была искусственно превращена в Армению.

ЛИТЕРАТУРА:

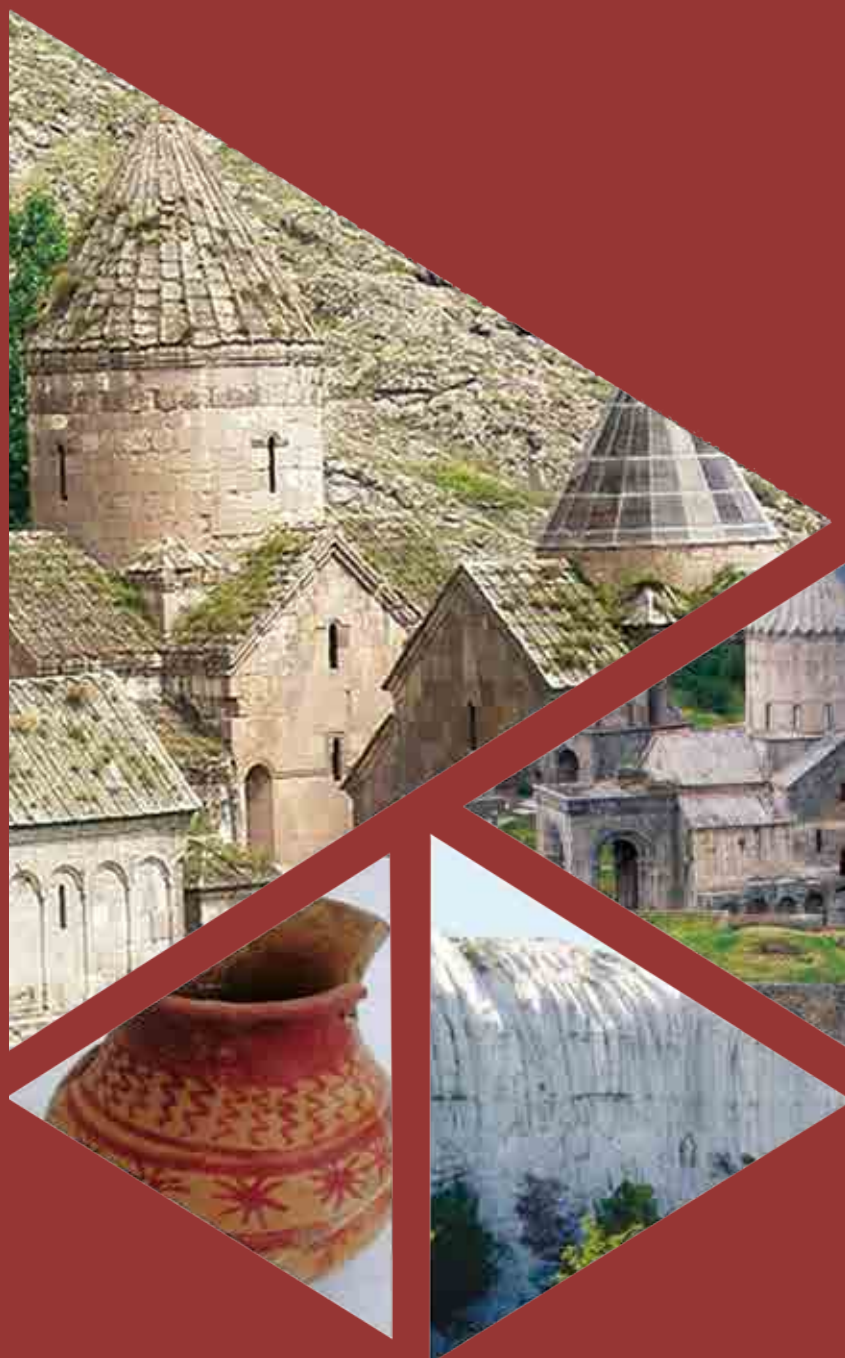
Источники:

1. Армянская география VII века по Р.Х. (Приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. с присовокуплением карт и объяснительных прим. издал К.П.Патканов. СПб., 1877, XXVIII, 84, 26 с.
2. Каланкатуйский Моисей. История агван / Перевод с армян. К.Патканова. СПб., 1861, 376 с.
3. Мецопский Фома. История Тимур-Ланка и его преемников / Пер. с древнеарм. Т.Тер-Григоряна и А.Баграмяна. Баку, 1957.
4. Полибий. Всеобщая история / Пер., вступ. ст. и прим. Ф.Г.Мищенко. Т.1. Кн.V. СПб., 1890, ССXLIV, 680 с.
5. Кесарийский Прокопий. История войн римлян с персами, вандалами и готами / Пер. С.Дестуниса. СПб., 1876-1880, 191 с.
6. Себеос. История епископа Себеоса / Перевод с древнеарм. яз. Ст.Малхасяна. Ереван: Армфан, 1939, 211 с.
7. Хоренский Моисей. История Армении Моисея Хоренского / Пер с древнеарм. Н.Эмина. М., 1858, 363 с.
8. Orbelian Stephannos. Histoire de la Siounie / Trad. del'Armenien par M. Brosset. Livr. I. St.-P., Tiflis, Leipzig, 1864, [4], 300 p.

Литература:

1. Ter-Qriqoryan T.İ. IX əsrdə Artsaxın əgəb işğalçılara qarşı mübarizəsi. Bakı: SSRİ EA AzFiliəli nəşriyyatı, 1942, 23, [1] s.
2. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб, 1908, [2], XIV, 526 с.
3. Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915, СХСIII, 307 с.
4. Алекперов А.К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960, 251 с.
5. Алекперов А.К. У айрумов // Известия ООИА, 1927, №5, с.230-258.
6. Алиев И.Г. История Мидии. I. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1960, 360 с.
7. Алиев И. Очерк истории Атропатены. Баку: Азерб.неспр, 1989, 160 с.
8. Алиев К. Античные источники по истории Азербайджана. Баку: Элм, 1987, 132с.
9. Анания Ширакаци / Изд. А.Г.Абрамяна, Г.Б.Петросяна. Ереван: Изд-во ЕрГУ, 1970, 176 с.
10. Ачарян Р.И. История армянского языка. Т.2. Ереван, 1951 (на арм. яз.).
11. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 234, [1] с.
12. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, 383 с.
13. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев: историко-этнографическое исследование. Т.1. Баку: Элм, 1991, 552 с.
14. Гумилёв Л.Н., Кузнецов Б.И. Две традиции древнетибетской картографии (Ландшафт и этнос: VIII) // Вестник ЛГУ, 1969, №24, с.88-101.
15. Гумилёв Л.Н. По поводу предмета исторической географии (Ландшафт и этнос: III) // Вестник ЛГУ, 1965, №18, Вып.3, с.112-120.
16. Джавахов И.А. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII в. // Известия АН, 1908, т.II, №5 и №6, с.433-446.
17. Дьяконов И.М. История Мидии: от древнейших времен до конца IV века до н.э. М., Л., 1956, с.235, 247.
18. Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу» – Армянской географии VII в. (Опыт реконструкции на современной картографической основе). Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1963, 153 с. (на арм. яз.).
19. История армянского народа. Ч. I / Под ред. Б.Н.Аракеляна, А.Р.Ионнисяна. Ереван: Айпетрат, 1951, 292 с.
20. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
21. Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку: Элм, 1986, 284 с.
22. Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси: Изд-во АН Груз.ССР, 1954, 446 с.

23. Меликов Р.С. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (VI–IV вв. до н.э.). Баку: Нурлан, 2003, 198 с.
24. Никоноров, Иеромонах Алексей. История Христианства в Кавказской Албании. Баку: Нурлан, 2005, 194 с.
25. Никоноров, Игумен Алексей. Епархии Албанской Церкви к VI веку // Этнокультурное наследие Кавказской Албании (сборник статей), №2. Баку, 2021, с.122-133.
26. Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП, Ч.226, 1883, с.22-33.
27. Сафаров Р. Докладная записка об изменении этнического состава населения Иреванской губернии и Армянской ССР в XIX–XX веках (передана в Дирекцию Института археологии и этнографии НАН Азербайджана 18/08/1989 г.). Баку, 1989, 29 с.
28. Сафаров Р. Место Чухурсаада в исторической географии Азербайджана (к постановке проблемы) // Azerbaijan and Azerbaijanis, 2003, №1-2, с.91-103.
29. Сафаров Р.Ф. Изменение этнического состава населения Иреванской губернии в XIX–XX веках (этнодемографическое и этногеографическое исследование). Баку: Сада, 2009, 254 с.
30. Тер-Гевондян А. К вопросу о возникновении Двинского эмирата в Армении / Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с.133-139.
31. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э.–III в. н.э.). Баку: Элм, 1985, 236 с.
32. Яцунский В.К. Историческая география. М.: Изд-во АН СССР, 1955, 331 с.
33. Albania Caucasia: Сб. статей. Вып. I / Составитель: А.К.Аликберов, М.С.Гаджиев. М.: ИВ РАН, 2015, 271 с.
34. Hübschmann H. Die Altarmenische Ortsnamen: mit Beiträgen zur historischen Topographie Armeniens und einer Karte. Strasburg: Trübner, 1904, 494 s.
35. Marquart J. Eransahr nach der Geographides Ps.Moses Xorenaci. Berlin, 1901.
36. Wegge, Bjørn A. Bispedömmen i Kaukasus Albanien 500 A.D. / Azərbaycan çoxəsirli qarşılıqlı çoxşəxəli mədəni əlaqələrdə. IV Bakı Beynəlxalq Simpoziumunun məruzələrinin məcmuəsi. Bakı, 1999, s.88-91.

АРХИТЕКТУРА

Гаджиева Сабина

*Заведующий кафедрой «Архитектурные конструкции и реставрация памятников»
Азербайджанского Архитектурно-Строительного Университета,
Заслуженный архитектор Азербайджана, доктор архитектуры, профессор*

ХРИСТИАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА КАРАБАХА – К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ АЛБАНСКОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматриваются исторические аспекты возведения, планировочные и декоративные особенности двух наиболее крупных и значимых храмов Кавказской Албании–Азербайджана: Гянджасарского и Худавангского монастырей. Особое внимание уделяется также фальсификациям, осуществленным на памятниках за время оккупации.

Одним из важнейших этапов истории Азербайджана, традиционно известной как мусульманская страна, является длительный исторический период существования на её территории государства Кавказская Албания (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.), которое свыше 1000 лет стабильно располагалось от Аракса на юге до Дербента на севере. Азербайджан, несмотря на многократные переделки границ, включает почти 4/5 исторической Кавказской Албании (согласно границам Кавказской Албании, очерченным Страбоном и Геродотом), а потому является наследником её культуры.

Уже в I в. н.э. христианское учение проникло на территорию Кавказской Албании, но в начале IV в. (в 313 г.) албанский царь Урнаир объявил христианство официальной религией своего государства, и в Албании началось активное культовое строительство.

Традиционно Кавказскую Албанию разделяют на левобережье и правобережье Куры. Левобережная часть Албании (ныне северный и северо-западный регион Азербайджана) в античный период играла важную роль в политической и экономической жизни страны. Согласно Моисею Каланкатуйскому, области Габала (современный Габалинский и, возможно, Огузский районы) и Шаки (территория нынешней Шеки–Загатальской зоны Азербайджана) были одними из самых больших территориально и политически важных областей. Здесь находился город Габала, бывший до 451 г. столицей Албании и крупнейшим религиозным центром. Здесь вёл свою проповедническую деятельность по христианизации Кавказской Албании св.Елисей. Именно здесь были возведены наиболее крупные и значительные культовые сооружения позднеантичного и раннесредневекового периода. Об этом свидетельствуют многочисленные результаты археологических раскопок, особенно в Габале, где вещественные памятники дают свидетельства о Габалаке Плиния и Хабале Птолемея.

Правобережная историческая Кавказская Албания, расположенная на территории Карабаха, почти 30 лет была оккупирована армянскими захватчиками. Эта территория богата памятниками архитектуры Кавказской Албании – Азербайджана. Их облик, пропорции, планировочные особенности позволяют определить их неповторимую оригинальность и отличить от однотипных памятников архитектуры сопредельных стран.

К сожалению, несмотря на многолетние планомерные исследования азербайджанских историков архитектуры, всё ещё существует острая необходимость в планомерном изучении памятников христианского зодчества. Причиной недостаточной изученности христианских памятников являлось то, что одни из них очень плохо сохранились, а другие и вовсе были уничтожены в период антирелигиозной политики советской власти. Достаточно сказать, что на территории исторической Албании почти нет полностью сохранившихся средневековых памятников архитектуры. На протяжении долгого времени было принято считать Азербайджан исключительно мусульманской страной. Действительно, в разных регионах страны сохранилось огромное количество великолепных творений исламского зодчества.

Однако ислам пустил здесь корни лишь в VIII–IX вв., а до него и одновременно с ним, в разных регионах страны последовательно сменяли друг друга и развивались в теснейшем взаимодействии митраизм, зороастризм и христианство, оставляя после себя замечательные образцы культовых построек. Именно в эти периоды происходило формирование основных принципов и приёмов азербайджанского зодчества, которые повлияли и на зародившуюся позднее исламскую архитектуру. Арабы, принёсшие на землю Азербайджана новую религию – ислам, проявляли терпимость к христианству, как к религии единобожия. Вследствие этого часть населения бывшей Кавказской Албании ещё долго продолжала исповедовать христианство, вплоть до XIX в., когда указом царя Николая I Албанская церковь была подчинена Армянской Эчмиадзинской, в связи с переселением усилиями царизма армянских семей из Ирана и Турции на земли Карабаха [Буниатов,1962; Величко, 1904; Глинка, 1831; Гри-

боедов, 1828]. Ислам, завоевавший господствующие позиции в низменных областях, и христианство, продолжавшее существование в горных районах, развивались параллельно, создавая прекрасные памятники монументального зодчества, некоторые из которых к счастью дошли до нас. Так, в средние века в стране сосуществовали, взаимодействуя и взаимообогащаясь, исламская и христианская культуры [Гаджиева, 1998].

В результате подобной веротерпимости народа происходило взаимовлияние архитектурных и строительных приёмов в храмах разных религий, что было вполне закономерно, так как они создавались зодчими одного народа.

Самые величественные и известные с исторической и архитектурной точек зрения христианские комплексы Кавказской Албании – Худаванг и Гянджасар почти 30 лет находились в руках армянских оккупантов. Несмотря на декларации Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае военного конфликта, действующей с 07.08.1954 [Наага конвенсиясы...], и Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия, а также архитектурных памятников, армянские захватчики под видом реставрационных работ фальсифицировали историю и архитектуру наших памятников на захваченной территории.

Изучением истории и архитектуры этих монастырей занимались азербайджанские учёные архитекторы и археологи Д.Ахундов, Г.Мамедова, Р.Геюшев, и другие. Их многолетние исследования создали базу для определения места памятников Кавказской Албании в ряду однотипных сооружений, для дальнейшего широкомасштабного исследования памятников. Кроме того, большой фактический материал, собранный до оккупации, позволяет научно доказать проведенные насильственно в период оккупации фальсификации.

Худаванг или Дедеванг – один из крупнейших и красивейших монастырей Азербайджана. Уже в первые века нашей эры здесь была построена небольшая церковь, а на её месте позже, в раннем средневековье, однонефная базилика, одно из старейших построек монастыря. Археологические исследования показывают, что монастырь был основан в VI–VII веках [Мамедова, 2004; Мәтмәдова, 2013]. Комплекс продолжал оставаться религиозным центром Албанского Хачинского княжества, которое было основано в горной части Карабаха в IX в., спустя столетие после распада государства Кавказская Албания. В комплексе размещались резиденция албанского епископа и центр религиозного образования. В XIII в. монастырь был отремонтирован, были построены дополнительные постройки на средства семьи Бахрама (Вахтанга), сына Гасана Великого, князя Хачина из династии

Михранидов. Здесь, дабы увелочить память о муже и сыновьях, жена его Арзу Хатун в 1214 г. построила красивый крестово-купольный храм с комнатами в четырёх углах, коридором в форме галереи, большим коридором перед однонефной базиликой и небольшой церковью к югу от основной группы зданий. К югу от культовых построек, на склоне холма, располагались жилые и хозяйственные постройки [Мамедова, 2004; Мәтмәдова, 2013]. Храм Святого Григория и церковь Гасана Джалала, которые позже были добавлены к комплексу, также являются яркими архитектурными памятниками.

Рис. 1, 2. Сооружения монастыря Худаванг после «реставраций» во время оккупации

После оккупации Кельбаджарского района в монастыре Худаванг начались «реставрационные» работы. Согласно армянскому сайту, в 1997–2011 гг. работы проводились за счёт средств Армянской апостольской церкви и правительства. В монастыре сохранилось около 30-ти лет построек (4 церкви, галереи, 2 притвора, колокольня и мемориально-гражданского назначения). Монастырь действовал на протяжении всего долгого периода оккупации [Кананова, 2015]. Автором проекта реставрации Самвелом Айвазяном была издана книга «Восстановление монастыря Дадиванк».

Реставрация уникальных фресок монастыря началась в 2014 г. [Карабах: фрески монастыря Дадиванк будут отреставрированы...]. Можно представить, как выглядит этот уникальный албанский монастырский комплекс после всех фальшивых «реставраций»,

сколько исторических особенностей он утратил и сколько новых «исторических» черт приобрел. Сайт беззастенчиво отмечал ещё несколько лет назад, что строительство второго маршрута через территорию Кельбаджара и напрямую из Армении в Карабах увеличит количество туристов, посещающих эти и другие церкви.

Рис. 3, 4. Общий вид Гянджасарского монастыря

Рис. 5. Барабан Гянджасарского монастыря

Монастырь Гянджасар расположен на высоком живописном плато на берегу Хачинчая, недалеко от села Ванглу. Это один из самых известных монастырей Албании, который до 1836 г. был резиденцией последнего албанского католикоса. Монастырский комплекс состоит из церкви и притвора великолепной работы, а также группы хозяйственных и жилых построек, примыкающих к северо-восточному углу почти квадратного двора монастырского комплекса. Комплекс имеет центральную композицию [Мәттәдова, 2013].

Комплекс Гянджасар, окружённый высокими стенами, включает в себя главную церковь, построенную в стиле албанской христианской архитектуры. Гянджасарский храм, построенный в 1216–1238 гг., имеет крестово-купольную композицию [Мамедова, 2004; Мәттәдова, 2013]. Здание собора покрывает богатый каменный узор, полный символического звучания. Построенный в период возвышения христианского албанского княжества на земле, где уже в течение нескольких веков был распространён Ислам и при этом мирно сосуществовал с Христианством, узоры Гянджасара – яркий пример этого содружества в камне. Доктор архитектуры Д.Ахундов в своей книге подробнейшим образом проанализировал символику в декоративном оформлении Гянджасарского собора на предмет взаимовлияния христианских и мусульманских символов [Ахундов, 1986]. Барабан купола снаружи украшен особенно богатым декором. Скульптуры и резные каменные узоры – настоящие произведения декоративного искусства. Храм Гянджасар выделяется среди других албанских церквей своей изысканной красотой. Несмотря на схожие архитектурно-планировочное и конструктивное решение с главным собором монастыря Худаванг, красота интерьера и экстерьера, тонкость и высокое качество деталей Гянджасара превосходят храм Арзу Хатун. Крестово-купольная композиция главного храма, 16-угольный барабан купола и покрывающий его каменный купол в форме пирамиды придают особое величие и красоту этой последней резиденции албанских верующих. На пике своего политического могущества албанский князь Хасан Джалал сумел построить храм, достойный называться главным храмом Кавказской Албании, и неслучайно Гянджасар на протяжении многих веков был центром албанского католикосата [Мамедова, 2004; Мәттәдова, 2013]. Архитектурно-планировочное и композиционное решение храмового комплекса, скульптурные элементы подтверждают принадлежность этого памятника к многовековой традиции архитектуры кавказских албанцев [Мәттәдова, 2013, с.291].

На протяжении многих веков, пока Албанский католикосат не был упразднен указом царя Николая I в 1836 г., Гянджасар был центром албанского католикосата. Поэтому цель армянских «ученых» – назвать этот памятник армянским. После переселения большого количества армян на земли Азербайджана в XIX в. эти действия были поощрены, была заменена знаменитая надпись, сделанная Гасаном Джалалом при строительстве храма на албанском языке. За долгие годы планомерного присвоения албанского наследия опубликованы фальсифицирующие историю и культуру книги и статьи о том, что эта албанская жемчужина является армянским историческим памятником. Поскольку основной целью является не изучение архитектуры

памятников, а сделать их неотъемлемой частью армянского наследия, книги и статьи армянских авторов, полные фальсификаций и ложной информации, конечно, нельзя назвать научными. Однако, они распространяли ложную информацию среди людей, несведущих в вопросах истории и культуры Кавказской Албании.

Эта лживая история имеет глубокие корни, начиная с переселения армянских крестьян из Персии и Турции на наши земли в Карабахе, Иреване и Нахчыване Россией для увеличения количества христианских семей после присоединения Азербайджана – мусульманской страны, окружённой также мусульманскими странами, и, кстати, разделённого в результате русско-иранских войн на две части. Об этом пишут Грибоедов, и Величко, и Глинка [Грибоедов, 1828; Величко, 1904/1990; Глинка, 1831/1990]. Однако есть факты совсем недавнего прошлого. По словам д.и.н., член-корр. Национальной Академии наук Азербайджана Ф.Мамедовой, армянский католикос Вазген I приехал в Баку в 1978 г. в условиях полной секретности, чтобы получить разрешение на восстановление Гянджасарского монастыря [Мамедов, Фальсификация Гандзасарского собора...]. Конечно же с целью фальсифицировать как сам храм, так и надпись, сделанную Гасан Джалалом, повествующей о территориях Кавказской Албании и истории создания самого храма. И если тогда азербайджанские учёные смогли этому противостоять, то после оккупации азербайджанских земель уже не было нужно каких-либо разрешений: «реконструкция» была произведена. За годы оккупации «престольный собор Албании» [Орбели И.А. Гасан-Джалал – князь Хаченский], построенный самодержцем Гасан Джалалом превратился в «армянский».

К сожалению, за долгие годы оккупации мы могли почерпнуть информацию о состоянии монастырей Гянджасар и Худаванг только с армянских сайтов или фотографий туристов, посетивших Карабах. Храмы и другие объекты культурного наследия исторической Кавказской Албании описывались в армянских книгах как часть «древнеармянского» культурного наследия, исторической Армении и Армянской церкви. Чтобы привлечь больше внимания к Гянджасарскому монастырю и другим христианским памятникам на наших оккупированных землях, в церквях Нагорного Карабаха в один день в 2008 г. была организована свадебная церемония для около 600 армянских пар, 137 из которых прошли в Гянджасаре.

Существовали сайты, посвященные истории и архитектуре Гянджасарского комплекса [Информационно-краеведческий портал...]. Монастырь был «отреставрирован», действовал. На том же сайте была информация о том, что проф. Сорбонны Чарльз Дилль, известный французский искусствовед, отметил Гянджасар как памятник, который входит в пятерку армянских монументальных произведений искусства, включенных в Список всемирного архитектурного наследия. Приводится следующая ссылка: Diehl, Charles, Bell, Harold (translation). Byzantine Portraits. New York: Alfred A. Knopf, 1927, p.43» [Информационно-краеведческий портал...]. Конечно ссылка на известного учёного не оставляет сомнений в достоверности информации для тех, кто следит за сайтом. Однако, исследование, проведённое К.Рустамовым, опровергло наличие подобного высказывания в вышеупомянутом труде [Мамедов, Фальсификация Гандзасарского собора...].

Выступление Ф.Ахундова и Р.Гусейнова «Армения – организация культурного наследия кавказских албанцев на примере монастыря Гянджасар в оккупированном Карабахе» на международной конференции «Историческое и культурное наследие этносов Кавказской Албании в контексте прав человека» в 2014 г. также выявило факты фальсификации Гянджасарского храма [Ахундов, Гусейнов, 2014]. Как отмечается, богатый исторический, фактологический, архивный и исследовательский материал по наследию Кавказской Албании был собран в рамках научных проектов, реализуемых Кавказским историческим центром при Институте социально-политических исследований AZER-GLOBE. Одним из важных результатов стало обнаружение в Санкт-Петербурге и доставка в Азербайджан неопубликованной книги И.Орбели «Надписи Гандзасара и навоцпука» (1919). После того, как в 2011 г. была найдена и доставлена из архивов Санкт-Петербурга в Азербайджан, так и не увидевшая свет книга русского советского арменолога И.Орбели 1919 г., началась кропотливая работа по изучению многочисленных албанских надписей из храмов оккупированного Карабаха и их нынешнего состояния.

Благодаря книге исследователи смогли сравнить состояние надписей на памятниках 100-150 лет назад, а также проведенные в монастыре Гянджасар фальсификации. Следует также отметить, что из 300 надписей, собранных Орбели, только 100 переведены, а остальные ещё не переведены на современный армянский язык [Ахундов, Гусейнов, 2014].

Рис. 6. Вход в притвор монастыря

Рис. 7. Фрагмент надписи в Гянджасарском соборе

Рис. 8. Деталь декоративного оформления подкупольного барабана Гянджасарского собора

В этой работе И.Орбели также собственноручно отмечает неправильный перевод и неправильные дополнения, сделанные армянскими исследователями. Он отметил большое количество фальсификаций в переводах тех, кто в свое время делал их по заданию

Армянской церкви. Расхождения были обнаружены в переводах учёного И.Орбели теми, кто переводил от имени Армянской церкви. Некоторые плитки с надписью обновлены, некоторые полностью новые. Некоторые из удалённых писем, показанных И.Орбели, заменены новыми. При переводе надписей было обнаружено несколько тюркизмов и даже турецких фраз.

Следует отметить, что И.Орбели столкнулся с большим и серьёзным давлением, в результате чего он скупил весь тираж книги, который сейчас находится в архиве в Санкт-Петербурге. Интересно, что И.Орбели, который в молодости говорил о писательстве и отрицательно относился к существующим переводам, позже замолчал и отказался публиковать своё произведение, и вообще не вернулся к теме Карабаха. По словам авторов статьи, сегодня основная надпись храма всё ещё находится в плачевном состоянии. На самом деле армянская сторона не заинтересована в сохранении этой основной и древнейшей надписи, в которой говорится, что она была построена кавказскими албанцами [Ахундов, Гусейнов, 2014].

Историческое значение имели древние надписи, выгравированные на внешних стенах комплекса Гянджасар во времена существования многочисленных албанских патриархатов. Эти надписи, как и надписи на внутренней части храма, подверглись армянской «реставрации» и неоднократно менялись в XIX и начале XX веков, в 1980-х гг., а некоторые из них сохранились под новыми облицовочными камнями в 2011 г. В результате был полностью утерян албанский культурный слой. Эта ситуация нашла отражение даже на армянских сайтах, и ряд армянских учёных выразили свое несогласие с утратой истории памятника. Это создало проблему для включения Гянджасарского комплекса в список ЮНЕСКО [«Реставрация» или фальсификация? Судьба..., 2011; Оганова, 2011; Архитектор: «Проводя так называемые реставрационные работы, уничтожают историю Гандзасара», 2011]. Оказывается, других препятствий для включения оккупированного памятника Азербайджана в список ЮНЕСКО нет.

Судьбу этих двух наиболее важных и знаменитых албанских памятников разделили и другие памятники на оккупированных территориях. Христианские памятники подвергались фальсификации, а исламские памятники уничтожались. Организации и учреждения, занимающиеся охраной памятников, хранили молчание, потакая подобному кощунству. Однако самой невероятной по своей абсурдности информацией явилась заметка об очередной книге, подготовленной к изданию армянскими «учеными» и посвященной памятникам на левом берегу реки Куры. Речь шла о памятниках в Шамахинском, Агсуинском, Исмаиллинском, Габалинском и Огузском районах. Таким образом, «учёные»,

которые называют регионы Северо–Западного региона Азербайджана «историческими армянскими гаварями», продолжают беззастенчиво присваивать нашу архитектурную историю на страницах своих книг.

Около 30 лет Карабах находился под оккупацией. Исторические города и поселения, которые возводились стараниями наших предков для мирной жизни, были осквернены оккупантами. Они называли Карабах своим, однако разрушали его культурное, архитектурное наследие, поскольку никогда его не создавали, не владели, а потому не могли и ценить. Они разрушали памятники Карабаха так, как это может делать лишь враг, стирая следы истории, фальсифицируя её памятники.

Иногда, чтобы доказать миру свою высокую культуру мусульманское зодчество также фальсифицировалось под видом так называемых «реставраций». К подобным реставрациям были привлечены и иностранные специалисты, несмотря на то, что вы-

шеназванные международные документы об охране наследия на территориях военных конфликтов должны быть соблюдены всеми присоединившимися странами, [Наага конвенсиясы...]. Так, была «реставрирована» одна из жемчужин мусульманского зодчества Азербайджана – мечеть Гёвхер Аги. Мало сказать, что реставрация, проведенная без привлечения азербайджанских специалистов, некорректна. Она совершенно недопустима. В результате подобных действий был фальсифицирован азербайджанский памятник, построенный в Шуше, утративший родные азербайджанские черты и приобретя новые, персидские.

Сегодня над всеми городами, деревнями Карабаха вновь реет наш азербайджанский флаг, флаг истинных владельцев оккупированной так долго, но духовно непобежденной земли. Работы по реставрации уже начаты и ведутся очень активно. Это вселяет уверенность в том, что очень скоро богатейшее наследие этого региона будет восстановлено.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Haаqа konvensiyası // https://az.wikipedia.org/wiki/Haаqа_konvensiyas%C4%B1
2. Məmmədova G.H., Məmmədova Z.G. Azərbaycan memarlıq tarixi. Orta əsrlər memarlığı (VIII–XIV əsrlər). II cild. Bakı: “Şərq-Qərb” Nəşriyyat Evi, 2013, 316 s.
3. Архитектор: «Проводя так называемые реставрационные работы, уничтожают историю Гандзасара» // 2011-07-18 <http://www.armenianreport.com/pubs/13035/>
4. Ахундов Д.А. Архитектуры древнего и ранне-средневекового Азербайджана. Баку: Азернешр, 1986, 311 с., илл.
5. Ахундов Ф., Гусейнов Р. Арменизация культурного наследия Кавказской Албании на примере Гандзасарского монастыря в оккупированном Карабахе / Материалы Международной конференции «Историческое и культурное наследие этносов Кавказской Албании в контексте прав человека», 10-11.06. 2014 г. <http://www.rizvanhuseynov.com/2014/06/blog-post.html>
6. Бунятатов З.М. Из истории Кавказской Албании VII–VIII вв. // «Вопросы истории Кавказской Албании». Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, с.157-177.
7. Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы / Полное собрание публицистических сочинений В.Л.Величко. Том первый. СПб.: издание М.Д.Муретовой, 1904, 224 с./ Баку: Элм, 1990, 224 с.
8. Восканян А. Нагорный Карабах Дадиванк – средневековый раннехристианский монастырь. 05.08.2012 / <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/929/posts/12227>
9. Гаджиева С.Х. Взаимовлияние архитектуры христианских и мусульманских культовых сооружений средневекового Азербайджана: Дисс. канд. архитектуры, Баку, 1998, 126 с.
10. Глинка С. Описание переселения армян в аддер-биджанских в предълы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М.: Типография Лазаревых Института Восточных Языков, 1831; Баку: Элм, 1990, 144 с.
11. Грибоедов А.С. «Записка о переселении армян из Персии в наши области», 1828 г. / Сочинения в двух томах, т 2. М.: Изд-во «Правда», 1971, с.339-341.
12. Информационно-краеведческий портал, посвященный истории Нагорного Карабаха (Арцаха) и архитектуре Монастыря Гандзасар // gandzasar.ru
13. Кананова Н. Дадиванк реставрировали всем армянским миром // Голос Армении общественно-политическая газета 2015-06-03 <http://www.golosarmenii.am/article/29221/dadivank-restavrirovali-vsem-armyanskim-mirom>
14. Карабах: фрески монастыря Дадиванк будут отреставрированы /10.10.2014 <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=59559&print=1>
15. Мамедов А. Фальсификация Гандзасарского собора: как «агент Вазген I» обманул Совмин АР // новости-Азербайджан/ <http://novosti.az/history/4105.html>
16. Мамедова Г.Г. Зодчество Кавказской Албании. Баку: Чашыюггу, 2004, 222 с.
17. Оганова Н. Гандзасар: война амбиций// Независимая информационно-аналитическая международная армянская газета «Ноев Ковчег» №15 (174), 2011 г. <http://noev-kovcheg.ru/mag/2011-15/2737.html>
18. Орбели И.А. Гасан-Джалал – князь Хаченский / «Избранные труды». Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1963.
19. «Реставрация» или фальсификация? Судьба бывшей резиденции албанского католика вызывает серьезные опасения // культура/25.08.2011/ <http://echo.az/article.php?aid=14749>

Гарабаглы Ризван

*Член-корреспондент Международной Академии восточной архитектуры,
Ведущий научный сотрудник Института архитектуры и искусства НАНА,
доктор философии по архитектуре, доцент*

Гасанзаде Лейла

Научный сотрудник Института архитектуры и искусства НАНА

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ШУШИ

Рис. 1. Центральная улица Шуши. Многоэтажки советской постройки

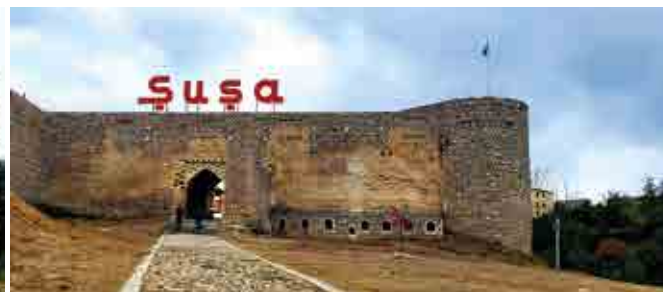

Рис. 2. Гянджинские ворота Шуши в советский период и современный вид

Процесс глобального развития истории человечества тесно связан с созданием городов и расцветом там культурной жизни. С этой точки зрения Шуша исторически представляет собой город-крепость с относительно плотным населением по сравнению с окружающими городами, с областями, не связанными с аграрной деятельностью и в то же время имеющий разнообразные социально-экономические функции. Поэтому исторически в связи с постоянным ростом социально-экономического развития в этом городе происходил процесс урбанизации и роста городского населения.

Процесс урбанизации характерен притоком сельского населения Карабаха в Шушу, необходимостью в местах работы и культурно-бытовыми потребностями. Исследования показывают, что во время миграции из людей, приехавших в город из окрестных деревень с

целью найти работу и получить образование мало, кто вернулся обратно. Поэтому в Шуше всегда была безвозвратная миграция. Иногда в этом процессе участвовало несколько поколений семей. Однако, несмотря на это, в Шуше произошла и дезурбанизация. Этот процесс происходил в основном во время конфликтов между пришлыми армянами и местными мусульманами [Qarabağlı, 1995; Qeybullayev, 1990].

Поскольку территория вокруг Шушинской крепости ограничена глубокими оврагами и крепостными стенами, процесс субурбанизации здесь относится к периоду после российской оккупации. Процесс субурбанизации в Шуше, безусловно, вытекал из политической цели царской России. В последующие периоды, т. е. в 1920—1930 гг., эта политика как бы продолжалась.

Таким образом, в Шуше строились многоэтажные дома нового типа с холодным отношением к средневековому градостроительству. Это, в первую очередь, нанесло ущерб историческому облику города (Рис. 1, 2) [Авалов, 1978].

Рис. 3. Площадь Шуши

Рис. 4. Джыдыр Дюзи в Шуше

Однако, несмотря на это, в советский период Шуша и её окрестности проектировались с точки зрения архитектуры, градостроительства и ландшафта, деятельность распределялась на зоны по развитию, проводились реставрационные работы, реконструкция, капитальный ремонт и так далее, а также советский период характеризуется формированием жилых и общественных комплексов, промышленных территорий, зон отдыха и прочными территориальными связями между ними. В связи с этим градостроительная иерархия Шуши сохраняется и по сей день, а на развитие её систем градостроения непосредственное влияние оказывают территориальные условия и природные ресурсы. Как известно, важной частью градостроительства является комплексная оценка местности. С этой точки зрения Шуша богата антропогенными ресурсами (человеческие ресурсы, уровень образования, инженерная и транспортная инфраструктура, промышленная и строительная база и т.д.), а также природными ресурсами (полезные ископаемые, водные ресурсы, лес и т.д.). Конечно, в первую очередь ландшафт местности, её природные ресурсы определяют план градостроительной системы. Здесь на места проживания влияют география месторождений полезных ископаемых, состояние промышленных предприятий,

конфигурация рек и рельеф. Одним словом, развивающаяся система градостроения подчинена форме природного ландшафта. Существующий каркас города также играет важную роль в этом процессе, потому что каркас – это крупный населённый пункт города с транспортно-коммуникационным коридором, который не меняется со временем, создавая устойчивое пространство и базовую систему. Здесь расположены основные оси транспортной инфраструктуры города, узлы и важные объекты города. В то же время он определяет геометрическую форму градостроительного плана и тенденции территориального развития города.

Каркас города (Рис. 1) развивается за счёт менее интенсивных и неосвоенных участков, т.е. за счёт использования рекреационных территорий, промзоны, зеленой зоны и т.д. Этот процесс происходил в Шуше на протяжении веков.

Как известно из истории, Шуша с момента своего основания служила оборонительной крепостью. Однако из-за развития технологий в меняющемся с течением времени в обществе город утратил изначальную функцию крепости и приобрел статус крупного промышленно-курортного города. С этой точки зрения в Шуше и её окрестностях были построены новые базы отдыха. Однако, наряду с этим, исторические памятники города (мечети, бани, караван-сарай, рынки, родники, площади, дворцы и общественные здания) сохранились до наших дней. Особую роль каркаса в этом отношении играли главные улицы, разделявшие его функциональную структуру, рынки на их стыке, караван-сарай и мечети. Например, главная улица от района Базарбаши до Шейтанбазара называлась Растабазар. Выстроившиеся вдоль этой улицы крытые магазины и мастерские дали название улице Растабазар [Авалов, 1978]. Особое очарование эстетическому облику улицы придают выстроенные вдоль улицы Растабазар крытые балконы галерейного типа торговых зданий, состоящие из каменных колонн и плоских арок, и данная улица опирается в Базарную площадь (Рис. 3).

Как правило, сети улиц Шуши вымощены плоским камнем. Интересно, что середина улицы вымощена крупными камнями, а крайние части – относительно мелкими камнями. Это создаёт возможность дождевой воде, стекающей по улице, быстро утекать, что является методом функциональной архитектуры и городского планирования большинства средневековых городов. Эту культуру проектирования улиц, которая формировалась веками, и сеть кварталов необходимо сохранить. Как видно, оригинальность прежде всего зависит от планировочного решения населённых пунктов и базируется на использовании местных строительных материалов. Улицы, отличаю-

щиеся своей оригинальностью, покатые крыши с красивым силуэтом малоэтажных домов и исторически сформировавшиеся кварталы отражают исторический и функциональный облик Шуши.

Исследования показывают, что функциональная среда города тщательно изучалась с момента его основания. Таким образом, город строился в виде квартала и обустроивался важными для каждого квартала объектами (мечеть, караван-сарай, родник, баня, площадь и т.д.). Для скачек была выбрана равнинная местность на окраине города, которую называли Джыдыр Дюзи (Рис. 4). С давних времён и по сей день эта местность служит местом проведения конных состязаний, праздников Новруза и игры човган.

Можно сказать, что вопрос озеленения в Шуше стоит на первом плане. Здесь, как и в пригородах, внутренние парки и улицы богаты различными видами деревьев и других цветов.

К сожалению, Шуша и окружающие её леса, как и другие города, находившиеся под армянской оккупацией, были опустошены армянским вандализмом во время почти 30-летней оккупации. Так, во время Карабахской войны леса как внутри, так и вокруг Шуши целенаправленно уничтожались армянами. Поэтому одной из главных задач, стоящих сегодня перед нами касательно Шуши, является восстановление её природы и передача её вечной красоты будущим поколениям. В связи с этим необходимо серьёзно рассмотреть все предложения, связанные с сохранением, восстановлением и развитием природы Шуши. С этой точки зрения наиболее эффективным способом защиты богатой природы и экологии Шуши мы считаем объявление её «Экологическим городом» и получение ею такого статуса, потому что зелень на каждом квадратном метре этого города для нас ценна и важна.

Как подчеркнул Президент Азербайджана Ильхам Алиев, наши города в Карабахе будут перестроены по-новому (умные города, сёла и поселки). Это даёт нам возможность по-новому рассмотреть решения экологических проблем, для которых при создании новой функциональной инфраструктуры вероятно использование современного технологического оборудования, соответствующего экологическим стандартам.

Судя по всему, в течение 27 лет армяне не проводили восстановительных работ на исторических памятниках Шуши, а наоборот, занимались их разрушением, потому что Шуша не их город и никогда им не был. Кроме церкви, построенной в середине XIX века, в Шуше нет ничего, что отражало бы историю армян. Эта церковь была построена для солдат после

оккупации Карабаха русскими. Позже поселившиеся здесь армяне перестроили её в соответствии со своим архитектурным стилем.

При этом в сфере строительства необходимо отдавать предпочтение выбору местных и экологически чистых материалов. Прозрачность природы Шуши, чистота воды и воздуха позволяют объявить это древнее место экологическим городом и показать миру, насколько Шуша важна для нашего народа.

Рис. 5. Панахали хан

Рис. 6. Ибрагим хан

Автор Р.Гарабаглы

Рис. 7. Зодчий Кербалай Сефихан Карабахи.

Автор Р.Гарабаглы

Теперь Шуша объявлена культурной столицей, и если её исторические памятники будут реставрироваться и охраняться, то было бы целесообразно, как было отмечено выше, присвоить ей статус «Экологического города» или «Зеленого города». При этом важно использовать самые современные виды транспорта в городе, чтобы обеспечить его экологичность. На наш взгляд, если будет одобрена сама идея, то можно подготовить комплексный план работы по применению экологических стандартов. Сегодня Азербайджан готовится к промышленной революции и входит в число ведущих мировых технологических стран, поэтому если Шуше будет присвоен статус «Экологический город», её природа может быть защищена более эффективно.

Если взглянуть на международную практику, то увидим, что во всех ведущих странах мира существует практика объявления городов «Экологическими городами» с целью защиты экологии городов, привлекающих внимание своей экологической чистотой и природой. Такая практика не только защищает экологию этих городов, но и позволяет ей значительно развиваться. Это связано с рядом факторов. Например, в «Экологических городах» главным условием является использование менее вредных для окружающей среды современных автомобилей, и в первую очередь электромобилей.

В некоторых из этих европейских городов сохраняется экология, развивается экзотическая красота города и используются фаэтоны, чтобы сделать город более привлекательным для местных туристов. В связи с этим важно свести к минимуму использование личного транспорта в городе. В противном случае на фоне интенсивного движения значительно возрастут токсичные выбросы и шум в городе. Это отрицательно скажется на здоровье людей и ограничит их отдых, вот почему важно применять в Шуше различные законы и постановления, чтобы люди меньше использовали личный транспорт. В то же время мировая практика

показывает, что для сокращения использования личных автомобилей необходимо создание в городах развитой системы общественного транспорта. Создание такой системы качественной работы общественного транспорта значительно снизит интерес к использованию личных автомобилей. Одним словом, у Шуши есть все возможности, помимо того, чтобы быть культурной столицей, также получить статус «Экологического города». Этот статус может принести Шуше только пользу.

Следует отметить, что вышеуказанные предложения могут применяться и в других городах Карабаха. В этом случае не только Шуша, но и Карабах в целом может стать самым экологически чистым регионом Азербайджана.

В заключение считаем важным отметить, что по нашему мнению, было бы целесообразно в культурной столице Азербайджана в знак уважения к их историческим заслугам поставить памятники Панахали хану, основавшему и построившему Шушу, Ибрагим Халил хану и в том числе зодчему Кербалай Сефихан Карабахи, построившему многочисленные мечети, караван-сарай, бани, жилые дома в Шуше и в целом в Карабахе, и создавшему свою архитектурную школу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Axundov N. Qarabağnamələr (2-ci kitab). Bakı: Yazıçı, 1991, 450 s.
2. Azərbaycan etnoqrafiyası. Bakı: Elm, 1988, 456 s.
3. Bünyadov Z.M. Azərbaycan VII–IX əsrlərdə. Bakı: Azər nəşr, 1989, 336 s.
4. Çingiz oğlu Ə., Qarabağlı R. Qarabağda sənət və sənətkarlar. Bakı: “Elm və təhsil”, 2011, 280 s.
5. Göyüşov R.B. Qarabağın keçmişinə səyahət. Bakı: Azər nəşr 1993, 83 s.
6. Hacıyev Q. Qarabağın maddi və mənəvi mədəniyyəti. Bakı: “Təhsil” 2010, 152 s.
7. Qarabağlı R.S. Qarabağın memarlıq irsi. Bakı: “Gənclik” nəşriyyatı, 2021, 352 s.
8. Qarabağlı R.S. Memar Kərbəlayi Səfixan Qarabaği. Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, 1995, 80 s.
9. Qarabağnamələr / tərtib və çapa hazırladı A.Fərzəliyev. Bakı: Yazıçı, 1989, 192 s.
10. Qeybullayev Q.Ə. Qarabağ (etnik və siyasi tarixinə dair). Bakı: Elm, 1990, 248 s.
11. Qiyasi C.Ə. Qarabağ – irsimizin əbədi yaddaşı. Bakı, 2008, 379 s.
12. Mahmudov Y.M, Şükürov K.K. Qarabağ: Real tarix, faktlar, sənədlər. Bakı: “Təhsil”, 2005, 380 s.
13. Авалов Э.В. Архитектура города Шуши проблемы сохранения его исторического облика. Баку: Элм, 1978, 112 с.
14. Усейнов М.А. Беретаницкий Л.С., Саламзаде А.В. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат, 1963, 396 с.

Замматтео Паоло

Архитектор и преподаватель искусствоведения, г.Тренто (Италия)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА МОНАСТЫРЯ ДАДИВАНКА / ХУДАВЕНКА (КЕЛЬБАДЖАРА)

Начиная от мест до памятников, от истории к методам изучения

Во всех моих художественных исследованиях, касающихся Церкви Кавказской Албании, необходимо сказать об ограничениях источников и о различных смешанных формах всех кавказских религиозных культур. Тема, которая долгое время рассматривалась фрагментарно или движима противоречивыми мнениями, несомненно сложна, но история искусства допускает разные методы исследования; использование конкретных дисциплинарных критических регистров, художественной критики и компаративизма.

Именно это помогло принять вызов против нетрадиционных источников, которые имеют противоречивый смысл по сравнению с теми, которые предложил Ержи Топольски [Topolski, 1975, p.466]. Речь шла не о положительном багаже знаний о материальной культуре, а об обусловленности определенными ментальными рамками и общими взглядами.

Перспектива меняется, когда изображения представлены в качестве первоисточников, призванных заложить основу для общего видения в силу их способности представлять и интерпретировать реальность.

Именно эти элементы и критерии, изложенные здесь, позволили работать в среде, где не хватало материалов. Для Кавказской Албании источники, как первичные, то есть современные, так и вторичные, последующие, всегда частичны с точки зрения текстов. Достаточно упомянуть албанский алфавит. Каждый документ, материальный или устный, имеет свою ценность: «Документ – памятник. Этот результат усилий, прилагаемых историческими обществами для принужденного предоставления в будущем – хотят они этого или нет – оставляя некий образ о себе» [J. Le Goff, 1986, p.454].

Возможность пойти на дно даже при наличии официальной документации, которой манипулируют в самом начале, следует приветствовать с удовлетворением и оценивать в соответствии с новой знаковой символикой, в которой нуждается кавказское общество.

В основном работа основана на трёх основополагающих;

– места древней Кавказской Албании и современных удинских меньшинств;

– памятники, напоминающие об исторических событиях;

– связь с кавказской традицией как основа.

В истерзанной истории Кавказа, которая всегда была территорией, местом встречи и трений между цивилизациями, часто только монументальные комплексы были признаком материального выживания для целых национальных и культурных групп. Связанные с гордостью своего происхождения и древними моментами славы, на протяжении веков они стали символом сопротивления идентичностей: даже в периоды отчуждения, молчания и страха.

Речь уже не только художественного характера. Рассеиваются все сомнения относительно ограничения, которым является время, и ограничением, которым является текущая география. Сама древность Албанской Церкви, основанная на устной памяти на протяжении веков, способствует построению архитектуры здания, в котором исторические, мнимые и настоящие следы идеально сосуществуют.

Само появление раннего христианства и его представительных форм хорошо поддается релятивизму.

Дело Дадиванка / Хутавенка

«Варвары и рабы ненавидят науку и разрушают произведения искусства, но свободные люди их любят и хранят». Это слова религиозного деятеля Анри Грегюара, епископа Блуа. Он высказал в Собрании в 1794 г., убежденный в глубине души, что Французская революция, к которой он присоединился, достигла зрелости

[Grégoire, 1794]. К сожалению, этого не произошло.

Реконтекстуализируя его слов по прошествии более двух столетий, показывает, что они всё ещё звучат абсолютно актуально. И священник XVIII в. всё ещё может быть ориентиром, потому, что конфликт, о котором мы говорим, связан с религией, каким бы анахро-

ничным и на самом деле политическим он ни был.

У него есть физическое место, Карабах и некоторые соседние регионы. Согласно указу царя Николая I в 1836 г. Церковь Кавказской Албании была полностью упразднена и её юрисдикции были подчинены непосредственно к Армянской Апостольской Церкви.

Последний конфликт завершился соглашением, поддержанным в 2020 г. Россией, и возвращением территорий Азербайджану.

Среди них – Кельбаджар с местностью, Дадиванк для армян, Хутавенк для азербайджанцев, имеющий большое значение для христиан с обеих сторон.

Я не хочу говорить об истории потому, что это не моя дисциплина. Для информации, недавно итальянский ученый-эксперт по этой теме попытался сделать синтез: аргументированный, сбалансированный и активный, его статья подчёркивает всю сложность темы [Falsificazioni religiose al centro del conflitto del Nagorno-Karabakh, di Domenico Letizia, 01 dicembre 2020].

Я занимаюсь искусством, иногда археологией. Я в основном посвятил два исследования Церквям Кавказа в 2014 и 2019 гг. [Zammatteo, 2014, pp.67-119; Zammatteo, 2019].

В первом исследовании я «копался» в свидетельствах и символах раннехристианской эпохи с целью поиска истоков христианских художественных языков Кавказа. Оно было представлено в том же году на IV Бакинском международном форуме за Мир.

Именно от этой работы я черпаю вдохновение и в особенности от одного эпизода. Дадиванк/Худавенк, особенно большой монастырь, дорог армянам и кавказским албанцам [Gli armeni lasciano Dadivank e ortodossi di tre chiese fanno pace, di Ermin Ibrahimov, 06/12/2020...].

Однако я вынужден напомнить о предыдущих разрушениях памятников и, пусть и менее разрушительных, важных манипуляций.

Слова аббата Грегуара кажутся особенно мутным по отношению к этому делу. Именно он ввёл термин вандализм, связывающий современные разрушения и варварскую эпоху, положившую конец поздней империи.

Очевидно, что в Дадиванке / Худавенке под архитектурным профилем находится собор и другие сооружения, соответствующие общим архаичным образцам.

Дело в том, что, то что сейчас находится в монастыре, является свидетельством вне времени и исторических событий, больших связей и взаимных обменов, именно тех, которые были нежелательны обнаружению.

До христианства упомянутые регионы в основном были посвящены культу Солнца и огня. В Дадиванке / Худавенке колокольня, открытая у основания,

построенная и реконструированная на протяжении нескольких веков, сохраняет любопытное сходство с зороастрийскими храмами Кавказа, такими, как бакинский Атешгях.

Церковь епископа Григория с её очень узнаваемой крышей в виде усеченного конуса, открытой в центре, несомненно происходит от храмов, посвящённых культу Солнца, и от мавзолеев таких, как Анастасис, Константиновского Священного Гроба в Иерусалиме, о котором я говорил не раз в своих работах 2014 г. Это оригинальный элемент раннехристианского искусства, принадлежащий в особенности кавказским церквям, но в то же время и грузинским.

«Центральная часть сооружения напоминала своей формой Священный Гроб (который на самом деле был комплексом зданий) и оттуда расширялась христианскими архитектурами, такими как баптистерии, где произошло идеальное возрождение неопитов, и новые мавзолеи, начиная от Санта-Костанцы до Рима и до Галлы Плацидии в Равенне, и это лишь самые известные из них.

Но также некоторые церкви, в частности в Сирии и особенно албанские на Кавказе, приобрели сансертльхральные (черты или признаки священного погребения; Священный Гроб в Иерусалиме – Сан Сеполькро (San Sepolcro), «святогробские» черты с высоким центральным нефом, связанным (имеющим аналогии) с базиликами (которые в тех регионах также существовали в чистых формах), не говоря уже о дилемме – монофизитство (человек и Бог) и диофизитство (Христос в человеческом образе, Бог после Воскресения), которая активно обсуждалась в IV–V вв. Это пограничные здания, расположенные в областях, где диктат великих центральных держав, здесь, прежде всего, византийского, растворяется, оставляя место и право на выживание более архаичных моделей с неопределёнными очертаниями» [Zammatteo, 2014, p.69].

В Дадиванке / Хутавенке отношения между залом и куполом, символически между Землей и Небом, нисходят от Анастасиса таким же образом в соборе и в церкви Великого Хасана, которая стоит рядом с ним: единственное различие, которое можно привести примером, это то, что в соборе выделяются фрески Марии и барельефы покровителей церкви, две изысканные темы [Zammatteo, 2014, p.114; Carile, 2014].

Церковь Великого Хасана имеет более очевидное сходство с церковью Киша в Шеки. Реконструкция, которую я сделал и к которой я возвращаюсь, почти идеально подходит даже для памятника Дадиванка / Хутавенка. Ведь уже тогда выяснилось, что появление кавказской христианской архитектуры является результатом смешения внешних влияний (прежде всего византийских и сирийских) и предыдущие местные традиции крестоносцев [Zammatteo, 2014, p.107-111].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Carile M.C. Buildings in their patrons' hands? The multiform function of small size models between Byzantium and Transcaucasia, 2014: <https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/8347>.
2. Gli armeni lasciano Dadivank e ortodossi di tre chiese fanno pace, di Ermin Ibrahimov, 06/12/2020, in: <https://it.euronews.com/2020/12/06/gli-armeni-lasciano-dadivank-e-ortodossi-di-tre-chiese-fanno-pace>
3. Grégoire H. Rapport sur les destructions opérées par le Vandalisme, et sur les moyens de le réprimer: séance du 14 fructidor, l'an second de la République une et indivisible; suivi du Décret de la Convention nationale, Paris, Imprimerie nationale, 1794.
4. J.Le Goff. Documento/monumento, in Storia e memoria, Einaudi, Torino 1986, 454 p.
5. Topolski J. Metodologia della ricerca storica, Il Mulino, Bologna 1975, 466 p.
6. Falsificazioni religiose al centro del conflitto del Nagorno-Karabakh, di Domenico Letizia, 01 dicembre 2020. in: https://www.opinione.it/esteri/2020/12/01/domenico-letizia_nagorno-karabakh-papa-francesco-putin-aliyev-pashinyan-chiesa-dadivank-albania/#
7. Zammatteo P. La geo-cultura caucasica nelle forme delle chiese albane, in A.a.Vv., La Chiesa apostolica albana. Le radici di un simbolo dell'Azerbaijan, Nodo di Gordio, Pergine Valsugana 2014, p.67-119.
8. Zammatteo P. Azerbaijan's Christians in Italy. Comano Terme and its stone relics, pro manuscripto, 2019.

Мамедова Захида

*Профессор Азербайджанского Университета Архитектуры и Строительства,
Заслуженный архитектор Азербайджана*

МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАРАБАХСКОГО РЕГИОНА

Рис. 1. Монастырский комплекс Амарас, IV. Ходжавендский район, село Сос

Рис. 2. Монастырский комплекс Агоглан, V–VI вв. Лачинский район, село Агоглан

Рис. 3. Монастырский комплекс Худавянг, XII–XIII вв. Кельбаджарский район, село Вянг

Рис. 4. Монастырский комплекс Святого Елисея. V–XIII вв. Тертерский район, у подножия Муровдага

Карабахский регион, расположенный между реками Кура и Араз, вечная и древняя земля Азербайджана, с древних времен является одним из центров цивилизации и культуры на Южном Кавказе.

На этой территории создание и формирование прекрасных образцов культуры древних религий, христианства и ислама охватывали длительный исторический период, начиная с пещер Азых и Таглар древне-го каменного периода, Чалагантепе периода неолита, древних поселений Гаракопактепе, Узерликтепе эпохи бронзы.

После популяризации и распространения христианства на территории Кавказской Албании – в 313 г. албанский царь Урнаир объявил христианство официальной религией своей страны, тем самым была заложена основа для строительства религиозных сооружений в Кавказской Албании. Албанские правители и религиозная община особенно поддерживали строительство христианских сооружений. Первоначально наиболее распространенными типами албанских культовых сооружений были одно- и трехнефные базилики, а позднее круговые и центрально-купольные храмы.

Арабы, принесшие ислам в Азербайджан в VII–VIII вв., были терпимы к монотеистическому христианству. В результате часть населения Кавказской Албании до XIX в. еще исповедовала христианство. Ислам, господствовавший в низинах, и христианство, господствовавшее еще в горных регионах, процветали параллельно, создавая великолепные памятники монументальной архитектуры.

Религиозная архитектура в регионе XI–XIV вв. в основном была сосредоточена в монастырских комплексах. Это характерно для всего Южного Кавказа, где бурное развитие городов и аристократической жизни вынуждают церкви переносить центры своей деятельности в изолированные, укромные районы. Монастыри в Кавказской Албании создавались в раннем средневековье на основе раннехристианских общин и сект. После присоединения албанских территорий к Арабскому Халифату возросла роль монастырей в духовной жизни албанцев, сохранивших христианскую веру. Монастырская форма религиозной организации обеспечивала относительную экономическую независимость и безопасность служителям старой религии.

Благодаря общему подъему албанско-христианской культуры в XII–XIII вв. строительство монасты-

рей достигло высокого уровня. Здесь сосредоточены лучшие произведения искусства и библиотеки, служившие не только религиозным, но и светским целям, открывались школы, строились величественные притворы, действовали различные художественные мастерские.

В Азербайджане изучен ряд монастырских комплексов. Амарас, Агоглан, Худавянг, Гянджасар, Хатравянг, Святой Елисей и другие крупные комплексы представляют большой интерес для изучения архитектуры монастырей и ряда их особенностей.

Монастырь Амарас, расположенный недалеко от села Сос Ходжавендского района и существовавший с первых лет христианства и до недавнего времени, был одним из самых святых мест паломничества Кавказской Албании, почитаемый как христианским, так и мусульманским населением региона. Следует отметить, что еще до принятия христианства Амарас был крупным религиозным центром. Это подтверждают археологические раскопки 1970 г., обнаружившие остатки древнего храма, построенного в начале нашей эры недалеко от Амараса. С этим храмом связаны многочисленные глубокие традиции язычества, связанные с верованиями местного населения. Археологические раскопки выявили три строительных этапа в истории памятника: первый – начало IV в., второй – X в. и третий – XIX в. Храм Амарас представляет собой удлиненное сооружение типа базилики (Рис. 1).

Монастырь на реке Агоглан в Лачинском районе впервые упоминается в исторических источниках в IX в. Архитектура храма позволяет задуматься о его создании в более ранние времена. Вытянутая внутренняя базилика разделена на три нефа четырьмя парами колонн [Ахундов, 1986, с.222] (Рис. 2).

В здании храма имеются следы проведения здесь работ по укреплению сооружения. В восточной части склона возвышается небольшая ротонообразная колокольня в среднем нефе с двумя скатами, а боковые нефы завершаются односкатным перекрытием. Монастырь Агоглан относится к группе вытянутых базилик раннего средневековья Кавказской Албании и, вероятно, отражает последний этап их развития.

Храм Худавянг, расположенный в селе Вянг Кельбаджарского района, на левом берегу реки Тертер, является одним из крупнейших монастырских комплексов в Азербайджане. Страбон в свое время отметил, что древние албанцы поклонялись небесным светилам — Солнцу и Луне. По мнению проф. Д.А.Ахундова, именно здесь существовал комплекс, относящийся к древним дохристианским религиям. Легенда гласит, что монастырский комплекс, образовавшийся впоследствии на остатках древнего культового сооружения, назван в честь Дади, одного из учеников апостола Фаддея. Вероятно, в I–II вв. н.э. здесь была построена небольшая церковь, а на ее месте позже – в раннем средневековье возвели однефную базилику, одну из

древнейших построек монастыря. Остатки керамики, найденные при раскопках вокруг фундамента храма, позволяют говорить о его принадлежности к VI–VII вв. [Ахундов, 1986, с.226] (Рис. 3).

В монастырском комплексе Худавянг сохранились многочисленные каменные надписи. В них упоминается ряд имен: Арзу Хатун, Турсун, Сейти, Асан, Аваг, Шамс, Алтун, Агбух, Гарагоз. Многочисленная резьба по камню этих и других памятников наглядно демонстрирует непосредственную связь с исламской архитектурой Азербайджана.

На склоне Муровдага, между селами Суговушан и Тепекенд в Тертерском районе, на левом берегу реки Егише [Azərbaycan mədəniyyət tarixi, 2013, s.285], к северо-востоку от села Чардаглы располагается монастырь Святого Елисея. Сохранились некоторые сведения о древности этого монастыря и его роли в истории Албанской церкви. Согласно легенде, храм был построен в V в. в честь Елисея, первого христианского проповедника в Албании. Согласно археологическим раскопкам, проведенным на территории монастырского комплекса, здесь были обнаружены 3 этапа строительства. Основные существующие постройки комплекса относятся к XII–XIII вв. Монастырский комплекс Святого Елисея относится к группе албанских монастырей с линейным композиционным решением, где основные культовые сооружения расположены вдоль единой «красной линии» и очень интересен своим труднодоступным в плане оборонительным расположением. Здесь были найдены 18 построек разного назначения – главный храм (1264 г.), 7 малых церквей, построенных в разные периоды, двухэтажный жилой дом, хозяйственные постройки и другие. Комплекс со всех сторон окружен оборонительными стенами. Это воплощение обособленности, затворничества, аскетизма [Мамедова, 2004, с.146] (Рис. 4).

Как и многие другие албанские монастыри, основанные в раннем средневековье, **монастырь Святого Иакова (Большой Аран)** в Кельбаджарском районе был основательно отреставрирован в XIII в. и были возведены новые постройки. В XVIII в. на месте разрушенных старых жилых и хозяйственных построек были построены новые. Уникальная архитектурная композиция Большого Аранского монастыря отличается от албанских монастырских комплексов. Только в Худавянгском комплексе структура и последовательность построек, созданных в едином объеме, аналогичны монастырю Святого Иакова (Рис. 5).

Монастырский комплекс Гянджасар расположен на высоком и живописном плато на берегу реки Хачынчай, недалеко от села Вянг в Кельбаджаре. Комплекс был резиденцией последних албанских католиков до 1836 г. и является одним из самых известных албанских монастырей. Основные сооружения монастырского комплекса Гянджасар, известного в научной литературе как Хазинадар, были построены в XIII в., а в XIII–XIX вв. был религиозным и культурным центром

Албанской церкви. Монастырский комплекс состоит из церкви, притвора и группы хозяйственно-жилых построек, примыкающих к северо-восточному углу почти квадратной площади в плане монастырского комплекса [Azərbaycan məmarlıq tarixi, 2013, s.291; Məmmədova, 2004, s.120].

Монастырский комплекс Гютавянг/Ктишвянг расположен в Ходжавендском районе, у северо-восточного подножия горы Тохасар, на высоком берегу Гуручая. Одноименная крепость, прилегающая к монастырю, с IX в. была резиденцией албанского князя Есаи Абу-Муса. Как известно из эпиграфики, главный храм был построен на фундаменте старинного здания в XIII в. (Рис. 7).

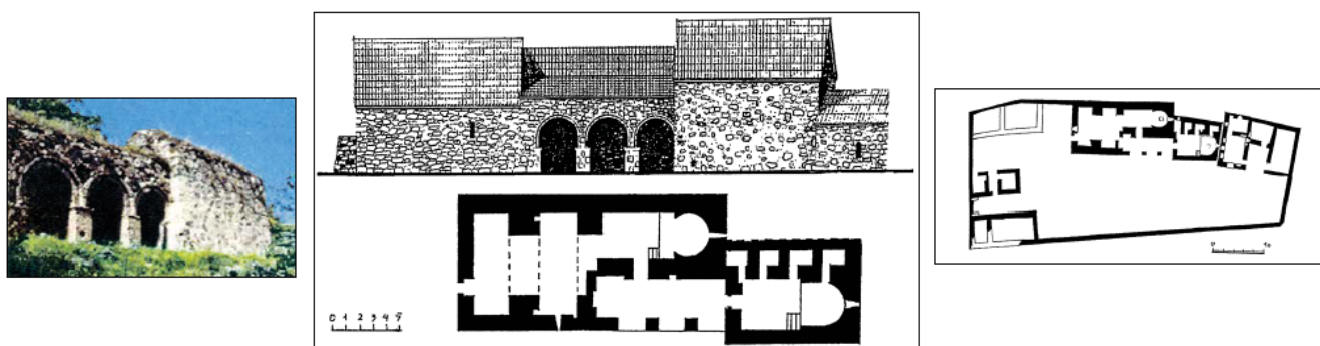
Монастырский комплекс Хатиравянг, расположенный ниже комплекса Худавянг на реке Тартар, образовался в XIII в. В комплексе есть храм, колокольня, жилые и хозяйственные постройки, кельи и другие сооружения. Храм в центре комплекса (1204 г.) имеет уникальную, не имеющую аналогов конструкцию (Рис. 8).

Таким образом, эти и другие изученные учеными комплексы позволяют выявить ряд характерных черт албанской монастырской архитектуры:

1. Монастырские комплексы часто включали несколько церквей. Среди них главный храм всегда привлекал внимание. Наиболее распространенным архитектурным типом церквей в албанских монастырях являются церкви в стиле базилики с залами и арками. В отличие от монастырей соседних христианских стран, этот тип не только сохранился в XII–XIII вв., но и получил развитие согласно новым требованиям. Главные церкви монастыря Святого Елисея, монастыря Святого Иакова и других монастырей выстроены в зальную композицию. Продольная зальная композиция более характерна для ранних средневековых культовых ансамблей и небольших монастырей XII–XIII вв. Как правило, купольные храмы строились в крупных монастырских комплексах.
2. Важным элементом архитектуры монастыря являются притворы, отличающиеся разнообразием планировочных и композиционных решений в Кавказской Албании. В больших монастырях строят большие квадратные притворы, крыша которых опирается на четыре столба или поперечные арки. Еще один вид притвора – галерейный. По мнению проф. Д.А.Ахундова, проф. Г.Х. Мамедовой и их последователей, ориентиром в развитии этих притворов являются переходные галереи первых средневековых трехнефных базилик (например, Гумской базилики, Гахский район – левобережье Кавказской Албании). В XI–XII вв. галерейные притворы применялись в Худавянгском монастыре и других памятниках,

видимо, не дошедших до нас.

3. Кельи более древних монастырей часто строились вне монастырей – на близлежащих склонах, иногда по дороге в монастырь. Реже они встречаются в комплексах XII–XIII вв. Вероятно, это связано с образованием больших притворов, где хоронили представителей аристократии.
4. Пространственная композиция монастырских ансамблей различна и может быть разделена по предварительной классификации на четыре, а по итоговой классификации на три условные группы:
 - а) – **ансамбли центральной композиции** – главный храм и притвор, иногда вместе с кельями, примыкающими к главному храму и на определенном расстоянии вокруг центра, а остальные сооружения расположены по периметру оборонительных стен (Амарас, Гянджасар, Хатиравянг);
 - б) – **линейные ансамбли** – культовые сооружения выстраиваются в ряд (Святой Елисей);
 - в) – **ансамбли со сложной композицией** – состоят из нескольких различных построек (Худавянг, Большой Аран), тесно связанных друг с другом по планировочному и пространственному решению и создающих многоплановую композицию [Мамедова, 2004, s.154].
5. Широко распространено использование монументальной живописи и скульптуры в строительстве монастырских комплексов. Во многих архитектурных декорах комплексов широко используется резьба по камню, одно из древних искусств Азербайджана (Гянджасар, Худавянг, Гютавянг). Широкий спектр наиболее законченных типов конструкций, принадлежащих Кавказской Албании, с большим мастерством применялся в культовых комплексах монастырей. Арки и своды используются в перекрытиях **базиликообразных комплексов** (Агоглан, Амарас); куполы смело используются в **круглых, зально-купольных, крестово-купольных, крестово-центральных храмах** (Худавянг, Гянджасар, Гютавянг и др.) [Мамедова, 2004, s.168].
6. Что касается строительных материалов, то в художественно-архитектурном решении христианских культовых комплексов использовались кирпичи, речные камни, тесаные и необработанные камни разных цветов. Однако существует дифференцированный подход к использованию этих материалов, отдельные несущие конструкции создавались из разных материалов: для **стенных конструкций и кладки** – бут и речные камни; в **облицовочно-декоративном оформлении** – аглай; в **арках, сводах, куполах и несущих конструкциях** – жженный кирпич [Azərbaycan məmarlıq tarixi, 2013, s.297].

*Рис. 5. Монастырский комплекс Святого Иакова (Большой Аран), XIII век.
Кельбаджарский район, село Колатаг*

*Рис. 6. Монастырский комплекс Гянджасар,
1216–1238 гг. Кельбаджарский район, село Вянг*

*Рис. 6. Монастырский комплекс Гянджасар,
1216–1238 гг. Кельбаджарский район, село Вянг*

*Рис. 8. Монастырский комплекс Хатиравянг,
XIII век. Кельбаджарский район, село Гозлу*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan memarlıq tarixi. 5 cilddə: II cild. Bakı, 2013.
2. Məmmədova Z.G. Qarabağ memarlığının tarixi inkişafı: Memarlıq namizədi alimlik dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiya. Bakı, 1999, 146 s.
3. Ахундов Д.А. Архитектура древнего и ранне-средневекового Азербайджана. Баку: Азернешр, 1986, 311 с., ил.
4. Мамедова Г.Г. Зодчество Кавказской Албании. Баку: Чашыюглу, 2004, 222 с., илл.

Çapa imzalanmışdır: 14.11.2022
Formatı 70×50. 1/8.
Həcmi 22,5.ç.v. Tiraj 250.

“Maxofset” mətbəəsində
təqdim edilmiş hazır material əsasında
çap olunmuşdur.

Aşurbəyovlar küç. 8A, AZ1080 Bakı
www.maxofset.az | info@max-offset.com
(+994 12) 451 88 10; mob: +994 77 227 27 27

